

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Серия основана в 1959 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров, В. И. Кузнецов,
А. И. Купцов, Б. В. Левин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь),
В. Н. Сокольский, Ю. И. Соловьев,
А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. П. Юшкевич, А. Л. Яншин (председатель),
М. Г. Ярошевский*

Н. Е. Пицык

**Даниил Кириллович
ЗАБОЛОТНЫЙ**

1866—1929

**Ответственный редактор
доктор медицинских наук
Л. Б. БОРИСОВ**

**МОСКВА
«НАУКА»
1988**

ББК 28.4г
П 34
УДК 579.61

Рецензенты:

В. В. Бабков, Л. Б. Борисов, Т. Е. Пёпова,
А. В. Целух

Пицък Н. Е.

П 34 Даниил Кириллович Заболотный: 1866—
1929. — М.: Наука, 1988. — 304 с., ил. 21. — (Се-
рия «Научно-биографическая литература»).
ISBN 5-02-003945-4.

Книга посвящена научному и гражданскому подвигу одного из основоположников отечественной эпидемиологии академику АН СССР и президенту Академии наук УССР Даниилу Кирилловичу Заболотному. Многогранная деятельность выдающегося советского ученого, крупного организатора медицинской науки и здравоохранения, блестящего педагога и общественного деятеля представляет большой интерес. Со страниц книги перед читателем встает бесстрашный борец с такими опаснейшими заболеваниями, как чума, холера, сифилис. Величайшая заслуга академика — создание научного метода эпидемиологического изучения этих инфекций. Его труды и учебники до сих пор остаются ценным пособием для новых поколений микробиологов, эпидемиологов, инфекционистов, санитарных врачей.

Книга рассчитана на микробиологов, инфекционистов, всех интересующихся историей отечественной науки.

П $\frac{1402000000-216}{054(02)-88}$ 40-87 НПЛ

ББК 28. 4г

ISBN 5-02-003945-4 © Издательство «Наука», 1988

Предисловие

Монография «Д. К. Заболотный» — работа о нашем крупнейшем естествоиспытателе, враче и ученом, явившем миру пример героического, полного самоотверженности служения человечеству.

Им сделано неисчислимо много. С именем Даниила Кирилловича Заболотного — одного из достойнейших последователей Л. Пастера и ученика И. И. Мечникова, основоположника отечественной эпидемиологии, выдающегося микробиолога — связаны крупные достижения в борьбе с чумой, холерой, сифилисом, дифтерией и другими инфекционными заболеваниями, разработка и становление советской системы здравоохранения. Классические работы академика, в первую очередь посвященные эпидемиологии чумы и холеры, положили начало отечественной эпидемиологии как самостоятельной науки. Он был также создателем научного эпидемиологического метода, который заключается в комплексном исследовании эпидемий во имя успешной борьбы с инфекционными болезнями.

Ученый никогда не ограничивался только научными интересами. В своей деятельности он неизменно проводил в жизнь идею единства теории и практики, неразрывности науки и задач народного здравоохранения.

Академика отличали широта кругозора и глубокая аналитичность мышления, государственный подход к решению научных проблем, вопросов практической медицины.

Время все больше отдаляет нас от той поры, когда жил и трудился Даниил Кириллович Заболотный, — в декабре 1986 г. мировая прогрессивная общественность, советский народ отметили 120-летие со дня его рождения. Но с годами все сделанное ученым не меркнет, а, наоборот, становится зримее и величественнее. По-прежнему огромен его международный авторитет. Имя его на Родине окружено всенародной признательностью и любовью.

Монография Н. Е. Пицк выделяется из массы известных работ о нашем прославленном соотечественнике. В ней использованы ранее не публиковавшиеся документы и свидетельства очевидцев, полно и с новых сторон освещена биография ученого, парисовап живой, привлекательный портрет его незаурядной личности.

В разделах книги — о подпольной революционной деятельности в студенческие годы, о службе в период первой мировой войны в русской армии, о многолетней дружбе Д. К. Заболотного с И. И. Мечниковым и А. М. Горьким, наконец, о его семейной жизни — также использованы совершенно новые, ранее неизвестные, никогда не публиковавшиеся материалы.

Автору удалось убедительно рассказать и о научной деятельности Д. К. Заболотного, передать весь самозабвенный героизм ученого, оценить его как воспитателя научной смены, просветителя. К особым достоинствам работы следует отнести и смелый голос автора в защиту бесспорного приоритета отечественного естествоиспытателя в решении ряда принципиальных научных вопросов, незаконно присвоенного западными исследователями.

Компоновка фактов в историческом и одновременно проблемном аспектах, эмоциональное изложение большого и сложного материала и раскованный, а вместе с тем строго научный язык помогут читателям познаться с научными поисками и открытиями Д. К. Заболотного, представить в истинном размере его исполинскую фигуру.

Книга представляет собой солидное историческое исследование, которое вносит значительный вклад в отечественную научную историографию, тем более ценный, что работы о Д. К. Заболотном уже давно стали библиографической редкостью.

Профессор *Л. Б. Борисов*

Кандидат медицинских наук *В. В. Бабков*

От автора

Д. К. Заболотный сам хотел рассказать о прожитых годах, свершенном, пережитом и увиденном. «Много я скитался по свету и собирал, как сорока в свое гнездо, наиболее интересное, — писал он за год до смерти в дневнике. — Скопилось много тем для воспоминаний об ушедших годах...» Он даже завел специальную тетрадь для записей воспоминаний. Но сохранились лишь две строки — заглавие и подзаголовок: «По людям и землям. Путешествия, встречи, мечты»¹.

Собирались и о нем писать. И не кто-нибудь, а сам Максим Горький. Как-то после душевной беседы с Даниилом Кирилловичем Заболотным Алексей Максимович сказал: «Очень нужна книга о вашей жизни, ваших учителях и учениках!»²

Но и эта задумка осталась только задумкой. Об академике Д. К. Заболотном опубликовано около двухсот разных работ. Среди них имеются глубокие, серьезные, но есть и много скорых поделок.

В этой работе использованы материалы самого академика Д. К. Заболотного, опубликованные и еще не публиковавшиеся архивные материалы, достоверные воспоминания его коллег, учеников, земляков и современников, переписка и сведения, рассыпанные по малоизвестным периодическим изданиям.

Д. К. Заболотный не дожил всего двух недель до своего 63-летия, но успел в своей жизни столько, что по праву может занять одно из первых мест в шеренге таких корифеев, как Л. Пастер, И. Мечников, Р. Кох. Его имя золотыми буквами вписано в список «охотников за микробами», как называл Поль де Крюи бактериологов, этих самоотверженных борцов с инфекциями. Если Ру и Беринга считают победителями

---

¹ Копия части архива Д. К. Заболотного была снята кем-то из ближайших сотрудников ученого. Оригиналы утеряны во время Великой Отечественной войны.

² Цит. по: Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1958. С. 158.

дифтерии, Росса — «разоблачителем» малярии, то Д. К. Заболотного с полным правом человечество может именовать спасителем от «черной смерти» — чумы, некогда безнаказанно хозяйничавшей на всем земном шаре.

Но разве это все, чем благодетельствовал мир наш ученый! А открытия, связанные с холерой, сифилисом, тифами! И за каждым из них — отведение от людей угроз эпидемий, так недавно еще бравших ужасающую дань сотнями тысяч преждевременных смертей. О Пастере говорят, что он один своими открытиями спас людей больше, чем все хирурги мира, вместе взятые. А кто пытался, хотя бы приблизительно, подсчитать, скольких миллионов недосчиталось бы сегодня человечество, не будь научных работ Д. К. Заболотного? Как оценить его огромную организаторскую, педагогическую, популяризаторскую деятельность?

А. М. Горький в беседе с К. А. Фединым с восхищением сказал о наших ученых как об удивительных людях. Его слова в полной мере можно отнести к Д. К. Заболотному, потому что Заболотный был воистину удивительным человеком. Сын крепостного и друг Мечникова. В детстве — пастушонок, а на склоне лет — президент АН УССР. Генерал царской армии и один из первых организаторов советского здравоохранения. Его высоко ценили ближайшие соратники В. И. Ленина — А. В. Луначарский и Н. А. Семашко.

Врач-исцелитель и ученый с оригинальным мышлением, терпеливый учитель и просто человек высокогуманных идеалов, он писал о «познавательном голоде» человечества и сам всю жизнь его испытывал. Но самыми сильными чувствами у этого человека были патриотизм и непоколебимая вера в то, что для его многострадающего народа обязательно вспыхнет «светлая заря». А когда она зажглась в октябре 1917 г., он с утроенной энергией служил обновленной России до своего последнего часа.

Сегодня наука продолжает поиски в областях, которые были близки Д. К. Заболотному, но уже с новыми возможностями, а значит, новыми открытиями и именами. Но Д. К. Заболотный не ушел в тень небытия — наш народ и все мировое прогрессивное общество по-прежнему помнят его и свято чтят.

Вступление

Д. К. Заболотный — один из самых выдающихся советских биологов.

А. П. Карпинский

Начало научной деятельности академика Даниила Кирилловича Заболотного совпало с порой бурного расцвета бактериологии, прошедшей в предельно короткий срок путь от нуля до высочайшего пика. Бактериологии вообще и медицинской в частности, чтобы заявить себя благодетельницами человечества в борьбе со смертоносными инфекциями, понадобилось около двух десятилетий. Неценимо много для столь быстрого их продвижения вперед сделал наш соотечественник.

Избрав поприщем своих научных изысканий из множества недугов, угрожающих людям, самые губительные и наименее изученные в ту пору — чуму, холеру, сифилис, тифы, Д. К. Заболотный отдал борьбе с этими бичами человечества сорок пять лет. При этом доказал, как много может сделать ученый, когда выдающийся талант его помножен на безграничный гуманизм и беззаветную преданность Родине, своему народу.

Он вошел в историю науки прежде всего как естествоиспытатель, чьи пятнадцатилетние строго последовательные и многосторонние изыскания, оказавшиеся, пожалуй, самыми сложными в истории исследования самых тяжелых инфекций, привели к разгадке тайны сохранения в природе и транспортировки в человеческую среду возбудителя смертельной чумы. Это этапное для медицинской науки открытие, получившее мировое признание, было результатом правильной идеи, упорного целенаправленного поиска, точного экспериментального метода — ученый нашел то, что искал, и там, где предполагал. А убедив мир в своей правоте, подсказал, что нужно делать, чтобы навсегда исключить «черную смерть» из истории человеческого общества.

Фундаментальные труды ученого, заглянувшего в заповедные глубины взаимоотношений микромира с человеческой средой, в сумме составили основу совершенно нового учения — о природной очаговости ряда заболеваний. Представление же об эпидемичности естественных очагов чумной инфекции как проявлении общепатологического закона способствовало рождению современной эпидемиологии как самостоятельной науки.

Открыв естественный резервуар сохранения возбудителя чумы — грызунов, причины развития и формы течения заболевания у человека, Заболотный также заложил основы профилактического направления и разработал главные условия успешной борьбы с ней.

Солидный список составляют и работы, посвященные Д. К. Заболотным кишечной группе инфекций, с которыми он тоже вел борьбу с исключительным рвением. Изыскания в этой области, начатые еще в студенческие годы заражением сусликов холерой через кишечник и продолженные в ходе следующего классического опыта по самозаражению холерным вибрионом после энтеровакцинации, дали исключительные для медицины открытия — реальность пероральной иммунизации человека против холеры и ранее неизвестный науке факт здорового носительства возбудителя холеры. Опровергнув утверждение самого Р. Коха о невозможности пребывания скрытой инфекции в здоровом организме человека, Заболотный с бесспорностью доказал, что само присутствие возбудителя заболевания в человеческом организме еще не предвещает обязательное развитие болезни в нем, но может быть источником инфекции для окружающих. Общеизвестно, к каким благоприятным практическим результатам в борьбе с холерными эпидемиями привело открытие скрытого бактерионосительства. В наше время оно обязательно учитывается Международными санитарными конвенциями.

Внеся ясность во взаимоотношения холерного вибриона с человеческим организмом, ученый и в последующие годы будет изучать изменчивость холерного вибриона и подскажет, как отличать истинно холерного от холероподобного, а также даст сравнительную оценку источников ряда эпидемий, приплюсовав к водному и контактному еще и пищевую. Прекрасными считаются его исследования невольской воды, сохранения холерного вибриона во льду, в иле, в питьевой воде.

На основе анализа скопленных на холерных эпидемиях материалов Д. К. Заболотный сформулировал профилактическую доктрину, ставшую ведущей в борьбе с этим тяжелейшим заболеванием, — воздействие на источник инфекции. Она была положена в основу прекрасно сработавшей в Советском Союзе санитарной службы, нацеленной на окончательную ликвидацию холерных эпидемий.

Наряду с холерой ученый изучал и этиологию паразитарных тифов — сыпного и возвратного — и высказал позднее подтвердившуюся догадку о возможной форме возбудителя сыпного тифа¹.

Приобрести в расцвете сил мировую известность, вписав блестящие страницы в историю борьбы с грозными чумой, холерой и тифами, было бы предостаточно для многих, в том числе и для крупных талантов. Но этого оказалось мало для Д. К. Заболотного, который в борьбе и с другими инфекциями видел еще не реализованные возможности удлинения человеческой жизни.

Он раньше других узрел возбудителя сифилиса — бледную спирохету и много нового открыл в эволюции этого массового в царской России тяжелого заболевания. Создав экспериментальную инфицированную модель болезни, ученый прояснил роль иммунитета и механизм наследственности при сифилисе, взаимоотношения инфекции и обмена веществ в большом организме в плоскости взаимоотношений организма и среды. Ему принадлежит безусловный приоритет в описании изменений бледной спирохеты под воздействием специфических антител (присутствующих в сыворотке крови больных особых веществ — противников сифилитической спирохеты). С исключительной настойчивостью ученый утверждал, что сифилис — социально-биологическое заболевание и успех борьбы с ним в значительной мере зависит от улучшения условий существования трудящихся масс.

В разное время его внимание привлекали и десятки других важных для науки и народного здравоохранения вопросов. В 1902 г., находясь на юге страны, ученый столкнулся с эпидемическими очагами свирепой

---

¹ Позднее, когда были открыты риккетсии, оказалось, что они, как и предполагал ученый, действительно напоминают точки.

болотной лихорадки и малярии и тут же предложил создать специальную комиссию по изучению малярии в России и сам вошел в нее. Лично Заболотного занимали и география распространения особо злокачественно протекавшего заболевания, и его паразитология — малярия в условиях царской империи была большим злом: в ряде весьма плодородных, но малообжитых районов заболевание приводило к поголовному вымиранию поселенцев и личного состава местных воинских частей. Рабочий лозунг в то время еще молодого ученого в борьбе с малярией весьма напоминал противочумную доктрину — воздействие на «транспортировщика» ее возбудителя из природы в человеческий организм.

Коснулся талантливый исследователь и таких важных для лечебной практики заболеваний, как дифтерия, газовая гангрена, шумящий карбункул и туберкулез. С его именем неразрывно связано также развитие медицинской микологии, исследования возбудителей, клиники, эпидемиологии и профилактики грибковых заболеваний, в первую очередь дерматомикозов, которые ранее велись одиночно, разрозненно.

Много сил и времени отдано им также детализации различных сторон взаимоотношений инфекции и иммунитета. Стремительные темпы развития современной иммунологии несравнимо обогатили наше представление о защитных силах организма. Теперь известно, что иммунная система не только борется с внешней инфекцией, но и оберегает сердце, сосуды, почки, органы дыхания, участвует в поддержании гомеостаза организма. А время Заболотного было порой изначального познания возможностей защитных сил человеческого организма. Поэтому вклад академика в расшифровку этого исключительного для медицины раздела можно оценить, только сравнивая то, чем располагала она до его открытий, с обретенным.

Со времени выхода в свет работы Д. К. Заболотного, посвященной патогенезу чумы (1899 г.), стало известно, что фагоцитоз играет первостепенную роль в борьбе организма животных и человека с этой инфекцией. И позже под влиянием своего гениального учителя И. И. Мечникова Заболотный, мечтавший о превращении человеческого организма в неприступную для инфекций крепость, на всю жизнь сохранил интерес к этой проблеме — в корреляции иммунитета, сти-

муляции защитных механизмов человеческого организма в противовес вредоносным факторам академик видел будущее медицины. Его многолетний исследовательский азарт в этой области (экспериментировал ученый не только на животных, но и на себе) увенчался рядом крупных, можно сказать мирового класса, побед².

Мечтой исследователя было создание идеальных полимикробных вакцин. На его счету основание четырех крупных лабораторий по производству сывороток и вакцин для лечебной практики, повышение их иммуногенности, совершенствование и унификация технологии изготовления. Нельзя не указать и на огромную многолетнюю активность, проявленную им в защиту массовых предохранительных прививок против ряда тяжелых инфекций.

В целом же сделанное академиком во всех перечисленных областях окончательно закрепило за отечественной медицинской наукой ведущее место в ликвидации смертоносных эпидемий. И если ныне смертность от тяжелых инфекций — редкость, а человеческая жизнь заметно удлинилась, этому в значительной степени способствовал научный подвиг самого академика и его школы, революция, произведенная его открытиями в учении об особо опасных инфекционных заболеваниях.

Его интуиция, дар нащупывания, отгадывания научных загадок были совершенно исключительными, единственными в своем роде — окружающим ученого порой казалось, что истины сами идут ему навстречу.

Широта научных интересов, энциклопедическая образованность, неослабное стремление к разгадке все новых тайн природы помогли академику разрешить и множество до него непонятных общепаразитологических проблем. Это и работы по микрофлоре снега, минеральных вод лиманов, и изучение светящихся микробов.

---

² Из работ Д. К. Заболотного по иммунитету выделяются его уже упоминавшиеся открытия: бациллоносительства (впоследствии нашедшего объяснение в учении об иммунитете) и возможности пероральной иммунизации человека против холеры, а также факта фагоцитоза в бубонах при чуме как определяющего момента для исхода чумного заболевания. Работая по экспериментальному сифилису, он доказал возможность реинфекции его. Большой интерес представляют и исследования иммунитета у зимнеявляющихся животных в период различного торможения центральной нервной системы.

Его очень интересовала их природная изменчивость и микробные «пейзажи» воды, почвы, человеческого тела, пищевых продуктов. Не обошел он стороной и антагонистическое влияние некоторых безвредных микробных ассоциаций в организме и задолго до «антибиотической эры» рекомендовал обратить внимание на микробов-антагонистов и их активность.

После смерти Д. К. Заболотного ботаник академик А. В. Фомин³ на заседании физико-математического отдела Всеукраинской академии наук характеризовал его как «одного из тех ученых, которые испытывают постоянный интерес к биологии вообще», и рассказал, что он во время «своих далеких командировок в субтропические и тропические страны с единственной целью бактериоэпидемиологических исследований никогда не забывал интересоваться также зоологией и ботаникой»⁴. Привезенные Заболотным чучела животных до сих пор можно увидеть в Зоологическом музее АН УССР, а его гербариями, привезенными с Дальнего Востока, из Китая и Монголии, продолжают пользоваться ботаники. Работы же ученого по биологии грызунов и насекомых и их роли в циркуляции возбудителей инфекций в природе стимулировали развитие ветеринарной микробиологии. Следует отметить, что «охотник за микробами» открыл медицинской науке и животных для экспериментов по холере — сусликов, для изучения сифилиса — павианов и тем ускорил и облегчил изучение этих инфекций.

Диапазон его научных интересов и свершений был безгранично широк, как и его новаторство.

Сам Даниил Кириллович, заполняя анкеты, называл себя то бактериологом, то эпидемиологом, а биографы аттестуют его еще и зоологом, и социологом, и педагогом, и создателем научной школы, и блестящим организатором здравоохранения.

Академик был из тех редких, высоких людей, для которых служение науке и безусловная вера в нее составляют весь смысл их жизни. Он был глубоко убежден, что только она одна, наука, способна «рассеивать туман сомнений, служить основой для искоренения зла»⁵. Заканчивая рецензию на книгу И. И. Мечни-

³ Фомин А. В. (1863—1935) — известный советский ботаник, академик АН УССР.

⁴ Вісн. ВУАН. 1930. № 1/6. С. 18.

⁵ Вестн. знания. 1930. № 1. С. 29.

кова «О человеческой природе», ученый высказал великую надежду, что наука, «добившаяся положительных результатов в борьбе с заразными болезнями и тем доказавшая свое могущество в освобождении человечества от губительного страха, будет также победоносна и в борьбе с преждевременной старостью, найдет средства продления человеческой жизни»⁶. Отсюда берет начало его культ науки в жизни, поклонение ей.

На служение науке он смотрел как на высокую честь и как-то в часы раздумий записал по этому поводу: «Тяжела человеческая жизнь. Все время человек, подобно мусорщику, ищет драгоценности и материальную выгоду и часто не находит их. Одна наука может одарить бесценными находками...»⁷

Хотя признание и известность к Заболотному пришли еще в молодые годы, мало кому из ученых в последующем адресовалось столько необоснованных критических замечаний. Добавим к этому многочисленные факты высокомерного замалчивания, а то и прямого присвоения открытий, игнорирования бесспорного приоритета ученого в решении многих вопросов. Нужны были его долготерпение и выдержка, чтобы не останавливаться на полпути под градом издевок, едких насмешек, грубостей критиканов. Дело и в том, что в его лице наука имела не только талантливое искателя, но и неутомимого защитника — академик был яростным противником всякой псевдонаучной скверны и, подобно лучшим русским ученым, готов был за научную правду и свои убеждения «идти на плаху, гореть огнем». И шел, и побеждал... К тому же его всегда интересовали только прогресс науки и степень ее практической эффективности — он никогда не прибегал к шумной саморекламе, ему было все равно, под чьим именем войдет его открытие в арсенал медицины. Лишь бы оно служило людям.

Сегодня никто не сомневается, что деятельность Заболотного и его школы — это целая эпоха в развитии медико-биологической науки: его идеи, теории, концепции, учения, открытия в значительной степени обогатили мировую медицинскую науку, раздвинули ее горизонты, приумножили силы в борьбе с самыми тяжелыми инфекциями, содействовали формированию се-

⁶ Арх. Мемор. музея. Неопубл. рукопись рецензии. Ед. хр. 127.

⁷ Дневник, запись от 13 июня 1927 г.

годняшних представлений по ряду важнейших специальных проблем, заметно сказались на мышлении клиницистов, микробиологов, эпидемиологов, гигиенистов, санитарных врачей, в значительной степени решился победный исход борьбы за искоренение эпидемий в СССР и за рубежом. Если американский ученый Фред Давенпорт на IX Международном конгрессе микробиологов сравнил борьбу за ликвидацию эпидемий самых тяжелых инфекций с завоеванием космоса, то какой меркой можно измерить сделанное во имя этого нашим крупнейшим естествоиспытателем и врачом!

Даниил Кириллович сделанное им в науке за сорок лет оценил скромно. «Периоды, когда я отдавался работе, были плодотворны... — писал он в середине ноября 1921 г. в дневнике. — Причины эндемичности (чумы. — *Н. П.*) выяснены с исчерпывающей полнотой, с ними не стыдно... дебютировать представителю молодой республики и на Западе... Работы по чуме и сифилису лишь удачные». И тут же сам на себя сетовал: «У меня были правильные идеи о кровяных ферментах, спириллезах, о механизме иммунитета, но не хватало устойчивости и сосредоточенности исключительно на работу...»⁸ А умирая, этот трудолюбец сокрушался: «прожито порядком, а сделано меньше, чем надо было».

Д. К. Заболотному ничего не давалось просто: вся биография великого энтузиаста — сплошное подвижничество во имя высокого идеала служения людям наукой. Каждый из прожитых им годов — это образец титанических свершений. А. В. Луначарский по этому поводу заметил: «В самой натуре Даниила Кирилловича была какая-то закаленность для неутомимого труда»⁹.

Редкое трудолюбие в нем соседствовало с самоотверженностью. Для него было обычным по первому сигналу эпидемической опасности бросать семью, лаборатории, аудитории и мчаться в самую глушь для спасения людей. В этом отношении сам он сравнивал себя и своих помощников с полковыми лошадьми, готовыми к бою по первому звуку трубы. К тому же, по меткому выражению академика О. В. Барояна, «жизнь Д. К. Заболотного в науке была отнюдь не комфортабельной

---

⁸ Дневник, запись от 16 января 1927 г.

⁹ Вісті. 1929. 19 дек.

дорогой научных поисков»¹⁰. Мужественный человек, он, по его же словам, пробиваясь сквозь чашу загадок природы, «не раз перемаргивался с костлявой» — заражался дифтерией, чумой, тифом, сам себя заражал холерой, в экспедициях приобрел ревматизм и болезнь Боткина. Для «встреч» с инфекциями входил в чумные, холерные, тифозные бараки, препарировал тысячи зараженных грызунов и обезьян, анатомировал трупы умерших от чумы, сифилиса, холеры, а это все означало постоянную жизнь рядом, совсем рядом со смертью — вероятность остаться при этом в живых всегда была значительно меньше, чем погибнуть. Но характерно: о героизме, жертвенности академик говорил только в приложении к своим учителям, коллегам, ученикам и никогда — к себе, хотя мера его неизменного на протяжении десятилетий мужества часто превосходила мужество тех, кого мы именуем героями.

Всегда до крайности перегруженный кипучей исследовательской и противоэпидемической работой, Заболотный неисчислимо много сумел сделать и для подготовки научных и врачебных кадров высокой квалификации. Состояние подготовки специалистов для борьбы с эпидемиями тревожило Д. К. Заболотного уже в середине последнего десятилетия прошлого столетия — Россия, с ее необъятными просторами, терзаемая непрерывными эпидемиями, нуждалась в целой армии специально обученных и притом самоотверженных врачей. Подготовка их он посвятил более тридцати лет. За это время успел очень много сделать для совершенствования обучения будущих эпидемиологов, микробиологов, гигиенистов, санитарных врачей: тысячи молодых людей слушали его лекции, под его непосредственным руководством проходили практику. Он создавал новые кафедры, разрабатывал и десятилетиями совершенствовал программы новых учебных курсов, писал учебники и руководства по новым дисциплинам. Усилиями Заболотного эпидемиология получила твердый статус самостоятельной научной и учебной дисциплины.

Научная школа Д. К. Заболотного — исключительное явление в науке не только по своей многочисленности, но и по энтузиазму ее воспитанников. В сущности, значительная часть крупнейших советских эпи-

---

¹⁰ Бароян О. В. Д. К. Заболотный — выдающийся ученый и великий гражданин. М., 1966. С. 5.

демиологов первой половины двадцатого века в большей или меньшей степени были его учениками и последователями — он обладал уникальной способностью сеять в молодых душах любовь к экспериментальной работе, превращать свои кафедры, лаборатории, отделы в кузницы талантливых ученых, увлеченных высокогуманными устремлениями своего учителя¹¹. Научная школа Заболотного внесла огромный вклад в практическую медицину, в полную ликвидацию тяжелых инфекций на территории СССР, заложила фундамент, а затем и укрепила здание современной эпидемиологии.

«Коллективное начало в научной деятельности академика, — писал после его кончины академик АМН СССР Л. В. Громашевский, — было всегда резко выражено»¹². Объяснение этому кроется в понимании ученым важности фактора времени для его любимых наук — бактериологии и эпидемиологии: для своего становления они не располагали десятилетиями — перед ними был слишком грозный враг — эпидемии, чтобы терять время, борясь с ними в одиночку. Сам Заболотный об этом так писал: «Успехи в научных поисках во имя ликвидации смертельных инфекций я вижу только в комплексной коллективной разработке неотложных проблем, в усилиях многих специалистов»¹³. Такую «содружную» работу он будет организовывать, ковать, «приводить в прочную систему» и все повторять: «Наука — дело коллективное».

Ученый никогда не был чистым теоретиком и экспериментатором, для его деятельности характерно неизменное сочетание глубоких и всесторонних экспериментальных исследований, теоретических обобщений с запросами практики. Он принадлежал к тем ученым, для которых наука не самоцель, а форма служения людям, по его же выражению, «мощное средство устройства лучшей жизни для народа»¹⁴.

Своих сотоварищей по науке ученый призывал работать так, чтобы самый строгий критицизм помогал им «выдавать труды, могущие по качеству и обилию

---

¹¹ «Его ученики, — говорил о Заболотном его друг В. Л. Омелянский, — как апостолы, рассеяны по всей стране» (Врачеб. дело. 1930. № 1. Стб. 4.).

¹² Врачеб. дело. 1930. № 1. Стб. 4.

¹³ *Заболотный Д. К.* Речь на V противочумном совещании // Тр. Ин-та «Микроб». Саратов, 1925. С. 77.

¹⁴ *Висн. знань.* 1926. № 4. С. 19.

конкурировать с научными работами вне отечества». Для ученых-медиков программу-максимум он сформулировал как «обеспечение людям жизни без болезней, страданий и слез».

Трудно представить, откуда черпал силы этот серьезно больной человек еще и для общественной работы. В разное время он был активным деятелем Русского общества охранения народного здоровья, Общества русских врачей, Русского хирургического общества им. Пирогова. Известен он и как один из основателей отечественного и международного Обществ микробиологов, редактор и соредактор, автор и рецензент добрых двух десятков научных и научно-популярных периодических изданий. Еще жива в народе память об академике Заболотном как о деятельном члене ЦИК СССР и ВУЦИК, депутате Петроградского, Одесского и Киевского городских Советов.

Как далеко ни продвинулась наука после смерти академика, говорить о нем в прошлом нельзя. Его идеи продления жизни без болезней продолжают служить человечеству.

Не померк в течение полувека, прошедшего со дня смерти крупнейшего ученого-натуралиста и гражданина, и его человеческий образ. В нем рядом с высочайшим гуманизмом, широтой научных интересов, страстностью (даже одержимостью) в научных поисках, кипучим темпераментом, редкой добросовестностью соседствовали скромность, чистота помыслов, открытость, правдивость, щедрость и абсолютная бескорыстность. Недаром так хорошо сказал о своем друге крупный украинский терапевт академик УАН Н. Д. Стражеско: «Такие люди, как Даниил Кириллович, к сожалению, встречаются очень редко. Надо стремиться подражать им, и жизнь станет лучше и радостнее»¹⁵.

Создание совершенно новых наук и учений, неистовая борьба за их признание, личная самоотверженность ученого в научных исканиях не могли не вызвать всеобщего уважения и всемирного признания. Ряд правительств (французское и китайское) отметили его научные заслуги орденами (Почетного легиона и орденом Двойного дракона), а тунисское — золотой медалью Николая.

---

¹⁵ Врачеб. дело. № 1. Стб. 8.

Человек большого творческого темперамента, один из блестящих русских ученых начала XX в., академик Д. К. Заболотный рано ушел из жизни. С того времени все новые поколения людей с интересом вглядываются в черты этой на редкость гармоничной личности и удивляются, как необыкновенно много вместила в себя цельная кипучая жизнь академика, сколько добра успел он сделать людям.

Как же сложилась жизнь этого ученого и человека? Ведь до сих пор сказанное о нем только схема его главных свершений.

Детство, гимназические годы

Хотя не сытые,
но милые. . .

Д. Заболотный

Чеботарку Даниил Кириллович Заболотный всегда считал едва ли не лучшим местом на Украине, а может, и во всем мире, а мир он знал не понаслышке — извездил! Любил с ее людьми, своеобразным говором, песнями, тишиной, утренними туманами и росами, вечерними дымами над хатами, непроглядно темными ночами, весенними цветочными разливами.

Здесь прошло его детство, а позже он работал тут с упоением; уставший, находил в Чеботарке отдохновение, в общении с природой и односельчанами — моральную и физическую зарядку. Сюда всю жизнь стремился, влекомый сыновней тоской; молодой, уже в летах и убеленный сединами. Пожалуй, не было года, чтобы не завернул он в этот уголок очаровательного Подолья.

А село не скажешь, что знатное. В восьми километрах от станции Крыжополь, на полпути между Киевом и Одессой, затерялось в лесостепных просторах. До революции в нем насчитывалось всего несколько десятков глинобитных домишек.

«Усадьба наша («маеток», как шутя именовал ее гордый на шутку академик. — *Н. П.*), размером около десятины, — напишет Д. К. Заболотный в 1927 г., — располагалась среди села, вблизи пруда»¹. Действи-

¹ *Заболотный Д. К.* Автобиография // Огопек. 1927. № 24. С. 3.
Далее ссылки будут даны на это издание автобиографии.

тельно, на небольшом взгорье по сей день стоит так напоминающая шевченковскую, выбеленная известью, приземистая, под редкой по нашим временам высокой соломенной стрехой, построенная еще отцом Заболотного хата. Двери — маленькие, низкие, окна — подслеповатые, со ставнями...

Большинство местных крестьян гнули спины на помещиков. Близость черноморских портов разжигала у местного помещика графа Бржозовского неистребимую жажду обогащения за счет экспорта пшеницы. Отсюда — немилосердная эксплуатация крепостных. Так называемое «раскрепощение» крестьян не принесло чеботарцам, как и всем крестьянам царской России, облегчения.

Многие обездоленные отправлялись искать счастья «в миру» вплоть до Америки и Канады. Недаром в одном из ранних стихов Д. Заболотный о своей Чеботарке писал: «І знов я у бідній родині, у нашому вбогім селі...» Как тут не взбунтоваться? И уже в 1861 г. уговоры чиновников и духовенства «не чинить» бунт ни к чему не привели — пришлось Зенону Бржозовскому, тиранившему крестьян и за то прозванному «катюгой»², вызывать для усмирения чеботарцев войска.

Из «Автобиографии» Д. К. Заболотного известно, что родился он в украинской крестьянской семье. Об отце его — Кирилле Павловиче Заболотном — сведений сохранилось немного. Сын нахимовского матроса, участника Крымской кампании, оборонявшего Севастополь, он был «дворовым человеком», взятым помещиком «для личных услуг». Конечно же не по доброте пана, а самоучкой, благодаря природным способностям — сметливости, блестящей памяти и любознательности, — приобрел он обширные познания, а после нескольких поездок с графом за границу стал еще и прилично изъясняться на французском и немецком языках.

К поработителям народа Кирилл Заболотный, видимо, питал лютую ненависть. Во время первого же пореформенного крестьянского бунта открыто поносил их.

И вот этот смутьян, в котором жил мятежный дух предков, приглянулся дочери волостного писаря из со-

---

² Катюга — палач, мучитель (укр.).

седнего села Соколовки Южине (Евгении) Сауляк, сельской девушке, по тому времени весьма образованной. Отец ее тоже выделялся из массы уездного чиновничества неподкупной честностью и тягой к знаниям. И детей своих — трех сыновей и дочь — воспитал людьми честными, правдивыми, преисполненными сострадания к бедным, ненависти к «неправде» окружающей их жизни, не лишеными чувства вины за действия богатеев. Это делало всех Сауляков в глазах окружающих непонятными и даже чужаковатыми. Южина же, еще совсем девочка, была удалена из пятого класса гимназии как «дискредитированная по политическому делу» в связи с арестом брата, обвиненного в «злостной» противоправительственной деятельности³.

Большое влияние на формирование жизненных принципов обоих Сауляков оказал Иван Максимович Сошенко, их гимназический учитель рисования и каллиграфии. Уроженец Богуслава, воспитанник Петербургской академии искусств, друг, покровитель и побратим по горькой судьбе Тараса Шевченко, человек безмерной доброты. Чувство сострадания к угнетенным и оскорбленным, которым всю жизнь болела душа Сошенко, простиралось и на учеников — он делился с ними самыми последними крохами. Из его дома, где Южина и ее брат провели более четырех лет⁴, они унесли с собой в жизнь ненависть к богатеям, ханжам, фарисеям, тунеядцам всех видов и степеней, любовь к книгам и поклонение шевченковской поэзии.

Таких незаурядных людей и свела судьба: в 1864 г. Кирилл Заболотный и Южина Сауляк стали супругами, а через два года, 2 января 1867 г.⁵, у них родился первый сын — Даниил, а через два года — еще один, Иван.

Уже будучи ученым с мировым именем и солидным общественным положением, Даниил Кириллович, по воспоминаниям его ученика Л. В. Громашевского, любил в соответствующей обстановке подчеркнуть свое «мужицкое» происхождение. Для него это было своего рода выражением величайшего презрения к «высшему обществу».

³ В тюрьме он заболел туберкулезом и вскоре умер.

⁴ *Чалый М.* Иван Максимович Сошенко. Киев, 1876.

⁵ В докторской диссертации и формулярном списке Заболотный называет эту дату, а не 16 декабря, как это значится во многих биографических очерках.

Дом, в котором прошло детство Даниила Кирилловича Заболотного, ныне Мемориальный музей-усадьба в с. Заболотном на Винничине

Молодые Заболотные поселились в доме отца Кирилла Павловича. Собственную хату начали строить только после большого сельского пожара, уничтожившего и дом деда Павла. Строиться помогал тесть — Макар Сауляк, помогали и соседи, приходившие на «толоки». Лес покупать не на что было — отец возил его ночами крадучись из помещичьего леса. И хотя дом получился тесный, холодный, темный, для маленького Данилки возведение его стало памятной вехой детства, о которой он вспоминал в своей «Автобиографии» в старости. «Большим событием в нашей жизни, — как-то записал он, — была постройка новой хаты...»

«В детстве мы с младшим братом Иваном помогали отцу в поле и огороде, при пахоте, жатве, уборке», — напишет он в «Автобиографии». «Однажды весной, — вспоминал житель села Соколовки Павел Гуцол, — я и мой отец жгли перезимовавшие листья в саду и в горячем пепле пекли картошку. Вдруг вижу — в воротах стоит Данило Кириллович. Подошел, поздоровался. Отец подал и ему картофелину. Вид ее, видимо, поднял из тайников памяти нашего гостя давнее: „Я, когда

малым пас скот, тоже с дружками жег костер и пек картошку... Печеная бараболя с луковицей — вот и вся наша еда была...“ Сказал и надолго замолчал. Видно, листал пережитое...»⁶

В сохранившихся бумагах Д. К. Заболотного есть одна-единственная, но многозначительная запись о матери: «Ласковая, как святое лето». В Чеботарке еще живы люди, помнящие Евгению Миронову — акушерку, «фёршалку». С ее-то помощью Даня и усвоил азы грамоты — церковноприходская школа в Чеботарке открылась только в 1881 г. Мать же всячески воспитывала у сыновей уважение к знаниям, а позже приобщила и к поэзии: она на память знала едва ли не весь «Кобзарь» Т. Г. Шевченко, и стихотворения из него часто звучали в доме Заболотных.

С детства мальчик увлекался природой. Вид звездного неба, цветы, растения, все живое — ползающее, скачущее, бегающее, летающее — вызывали у него восторг. «Утреннее и весеннее пробуждение природы, безмолвие зимнего леса, волнующая даль беспредельной степи звали меня куда-то далеко, — писал в декабре 1927 г. профессору Н. Г. Холодному Даниил Кириллович, — казались проявлением всюду царящей таинственности... Мне хотелось все прощупать, разглядеть, понять»⁷. Евгения Мироновна рассказывала брату о своем сыне, что не знает, о чем думает Данило, рассматривая в книжках всяких козявок. Ребенок еще, а даже гулять не выйдет. Все за книжками.

Если некоторая замкнутость и мечтательность Данилы у родственников Заболотных считались качествами унаследованными, то усидчивость, трудолюбие, настойчивость — приобретенными. И как же они, эти качества, пригодились, когда на семью свалилась нежданная беда, резко оборвавшая мальчишеские детство! Отец, измученный беспросветной нуждой и долгами, подался за подработками на строящуюся вблизи Крыжополя «чугунку»⁸. Да вскоре изувечил ногу, простудился, слег, и за несколько дней его не стало. А потом туберкулез костей надолго уложил в постель и мать Данилы.

И испытали бы на себе малолетние братья Заболотные, лишившись кормильцев, всю безрадостность си-

⁶ Арх. Д. К. Заболотного.

⁷ Арх. О. Г. Холодной.

⁸ Юго-Западную железную дорогу.

ротства, не приди им на помощь брат матери, Мака́р Миронович Сауляк. Он приехал в Чеботарку за Даней, чтобы увезти его в свой добрый дом в Ростове-на-Дону, где мальчик нашел и ласку, равную отцовской, и редкое понимание его отнюдь не заурядных способностей.

В ту пору М. М. Сауляк преподавал в одной из ростовских гимназий естествознание и географию, а вскоре стал инспектором народных школ. Он очень любил детей, но собственных супруги Сауляки долго не имели. Очевидно, потому все тепло нерастрченных родительских чувств они излили на Даню, а потом и на его брата. И Даниил Кириллович это оценил. Уже на склоне лет он назвал Мака́ра Мироновича человеком «замечательным и чудесным» и уточнил: «В учење мы с братом попали благодаря Сауляку — он взял меня в Ростов и поместил в прогимназию. Три года пребывания там дали мне возможность стать прочно на ноги в учебном смысле, получить охоту к чтению и занятиям, к естественноисторическим экскурсиям»⁹.

Учился мальчик в Нахичевани — городке, в пору детства Заболотного граничившем с Ростовом-на-Дону (теперь его Пролетарский район. — Н. П.).

Дане повезло. В прогимназии еще преподавали вскоре «изгнанную» из гимназических учебных программ естественную историю: в первом классе — зоологию, во втором — ботанику. Увлечение природоведением не мешало ему быть образцовым учеником и по другим предметам — самый младший и самый бедный в классе, он был самым лучшим учеником. В Мемо-

Мать будущего академика —
Евгения Мироновна
(в девичестве — Сауляк)

⁹ Заболотный Д. К. Автобиография // Огонек. 1927. № 24. С. 3.

риальном музее-усадыбе в селе Заболотном хранятся «Похвальные листы», которыми отмечал педагогический совет его «отличное поведение и отличные успехи» при переводах из класса в класс, начиная с 1878 г. и вплоть до отъезда в Одессу.

Конечно, уже тогда сказывалась одаренность мальчика — по меткому выражению преподавателя греческого языка Л. Копичанака, «отличный механизм его головы». Но не обошлось без вмешательства Макара Мироновича. У М. М. Сауляка была своя система обучения: выслушает вопрос и назовет книгу, в которой можно найти исчерпывающий ответ, а то и даст такую — ищи сам, разбирайся! Этот метод научил Данилу работать с книгой и самостоятельно мыслить.

Макар Миронович, чувствуя, как недостает мальчику, росшему среди буйствующей с весны до осени украинской природы, общения с ней, стал брать его с собой на экскурсии, учил определять растения, составлять гербарии, коллекции насекомых и минералов, при этом часто повторял: «Природу надо не только узнавать, но и понимать!»

Умершая в 1984 г. внучка Макара Мироновича Сауляка — Ирина Петровна Шабельникова со слов матери рассказывала о Заболотном тех лет: «Усядется в уголке с книжкой наш Даня, прозванный одноклассниками за страсть к живому «лягушонком», а в семье — «книго-чтеем», и весь вечер его не слышно. Сосредоточенный, тихий, а заговорит — видно, что развит не по годам.

Этажерка его забита связками гербариев с подробными сведениями о каждом растении, а над кроватью вся стена увешана ящичками с бабочками, жучками и геологическими находками»¹⁰. Возможно, от той поры остались хранящиеся в Музее-усадыбе Д. К. Заболотного наборы минералов почти ста наименований, интересные коллекции птичьих гнезд и яиц, гербарии.

При поступлении в пятый класс Одесской гимназии возникло неожиданное препятствие. Волостной старшина и мировой посредник отказались отпустить Данилу Заболотного из «общества». Мотив был недвусмысленный: кто станет работать на графа Бржозовского? Заболотные заволновались: что делать, если живут они в стране, где правительство образование народа считает злом и всячески препятствует ему? Пришлось

---

¹⁰ Арх. Д. К. Заболотного.

матери покупать ведро водки, чтобы угостить «общество», если оно настоит на «приговоре» отпустить сына. На сельском сходе, как ни домогался посредник, чтобы крестьяне разошлись, чеботарцы стояли на своем, пока парню не выдали «вид» с правом выезда из Чеботарки.

Предстояли переезд из Нахичевани в Одессу, жизнь еще у одного брата матери и учеба (усилиями того же М. М. Сауляка) в Ришельевской классической гимназии¹¹, одной из лучших по тому времени в России.

Братья Сауляки, жившие в Одессе, только год выдержали расходы на содержание племянника, хотя учился он за «казенный кошт». Начиная с шестого класса, Даниле пришлось подрабатывать репетиторством. Как сам он писал, «перейти на собственные хлеба». Совмещать беготню по урокам с учебой в гимназии, по мнению профессора Н. И. Граценкова, «мог только юноша, с детства привыкший к постоянному труду, тяжелой жизни и вместе с тем рано познавший цену знаниям»¹².

Если выдающиеся способности Д. Заболотного проявились уже в ростовский период жизни, то одаренность его особенно стала заметной в Одессе.

Но как мало может дать ему, будущему естественнику, гимназия, эта по его же оценке «одна из самых строго классических», с ее убийственной зубрежкой, буквальным засилием древних языков и «закона божия»! Естественные науки считаются здесь «возбуждающими юношеское вольнодумство», враждебными церковным догматам, а с ними и «посланной России самим богом» самодержавной власти. Но постоянно слышанные от «законоучителя» утверждения, что естествознание — наука еретическая и занимаются ею только нигилисты, не признающие ни бога, ни царя, Данилу Заболотного не отвратили от любимого предмета.

Он прилежно учит классические языки, французский и немецкий, уже в оригинале читает Ксенофонта, Вергилия, Цицерона, Овидия, Гомера, Лессинга, увлекается физикой — об этом свидетельствует дошедшая до нас «Тетрадь для записей уроков ученика VI класса за 1883—84 учебный год»¹³. Но самое излюбленное

¹¹ Исторический очерк Ришельевской гимназии. Одесса, 1881. С. 9.

¹² Изв. АН БССР. 1966. № 3. С. 71.

¹³ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 93.

место в гимназии у Данилы — чудом сохранившийся естественноисторический кабинет. Здесь он завсегда-тай. Кабинет располагает сотней моделей млекопитающих и земноводных тварей, скелетами позвоночных животных; в коллекциях — несколько сот насекомых и раковин, гербарии с пятьюстами растений. Есть микроскоп из Парижа, переносная химическая лаборатория и ящик с реактивами. К счастью, только в год окочачания Д. Заболотным гимназии (1885) все это — в его глазах истинное богатство — будет пожертвовано императорскому Новороссийскому университету.

Естественнонаучные книги Заболотный читает за-поем. Как ни удивительно, нередко их поставляет ему ... частный преподаватель еврейского закона Божия, бывший раввин Юлий Бардах, сын которого тоже увлечен естественными науками.

Время от времени гимназист Данила появляется и в университетских аудиториях. Облачившись в чей-то студенческий сюртук, он ходит на лекции — Заболотный в плену ненасытного «познавательного голода». И хотя учителя готовы за его ответы ставить пять с двумя плюсами, постановка обучения в образцовой гимназии юношу не удовлетворяет. Вечерами он среди тех сверстников, которые хотят больше знать. Они чаще всего вместе читают «лишнее», запрещенное, обмениваются мнениями о прочитанном. Со свойственной Заболотному лаконичностью в «Автобиографии» об этом времени он напишет: «Политические веяния проникали в среду учеников, которые почитывали, не смотря на запрет, и Писарева, и книги по естествознанию».

До нас дошло гимназическое сочинение Д. Заболотного на тему «Влияние человека на природу»¹⁴. Очень самостоятельное, зрелое сочинение, безусловно основанное на знаниях, почерпнутых не только в гимназии. Борьба человека с природой автору представляется как борьба «сторуккого гиганта, вооруженного дубинкой», с человеком-пигмеем, но «умным, увертливым пигмеем». В распоряжении великана-природы сила, человек же вооружен одной пронизательностью, сообразительностью, знанием. «Единственным орудием человека при покорении природы, — подчеркивает гимназист, — является изучение ее явлений, размышление

---

¹⁴ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 66.

над добытыми фактами. Изучая законы природы, человек не может изменить их, но может отратить их губительное действие, с пользой для себя воспользоваться ими».

В свои 17 лет автор сочинения утверждает: «Человек, как существо одаренное разумом, должен стараться отворачивать явления природы, если они ему вредят... Борясь с ними, он должен стремиться не только извлекать пользу из явлений, но и сделать их господином...». И заключает: «В истории человечества нет случая, где бы господство над природой не являлось результатом изучения ее», в том числе «против своих болезней человек нашел таким образом множество средств».

Это была готовая теоретическая платформа будущего ученого, исходная позиция его неутомимой деятельности в области медицины, в борьбе с самыми страшными в ту пору заболеваниями.

Следует припомнить, в какой обстановке закладывались основы его общественных взглядов, какое влияние могли оказать на него близкие, во всей полноте испытавшие ужас крепостничества, подвергавшиеся суровым преследованиям за политическую деятельность. А разве можно списать четыре года жизни под кровом университетского друга народовольца Андрея Желябова¹⁵ Макара Сауляка, который свою политическую платформу формулировал, добавляя к девизу французских республиканцев «свобода, равенство и братство» еще слово «наука»! Все это уже давно посеяло в душе юноши семена протеста против всякого угнетения, отвращение к строю, их породившему, и готовность жертвовать собой для блага людей.

Позднее департамент внутренних дел политические убеждения гимназиста Заболотного, извлекавшего ответы на «социальные» вопросы не на уроках, а из запрещенной литературы, охарактеризует определеннее — как убеждения юноши, интересовавшегося крайними изданиями, «проявляющего критический склад ума и пошедшего на сближение со студентами-радикалами».

Подожли к концу гимназические годы Данилы Заболотного. В списке окончивших Ришельевскую гимназию в 1885 г. его фамилия значилась одиннадца-

---

¹⁵ М. М. Сауляка даже арестовали по делу друга.

той¹⁶. Вместе с аттестатом зрелости — огромным, как газета, листом слоновой бумаги, украшенным виноградными лозами, солнечными лучами и пятерками, — он получил право на поступление в университет.

Закончились детство и юность, «хотя не сытые, но милые».

Два университета

Наисветлейшая пора

Д. Заболотный

Восьмидесятые годы прошлого века были периодом, когда передовая интеллигенция взяла на свое вооружение материалистическую философию и прогрессивные общественные идеи А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Передовые ученые смотрели на естествознание как на могучую силу преобразования России, стремились применить добытые ею знания для просвещения русского народа, освобождения его от пут суеверия, невежества, религиозных предрассудков.

Новороссийский университет в Одессе, открытый за год до рождения Д. Заболотного, особенно его естественный факультет, долго и прочно удерживал репутацию одного из значительных биологических центров. В решительной борьбе с царизмом, с политикой и идеологией реакции студенчество и передовая профессура тоже шли в первых рядах.

Одесса в целом, по выражению профессора А. О. Ковалевского, вместе с университетом переживала золотой век. Имена таких светил естествознания, как Сеченов, Мечников, Ковалевский, Ценковский, Заленский и других, возглавлявших кафедры, были популярны не только в университете — диспуты, публичные лекции порой становились событиями городского масштаба, на них собиралась масса слушателей. Но незадолго до поступления в университет Заболотного из него вынуждены были уйти основатель отечественной физиологической школы И. М. Сеченов и уже прославленный бактериолог И. И. Мечников. Их уход, по меткому выражению одного из студентов, «ознаменовал начало превращения факультета в безводную пустыню».

¹⁶ ООГА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 24. Л. 18.

В год посвящения Заболотного в студенты началось новое наступление реакции на университеты — их лишили автономии, были учреждены университетские суды из реакционной профессуры. Исключения, аресты, высылки из города, ссылки в Сибирь наиболее активных студентов стали частым явлением в «храме науки».

Сам Д. Заболотный об этой поре вспоминал: «Начиная с 1885 года в университетах был введен новый устав 1883 года и упразднена их автономия. Молодежь волновалась, собирались сходки, прерывалась обычная работа. В многочисленных резолюциях сходок и петициях, которые передавались начальству, студенты добивались возвращения автономии университетов, уничтожения инспекции, упразднения семестральных репетиций, разрешения сходок, читален и студенческих организаций»¹.

И все-таки Д. Заболотному очень повезло, что он стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Одесского университета именно в эту пору. Несмотря на всю сложность обстановки и всяческие трудности, выпавшие на его долю, он получил здесь солидную общебиологическую подготовку.

Правда, первый год в университете Д. Заболотный внутренне чувствовал себя стесненно, скованно, напряженно. Из-за «полосы отчуждения», в которую попал в силу своего крестьянского происхождения. Даже при пестром, полном социальных контрастов составе слушателей он, выходец из самых низов, по понятиям высокомерных сынков одесских богачей, был последним плебеем, недостаточно «цивилизованным» для общения с ними. Да и жилось парню несладко, хотя и у дяди — еще одного родного брата матери. Здесь он полной мерой хлебнул житейских унижений — питался на двадцатикопеечную посуду, выдававшуюся на дневное пропитание неимущим студентам, время от времени занимался репетиторством.

Заболотному были незнакомы ревнивое соперничество, высокомерие, честолюбие. Он одинаково относился ко всем однокурсникам независимо от национальной принадлежности. Репутация отличного товарища, принципиального человека вскоре обеспечила

---

¹ Заболотный Д. К. Життєопис. // Вибрані праці. Київ; Наук. думка, 1969. С. 6.

ему видное место в студенческой среде — избрание в правление университетской кассы взаимопомощи и руководство подольским студенческим землячеством.

В университет Заболотный пришел не только по совету дяди, но и «по собственной склонности». Об этом нельзя забывать, говоря о его увлечении ботаникой. О том, что оно было не шуточным, свидетельствуют не только его слова: «мы, натуралисты... боготворили свою науку»², но и недавно обнаруженное сотрудниками Музея-усадьбы Д. К. Заболотного неоконченное письмо без даты, отправленное со станции Колорап, Бессарабской губернии, где, нужно полагать, Заболотный работал во время летних каникул, борясь с филоксерой под руководством профессора А. О. Ковалевского. Со знанием опытного хлебопашца он сообщает неизвестному адресату о прошедших здесь обильных дождях, «создавших запас влаги» и сказавшихся «как на озимых, так и яровых ржи и пшенице», восторгается особенно обильными намолотами с участков, окаймленных дубовыми деревьями. И не просто восторгается, а ищет объяснение этому факту. Интересуют его и виноградники; в этом же письме студент Заболотный пишет о своем намерении «продолжить опыты „лечения“ виноградных кустов»³.

Как единодушно отмечают близко знавшие Заболотного, студенческое увлечение ботаникой не угасло в нем до конца жизни. Во время своих многочисленных поездок по миру он будет заниматься ботаническими сборами, привезет, посадит и посеет в отцовской усадьбе десятки диких и культурных цветов и деревьев. В ботанических музеях АН СССР, Главном ботаническом саду в Ленинграде и киевских музеях сохранились до наших дней образцы редких растений, привезенные им из тропических стран. На них этикетки: «Собраны врачом Д. Заболотным».

Он уже научился отличать профессоров-краснобаев, реакционеров и чиновников от влюбленных в свои предметы. В разное время студент Заболотный работает в лабораториях профессоров Спиро, Каменского, Рипави. Все эти ученые отличаются исключительной эрудицией, демократичностью, входят в студенческие нужды, покровительствуют наиболее способным.

---

² Там же.

³ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 238.

Говоря о начальном становлении Заболотного как ученого, нельзя обойти молчанием Александра Онуфриевича Ковалевского, знаменитого своими работами по сравнительной эмбриологии и истории развития низших животных. Любимый наставник Заболотного был на редкость застенчивым человеком, но застенчивость не мешала ему оставаться неизменно радушным со студентами. «Беседы с Ковалевским, — вспоминал профессор А. К. Артемьев, — возвышали наши души и уносили нас в блаженную обитель высших идеалов»⁴.

Заболотный тоже бывал в доме Ковалевского на окраине Одессы. Сблизила этих двух людей горячая любовь к природе и явно взаимная симпатия. Ковалевский для студента Заболотного — бог, кумир, пленивший его своим умом, энциклопедическими познаниями, поклонением науке. Особенно интересно ему было экскурсировать с А. О. Ковалевским как в окрестностях города на лиманы, так и в более отдаленные места, например Крым, для ознакомления с фауной Севастопольской бухты... А. О. проводил со студентами все время с утра до вечера. Результаты дневного улова при помощи драг и пелагических сеток они привозили на станцию и там, в укромной лаборатории, разбирали добычу.

Заболотный откровенен: он «нигде себя не чувствовал так хорошо, как в аудитории А. О. Ковалевского». Почему? Может, потому, что профессор «знал в лицо слушателей и в случае длительного отсутствия кого-либо всегда осведомлялся о причине»? А может, потому, что, обходя во время лабораторных занятий студентов, «делился опытом и своими сведениями», а в случае неудач «находил слова утешения, старался найти причины и добиться успеха»? «Как ни мало были подготовлены слушатели, он никогда не подавал вида, что разговаривает с невеждами... А как мило радовался, когда кому-нибудь что-либо удавалось, какая добрая, искренняя улыбка озаряла его с виду суровое лицо!..»⁵

С такими подробностями писать о педагогическом «почерке» своего наставника мог только человек, на

---

⁴ Артемьев А. К. Воспоминания ботаника. М., 1923. С. 35.

⁵ Заболотный Д. К. Академик А. О. Ковалевский // Природа. 1926. № 78. С. 22.

себе самом испытывавший его воспитательные приемы. Из общения с Ковалевским Д. Заболотный унесет в свою многотрудную жизнь в науку его пример «беспредельной преданности научной правде», отработанные до блеска приемы педагогического мастерства.

О И. И. Мечникове студент Заболотный слышал еще с гимназических лет: «Когда я был учеником гимназии (говорится в его «Автобиографии»), то помню, как учитель реального училища, где естествознание преподавалось серьезнее, говорил, что в университете нам будет читать сам Мечников об истреблении вредных для земледелия насекомых паразитирующими грибочками... Но И. И. Мечникова в университете я уже не застал — он был занят бакстанцией».

Если верить многочисленным авторам, то к 1886—1887 гг. относится знакомство Д. Заболотного с только что созданной (в июне 1886 г., в основном усилиями И. И. Мечникова, демонстративно покинувшего местный университет) первой в России и второй в мире бактериологической станцией. Если по официальным документам перед станцией ставились исключительно практические цели, то по замыслу создателей в ее задачи входило, помимо изготовления и применения вакцины против бешенства и сибирской язвы, и изучение проблем молодой науки — бактериологии. Поскольку Мечникова интересовали иммунитет и биология возбудителей инфекционных болезней, эти проблемы разрабатывались крохотным коллективом. В результате успешных исследований станция очень скоро превратилась в один из крупнейших центров микробиологии в России. Ее работы вызывали живой интерес ученых и врачей.

Первое помещение станции находилось на Гудовой улице (ныне ул. Л. Толстого), в доме № 4. Тот, кто не бывал в нем, не мог бы знать многих подробностей, о которых с такой четкостью вспоминал через несколько десятилетий Д. К. Заболотный. «В нижнем этаже, — писал он, — станция занимала пять комнат окнами на улицу. Одна из небольших комнат служила кабинетом Илье Ильичу. В окнах станции прохожие постоянно видели склоненную над микроскопом голову Мечникова... Я ясно помню маленькое помещение станции, лица одесских врачей Тезякова, Шора, Караманенко и других и среди них жестикулирующую

фигуру Ильи Ильича»⁶. В другом случае добавлял: «Работа кипела... станция была тогда единственным живым центром (в Одессе. — *Н. П.*), где бился пульс истинной исследовательской мысли... Дух станции, подбор ее сотрудников, высоконаучный авторитет ее основателя сразу привлек к ней... и молодых научных работников, и внушительных ученых с выдающимися именами — Л. С. Ценковского, А. О. Ковалевского, М. Меликова и других...» И сознался: «...среди нас, студенческой молодежи, было очень много желающих туда попасть работать»⁷.

Бывать на станции и не попасть под обаяние научного гения Мечникова, разумеется, Заболотный не мог, и он с тех давних лет на всю жизнь стал его верным адептом.

На одаренность молодого человека, его увлеченность наукой и просто личную привлекательность обратили внимание сотрудники станции. Исключительно дружеские, полные взаимной симпатии отношения, установившиеся между ними еще в ту пору, сохранились на долгие, долгие годы — в разное время по разным поводам они будут приходить на помощь друг другу.

Документы охранки, переписка в ту пору еще юной украинской поэтессы Леси Украинки (Косач) с подругой М. М. Комаровой, дочерью известного украинского библиографа и историка М. Ф. Комарова, и воспоминания ее брата — Богдана Михайловича, а также сам Даниил Кириллович в «Жизнеописании» свидетельствуют о том, что, «несмотря на тогдашний политический гнет, студенчество жило своей жизнью, существовали нелегальные организации, кружки, землячества, которые вовлекали молодежь в работу среди крестьянства и рабочих»⁸. В Одессе под видом студенческого землячества выходцев из Каменец-Подольской губернии действовал полуполигальный кружок «Молодая громада», состоявший в основном из студентов Новороссийского университета. По словам Б. М. Комарова, «собирался кружок на свои заседания часто... Читали

---

⁶ *Заболотный Д. К.* Я. Ю. Бардах // *Микробиол. журн.* 1928. Вып. 3. С. 168.

⁷ Отчет Одес. сан.-бактериол. ин-та за 1927 г. Одесса, 1928. С. 26.

⁸ *Заболотный Д. К.* *Життєопис.* // *Вибрані праці.* Київ: Наук. думка. 1969. С. 8.

доклады, декламировали, организовывали шевченковские вечера», а по свидетельству самого Заболотного, «мечтали о союзе всех народов»⁹.

После переезда семьи Комаровых в 1888 г. из Киева в Одессу М. Комаров становится членом «Молодой громады» и начинает играть в ней ведущую роль. Среди пяти фамилий студентов, собиравшихся, как правило, в доме Комаровых, Богдан Комаров называет и Данилу Заболотного.

Кто его друг по «Громаде»? Алексей Никифорович Лосятинский (подпольная кличка — Лось)¹⁰ — студент математического отделения Новороссийского университета, участник революционно-демократического движения на юге Украины начала 80-х годов; с 1883 г. — поднадзорный, которого на год исключили из университета за участие в студенческих беспорядках. В Даниле Заболотном он нашел родную по убеждениям и интересам душу. Таковы же и остальные товарищи Заболотного по «Громаде» — идеально честные, благородные ратоборцы правды и человечности, противники не только окостенелых традиций преподавания, но и царизма с его гонением свободной мысли.

Весной 1889 г. в Одессу на лечение Косачи привозят еще совсем юную дочь Леся. Давние друзья Комаровых по Киеву, Косачи бывают у них, и, кто знает, возможно, Маргарита знакомит свою подругу детства с членами «Молодой громады». Во всяком случае, двоих из членов кружка — Лосятинского и Заболотного — поэтесса называет в письме к своему брату, написанном за два дня до их ареста. И вот по какому поводу. В начале 1888 г. в Киеве группа молодых одаренных украинских интеллигентов объединилась в кружок под названием «Плеяда». Душой его становятся молодые Косачи — Леся и ее брат Михаил. Свою задачу кружок видит в весьма туманном «посеве самосознания и света доброго братства во всех слоях общества». Для начала «Плеяда» принимается за создание адресованной широкой читательской публике библиотеки переводов на украинский язык русской и зарубежной классики — «от Гомера до Короленко». Нужны были переводчики.

---

⁹ Леся Украинка в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит. 1971. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 153.

В письме от 8—10 декабря 1889 г. из родового села Колодяжного, что на Винничине, Леся Косач (Украинка) сообщает брату: «Ты писал, чтобы поискать в Одессе кого-нибудь, по ты же сам там был и знаешь, как там обстоит дело: вообще там никто ничего не пишет, из студентов я знаю только одного полянина Лосятинского, который мог бы переводить с русского, польского и немецкого... Есть там еще один паныч, Заболотный; он пишет украинские стихотворения, но я их не читала. Попрошу Маргариту выслать кое-что из его произведений. А дальше увидим, как там будет!»¹¹

В обстановке нараставших требований демократизации жизни бесконечно угнетаемых и эксплуатируемых реакционным царизмом народных масс недовольство захватило и учащихся — студенческие беспорядки становились хроническими. Напрасно власти пытались освободить учебные заведения от наиболее радикальных «элементов» с помощью циркуляров о «кухаркиных детях», и путем пятикратного повышения платы за обучение — каждый новый акт притеснений встречался радикальным студенчеством невиданными доселе волнениями. Сам будущий ученый писал, что у него в связи с этим «в университетской жизни не все шло гладко. После одной из студенческих сходов, выражавшей протест против массового увольнения наиболее активных студентов, пришлось и мне порвать связь с университетом»¹².

Особенно пугали царскую охранку «естественники», среди которых она насчитывала много «неблагонадежных элементов». За активистами-естественниками учреждается слежка. В том числе и за Д. Заболотным, пришедшим в университет с уже готовыми «предосудительными мыслями»¹³. Филер за Данилой следовал по пятам. Бывал на сходках в трактирах и кухмистерских. А тут тебе и пылкие речи «преступного характера», и «призывные к ниспровержению»

¹¹ Леся Украинка. Собр. соч: В 12 т. Т. 12. Письмо № 20. Киев, 1978. С. 127.

¹² *Заболотный Д. К.* Автобиография // Огонек, 1927. № 24. С. 3.

¹³ Студенткам Петербургского женского медицинского института в 1902 г. в одной из бесед к тому времени уже известный ученый признается, что при первом, еще гимназическом чтении произведений Писарева и Добролюбова ему казалось, будто они излагают не свои, а его мысли.

стихотворения, и «ура» при упоминании имен царевичей, и общение с железнодорожными рабочими. Соглядатаи пытались засечь его за чтением книг, «служащих разрушению и социальному применению». Даже у «бабы-писарки»¹⁴ в Соколовке, где любил гостить Данила, в конце 1889 г. жандармы произвели обыск: искали подцензурное, женевское издание шевченковского «Кобзаря» и крамольные письма «двусмысленного» содержания. «Перерыли все в доме, перебрали все книги и бумаги, но ничего „зловредного“ так и не нашли», — вспоминал сосед Сауляков И. Гуцол. «Обозлившись, приказали моему отцу, — пишет в своих воспоминаниях его сын Павел, — сжечь все печатное, что есть в доме. Отец хотел сберечь для Данилы Кирилловича хотя бы одну — самую толстую книгу. Взял и уселся на нее перед печкой. Но жандарм заметил, ногой выбил из-под отца книгу и сам швырнул ее в огонь»¹⁵.

Помимо участия в «Молодой громаде», подольском студенческом землячестве и университетской кассе взаимопомощи, Заболотный был вовлечен и в работу среди рабочих. Газета «Моряк» рассказала, что Заболотный пытался втолковывать рабочим одесской чай-развесочной фабрики Высоцкого, пробковой фабрики и железнодорожных мастерских мысль: хозяевам без рабочих не обойтись, а вот рабочие без хозяев вполне справятся¹⁶.

Все это для одесской полиции послужило основанием признать Данилу Заболотного и двух его товарищей — А. Лосятинского и Б. Зозулинского — зачинщиками ноябрьских (1889 г.) беспорядков в Новороссийском университете¹⁷. В ответ на требование министра просвещения Д. Толстого о присылке «обстоятельных и полных сведений об образе мыслей и направлении молодых людей... заявивших себя дурными наклонностями», одесский полицмейстер о Д. К. Заболотном сообщил: «...был на примете с декабря 1887 г. вследствие отрицательного и протестующего направления, при этом во всех студенческих беспорядках, происшедших осенью, принимал деятель-

---

¹⁴ Бабушка по материнской линии.

¹⁵ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 171.

¹⁶ Моряк. 1967. № 14.

¹⁷ ООГА. Материалы судеб. палаты за 1889 г. Д. 196 и 5. С. 9, 13.

ное участие... заводил знакомство и поддерживал отношения с личностями, известными своей политической неблагонадежностью, принимал их у себя в квартире, также посещал их... Во время беспорядков, произведенных в здании Новороссийского университета 20 ноября, находился в толпе студентов. На неоднократные предложения удалиться он отвечал отказом»¹⁸.

Из характеристики университетского инспектора следует, что именно по предложению Заболотного его однокурсники 22 ноября проголосовали за воззвание к московскому студенчеству, «явно направленное к колебанию основ существующего порядка»¹⁹. А в нем действительно говорилось о готовности «либо добиться возврата в университет бесправно исключенных, либо его закрытия».

И власти с тупой свирепостью обрушили свой гнев на одесских студентов. Кроме четырнадцати ранее исключенных, теперь уволены из университета за «беспорядки» в защиту их еще двадцать девять. Часть из них были просто высланы из Одессы, а часть — арестованы. Среди последних, наиболее воинственно настроенных, был и Данила Заболотный.

М. Комарова, видимо, близко к сердцу приняла ноябрьские события в университете. Зная подробности ареста своих единомышленников по «Молодой громаде», она писала в те дни своей подруге — Лесе Украинке: «Четырех — знаешь кого: Лосятинского, Заболотного и еще двух тебе не знакомых — Зозулинского и Попова, — схватили и посадили в острог. Так печально, так горько было это услышать... И вот вся их жизнь пропала. Осталось (до окончания университета. — *Н. П.*) только полгода — и все пропало. Право, я не могу спокойно писать об этом. Вот уже вторую неделю, как сидят бедолаги, и даже мать Заболотного не допустили к нему...» Ниже приписка: «У Лосятинского и Заболотного ничего не нашли, а все же не уцелели от „черной кареты“»²⁰.

Студентов привезли в тюремный замок с круглыми желтыми башнями. Здесь самым бесцеремонным об-

¹⁸ Гос. арх. Одес. обл. 1889. Ф. 2. Д. 2420. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 24.

²⁰ Леся Украинка в воспоминаниях современников. С. 223.

разом обыскали, отобрали деньги, часы и книги. Затем тюремщики разлучили арестованных: Заболотного повели в «секретку» — еще за одни ворота, в мрачного вида здание, приказали спуститься в подземелье. С гулом и скрежетом растворилась железная дверь камеры № 35 и тут же захлопнулась за арестантом. Загремел, заскрипел засов, щелкнул замок — и вокруг на целых две недели воцарилась тишина. Гробовая, мертвая... Ни прогулок, ни человеческого голоса. Книг не дают, на прогулки не водят, петль не разрешают... Не меньше, чем голод, досаждают холод. Ведь арестовали Данилу в ношеном-переношеном сюртучке, легоньком пальтишке, разбитых туфлях. Хотя арестант не снимает ни пальто, ни обувь, лихой холод сковывает руки, голову и он все время дрожит. Особенно мучительны ночи — только съезжится на отяжелевшем от влажного воздуха и необыкновенной сырости тюфяке, как холод тут же скует. Поднимается Данила и начинает шагать: два шага вперед, столько же — назад... Как тоскливо, как бесконечно тянутся нескончаемые, жестоко томительные недели!

Наконец начались допросы. Следователь вначале намекал на «исключительность» его подследственного, «зловредность» товарищей, якобы оговоривших его, скорбел о том, что он своим молчанием «сам себя губит», и даже пытался затеять «оппонирующий» разговор о царствующих особах. Очевидно, рассчитывал, что Заболотный неосторожными высказываниями сам подкрепит основания для сурового приговора. Ведь их явно недостаточно: «При обыске, производившемся у Д. Заболотного приставом Петропавловского полицейского участка, — сообщал начальник Одесского жандармского управления градоначальнику, — никакие обличительные документы не были отобраны»²¹.

Действительно, Даниле повезло, особенно со стихотворениями — они не попались в руки жандармов. Повезло потому, что все его стихи говорили о глубине ненависти автора к царизму. Если принять во внимание, что поэтический язык чаще всего служит для душевных излияний автора, то вот что писал Заболотный незадолго до ареста:

---

²¹ ООГА. Дела канцелярии Одес. градоначальника. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2479.

«... в краю неволі — люд в ярмі,
там поле, труд — усе забрато,
а лучші люди — у тюрмі...»²²

И звал:

«... На рубу за волю!
На згубу за волю!
Яспую правду здобудем
В кривавім бою!»²³

Подследственный молчал два месяца. Поэтому следователю пришлось извлечь из стола пухлое дело «бывшего студента Д. К. Заболотного» с доносами и от себя дописать: «Заболотный — личность вредная, упорно держащаяся засевших в нем воззрений, могущая вредно влиять на учащуюся молодежь, увлекать менее самостоятельную часть ее»²⁴.

И попечитель университета не удержался — тоже подлил свою ложку дегтя, утверждая, что в день ареста Заболотный «произносил слова, возбуждающие к учинению бунтовщических деяний и дерзостное неуважение к верховной власти...» и «если еще не понес наказание, то исключительно благодаря милости и снисходительности университетского начальства»²⁵.

Надеяться, что при таких обстоятельствах пощадят, не приходилось. Но Заболотный не сдался! Он отказался от прогулок и пищи, не отвечал на вопросы следователя. Тюремщикам это показалось явным признаком помешательства юноши с осунувшимся, бледным лицом. В его одиночной камере, не без содействия А. О. Ковалевского и Я. Ю. Бардаха, появился врач одесской больницы Б. Шпакович — человек, известный в городе своими реакционными убеждениями. Взглянул на успевшие опухнуть суставы арестанта, зачем-то потребовал показать язык, пощупал пульс и сказал, что арестованный подлежит немедленной отправке в больницу. Перемещения из страшной «подземки» в тюремный лазарет, а потом в психиатрическое отде-

---

²² «... в краю неволи — люди в ярме, там поле, труд — все отнято, а лучшие люди — в тюрьме...»

²³ «На битву за волю! На гибель за волю! Ясную правду обретаем в кровавом бою!» Копии стихотворений хранятся в комнате-музее Д. К. Заболотного в Киевском институте микробиологии и вирусологии АН УССР им. Д. К. Заболотного.

²⁴ ООГА. Ф. 45. Оп. 11. Д. 12. Л. 9.

²⁵ Там же. Д. 6. Л. 27.

ление городской больницы показались Даниле праздником.

Тем временем университетский суд под председательством ректора-реакционера С. П. Ярошенко 21 ноября 1889 г. поспешил исключить из университета «зачинщика беспорядков» Д. Заболотного и просил попечителя Одесского учебного округа о привлечении его к ответственности²⁶. А его превосходительство Лавровский помнил Данилу Заболотного. Однажды при посещении Риппельевской гимназии тот отвечал в его присутствии и, к величайшему неудовольствию попечителя, сослался на... Дарвина. Конечно, директор гимназии получил замечание за «недостаточную твердость и разумность руководства», а гимназист — единственную в жизни единицу. Да, раз речь идет о Даниле Заболотном, он обязательно попросит одесского градоначальника «признать возможным сделать зависящие распоряжения о немедленном удалении Д. К. Заболотного из пределов Одесского градоначальства»²⁷.

Дело было передано жандармскому управлению. 11 декабря 1889 г. конфиденциальным письмом шеф жандармского управления поддерживает Лавровского — просит градоначальника «о водворении бывшего студента Заболотного на жительство вне местности, связанной с Херсонской губернией»²⁸.

Но к этому времени появилось врачебное заключение. Оно гласило: «Общее состояние Д. К. Заболотного требует серьезного лечения». Одесская полиция в связи с этим сообщила градоначальнику: «Подлежащий гласному надзору полиции с удалением из Одессы Д. К. Заболотный выписан из городской больницы на попечение матери его, Евгении Заболотной, 14 апреля 1890 года... Выписан не в качестве выздоровевшего, а ввиду амбулаторного лечения под ближайшим надзором врачей, знакомых с течением его болезни»²⁹.

Однако Иван Заболотный, студент юридического факультета Киевского университета, добился для старшего брата Д. Заболотного разрешения остаться в Одессе «для лечения», а еще через год одесский

---

²⁶ ООГА. Ф. 45. Оп. 4. Д. 6. Л. 19.

²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2420. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 23.

²⁹ Там же. Д. 2449. Л. 3.

градоначальник наконец заменил гласный надзор полиции за Д. Заболотным негласным³⁰.

Конечно же во всей этой истории по освобождению Д. К. Заболотного чинов охраны загнипотизировали умело пущенная версия о «психическом нарушении умственных способностей» студента и остроумно составленное не без участия руководства Одесской бактериологической станции врачебное заключение о «крайней необходимости амбулаторного лечения» недавнего арестанта в виде опыта — с помощью новинки для медицины того времени — электричества, — «дальнейшее продолжение которого связано с большим или меньшим успехом», причем в случае отрицательного результата было обещано «повторное водворение подопытного в специальное заведение для помешанных»³¹.

Между тем «помешанный», с помощью одесских доброжелателей так ловко обведший вокруг пальца даже самого директора департамента полиции, не нуждался в опеке, а, обретя свободу, тут же, как писал одесский градоначальник, «начал работать в физиологическом отделении университета»³².

Кончилась одна жизнь, наступала другая. Начались мытарства с получением университетского диплома. Дипломную работу он, конечно, сделает в лаборатории А. О. Ковалевского. Остановились на теме «Бактерии снега». Но арест, негласный надзор стали, казалось, непреодолимым барьером на пути к сдаче государственного экзамена. Напрасно Д. Заболотный слал прошение за прошением — при обратном приеме в университет политически «меченных» Ученый совет тщательно отсеивал независимо от одаренности. А он — проситель — был из тех, кто и тюремной бурды хлебнул!

Трогательно старались помочь ему университетские учителя, но решающим оказалось «особое, ввиду их исключительного положения в качестве знаменитых ученых», ходатайство И. И. Мечникова и И. М. Сеченова, отказ которым, по мнению министра народного просвещения, мог «повлечь за собой крайне нежелательные последствия», — Заболотный наконец полу-

---

³⁰ ООГА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2449. Л. 1.

³¹ Там же. Ед. хр. 2429. Л. 15—16.

³² Там же. Ф. 45. Оп. 4. Ед. хр. 221. Л. 46.

чает разрешение на сдачу государственных экзаменов экстерном.

Стремление молодого человека вплотную заняться наукой нашло понимание у руководства Одесской бактериологической станции, к тому времени уже приобретшей репутацию убежища для «изгнанных и оскорбленных», а в глазах Данилы Заболотного — единственного места в Одессе, где можно свободно заниматься научным экспериментированием³³. Чтобы помочь материально, его зачисляют практикантом. Врач Я. Ю. Бардах, ученик И. И. Мечникова, совместно с профессором А. О. Ковалевским помогают опальному Заболотному освоить методику бактериологических исследований. Ощувив вкус самостоятельных научных поисков, полем своей будущей деятельности он избирает новый в ту пору раздел биологии — бактериологию.

Почему бактериологию? Как метко выразился один из биографов Заболотного, это было «вынужденное, но самопроизвольное зарождение» основного направления научных изысканий Данилы Кирилловича Заболотного. Опальный, он не имел другого пристанища для работы, кроме бакстанции. Позже Заболотный скажет, что ему больше не довелось встретить таких доброжелательных, заинтересованных учителей, как среди первых русских бактериологов. Да и сам предмет выбора был заманчив. Он напоминал только что открытый материк, полный загадок и неожиданностей. Возникнув из недр классической зоологии, бактериология конца XIX столетия едва ли не каждый день преподносила врачам, зоологам, ботаникам, агрономам все новые чудеса из жизни еще недавно малоизвестных микроскопических существ. Едва Л. Пастер нашел средство борьбы с сибиреязвенными бактериями (термин «микроб» только начинал тогда входить в научный обиход), как Р. Кох обнаружил микроскопического возбудителя чохотки, а спустя год и холерную «запятую». Подлинной сенсацией была пастеровская находка средства лечения бешенства с помощью прививок. А разве не заманчиво участвовать в поисках виновников других страшных заразных заболеваний, вступать с ними в единоборство и наконец побеждать, даруя человечеству миллионы солнечных дней!

---

³³ Материалы X Всесоюз. съезда бактериологов, эпидемиологов и сан. врачей. Одесса, 1926. С. 48.

И вчерашний студент, уже получивший солидную общебиологическую подготовку, с головой уходит в азартную погоню за еще неизвестным. За два года он успевает выполнить три работы — о микробах снега, лиманной воды и, наконец, посвященную холере. Первую, к сожалению утерянную, представляет в университете для получения диплома. О качестве ее говорит присуждение 11 августа 1891 г. автору диплома первой степени и звание магистра естественных наук³⁴.

Во второй половине прошлого века ученые Новороссийского университета придавали большое значение всестороннему изучению одесских лиманов, особенно выяснению механизма образования в них грязей, этого лечебного фактора, превращавшего Одессу в крупный курорт. Очевидно, в связи с этим профессора А. О. Ковалевский и Ф. М. Каменский поручают своему серьезному ученику изучение причин свечения (фосфоресценции) Хаджибейского лимана. На основании тщательных исследований он полностью исключает бытовавшее предположение, что свечение — результат присутствия бактерий, паразитирующих на инфузориях. Нет — светятся не бактерии, доказал исследователь, а особый, еще не описанный вид инфузорий, обладающий свойствами периодического свечения, связанными с циклом их развития. И светятся не все, а одни подвижные формы, и то только при благоприятной температуре воды. Оказывается, протоплазма инфузории в своей деятельности нуждается в отдыхе. Это явление, знает Заболотный-биолог, наблюдается при каждой функциональной деятельности. «Кроме того, — записывает он, — для свечения необходимо, чтобы жизненные функции инфузорий достигли соответствующей интенсивности; они не светятся при продолжительном взбалтывании воды или светятся сильнее, когда нуждаются в кислороде»³⁵. Такова эта гипотеза Заболотного об электросвечении организмов, со временем получившая полное подтверждение.

Статья «О фосфоресценции одесских лиманов» — первая печатная работа Д. К. Заболотного, увидевшая свет, когда он переехал на учебу в Киев³⁶. Вскоре

³⁴ ООГА. Ф. 45. Оп. 4. Ед. хр. 299.

³⁵ *Заболотный Д. К.* Избр. тр. Т. 2. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С. 256.

³⁶ Южнорус. мед. газ. 1892. № 7.

сообщение было переведено на французский язык и опубликовано под названием «Note sur la phos pousse des lacs sales graphie»³⁷. Биологическому значению свечения в царстве растений и животных Заболотный посвятил и статью «О свечении живых организмов»³⁸.

К работам того же общебиологического направления, в которых ярко видна глубокая естественноисторическая подготовка автора, нужно отнести статью обзорного характера «Сероводородные и серные бактерии и их роль в природе»³⁹. Сбор материалов для нее он начал в Одессе, а закончил в Киеве, в лаборатории профессора В. В. Подвысоцкого.

Сероводородное брожение в Черном море и одесских лиманах изучали А. А. Вериго, Н. Д. Зелинский, Е. М. Брусиловский. Заболотный же продолжил эти исследования и внес существенные поправки в представление о роли микроорганизмов в кругообороте материи и в понимание механизма образования сероводорода, который обнаруживается повсеместно в водах Черного моря, начиная с глубины 100—150 м с постепенным увеличением концентрации его вплоть до дна.

Небезынтересна обстановка, в которой была задумана Даниилой Кирилловичем следующая, третья в его жизни и первая на медицинскую тему работа. Открытие паразитарного характера происхождения инфекционных болезней ломало укоренившиеся веками в медицине представления, взгляды и предрассудки, вело к радикальной перестройке терапии многих инфекционных заболеваний. Даже С. П. Боткин — основоположник физиологического, функционального направления в клинической медицине — принялся за литературные студии микробного мира⁴⁰.

В эти годы расцвета медицинской микробиологии Россия и страны Европы в который раз стали ареной исключительной по размерам и жестокости холерной эпидемии. Число жертв уже подбиралось к восьмиде-

---

³⁷ Ann. Micrographie. 1893. N 1.

³⁸ Записки Новорос. о-ва естествоиспытателей. 1893. № 2. С. 78—80.

³⁹ Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1896. № 2. С. 320—328.

⁴⁰ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. СПб., 1898. С. 358—359.

сяти тысячам. Это было страшное, казавшееся неодолимым народное бедствие. Медицинские журналы пестрели полемическими статьями о роли коховского вибриона как возбудителя холеры, а совершенно обязательное тогда для признания микроба возбудителем определенного заболевания экспериментальное заражение животных оставалось лишь желаемым. Начал эксперименты с холерным вибрионом и И. И. Мечников, «провозвестник идей Пастера в России», как позже назовет его Даниил Кириллович. В таком же направлении работают и сотрудники руководимой им бакстанции: холера — частый гость в портовой Одессе! Искали подходящих для экспериментов животных и такие знаменитые немецкие бактериологи, как Пфейффер, Вассерман, Клемперер. Все тщетно: при заражении морских свинок и кроликов они получали только отдельные симптомы болезни, притом нетипичные.

А Заболотный напел — сусликов. Их поставляли ему за небольшую мзду мальчишки. Используя данные о чувствительности животных к другим инфекциям — куриной холере (Мечников, Гамалея), туберкулезу (Мечников), — экспериментатор кормит их зараженным овсом и наблюдает у сусликов картину заболевания, весьма напоминающую течение холеры у людей.

Ободренный первой удачей, он записывает: «Результаты этих опытов превзошли все мои надежды... Это был убедительный материал в доказательство этиологической роли холерного вибриона»⁴¹. И следует новая серия опытов — теперь по вакцинации сусликов убитой культурой холерного вибриона. Животные приобретают равноценную невосприимчивость к холере как при скармливании вакцины, так и в результате подкожных и внутрибрюшинных прививок. Итак, энтеральная иммунизация сусликов против холеры — реальность. В результате кормления холерной вакциной развивается не только местный иммунитет кишечника, но и общая невосприимчивость организма.

Это у животных, а у человека? Пройдет время, и, основываясь на полученных в этих экспериментах данных, Даниил Кириллович докажет возможность энтеральной иммунизации против холеры и человека.

---

⁴¹ Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1893. № 2. С. 113.

Но то — в будущем. А пока этой работой натуралист Заболотный вступил в область медицины, у которой свои теории, традиции, свои каноны, эксперименты. Она уже поставила его в ряд заметных русских бактериологов. Медицина же получила от биолога Заболотного возможность в эксперименте на животных искать способы быстрого распознавания опасного заболевания, а детально изучив клиническую картину, определять пути борьбы с ним.

Диплом об окончании университета получен, но Заболотный на перепутье: чем заняться? Отдаться ли борьбе с царизмом, остаться ли верным предмету вчерашнего увлечения — естествознанию, или посвятить жизнь медицине? Выбор происходил не без внутренней борьбы — Заболотный боялся, не сочтут ли вчерашние «сотоварищи» его уход в науку за политическое ренегатство, бегство в стан обывателей. Поэтому в стихах объяснял, что это только смена деятельности:

«... Товариство мое любе,
Не коріть словами,
Не думайте, що для щастя
Разстануся з вами:
Підем разом на роботу
Для людей нещасних...»⁴²

Заболотному конечно же известно, что мировая статистика ранних смертей от болезней убийственна. В Китае, Индии, британских колониях, России средняя продолжительность человеческой жизни не превышает 20—25 лет. Эпидемии тяжелых заразных болезней — чумы, холеры, тифов — ежегодно уносят людей значительно больше, чем голод. А какая война, какие сражения стоили столько же жизней, сколько скосили их пандемии? Как оздоровить планету, как уничтожить самые опасные заболевания — над этим надо думать, думать день и ночь, полагает Д. Заболотный. Поступить иначе — значит совершить преступление: ведь малейшее промедление — это еще миллионы и миллионы преждевременных смертей.

Радикально же помочь делу в состоянии одна наука. Никакие личные качества врачей, никакая пре-

⁴² «Друзья дорогие, не упрекайте, не думайте, что для счастья расстанусь с вами: пойдем вместе на работу для людей несчастных...» (с укр.).

данность делу ничего не сделают там, где недостает науки. И так, он будет служить человечеству наукой. Медицина — самое подходящее для него жизненное поприще, соответствующее как его убеждениям, так и устремлениям. Но, чтобы сказать в науке свое слово, он к общебиологической подготовке должен приплюсовать еще и высшее медицинское образование. Без этого ему будет уготовано повторение историй с Пастером и Мечниковым — сколько раз дельные подсказки этих гениев врачи отвергали только потому, что ни Пастер, ни Мечников не имели врачебных дипломов.

Но как быть — ни в одном из русских университетов пока нет кафедр бактериологии! Тогда он подает документы в Киевский. Здесь заведующий кафедрой общей патологии профессор В. В. Подвысоцкий уделяет большое внимание бактериологии, в его лаборатории разрабатываются и вопросы иммунитета. Подвысоцкий дружен с И. И. Мечниковым, он часто бывает в Париже.

Заболотный знает, что его опять ждут годы горьких лишений. Но уж такова устремленность молодого человека — он готов к любым трудностям, если речь идет о науке, нацеленной на борьбу с болезнями, веками преследующими человечество. Уже в первой половине 1891/92 учебного года он, третьекурсник, сдает первый экзамен за пятый семестр.

В своих воспоминаниях о Л. А. Тарасевиче Д. Заболотный писал: «Как памятно это время жизни в Киеве, который всегда являлся одним из центров научной мысли. Лаборатории патологоанатома Минха (впоследствии — Высоковича), общей хирургии — Павловского, зоологии — Коретнева, ботаники — Навашина, общей патологии — Подвысоцкого, диагностики — Леша и другие привлекали внимание будущих микробиологов. . . исследованиями раковых опухолей, изысканиями по иммунитету и патологии инфекционных болезней, в частности холеры, возвратного тифа, чумы и прочих болезней, выходившими отсюда»⁴³.

С детским восторгом Заболотный наслаждается лекциями Подвысоцкого, выдающегося отечественного

---

⁴³ Заболотный Д. К. Избр. тр. Т. 2. Киев: Изд-во АН УССР. С. 285—287.

патолога, среди работ которого особое место занимают труды по инфекционной патологии и иммунитету. Его просторная аудитория во дворе анатомического театра всегда была полна народа. Заболотный в своих воспоминаниях оставил живой портрет Подвысоцкого-лектора. Он небезынтересен, поскольку будущий преподаватель Заболотный почерпнет многое из его лекторской манеры. «На окнах были выставлены микроскопы с препаратами. Владимир Владимирович... поминутно обращался к доске для записывания наиболее существенного и зарисовывания цветными карандашами схем микроскопических препаратов. Затем все стиралось... и писалось и рисовалось новое... Если в лаборатории получались какие-либо интересные результаты, Подвысоцкий обычно делился ими со слушателями. Так, с первого же раза В. В. втягивал нас в научные интересы»⁴⁴.

Заболотного не нужно было «втягивать в научные интересы» — они-то и привели крестьянского сына еще в один университет. Но путь его, уже дипломированного естественника, в лабораторию Подвысоцкого был не прост. Профессор уважил просьбу группы студентов, в том числе и Заболотного, допустить их в лабораторию для углубленного изучения патологии, но остался верен своей методе отсеивания людей случайных — довольно продолжительное время он выдерживал их на положении рядовых служащих, в том числе и Заболотного. Наконец профессор, приглядевшись к Даниилу Кирилловичу, дарит ему не только свои симпатии и впрямь неизменную поддержку, но и дружеское расположение. Заболотный допущен к самостоятельному экспериментированию — у него свое рабочее место в лаборатории. Это в его представлении высокая награда.

Атмосфера захватывающего научного поиска опьяняет его. «Окна в лаборатории, — вспоминал он в 1913 г. на заседании Петербургского микробиологического общества в речи, посвященной памяти В. В. Подвысоцкого, — светились до поздней ночи, и мы, жившие поблизости, проводили там всякую свободную минуту»⁴⁵.
Всю жизнь Д. К. Заболотный будет помнить свой «укромный уголок» в лаборатории, в которой уважае-

⁴⁴ Рус. врач. 1913. № 18. С. 590—591.

⁴⁵ Врачеб. газ. 1913. № 11. С. 411.

мый им профессор «научил целое поколение студентов находить красоту в своем кровавом ремесле патолог-анатома и ставить его на службу людям». Здесь он сблизится с постоянными сотрудниками лаборатории, впоследствии выдающимися отечественными учеными, профессорами: Казанского университета — И. Г. Савченко, Московских женских медицинских курсов — Л. А. Тарасевичем, Варшавского университета — В. А. Таранухиным.

У студента Заболотного уже есть свой объект поисков — холера. Изучение заболевания в то время представляло большой и теоретический и практический интерес. В первые годы XIX столетия в Европе считалось, что холера — эпидемическое заболевание, свойственное одним восточным народам, и его нечего бояться европейцам. Но уже в 1817 г. холера начала свой путь на запад — сначала караванщики занесли холеру в Африку, а потом через Китай она пробралась в Россию. Отдельными холерными вспышками отмечены и все последующие годы не только в Германии, Франции, Англии, но и в Северной Америке. И все-таки и к концу минувшего века о заболевании медицина еще, по существу, знала очень мало, разве что Р. Кох установил возбудителя — холерную «запятую». Но его сообщение не было принято безоговорочно — в доказательствах того, что холерный вибрион — единственный виновник холеры, отсутствовало важное звено. Как обстояло раньше? Открыли, к примеру, возбудителя столбняка и тут же его культуру вприсычули животному, чтобы вызвать у него соответствующую болезнь⁴⁶. А вот с холерой дело складывалось иначе — ни одно животное не обнаружило восприимчивости к холере. Она казалась болезнью одних людей. Притом в некоторых местностях, где находили вибрионов, ничем не отличавшихся от коховской «запятой», холерные заболевания не были зарегистрированы.

У русских ученых, в частности у И. И. Мечникова, уже имелся целый цикл публикаций по микробиологии

---

⁴⁶ Заражение животных с типичной для людей картиной течения заболевания было одним из постулатов коховской «триады», согласно которой безвредный микроб можно считать причиной инфекционного заболевания только в том случае, если он всегда встречается у больных, не обнаруживается у здоровых и вызывает у животных заболевание с типичной для людей картиной течения болезни.

холеры. Но вот воспроизведение инфекции на животных и у него не ладилось, хотя он пытался заражать холерой даже новорожденных и «сосунков», у которых в кишечнике не успели еще развиться «мешающие» вибриону микробы. Сосунки заболели, но лечить их «мешающими» микробами не удавалось: активные в пробирке, они не оказывали никакого влияния на течение холеры у животных. Эта холерная «эпопея», отнявшая у Мечникова много сил, имела свое продолжение в России. Оно прямо связано с именем студента Заболотного, получившего еще в Одессе модель холеры на крапчатом суслике, как бы традиционно экспериментальном животном на Одесской бакстанции.

Форсирование поисков в области открытой Д. К. Заболотным возможности иммунизации животных против холерного вибриона через пищеварительный тракт диктовалось тем, что происходили они в условиях четвертой холерной пандемии. После многообещающих опытов на сусликах было решено вызвать иммунитет к холере и у человека не с помощью обычных до сих пор инъекций, а путем иммунизации через рот. Заболотный считал, что «естественной конечной целью теоретических и лабораторных изысканий» должно быть «стремление к практическому применению добытых данных, к выработке невосприимчивости к заразным заболеваниям человека»⁴⁷. Поскольку диагностика холерных и холероподобных вибрионов была не отработана, он пошел на единственно бесспорный, надежный, хотя и рискованный эксперимент — самозаражение. К нему присоединились прозектор И. Г. Савченко и один из студентов. Готовились решительно, без колебаний, но тщательно — со строгим расчетом, обещавшим исключить случайности. В конце марта смельчаки начали активную самовакцинацию через кишечник. 28 дней подряд по утрам пили холерную вакцину и заедали ее картошкой, сваренной в автоклаве. Затем проверяли сыворотку крови. Через три дня после последнего приема вакцины из убитых холерных вибрионов — 1 мая 1893 г. «в 11 1/2 ч утра после нейтрализации желудочного сока, — записал в тот день Даниил Кириллович в протокол эксперимента, — мы в присутствии профессоров Подвысоцкого и Леши и студентов

---

⁴⁷ Заболотный Д. К. Опыт иммунизации человека против холеры / Соавт. И. Г. Савченко // Врач. 1893. № 20/21. С. 599.

выпили по 0,1 см³ односуточной бульонной культуры холерного вибриона»⁴⁸.

Чтобы не было сомнений в болезнетворности вибриона, из той же пробирки, из которой пили смертельную жидкость отважные экспериментаторы, шприцем была взята разводка и сделаны уколы в брюшину контрольным животным. Не прожив и суток, кролики погибли. Значит, разводка бесспорно была смертельной. А предварительно иммунизированные исследователи остались живы и здоровы. Только на третий день в своих экскрементах обнаружили холерного вибриона, притом в значительно большем количестве, нежели других бактерий. Так, Заболотным было доказано, что с помощью принятых внутрь убитых бульонных разведений холерного вибриона можно уберечься от заболевания, возникающего при проникновении в кишечник «вредоносного» микроба.

Если прокомментировать этот факт, то окажется, что Заболотный уже в 26 лет сознательно подверг себя смертельно опасному опыту во имя утверждения научной истины. Ведь не было гарантии, что все окончится благополучно, — могли подвести вакцина, доза, сам человеческий организм. И тогда — смерть. Эта первая смелая и триумфально завершившаяся попытка местной иммунизации человека через рот против холеры указала новый путь профилактики тяжелых инфекций и была еще одним шагом к пониманию так называемого местного иммунитета.

Участники опыта, и только они, должны считаться первопроходцами метода пероральной вакцинации против тяжелых кишечных инфекций. К сожалению, этот необычайный опыт был надолго забыт. Лишь много лет спустя А. М. Безредка, разрабатывая иммунизацию с помощью энтеровакцинации, воспользовался данными, полученными Заболотным и Савченко за два десятилетия до него, но без упоминания их имен.

Яркая студенческая работа Заболотного важна еще в одном отношении. Обнаруживая в фекалиях на протяжении двух-трех суток вирулентных холерных вибрионов, идентичных исходной культуре, использованной для заражения, он открыл и явление так называе-

---

⁴⁸ Заболотный Д. К. Опыты заражения и иммунизации против холерного вибриона: (Предвар. сообщ.) // Южнорус. мед. газ. 1893. № 34. С. 427.

мого бессимптомного бактерионосительства. Тем самым подтвердил наблюдения русских врачей М. И. Афанасьева, И. Ф. Ранчевского и Л. Э. Попова, находивших холерного вибриона в кишечниках переболевших людей. А киевские экспериментаторы доказали, что такое носительство имеет место и у здоровых людей.

Этот очевидный факт опровергал утверждение самого Р. Коха, что в здоровом организме человека и животного будто бы не могут находиться возбудители инфекционных заболеваний. Рушилось и представление о том, что болезнетворный микроб должен считаться причиной заболевания только в том случае, если он всегда встречается у больных и не обнаруживается у здоровых. И дальше следовало, что заразиться холерой можно не только от больного, но и от здорового человека, если он носит в своем организме ее возбудителя. Последующими исследованиями было доказано, что здоровые бактерионосители — опасные источники инфекции, в первую очередь холеры: при прохождении через организм невосприимчивого к холере человека их вирулентность не снижается.

Заболотный первый указал на необходимость широкого обследования людей для выявления холероносителей. В настоящее время бактерионосительство уже общепризнано, а в первые годы после открытия многие авторитетные ученые отвергали его. И пришлось Заболотному в связи с этим вести многолетнюю острую дискуссию с такими западными светилами, как Гаффке (Германия) и Эрменгемом (Бельгия), которые еще в 1911 г. в Париже на Международной санитарной конференции, созванной для пересмотра Международной санитарной конвенции 1903 г., продолжали отрицать бациллоносительство. Только после смерти Д. К. Заболотного его современник и друг академик АН УССР Д. Стражеско написал, что имя Заболотного наконец «везде цитируется в статьях и работах, посвященных бациллоносительству вообще и холере в частности»⁴⁹.

Работой Заболотного и Савченко заинтересовался сам И. И. Мечников, посетивший Киев проездом в 1894 г. Он специально побывал в лаборатории В. В. Подвысоцкого и подарил Даниилу Кирилловичу свое фото с многозначительной надписью: «Бесстраш-

⁴⁹ Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 8.

ному ученику от восхищенного учителя», а в лекции о холере, прочитанной 3 октября 1894 г. в местном обществе врачей, отметил исключительную научную ценность исследований Заболотного о восприимчивости сусликов к холере и опыта на себе.

Киевлянин профессор Б. И. Клейн вспоминал: «Фамилию Заболотного мы впервые услышали еще в 1892 году, когда в Киев по приглашению Киевского общества врачей приехал И. И. Мечников. Это было летом, в Астрахани развилась эпидемия холеры, и опасались ее занесения в Киев. Вспоминаю замечательный доклад Ильи Ильича о холере в самой большой аудитории университета. . . Среди студентов шли оживленные разговоры о новых блестящих открытиях Мечникова, о „бактерийных“ работах киевского профессора Подвысоцкого и его учеников, при этом упоминалась и фамилия Заболотного, тогда еще студента, работавшего у Подвысоцкого. Передавали, что Мечников тепло отнесся к Заболотному и предсказал ему большую научную будущность. А через два года, осенью 1894 года, снова хвалил. Теперь публично, за опыт на себе»⁵⁰.

Материалы своего классического по постановке и исключительного по результативности опыта молодые исследователи обнаруживали на русском и немецком языках.

К киевскому периоду жизни Д. Заболотного относится еще одна его работа. История ее такова. 4 июня 1892 г. в связи с затянувшейся холерной эпидемией в Одессе состоялось экстренное заседание общества местных врачей. Как сообщила «Южнорусская медицинская газета»⁵¹, «при обсуждении реферата доктора М. Кранцфельда о патологии и терапии холеры по исследованиям последнего времени» всплыл вопрос о мере вредности полей орошения и было решено проверить, так ли это. Для изучения вопроса приглашается из Киева. . . студент Заболотный.

Но Заболотный — человек поднадзорный, поэтому исполняющий дела городского головы «совершенно секретно» 14 июля 1893 г. обращается к одесскому градоначальнику со следующим письмом за № 585: «Городскую Управу приняты временно для производ-

⁵⁰ Наука и жизнь. 1944. № 9. С. 33.

⁵¹ Южнорус. мед. газ. 1893. № 1. С. 36.

ства на бакстанции различного рода исследований санитарного характера окончивший естественный факультет Новороссийского университета св. Владимира Д. К. Заболотный, 26 лет, проживающий в Одессе с 16 июля сего года по Троицкой улице в д. 7, Козинец.

Доводя об этом до сведения Вашего Превосходительства... имею честь покорнейше просить в последующем не отказать почтить меня уведомлением о Вашем согласии на приглашение...»⁵²

Градоначальник же взбешен: снова этот бунтовщик в Одессе! И без промедления письмом за № 1020 от 17 июля ставит в известность исправника и городского голову: «Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что мы не согласны на принятие, хотя бы временно, студента Императорского университета св. Владимира Д. Кириллова Заболотного на бакстанцию для производства различных исследований по санитарным предметам»⁵³.

Очевидно: одесские жандармы боялись Заболотного больше самой холеры!

Нам неизвестно, как директору бакстанции П. М. Диатроптову удалось обойти полицию, но задуманную работу Заболотный все-таки выполнил. На его плечи легла бактериологическая часть исследований. После обработки собранных материалов он написал два раздела к монографии «Материалы к санитарной оценке городских полей орошения в Одессе»⁵⁴. В них много новых ценных наблюдений. Особого внимания заслуживает установление молодым экспериментатором бесспорной возможности длительного сохранения холерными вибрионами в сточных водах канализации жизнеспособности и вирулентности. А что касается полей орошения, утверждал Заболотный, то они не могут быть источником заражения людей — холерные вибрионы на них очень быстро гибнут. Вскоре эти выводы студента Заболотного подтвердили зарубежные экспериментаторы. В работе есть специальный раздел, посвященный началу изучения Заболотным эпидемиологии и иммунологии холеры.

Три года учебы в Киеве пройдут в трудной борьбе Д. Заболотного с нуждой. Длительное время он не по-

⁵² ООГА. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2605. Л. 1 об.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Издано в Одессе в 1894 г.

лучает стипендии и бедствует. И не один — уже с женой, а потом и с сыном.

Архивные документы говорят о том, что первые два года учебы Заболотный был освобожден от платы за обучение, но просил и о назначении стипендии⁵⁵. И только став студентом восьмого семестра, видимо, стал получать стипендию. «Видимо» потому, что в послужном списке Заболотного появилась запись: «За пользование в университете св. Владимира казенной стипендией должен прослужить 1,5 года на государственной службе»⁵⁶.

Сравнение оценок Заболотного с оценками других студентов-медиков говорит в его пользу: несмотря на крайнюю нужду, непроходящую усталость, он — один из лучших студентов факультета. У него на V курсе сплошные пятерки.

Если Заболотный о своем учителе В. В. Подвысоцком в год его смерти скажет как о «личности, полной научного энтузиазма», совершенно так же можно характеризовать и его самого уже в год окончания им второго университетского курса. Еще не во всю ширь развернулись способности Заболотного, а его уже считают заметным экспериментатором и даже вполне сформировавшимся исследователем. Все чаще о нем говорят как о «первооткрывателе» — ведь у него в «активе» уже около десятка серьезных исследований и в печати появляются одна за другой все новые публикации, по которым можно судить, что бактериология стала его пожизненной избранницей — студент уверенно продвигается по облюбованной тропе.

Ко времени учебы Д. К. Заболотного в Киевском университете относится и начало его педагогической практики. Подробно рассказал об этом воспитанник того же университета крупный терапевт академик АН УССР Н. Д. Стражеско: «То была пора, когда бактериология еще не выделилась в отдельный курс, но при кафедре общей патологии Киевского университета уже организовалась группа студентов и врачей, интересовавшихся бактериологией. Помощь нам целиком была возложена на Д. К. Заболотного.

Мы, студенты, очень хотели поскорее увидеть молодого ученого, уже пользовавшегося мировой извест-

⁵⁵ КГГА. Ф. 16. Оп. 465. Ед. хр. 5410. Л. 4—8.

⁵⁶ Там же. Ед. хр. 5496. Л. 10.

ностью после опыта по иммунизации себя против холеры, но еще скромного помощника профессора В. В. Подвысоцкого. Близкое знакомство с новым ассистентом состоялось только на практических занятиях. . . . Еще и сейчас перед моими глазами совершенно явственно стоит скромный, бедно одетый⁵⁷, несколько сутуловатый молодой человек с рыжеватыми редкими волосами, всегда находившимися в беспорядке, с редкими по красоте, добрыми и умными голубыми глазами, не знающий, куда девать свои длинные руки, и тихим, но внятным голосом убежденно излагающий какую-либо теорию или доктрину. . . . Но вдруг промелькнет у него на лице улыбка, и он к случаю, мастерски, с чисто украинским юмором расскажет, какую-нибудь был-небылицу или что-то смешное из своего сельского детства, гимназических или студенческих лет, и студенты, утомленные вечерними практическими занятиями, вновь оживятся и снова внимательно следят за мыслями руководителя»⁵⁸.

«В Киеве я бывал так занят, так занят . . . что не знал, как найти примирение между посещением лекций и лаборатории, беготней по клиникам и больницам, подработками на хлеб насущный и семьей, — вспоминал свои тяжелые, но по-своему радостные студенческие годы Даниил Кириллович в 1927 г. в письме к академику АН УССР ботанику Николаю Григорьевичу Холодному. — Первое было делом обязательным, второе — святым и интересным для меня, ну а третье и четвертое. . . Э-э, да что там говорить — тяжело жилось. . .»⁵⁹ А в другом, от 22 апреля 1928 г., заговорил о «двигавшем его познавательном голоде» словами украинского философа Г. Сквороды: «Чем изобильнее я пожирал знания, тем больше жаждал их» — и добавил: «Наш мудрец был прав, когда утверждал, что в таких случаях научный голод не утоляется, а рождается, палит новая жажда»⁶⁰.

Биографы Заболотного до сих пор обходили молчанием личную жизнь ученого. А она была и не-

⁵⁷ Иногда ассистент приходил в военном сюртуке, который сидел на нем мешковато и редко бывал застегнут на все пуговицы, тогда из-под сюртука виднелась украинская вышитая рубашка.

⁵⁸ Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 8.

⁵⁹ Арх. О. Г. Холодной.

⁶⁰ Там же.

обычна, и романтично-трогательна. Первый брак упоминается в документах только раз. В 1894 г. в послужном списке младший лекарь 132-го Бендерского полка Д. К. Заболотный записал, что женат на дочери священника, уроженке Херсонской губернии, фельд-периде Одесской бактериологической станции Анастасии Михайловне Турчановской⁶¹. Время же знакомства со второй женой — Людмилой Владиславовной (по данным губернского жандармского управления, Матвеевной) Радецкой (1878—1918) — неизвестно. По косвенным данным, в пору их встречи она была еще подростком — беспечным, обворожительным, преисполненным подкупающего веселья, простоты, искренности и правдивости. Покорить сердце такого серьезного, стеснительного человека, каким был студент Д. Заболотный, могла, конечно, только девушка необычная, по своим убеждениям близкая его взглядам. Последующие перипетии жизни показывают, что это так и было. Радецкая воинственно ненавидела царизм, была атеисткой и служение народу считала своим святым долгом. Очевидно, на этой почве у нее произошел разрыв с родителями — мещанами города Тирасполь⁶². Расхождения были настолько глубокими, что ни мать, ни сестры не приехали даже на похороны, когда Л. Радецкая умерла, — не простили ей ни «хулу бога», ни уход из дома, ни любовь к уже женатому сыну крестьянина, который, в их представлении, должен был забыть ее «при виде первой же козявки». Официально свой многолетний гражданский брак Заболотные оформили только в Париже в 1900 г. в присутствии И. И. Мечникова.

Все дошедшее до нас о семейной жизни Заболотного говорит, что встреча с Л. Радецкой была для него счастьем. Чувство взаимной привязанности они пронесли через десятилетия совместной жизни. Таким полным оно оказалось потому, что влияние Заболотного на будущую жену в период ее взросления было несомненно. Он лепил ее, как Пигмалион Галатею, а она безоговорочно приняла жизненное кредо мужа.

В столовой Дома-музея Д. К. Заболотного в старинной золоченой раме висит крупная фотография

---

⁶¹ Был ли брак настоящим или в то время распространенным фиктивным, не установлено.

⁶² ЦГА УССР. Ф. 301. Оп. 7. Ед. хр. 95. С. 1.

Л. В. Радецкой — изящной женщины с вьющимися волосами, блестящими карими глазами за густыми ресницами и доброй улыбкой на устах. «Веселая, правдивая, чуткая, жалостливая», «любила правду и искренность» — такие качества жены будет перечислять Даниил Кириллович, уже став вдовцом. В этой женщине уживались и человеческая незаурядность, и постоянная детская восторженность, и житейская нетребовательность. Человек с несомненными артистическими задатками, она только изредка принимала участие в любительских спектаклях, а на профессиональной сцене не выступала — скорее всего, ей не позволяло здоровье.

Несмотря на молодость, Радецкая одна из первых разглядела меру одаренности Даниила Кирилловича, поняла, какую роль отвела ему судьба в науке, и с полным самозабвением стала помогать ему. Чтобы оценить степень ее жертвенности, нужно представить, что значило стать в конце прошлого столетия женой сначала нищего студента, потом сельского и полкового лекаря, наконец, вечного странника ученого-бактериолога, на пути которого могло быть всякое: за стремление вырвать у природы ее тайны сотни его коллег расплатились жизнями. «Мой доблестный Даня!» — так обращалась Радецкая в своих письмах к мужу, преклоняясь перед его самоотверженностью, самозабвенной преданностью науке. А сама целые десятилетия, изо дня в день, жила в тревоге за него, как солдатка во время войны.

В селе Заболотном о ней до сих пор живы воспоминания как о человеке, всеми силами стремившемся помогать простым людям. В чеботарскую трехлетнюю школу Людмила Владиславовна пришла, уже будучи женой Заболотного, и взялась бесплатно вести старший класс. Но из-за нескрываемой антипатии к царскому строю и церкви и самовольных нововведений в учебный процесс у нее начались столкновения с местным священником. Оставив по этой причине школу, она открыла класс на дому, да еще назло попу назвала его «малой академией». В свой класс собрала детей самых бедных крестьян — обмывала их и одевала, кормила и учила грамоте, доброте, отзывчивости, трудолюбию.

Заболотный высоко ценил отношение жены к своим научным занятиям, ее неподдельную заинтересован-

ность в его делах. После ее смерти в дневнике учёного то и дело встречаются признания, что она была для него источником творческого вдохновения и научных исканий: «Милочка всегда побуждала меня работать для науки», «Милочка просила обращать внимание на науку», «Жена советовала отдать силы науке...», «Хочется взяться за научную работу, как советовала Милочка» и т. д.⁶³

Радецкая вполне может служить символом женской верности и полного растворения собственного «я» в интересах мужа. Она безропотно сносила его жертвенное служение долгу врача и ученого, а значит, и собственное одиночество; не возражала, когда Даниил Кириллович, совершенно непрактичный в житейских делах, раздавал весь свой заработок многочисленным нахлебникам и нуждающимся односельчанам; тяжело больная, возилась с целой оравой воспитанников.

«Винницкая правда» писала о неизменно трогательных отношениях между супругами: «Однажды, набив на лбу синяк о низкую дверную притолоку в чеботарском доме Заболотных, Радецкая разволновалась: „Телеграмма есть — Даня приезжает. Срочно нужен мастер переделать дверь. Я такая маленькая и то ушиблась, а что с мужем будет“»⁶⁴.

В дневниковых записях Д. К. Заболотного тоже сохранились некоторые подробности его семейного быта студенческих лет: «Вспоминаю печальные молодые лета в университете. Вместе с Милочкой терпели горе и трудности... Тут (в Киеве. — *Н. П.*) я пешком ходил в больницы и госпиталь, бегал по урокам, торопился на лекции, сдавал зачеты, работал в лаборатории... Жить приходилось порой тяжко».

Действительно, молодые люди очень бедствовали. Жили в крохотной меблированной комнатухе возле Бессарабского рынка, часто голодали. Собственным имуществом стали обзаводиться, приобретя... корзинку для хлеба — ни на что другое средств не было. Но, по признанию Даниила Кирилловича, жена «умела сделать веселым наш убогий уголок», всегда ждала его «радостная, приветливая, готовила чай, часто — без сахара. А когда появлялся сахар, то и этому бы-

⁶³ Записи в дневнике от 19 ноября 1921 г., 13 и 15 апреля и 4 июня 1927 г., 21 января 1929 г.

⁶⁴ Вин. правда. 1966. 28 дек.

вала рада. „Merсі за сладкий чай!“ — говорила и весело смеялась»⁶⁵.

Судьбе показалось, что она и при этом слишком щедра по отношению к Заболотным: в их жалкое жилище постучалась беда. Когда Даниила Кирилловича не было в Киеве, скоропостижно скончался крохотный Петрусь. 4 августа 1921 г. по этому поводу Заболотный записал: «На кладбище Байковой горы похоронен наш сын — маленькое дитя... Мы были оба молоды, бедствовали... Милочка не могла кормить ребенка, и он заболел детской холерой и погиб».

Не трудно себе представить, какой болью отзывалась в сердцах супругов потеря сына. Оба они всю жизнь будут стараться боль по собственному ребенку смягчить лаской к чужим детям. Но, наверное, сделать это невозможно... Особенно жестоко обошлась судьба с Л. В. Радецкой. Ее уделом будет бездетность и неизлечимая болезнь, а в утешение останется одна гордость за мужа и сознание, что в его служении науке есть доля и ее участия — ее верность, любовь и мужество.

Еще один бунтарь в губернии

Мы, врачи, храпители и защитники здоровья народа...

Д. Заболотный

В дипломе, выданном Д. К. Заболотному 29 ноября 1894 г., говорилось, что «по зачете определенного уставом числа полугодий на медфаке» Государственный Совет 5 ноября 1894 г. «определением медицинской Испытательной комиссии при императорском университете св. Владимира» удостоил его звания лекаря.

Перед дипломированным врачом, автором уже девяти научных работ, даровитым ассистентом, открыта дверь кафедры В. В. Подвысоцкого, но он выбирает практическую работу. Значит, в родные края, на Подолье, развезденным врачом, по сути деятельности — эпидемиологом!

Не простой это был шаг. Еще «Современник» писал о безотрадном положении провинциальных врачей:

---

⁶⁵ Арх. Д. Заболотного.

у доктора нет средств, чтобы заниматься, — нет ни книг, ни нужных аппаратов, не с кем перемолвить слово о науке, ни в ком нельзя найти не только содействия — простого сочувствия своему делу... Крестьянский сын Заболотный хорошо знал, что все это правда, и тем не менее стал земским врачом.

Подолье — край, богатый бедной. Забытая царем и богом окраина России. Нескольким помещикам здесь принадлежит земли столько же, сколько 2,5 миллионам крестьян. Отсюда их убожество и темнота — по числу неграмотных губерния занимает одно из первых мест в империи! И как результат рабского положения — болезни, болезни, болезни... А состояние медицинской помощи — прямое обвинение царизму. Из 170 поселений более 60 находятся от больниц в 10—12 верстах. По внешнему виду и обстановке большинство их вошли в притчу: «лучше умереть на лавке, чем от бльничных мух и бурды». Губернский отряд «сельской врачебной части» насчитывает всего пятнадцать врачей, около ста фельдшеров и два десятка повивальных бабок.

Полная несостоятельность этой «системы» народного здравоохранения особенно сказывается во время эпидемий — врачи появляются после длительной ведомственной переписки (когда спасение заболевших и купирование инфекции репают часы!), приезжают без всяких лекарств. К тому же местные крестьяне, отличающиеся нечеловеческой покорностью судьбе, стремятся скрывать случаи заразных заболеваний — только бы не нести бремя расходов на проезд медицинского персонала и покупку лекарств.

В этих условиях при всей «привлекательности» «общенародной службы», когда врач «каждую минуту, — по выражению В. Фигнер, — чувствовал, что нужен народу, что он не лишний»¹, работалось Даниле Заболотному нелегко. Сказать, что нового врача местные власти не заметили, нельзя — еще один бунтарь появился в губернии! Естественно, следует распоряжение: усилить надзор! И вот вся кочевая, беспокойная жизнь эпидемиолога Заболотного фиксируется в полицейских документах² — «куда именно, по какой надобности прибыл-убыл и чем занимается».

¹ Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. С. 162.

² ЦГИА УССР. Ф. 166. Оп. 6. Ед. хр. 1145.

Подольское губернское жандармское управление, получив сведения об «обстоятельствах прошедшей жизни» нового врача, предписывает своим подведомственным полицмейстерам, уездным исправникам, приставам и унтер-офицерам «займать надзор за поименованным». Шпионят за Заболотным штатные шпики, попы, хозяева гостиниц и квартир для постояльцев, даже главный губернский врачебный инспектор, которого просил об этой «маленькой услуге» на вечере у княгини Щербатовой³ сам начальник Подольского жандармского управления!

Проскуров, Тульчин, Балта, Ямполь, Ольгополь, Дзыговка, Писаревка, Жабокрич... Врач мечется, спасая еще одно дитя, еще одного тифозного горемыку, а в ГЖУ летят уведомления и рапорты: «Секретно!.. Секретно!.. Секретно!.. Имею честь донести высокоблагородию о лекаре Даниле Заболотном...» Стоило «чинам» хотя бы на сутки упустить поднадзорного из вида, как виновным начинали выговаривать «за небрежение делом» и требовали принять меры к немедленному «разысканию» врача. Сколько раз начальник ГЖУ буквально свирепел, узнав, что лекарь оказывался не там, где должен быть, согласно записи в подворной книге. Да что поделать — ни тиф, ни холера, ни дифтерия не согласовывают свои пути-дороги с жандармами! «Чины» оправдывались: «Заболотный — человек одинокий и никого не извещает о местах своего перемещения». А пристав второй части Подольского жандармского управления в секретном письме от 8 февраля 1895 г. жаловался на кипучую деятельность поднадзорного, при которой «отлучки его представляются трудноуловимыми»⁴.

Из этой секретной переписки становится известно даже то, что «комната Заболотного никогда не запирается» и снимается, «по-видимому, только для ночлега, так как лекарь дни проводит то в разъездах, то в лаборатории при аптеке г. Англе»⁵. Да, несмотря на перегруженность разъездной работой, Д. К. Заболотный не прекращает научные поиски. И двери лаборатории Подвысоцкого для него по-прежнему открыты. Периодически он появляется и здесь, чтобы

³ ЦГА. Ф. 301. Оп. 7. Ед. хр. 395.

⁴ ЦГА. Ф. 442. Оп. 645. Д. 52. С. 7, 33, 61.

⁵ ЦГИА УССР. Ф. 442. Оп. 645. Д. 82. Л. 26.

с помощью своего учителя прояснить что-то сложное.

Очевидно, лаборатория при аптеке г. Англе была первым плодом организаторского таланта Заболотного. Во всяком случае, через несколько месяцев после назначения в Каменец-Подольский он с гордостью напишет, что местные врачи получили чудесно оборудованную, согласно современным требованиям науки, бактериологическую лабораторию. Средства на приобретение необходимого изыскали Херсонское и Каменец-Подольское земства, конечно же по настоянию Заболотного. При его же участии лаборатория постепенно превращается в своеобразный клуб, где врачи не только обмениваются опытом текущей работы, но и приобщаются к научным изысканиям. Со временем он тут же организует курсы для участковых и санитарных врачей по бактериологии. Так, несмотря на молодость и небольшую пока врачебную практику, Заболотный становится руководителем своеобразной школы-лаборатории. В его собственной формулировке это звучало так: «После поездок по очагам я изредка возвращался в Каменец-Подольский, где мной была оборудована небольшая баклаборатория, в которой охотно собирались врачи и ставили опыты»⁶.

Создание губернской лаборатории помогло Заболотному внедрить в повседневную лечебную практику исследования бактериологических материалов, ускорить реакцию на вспышки инфекций, с большей достоверностью ставить диагнозы. Сам организатор занялся изучением микрофлоры кишечника при холере, холерного вибриона, проверкой прибывающих вакцин.

Историю холерных эпидемий в России начинающий бактериолог знает хорошо. Появившись где-то, холера обычно «оседает» на несколько лет. Его родное Подолье относится как раз к числу тех мест, где болезнь всегда находила благоприятную почву для своего «процветания»: если вся империя за 70 лет (начиная с 1817 г.) видела 28 холерных эпидемий, то Подольская губерния пережила 24. Ежесуточно инфекция уносила по 200—250 жизней. Официальные власти это не тревожило. На одном из донесений сельского лекаря о катастрофическом увеличении смертности крестьян от холеры какое-то губернское «сиятельство»

---

⁶ Заболотный Д. К. Автобиография // Огонек. 1927. № 24. С. 3

безразлично начертало: «Весьма печально. К сведению». И все.

Даниила Кирилловича же заботит состояние водоснабжения в селах губернии. В селах Фридровцы, Кадиевцы, Параевка, Жерди, Городок и многих других он изучил все речушки, пруды, колодцы, «копанки» и на основании собранных данных перечислил наиболее вероятные источники холерной инфекции и возможные пути ее распространения. У него были готовы и предложения: сооружение в селах специальных водоемов для стирки белья и водопоя скота, возведение бань и пр. Но пройдут годы, десятилетия, а в губернии всё останется по-прежнему вплоть до утверждения Советской власти. В связи с полной нереальностью даже самых минимальных оздоровительных мер в условиях царского строя Заболотный был вынужден направить свои усилия на поиски путей повышения иммунитета населения к холере.

Тогда же он впервые наотрез отверг бытовавшую до него трактовку эпидемий как суммы отдельных заболеваний, зависящих только от микробов. Как и вся передовая русская интеллигенция, он убедится в прямой связи между разгулом инфекций и условиями жизни масс. С той поры с собой в жизнь Заболотный унесет убеждение в исключительной роли в распространении холеры недостатков питьевого водоснабжения и в будущем, борясь с этим заболеванием, первым делом станет добиваться благоустройства источников воды и строжайшего соблюдения режима их эксплуатации. В его сознание навсегда войдет необходимость быстрой регистрации первых инфекционных заболеваний. В его глазах это архиважная мера пресечения эпидемий в зародыше.

Очевидно, усилиями Заболотного и сгруппировавшихся вокруг него коллег холерная эпидемия в губернии была купирована в самом начале и в этот раз не разрослась до размеров в соседних с ней губерниях, а вскоре вообще пошла на убыль. Все сделанное в борьбе с инфекцией он подытожил в работе «К вопросу о бактериологии холеры»⁷, на которой видна печать исключительной тщательности научных исследований и пристального внимания к окружающей

---

⁷ Тр. I съезда врачей Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1896. С. 159—170.

жизни. На ту же тему он сделал доклад на Первом съезде врачей Подольской губернии⁸, состоявшемся в Каменец-Подольском 15—24 февраля 1894 г. По предположению ряда авторов (В. И. Билай, В. Г. Дроботко, Л. Г. Громашевский), созван он был по инициативе Заболотного.

Длительное время в подольских селах детей безнаказанно душила дифтерия. За свирепость здесь ее прозвали «самкой-поганкой», но в борьбе с ней были бессильны. Да и что могли противопоставить этой тяжелой инфекции темные, забытые крестьяне? Кропили умирающих малышей святой водой, бабки «выговаривали» напасть, а попы выкуривали живицей, стращали колокольным звоном.

Вскоре по приезде в Каменец-Подольский Заболотный возглавил противодифтерийные мероприятия в губернии. Хорошо знакомый с последним словом науки, он решает для лечения и экстренной профилактики заболевания обцавшихся с уже заболевшими воспользоваться недавно созданной сывороткой Э. Беринга и Э. Ру. Ныне врачи без раздумий прибегают к подобному средству, а Заболотный тогда впервые в мире рискнул применить сыворотку в широкой лечебной практике. На это он пошел после собственного заражения дифтерией и спасения с помощью той же сыворотки⁹. То был уже второй во врачебной практике Заболотного случай проверки на себе новейших лечебных приемов.

За короткий срок через руки молодого врача прошли более ста заболевших детей, и только в случаях запущенной болезни новое средство оказывалось бессильным. Он был счастлив: слух о чудесной сыворотке разошелся по губернии и родители — небывалое! — «сами начинают обращаться к врачу, иногда при малейшем подозрении на болезнь с просьбой... спасти ребенка своей сывороткой», — писала местная газета¹⁰. Об успехах в профилактике и лечении дифтерии с помощью сыворотки Д. К. Заболотный сначала докладывает на губернском съезде врачей, а затем, суммировав выводы по 109 случаям лечения и 230 экс-

---

⁸ Там же.

⁹ Большой ребенок во время исследования зева каплянул в лицо Даниилу Кирилловичу.

¹⁰ Ведомости Подольской губернии. 1896. № 22. С. 3.

тренной профилактики, публикует краткое сообщение ¹¹.

Борьба с дифтерией в губернии велась за счет частных пожертвований. Чтобы компенсировать расходы, начальник губернии разрешил с имущих брать плату за сыворотку. Как сообщали «Ведомости», поступления от разных врачей в 1895 г. были разные: 16, 10, 7 рублей. А от Заболотного всего... один рубль. Спасение детей, считал он, не может быть источником пополнения государственной казны.

Разработки Заболотного по лечению дифтерии сыграли заметную роль в борьбе с этим заболеванием не только в губернии. Они помогли повысить лечебные свойства сыворотки, утвердили врачей в благотворности раннего применения ее. Журнал «Врач», подытоживая результаты успешной борьбы с дифтерией в Подольской губернии, отмечал, что именно здесь установлено: «1) сыворотка, — безусловно, полезное средство против дифтерии; 2) чем раньше начать лечение, тем лучше; 3) доверие населения к новому способу лечения может служить подтверждением его успешности». Об этом же с упоминанием имени начинающего лекаря Д. К. Заболотного перед большой аудиторией, собравшейся в Одесском биржевом зале на платную лекцию в пользу Общества попечения о больных детях, говорил и его учитель Я. Бардах ¹².

Работа молодого врача на противодифтерийном «фронте» получила неожиданное продолжение. Началось с того, что наряду с сывороткой из зарубежных лабораторий он выписал 100 ампул из лаборатории профессора А. Д. Павловского ¹³. Побуждения Заболотного были полны благородства — вчерашний студент хотел поддержать престиж «своего», Киевского университета и впредь в экстренных случаях выигрывать время на доставке сыворотки. При перевозке ее ампулы берегли как зеницу ока. «Сам, бывало, жмешься и мерзнешь, — писал доктор, — а сыворотку устраиваешь и кутаешь» ¹⁴. Да, кутали, берегли, а она того не

---

¹¹ Там же.

¹² ООГА. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 2170а. С. 15.

¹³ Павловский А. Д. (1857—1946) — один из первых русских бактериологов. С 1889 г. профессор кафедры хирургической патологии и терапии Киевского университета.

¹⁴ Врач. 1895. № 35. С. 990.

стоила: из 100 ампул не менее 15 оказались совершенно непригодными — небрежно запаянными, упакованными в несвежую вату, а потому загрязненными посторонней флорой. По своей действенности сыворотка Павловского тоже уступала зарубежной, а часть ее вызывала у пациентов тяжелые болезненные явления.

Когда из помутневшей сыворотки сам профессор приготовил препараты и убедился, что о стерильности ее и речи быть не может, ему ничего не осталось, как, выбросив остальные флакончики, извиниться за «скандал, который случается редко». На том дело и заглохло бы, не напечатай Заболотный в отраслевом издании отчет о действенности противодифтерийной сыворотки. В нем автор отдал предпочтение зарубежному препарату. Сообщение перепечатал популярный журнал «Врач», а затем краткое изложение сообщения появилось в газете «Киевское слово»¹⁵.

Сдержанный, но неллицеприятный своей объективностью отзыв вчерашнего ученика вызвал у профессора гнев — он ринулся в контратаку. И разгорелась по тем временам редчайшая по остроте и принципиальности публичная полемика. Это было столкновение титулованного аристократа, но по сути дельца в науке, и мало кому известного начинающего врача-плебея; столкновение потребительского взгляда на науку и самого возвышенного представления о моральной чистоте ученых, имеющих дело с человеческими жизнями.

Павловский, спасая собственный престиж, перешел границу дозволенного в дискуссиях — лгал, извращал и подтасовывал факты, подменял их суть, а заодно походя, с барским пренебрежением, свысока попытался бросить тень на Заболотного и его товарищей по «летучим отрядам», которые с редкой самоотверженностью спасали людей.

Моральная нечистоплотность профессора, его отрицание явных фактов, оскорбительное пренебрежение делом земских врачей-трудяг, попытка «придавить» оппонента размером своей ученой фигуры сначала вызвали у Заболотного недоумение, потом — горечь и, наконец, потребность дать ответ.

---

¹⁵ Там же. — То же // Киев. слово. 1895. № 117. С. 5.

В этом случае в сущности очень мягкий человек впервые в жизни проявил свой бойцовский характер — с достоинством правого он парировал всю напраслину, возведенную обидчивым профессором. Как бы проникнув во внутренний мир маститого, но нечистого на руку ученого, Заболотный громко заявил, что подобным личностям нет места в науке — они опасны и для нее, и для общества. Истина есть истина. Науке положено добиваться познания объективного, истинного, быть независимой от взглядов работающих на нее, тем более в медицине, напомнил оппонент профессору, факты нельзя ни подкрашивать, ни чернить, в пей строго заказано ничего не умялять, не утаивать, иначе от науки не будет проку. Значит, делать ее должны только люди высоконравственные, с чистой совестью. Не без сарказма автор письма заключил: «Отрицание не уничтожает действительности — такой силы еще не имеют слова профессора: мутная ампула не станет прозрачной и бактерии не исчезнут из нее по „щучьему велению“, по профессорскому хотению»¹⁶.

Дискуссия Заболотного с Павловским привлекла внимание широкой врачебной общественности. За ней она увидела не только чисто профессиональную, но и этическую проблемы.

На Подолии Заболотный проработал недолго — меньше года, но успел сделать очень много. Эпидемиологическая практика серьезно обогатила его практическими навыками и теоретическими приобретениями.

Военврач и ассистент

О последующих событиях Заболотный в «Автобиографии» рассказал предельно коротко: «Через год мне пришлось вернуться в Киев для отслуживания в качестве военврача университетской стипендии. Я снова продолжал работу в лаборатории Подвысоцкого и принял участие в качестве секретаря редакции в основанном журнале „Архив патологии, бактериологии и клинической медицины“».

Из архивных документов известно, что на военную службу Д. Заболотный был призван 10 марта 1895 г. Округное военное медицинское управление команди-

¹⁶ Киев. слово. 1895. № 117. С. 5.

рует лекаря Заболотного сначала в Харьковский госпиталь, а с 25 октября он целый месяц в Золотоношском уездном присутствии по воинской повинности участвует во врачебном освидетельствовании новобранцев¹⁷. Наконец, распоряжением Киевского окружного военно-медицинского управления¹⁸ оказывается прикомандированным на год, по 28 января 1897 г., к Киевскому военному госпиталю, где поочередно заведует глазным, инфекционным и венерическим отделениями, а потом и лабораторией.

При первой же возможности он начинает экспериментальные поиски, благо материалом для изучения реакции Видаля по склеиванию возбудителя брюшного тифа сывороткой крови уже переболевших в достаточном количестве снабжают его госпиталь и Покровская больница. Французские ученые-микробиологи Шорен и Роже и русские Исаев и Иванов заметили, что возбудители брюшного тифа склеиваются сывороткой крови переболевших им. Француз Видадь предложил использовать это явление для распознавания заболевания. После ряда опытов Заболотный первым в России вводит в лечебную практику новый диагностический прием. В будущем он станет горячим сторонником массового применения и популяризатором серодиагностики брюшного тифа. Два его печатных сообщения о диагностической ценности и надежности реакции Видаля при брюшном тифе были первыми публикациями в России на эту тему¹⁹.

Д. К. Заболотный — лекарь
132-го Бендерского полка
(1894—1896 гг.)

¹⁷ Приказ по войскам Киевского воен. округа № 73 от 25 окт. 1895 г.

¹⁸ Распоряжение от 1 дек. 1895 г.

¹⁹ Тр. О-ва киев. врачей. 1897. Т. 3, вып. 1. С. 15—19.

Диапазон научных интересов военврача расширяется: Заболотного заинтересовали и анаэробные микробы злокачественного отека и газовой гангрены (тяжкого заболевания, которое в ту пору почти всегда заканчивалось смертью), а также антагонистическое влияние некоторых безвредных микробных ассоциаций на возбудителя гангрены. В годы первой империалистической войны, уже став маститым ученым, Заболотный продолжит изучение этого заболевания.

У молодого исследователя достало сил и на создание, а потом и на руководство клинической и бактериологической лабораториями в киевской Покровской больнице. По приглашению профессора В. В. Подвысоцкого в качестве секретаря редакции он принимает участие в подготовке еще и нескольких номеров журнала «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии» (1896—1902 г.), которому будет суждено стать одним из лучших периодических медицинских изданий тех лет. По просьбе главного врача военного госпиталя Заболотный прочел коллегам курс бактериологии, а в свободное время подготовил к печати работу о сероводородных и серных бактериях²⁰. Даже изредка вырываясь на короткий срок в родную Чеботарку, он умудрился «отводить душу», пользуясь своих односельчан.

Жизнь военных того времени была серой, будничной. В этих условиях отдушиной для Заболотного оказалось предложение профессора Подвысоцкого по совместительству начать работу на кафедре.

Получение разрешения на это было сложным, затяжным. Переписка, начавшаяся 26 декабря 1895 г.²¹, завершилась лишь 15 марта следующего года: когда куратор Киевского учебного округа уведомил ректора университета об утверждении результатов голосования советом профессоров о назначении Д. К. Заболотного помощником прозектора.

Академик АН УССР Н. Д. Стражеско оставил нам записи о Д. К. Заболотном той поры, когда он только начинал свою блестящую впоследствии педагогическую практику: «Он учил нас готовить питательные среды для бактерий, красить и культивировать микробов, сообщал современные данные по эпидемиологии

²⁰ Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1896. № 2. С. 320—328.

²¹ КГГА. Ф. 16. Оп. 334. Ед. хр. 164, Л. 1, 3, 5, 9, 10—12.

инфекционных болезней, сведения по иммунитету, с восторгом излагал учение Мечникова и знакомил с применением для лечения противодифтерийной сыворотки. Все это он делал с присущей ему скромностью и умением»²².

Один из студентов той поры вспоминал: «Запомнились мне руки Заболотного, высовывавшиеся из-под потертых обшлагов выгоревшего военного сюртука. Очень длинные, с чрезвычайно гибкими, подвижными пальцами. Сколько раз эти чудодейственные пальцы поражали нас своей утонченностью движений — Заболотный удивительно мастерски обращался с пробирками, пинцетами, шприцами!»²³.

Было ему тогда всего 30 лет! Держался действительно скромно, часто тушевался под взглядами студентов. А рассматривали они его, как ни одного преподавателя, внимательно: всего на несколько лет старше их, а уже успел и в тюрьме побывать, и на медные гроши два университетских курса закончить, и приобрести богатую практику земского врача, и непрерывно пополнять уже солидный список печатных работ, и даже пойти на рискованный опыт на себе! Все это говорило, что наука в лице Д. К. Заболотного получила одаренного, блестяще образованного, принципиального, инициативного, неутомимого, с кипучедейственным темпераментом ученого.

Если для медицины Д. К. Заболотный успел стать фигурой, личностью, то для высших полицейских властей он по-прежнему оставался «элементом вредного направления с дерзкими наклонностями и непочтением к властьпредержащим». Они не сводят с него своего «недреманного ока». Даже за Радецкой шпионят. Когда она в конце августа 1895 г. приехала в Чеботарку повидаться со свекровью, тотчас в дом Заболотных явился ольгопольский исправник и по инстанциям пошла депеша: «Застал за какой-то перепиской, крайне, по-видимому, смутною, так как привел в замешательство...»²⁴ Такая назойливая слежка будет продолжаться вплоть до 1897 г., когда 30 сентября департамент полиции Министерства внутренних дел признает возможным прекратить надзор по отношению

---

²² Врачеб. дело. 1895. № 1. Стб. 9.

²³ Голубев Г. Н. Жизнь Даниила Заболотного. М., 1962. С. 101.

²⁴ ЦГА УССР. Ф. 301. Оп. 7. Ед. хр. 95.

к 264 студентам университетов. В прилагавшемся к директиве списке «Заболотный Даниил Кириллов, из крестьян, бывший студент Новороссийского университета» значился семьдесят четвертым²⁵.

Киев, в котором Заболотный пережил столько и горестного, и радостного, останется в его памяти «одним из центров научной мысли». Останется в памяти и потому, что о нем самом уже к концу 1896 г. здесь заговорят как о квалифицированном бактериологе и блестящем экспериментаторе, а это послужит естественным основанием для профессора В. К. Высоковича²⁶ пригласить Даниила Кирилловича в качестве члена русской врачебной комиссии для поездки в Индию, где свирепствует чума. Он примет приглашение и уже «в 28 день января 1897 г. по высочайшему повелению» будет официально направлен в Индию «для изучения чумы на местах ее возникновения».

С поездки в Бомбей Д. К. Заболотного начнется замечательный период его научной деятельности, роста его славы как основоположника учения о природной очаговости чумы и создателя современной эпидемиологии этой смертельной инфекции.

Погоня за неуловимым

Страшилище, которое пагубнее
всех браноносных народов.

*Д. Самойлович*¹

Болезнь была не новая, а, можно сказать, древняя. Злейшая болезнь. Ярость ее не знала границ. Всегда и всюду картина одна: два—пять дней — скрытый период, потом внезапный озноб, высокая температура, острая головная боль и кровохарканье. У части заболевших к тому же опухали железы — шейные, подмышечные, паховые, темнела кожа. А конец у всех один: буйный бред, беспамятство — и еще недавно цветущий, здоровый человек превращается в труп.

---

²⁵ ЦГА УССР. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2844. С. 9.

²⁶ Высокович В. К. (1856—1912) — выдающийся патологоанатом, профессор Киевского университета.

¹ Самойлович — Даниил Самойлович Сущинский (1744—1805) — коллежский советник, доктор медицины, член многих иностранных академий.

Не сотни — тысячи, десятки и сотни тысяч жизней уносила в одночасье болезнь-убийца чума. Косила людей, как коса траву. И. И. Мечников говорил, что из всех болезней она оставила по себе самые глубокие следы в истории.

Век сменялся веком, а «черная смерть» не унималась, не могла насытиться. Поэтому одна угроза чумного мора уже леденила человеческие сердца.

Когда безымянный русский летописец заметил, что всюду, кажется, чума была гостьей, а вот на русской земле она не гостя, а неизменная хозяйка, он имел все основания. Болезнь издавна угрожала нашему отечеству не с одной, а с трех сторон: с востока — из Манчжурии и Китая, с юга — из Индии, Персии, Турции, а с запада — чаще всего из Польши. Трудно найти и другую страну на земле, которая заплатила бы инфекционным болезням, в первую очередь чуме, такую высокую плату человеческими жизнями, как Россия.

Долго, очень долго вину за убийственные чумные пабеги возлагали на землетрясения и солнечные затмения, луну и наводнения, извержения вулканов и кометы, даже на иудеев и татарских «басурманов». Но чаще всего говорили как о «божьей каре» и «биче божьем» — церковь усиленно поддерживала эту версию, поскольку во время чумы от прихожан «во спасение душ» к ней текли несметные богатства. Гиппократовское² представление о чуме как результате «вредоносности испарений» — «миазмов» — продержалось особенно долго.

А что предлагали своим пациентам врачи? Курение, обливание холодной водой или уксусом, горячие ванны по утрам, внутрь — чарку водки, а то и вытяжку из... конского навоза.

Наука не может существовать без мечты. Мечтали об одолении чумы и русские врачи. С этой мыслью умирали одни, им на смену приходили другие, но заболевание оставалось загадочным. Правда, в истории расшифровки его были две важнейшие вехи. В 1784 г. проникнуть в тайну «язвенного яду» при помощи примитивного микроскопа попытался русский доктор ме-

---

² Гиппократ — греческий врач и естествоиспытатель, один из основоположников античной медицины, живший между 460 и 377 гг. до н. э.

дицины Д. Самойлович. Он высказал смелую для своего времени мысль: чуму порождают не какие-то «мистические миазмы», как утверждали схоласты, а «некие особливые и совсем отменные существа», т. е. он заподозрил существование микроба-убийцы, но доказать это не смог из-за несовершенства тогдашних микроскопов.

Первыми подтвердили предположение Д. Самойловича о живой природе чумной инфекции тоже русские ученые — сначала профессор Военно-хирургической академии Эйхвальд, несколько позже — профессор Киевского университета Минх. Но слава открытия чумного микроба досталась не им, а французцу Йерсену и японцу Китазато, которые в 1894 г. порознь, но почти одновременно разглядели короткую, широкую, овоидной формы, с закругленными и интенсивно окрашенными концами и почти бесцветным просветом посредине неподвижную палочку, тысячелетиями вызывающую панический ужас у человечества.

С этого времени ученые стали вглядываться в повадки чумного микроба и научились в лабораторных условиях ослаблять и убивать его теплом и, наоборот, ускорять развитие колоний, управлять их вирулентностью. Правда, А. Шаронский, Д. Самойлович, Г. Минх, О. Мочутковский для чумной «копилки», каждый в свое время, собрали кое-какие данные об опаснейшей болезни, но шлейф неясного, неизвестного и к середине 90-х годов XIX столетия еще был бесконечен. Если говорить строго, то медицина, даже «расшифровав» возбудителя, почти ничего не знала о смертельной инфекции.

Между тем чума вольготно разгуливала по планете — в Северном Китае, Индии, портовых городах Азии, Европы, Америки одна за другой вспыхивали крупные эпидемии. В 1894 г. китайские гробовщики доложили императору, что за четыре месяца продано 60 тысяч гробов для умерших от чумы. В борьбе с напастью китайцам не помогли ни битые в гонги, ни надрывные крики на улицах, ни петарды — надежды таким образом устрашить свирепое божество, в который раз наславшее на Китай чуму, были тщетны.

В сентябре 1896 г. первые чумные больные появились в Бомбее — втором по величине городе Индии. Врачи терялись: что это — воспаление легких? От чего? Может, от сирийских фиников? Пока гадали, в чем

дело, зараза беспрепятственно распространялась — число погибших изо дня в день увеличивалось. Из квартала Мезагон, что неподалеку от порта, чума перебралась в густо населенные бедняцкие районы. Ученик И. И. Мечникова бактериолог В. М. Хавкин³ сообщал в те дни из Бомбея редактору лондонского «Таймса» Р. Россу, что нужен новый Даниель Дефо⁴, чтобы описать страдания, которые выпали на долю бедного индийского народа.

Небывалой жестокости чумное нашествие казалось совсем лишило рассудка местное начальство. Оно множило число всяческих запретов и ограничений, население стонало от бесполезных мер и солдатского насилия, а смертность не сокращалась.

Английские власти, опасаясь расстройтва торговых дел, длительное время замалчивали, что Индия — снова страна чумного бедствия. Пресса по поводу чумного мора в подвластной Англии колонии тоже как воды в рот набрала. На официальный запрос русского правительства индийские чиновники ответили: чума существует в настолько легкой форме, что распознается лишь с помощью микроскопа. И эта чухь писалась в городе, терявшем ежедневно от чумы от 150 до 200 своих граждан!

И все-таки обрушившееся на Индию бедствие исполнило всю Европу. Одна за другой в Бомбей стали прибывать научные миссии во главе с знаменитостями из Франции, Германии, Австрии, Италии, Египта; официальная Россия, озабоченная собственным престижем, тоже снарядила свою экспедицию.

В письме от 31 января 1897 г. профессор С. Виноградский писал из Петербурга Илье Ильичу Мечникову: «Для посылки в Индию некоторое время усиленно, но безуспешно искали подходящих охотников. Остановились наконец на В. К. Высоковиче, который немедленно явился на зов... С ним отправляются два врача, им выбранные: Заболотный из Киева, известный

---

³ Хавкин В. М. (1859—1930) — бактериолог, ученик И. И. Мечникова, уроженец Одессы, окончивший Одесский университет, народоволец, изгнанный из России. По поручению английского правительства в те годы испытывал в Бомбее свою противочумную лимфу.

⁴ Дефо Д. (1660—1731) — английский писатель-реалист, автор «Робинзона Крузо», «Моль Флендерс» и др.

вам, вероятно, по имени, и врач Е. А. Редров. Посылаются они от имени чумной комиссии»⁵.

Почему В. К. Высокович выбрал себе в помощники Д. К. Заболотного? Должно быть, ему были известны деловые качества ассистента В. В. Подвысоцкого, успешного зарекомендовать себя блестящим экспериментатором с фундаментальной теоретической подготовкой, пытливым, дельным врачом, не знающим усталости в деле, готовым рисковать собой во имя науки, а в экстремальной обстановке эпидемии чумы ему нужен был именно такой помощник.

Сам Заболотный о неожиданной возможности познакомиться с грозной чумой писал так: «В конце января 1897 года я получил предложение отправиться в составе русской экспедиции вместе с профессором Высоковичем в Индию для ознакомления с развитием чумы и лечебным действием сыворотки»⁶.

Сборы в экспедицию происходили в тревожной обстановке — в Питере боялись проникновения инфекции в Россию. 11 января 1897 г. царским указом была назначена «Высочайше учрежденная комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой». В состав ее вошли министры: внутренних и иностранных дел, финансов, юстиции, военный, путей сообщения и государственный контролер. Возглавил противочумную комиссию принц А. П. Ольденбургский. Бюджет ее был более чем солидным, благодаря этому она сыграла положительную роль в изучении особо опасных болезней в России. Свою деятельность комиссия начала с отправки в Бомбей экспедиции для изучения чумного заболевания. Одновременно по ее же распоряжению студентам-медикам читались лекции о чуме. Во избежание заноса заразы был усилен надзор за границами, на южные окраины России один за другим отбывали специально обученные санитарные отряды Красного Креста, ужесточился режим карантинной обсервации для паломников-магометан, возвращавшихся на родину после посещения святых мест — Мекки и Медины. Никто не знал, спасет ли это Россию от чумы, но на всякий случай стали дезинфицировать почву, а по всей

---

⁵ *Скороходов Л. Я.* Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М.: Медгиз, 1948. С. 174.

⁶ *Заболотный Д. К.* Життєопис. // Вибрані праці. Київ: Наук. думка. 1969. С. 9.

линии Юго-Западной железной дороги — снабжать пассажиров остуженной кипяченой водой. Группа врачей выехала в Париж, в институт Пастера, где училась готовить противочумные сыворотки.

Экспедиция собралась ехать в Бомбей через Марсель или Триест, но оказалось, что оттуда в Индию корабли идут редко. Тогда решили отправиться в итальянский порт Бриндизи — между ним и Бомбеем пароходы курсировали еженедельно.

Перед отъездом, 20 февраля 1897 г., на заседании Общества киевских врачей с сообщением о чумной «палочке» выступил Д. К. Заболотный, а профессор В. К. Высокович доложил о задачах экспедиции. В протоколе этого заседания зафиксированы благодарность докладчикам за сообщения, пожелание экспедиции доброго пути и надежда, что обо всем изученном в Индии будет доложено по возвращении⁷.

Через два дня после заседания экспедиция отбыла из Киева в Петербург. Проводы были торжественными и многолюдными. «Был теплый февральский вечер, снег с улиц сошел и мостовые подсохли — уже чувствовалось наступление ранней весны, — вспоминал профессор Н. Д. Стражеско. — В этот вечер на перроне старого киевского вокзала было так тесно, что обратиться к стоявшему поезду почти не было возможности. Это провожали русскую правительственную экспедицию, отправлявшуюся на чуму в Бомбей. Сведения о том, что заражаемость при вспышке чумы в Бомбее среди населения велика, а смертность среди заболевших достигает 70—90 процентов, вселяли тревогу за судьбу уезжавших, но на вокзале настроение было бодрое»⁸.

Личный багаж и ящики с лабораторным оборудованием и медикаментами были погружены в специальный вагон. Профессора В. В. Подвысоцкий и Т. Г. Яновский⁹ произнесли напутственные речи с важными словами: «Мы стоим у начала славного пути науки о чуме». Даниил Кириллович распрощался

⁷ Труды О-ва киев. врачей. 1897. Т. 3, вып. 2. С. 186.

⁸ Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 6.

⁹ Яновский Т. Г. — крупный клиницист, академик АН УССР, в те годы читал в Киевском университете курс лабораторной диагностики, увлекался бактериологией. На первой же после отъезда экспедиции лекции подчеркнул героизм ее участников.

с плачущей женой и поднялся в вагон. Он — в валенках. Видно, «заговорил» полиартрит, которым наградили его одесский тюремный «замок». Поезд трогается, а на вокзале гремит дружное русское «ура» и военный оркестр, присланный командиром полка, где служил Заболотный, исполняет браурный марш.

В северной столице экспедиции предстояло в предельно короткий срок окончить сборы в далекую поездку. «Я хорошо помню то время, — вспоминал в 1919 г. академик В. Л. Омелянский, — когда Заболотный еще совсем юным врачом приехал в Петербург в составе врачебной экспедиции, отправлявшейся в Бомбей, где в то время свирепствовала жестокая эпидемия чумы. Даниил Кириллович был весь поглощен предстоящей деятельностью и проникнут ответственностью. Плохо владея английским языком, он стал усердно изучать его. Надо было и в короткий срок собрать походную лабораторию, снабдить ее всем необходимым, заранее наметить план работы на месте. Словом, он был весь в расходе и в лаборатории его редко можно было видеть. Но уже тогда он обратил на себя всеобщее внимание, как талантливый многообещающий работник»¹⁰.

В «Южнорусской медицинской газете» за 1897 г. (№ 8) в разделе «Мелкие известия» сообщалось, что «ученая экспедиция для изучения чумной эпидемии на месте ее происхождения выехала. Она примет участие в совещаниях Международной санитарной конференции в Венеции, после чего направится прямо в Бомбей».

О некоторых обстоятельствах переезда русских ученых на английском пароходе из Бриндизи в Бомбей говорится в чудом сохранившемся в Киевском институте микробиологии и вирусологии отрывке письма Даниила Кирилловича жене, датированном 12 марта: «В Индийском океане нас последние два дня немного потрепало. До серьезных проявлений дело, правда, не дошло. Спасли средства, которые я нашел в твоей корзине в виде лепешек и бромнатрия»

15 марта русская экспедиция ступила на индийскую землю.

При таких обстоятельствах начался новый, очень важный этап в научном творчестве Д. К. Заболотного.

¹⁰ Арх. биол. наук. 1930. № 1. С. 4.

В Бомбее

«Встретил нас и принял французский консул весьма любезно, — сообщал снова в письме к жене Даниил Кириллович, — Yersen¹¹ — славный малый, и мы с ним в простых дружественных отношениях. Он поселился во французском консульстве. Мы часто вместе обедаем».

Ко времени прибытия русской экспедиции в Индию, по оценке В. К. Высоковича, общая паника и бегство населения из Бомбея прекратились — эпидемия ослабевала, хотя все еще от чумы каждый день погибали 70—80 человек.

Заболотному Бомбей показался очень мрачным. Роскошная природа только подчеркивала его кладбищенскую безлюдность. На окраинах, где жили индусы из беднейших каст, многие улицы были мертвы, хижины пусты: чума унесла целые семьи. По указанию противочумной комиссии на уличных перекрестках день и ночь жгли серу, надеясь с помощью ее едкого дыма «очистить» воздух от заразы, а главное — создать видимость «кипучей деятельности» городских правителей. К советам врачей, даже приезжих, они не прислушивались, но, когда подвергались критике, всю вину валили на тех, чьи знания ни во что не ставили.

Приезжие знаменитости — бактериологи Амбрехт, Гаффки, Кох, Пфейффер, Китазато — отсиживались в лабораториях. Заболотного поразило, что рискованные опыты они ставят на людях без всякой предварительной проверки на животных. Чтобы оправдаться, договорились до утверждения «гуманности» спасения одной части индусов за счет другой и «нужды науки в жертвах для продвижения вперед».

Как же отличалась работа русской экспедиции! Когда через две недели после прибытия в Бомбей русские развернули лабораторию, они своей первоочередной задачей сочли в меру возможности ограждать здоровых от заражения и спасать заболевших. И только параллельно, сколько позволят силы, заниматься исследованиями.

В одном из отчетов, которые писал Д. Заболотный, говорится: «Исследования носили достаточно разнообраз-

¹¹ Йерсен А. (1863—1943) — профессор, руководитель французской группы ученых, ученик Пастера. Добрые отношения с ним Заболотный сохранил на долгие годы.

разный характер. Мы вели наблюдения эпидемиологические, клинические, исследовали кровь и выделения больных (их ежедневно привозили в госпиталь по 10—12 человек), занимались патологоанатомическими вскрытиями умерших, испытывали противочумную сыворотку, кроме того, провели ряд опытов на мелких животных и обезьянах для выяснения картины и течения заболевания, свойств иммунитета и лечебного значения сыворотки»¹².

Об объеме научных изысканий русской экспедиции можно судить по тому факту, что для опытов, кроме мелких лабораторных животных, в ход пошло около ста обезьян. В то время как другие приезжие группы ученых состояли исключительно из бактериологов, присутствие в русской патологоанатома Высоковича и, конечно, Заболотного, прошедшего выучку у такого патологоанатома, каким был В. В. Подвысоцкий, позволило произвести вскрытие 34 трупов умерших с подозрением на чуму.

Не зная усталости, Заболотный делит сутки между госпиталем, анатомичкой и лабораторией и успевает делать то, что самому вчера могло бы показаться физически невыполнимым. Приезжие светила поражены самоотверженностью, трудолюбием, неутомимостью молодого русского врача. Йерсен писал в Париж другу Э. Ру: «Я был слышан, а теперь убедился сам — бескорыстия русских нет границ... У Даниэля (Заболотного. — *Н. П.*)... оно переходит границы благоразумия — он все время рядом со смертью...»¹³

Из сорока бомбейских инфекционных больниц в распоряжении русских четыре, но пользуются они только двумя. Заболотный изо всех сил стремится уменьшить разрыв между числом поступивших в госпиталь больных и выздоровевших. Русских интересует клиническая картина инфекции — она слабо изучена, и врачи часто путают чуму с крупозной пневмонией и просто горячкой. Но попробуй ее уяснить, когда с утра на кровати один больной, вечером на той же кровати уже другой! — сокрушался Высокович. Никакой воз-

---

¹² Письма из Бомбея // Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1897. Вып. 4. С. 375.

¹³ Вопросы истории медицины // Тр. ЦиУВ Минздрава СССР. М., 1959. Вып. 4. С. 3.

возможности обследовать больного, не говоря уже описать течение болезни в динамике ¹⁴.

Еще в 1880 г. киевлянин профессор Г. Н. Минх утверждал, что бубонная и легочная чума только разные формы ее, но доказательства были неубедительны. Теперь это установлено экспериментально — действительно, и та и другая вызываются одним и тем же микробом, но при различных воротах попадания его в организм. Попутно уточнены и взаимоотношения разных форм заболевания во время смешанных вспышек.

Индия богата обезьянами? Отлично! Подобрал наиболее чувствительный к чуме вид из рода макакус, Заболотный принимается за опыты по искусственному заражению животных через бронхи и пищевод, воспроизводит клиническую картину бубонной и легочной форм, а затем применяет в разные сроки разные противочумные сыворотки. В отчетах можно найти описание этих опытов по иммунизации и лечению обезьян. Они дадут основание И. И. Мечникову заявить на XII Международном съезде врачей в Москве, что «действие лечебных сывороток было доказано исследованиями русской миссии в Бомбее. При этом выяснено: сывороткой можно не только предупредить заболевание чумой обезьян, но и вылечивать уже заболевших животных, если ее вводить через 24 часа и не позже 48 часов после заражения, когда симптомы заражения уже ярко проявились» ¹⁵. И впредь Мечников будет неоднократно ссылаться на наблюдения русской миссии в Бомбее, говоря об изменениях в организме при чуме, в первую очередь в легких и бронхах, о значении лимфатических узлов в патогенезе инфекции, настолько они новы, значительны и бесспорны. Он особо подчеркнул ценность характеристики, данной русскими учеными, чумной пневмонии как бронхопневмонии и типичных для нее черт пневмонических очагов.

Углубленную массовую, проверку эффективности серотерапии для предупреждения и лечения чумы у людей Заболотный начал с себя — ввел сыворотку якобы с профилактической целью. Коллеги из иностранных миссий злословили, что это «игра в святого»,

---

¹⁴ Из докл. в О-ве киев. врачей 9 окт. 1897 г. // Тр. О-ва киев. врачей. Киев. 1898. С. 112.

¹⁵ Речи, произнесенные на XII Междунар. съезде врачей в Москве. М., 1898. С. 246.

самореклама, а Заболотный, уже имевший опыт проверки на себе противодифтерийной сыворотки и противохолерной вакцины, считал, что такая проверка «изнутри, собственным телом, умом врача» весьма ценна. Только убедившись на себе и на сотне обезьян в безвредности сывороток Йерсена и привезенной из Петербурга, а также лимфы Хавкина, он перешел к опытам в клинике.

В конце июня 1897 г., когда эпидемия пошла на спад, члены русской миссии начали сворачивать свою лабораторию. Можно было подвести и предварительный итог сделанному. У Заболотного он оказался более чем впечатляющим. Начать хотя бы с того, что он после выполнения огромного объема научных изысканий непосредственно в чумном очаге и совместной работы с признанным знатоком чумной инфекции Высоковичем поднялся до разряда крупных специалистов по чуме.

Не будет преувеличением заметить, что Заболотный успешно выдержал экзамен и на гордое звание русского ученого. Заботясь об обогащении «тощего» до него учения о чуме, он обнаружил, что фагоцитарная активность лейкоцитов является решающей для предсказания исхода болезни. Но этот факт современники не оценят в достаточной мере. Понадобится почти полвека, чтобы он наконец был положен в основу высокоэффективной терапии чумы комплексом химиотерапевтических и антибиотических препаратов, направленной на резкое снижение агрессивности чумного микроба по отношению к фагоцитозу и другим защитным механизмам организма¹⁶.

Все, что увидит молодой ученый в Бомбее, убедит его и в огромном значении социальных условий в распространении чумы. К потрясшему его факту резкого контрастного разделения второго в Индии по размерам города на роскошную, благоустроенную часть для европейцев и неприкрыто убогую, невероятно грязную и тесную для индусских бедняков и к такой же контрастной статистике заболеваемости (в трущобах чума натепилась — унесла 53,7 % жителей, а в европейской смертность не поднялась выше 0,8 %) в своих работах

---

¹⁶ Имеется в виду предложенный академиком АМН Н. Н. Жуковым-Вережниковым комплексный метод лечения легочной чумы.

он будет возвращаться не раз. Например, в 1922 г., вспомнив бомбейскую экспедицию, будет утверждать: «Высокая смертность среди местного населения — это отнюдь не результат какой-нибудь врожденной восприимчивости к болезни, а объясняется тяжелыми социальными и бытовыми условиями жизни. Не что другое, а грязь, бытовая неустроенность и темнота местного трудового населения способствовали нередко поголовному вымиранию живших в перенаселенных домах в тесном контакте с грызунами и блохами»¹⁷.

Итак, в научном отношении три месяца работы в Бомбее оказались вовсе не «пробой исследовательских сил», как Заболотный предполагал, отправляясь в Индию, а одним из наиболее блестящих по продуктивности периодов его научной биографии. Совокупный вклад группы русских врачей в мировую сокровищницу эпидемиологии чумы, пожалуй, весомее, чем вклад всех остальных европейских миссий, вместе взятых. Они увезут на родину огромный и ценнейший материал об инфекции. На окончательную разработку его уйдут годы, но добытые данные коренным образом изменят вчерашние представления о природе заболевания, по-новому поставят вопросы эпидемиологии чумы и борьбы с ней. На вооружение практической медицины, еще недавно знавшей о «черной смерти» немного больше любого обывателя и потому бессильной перед ней, экспедиция передаст исключительной значимости научные сведения. Если сделать сжатое извлечение главного из последующих итоговых публикаций Д. К. Заболотного после возвращения на родину, то оно сведется к утверждению: эффективна специфическая антисыворотка при раннем ее применении; выздоровление от чумы всегда сопровождается фагоцитозом в бубонах; для выработки стойкого активного иммунитета необходимо повторное применение сывороток.

Исключительно высокого мнения о Заболотном был руководитель экспедиции В. К. Высокович: назвав его «идеальным партнером», он сполна оценил несомненно первоклассное экспериментальное мастерство своего помощника, его яркое медицинское мышление, наблюдательность, святое отношение к врачебному долгу,

---

¹⁷ *Заболотный Д. К. Заразные болезни и борьба с ними. Пг., 1922. С. 16.*

пренебрежение личной безопасностью. Пока же и профессор не подозревает, что в лице скромного русского врача он видит будущего крупного ученого-чумолога, который поможет миру избавиться от чумного страшилища. Сам же Заболотный, оказавшись с глазу на глаз с инфекцией жестокой разрушительной силы, пришел к выводу, что дальше оправдывать массовую гибель людей скудностью знаний о смертельном заболелении нельзя. Настал его черед вступить в единоборство с чумой, и он пройдет свою часть пути к победе над ней!

Сегодня привычно звучит: «чума побеждена». Такая короткая фраза, а как долог и тернист окажется путь к часу, когда она впервые будет произнесена!

Было неясно, откуда пришла чума в Бомбей. Профессор Высокович не сомневается — из Китая. У Заболотного же готов контрвопрос: тогда откуда она взялась в Китае? Нет, надо искать первичные гнездовья болезни-убийцы, а выследив убежище возбудителя, разорвать нити его связей с природой и тем обезвредить. Искать же, конечно, следует в местах, где чума постоянно тлеет, откуда начинает свои смертоносные набеги на мир. Что касается путей распространения инфекции, то он тоже успел заметить: кроме видимого — от больного к здоровому человеку, — у болезни есть еще и другие пути. Какие же?

Над всем этим до Заболотного, кажется, никто не задумывался, хотя чумой в России занимались десятки светлых умов. Новая постановка вопроса об источниках инфекции и путях переноса ее совершенно оригинальна и означает зарождение нового направления в медицинской микробиологии — эпидемиологии. Что ж, Подвысоцкий был прав, сказав в напутственной речи на провах русской миссии в Бомбей, что «мы находимся у начала славного пути науки о чуме».

Когда русская миссия окончательно свернула свою работу в Индии, трое из ее состава выехали на Родину и только Д. К. Заболотного жена будет ждать еще три месяца — он принял предложение Русского общества народного здоровья выяснить, сколь угрожающи для империи заносы инфекции паломниками-мусульманами из России в их святые места — Мекку и Медину. Путь туда лежит через Аден и Джидду.

Заболотный еще смутно представляет, к какой трудной для восхождения вершине поманила его

судьба. Но он готов, выражаясь словами философа Григория Сковороды, променять блеск жизни на сермягу странствий искателя правды.

Джидда

Этот порт — ворота в священные для каждого мусульманина Мекку и Медину. Ежегодно сюда суда свозят тысячи «счастливых» паломников. «Сходить в Мекку» хотя бы раз в жизни — мечта каждого правоверного магометанина. Едут сюда здоровые, везут умирающих и даже покойников, пожелавших упокоиться в «благословенной» земле, вблизи святынь ислама. Из Джидды в Мекку, находящуюся на расстоянии двух пеших переходов, фанатики идут пешком, ночами, чтобы у своей главной святыни совершить ряд «священных», а по сути совершенно диких обрядов. Жгучей радостью наполняет сердце каждого «хаджи»¹⁸ достижение цели — ведь, согласно корану, оно сулит ему искупление от всех земных грехов и вечный покой.

Дальние мучительные поездки и переходы, духота, теснота, грязь, дурная пища косят людей, а они почитают за высшую меру блаженства для себя и своих близких умереть не где-нибудь, а в этом пекле...

В мифах Аравия издавна слывет своеобразным царством болезней, такой она сохранилась до конца XIX в. Здесь начинались 20 чумных эпидемий из 24 зарегистрированных в истекавшем столетии. В полном согласии с теорией заносного характера чумных вспышек магометан русского происхождения, посещающих Мекку, в Петербурге винят в завозе оттуда смертоносной инфекции. Так ли это на самом деле, предстоит установить врачу Заболотному.

Судя по записям в дорожной тетради, которую упоминает Г. Голубев в книге «Житие Даниила Заболотного»¹⁹, к поездке он готовился загодя. 20 июля 1897 г. по новому стилю русский врач наконец высадился в Адене. Неделю провел в карантине, да еще столько же в ожидании попутного английского парохода и разрешения властей посетить «проматерь городов» — Джидду. Здесь его тоже хотели «упечь» в карантин на целых 12 дней — пассажир из самого чумного ада

¹⁸ Хаджа — идущий в Мекку.

¹⁹ Серия ЖЗЛ. М.: Мол. гвардия. 1962.

Бомбея! Выручил соотечественник из русского консульства. И все-таки, как ни торопился Заболотный, ни одного чумного больного в Джидде и его окрестностях не обнаружил — эпидемия успела погаснуть. Но поездка не прошла впустую. Как позже напишет Заболотный, подводя итоги ее, он в Аравии смог «познакомиться с условиями разноса чумы путем людских сношений». Перевозками паломников занимаются различные коммерческие пароходные компании, для которых люди — просто выгодный груз, приносящий огромные прибыли. Поскольку каждый пилигрим только и мечтает о смерти вблизи святых мест, все меры по охране здоровья эти фанатики считают излишними и безропотно мирятся с неопишуемой грязью, вонью и теснотой.

Сама Джидда только со стороны моря показалась Д. К. Заболотному живописной. Об этом он напишет так: «На третий день пути подъехали к Джидде. Обычный пустынный берег. На горизонте небольшая цепь голых гор серо-бурого каменистого вида. Город расположен у самого берега. Домики скучены в одну общую массу и издали представляют собой как бы дворцы, сияющие своей белизной под ослепительными лучами тропического солнца. Над домами, из которых большинство в три-четыре этажа, высятся два красивых минарета, сообщающих городу своеобразный мусульманский вид...»²⁰.

Это издали. А вблизи — неимоверная грязь, стаи бродячих собак в улочках-щелях, рои мух, покрывающие всех и все. Не лучше и сама Мекка — груда разбросанных в беспорядке глиняных лачуг, зной, пыль, духота, непривычные для европейца влажность, жгучие ветры «саами» и истинно вавилонское столпотворение людей. Религиозные обряды тоже совершаются в ужасающе антисанитарных условиях. Разве не источник смертоносной заразы одна из главных святынь ислама — «черный камень» священной каабы, к которому ежедневно «прикладываются» тысячи людей, в том числе сифилитики, прокаженные, туберкулезные? А чего стоит неумеренное потребление воды из священного колодца «зямь-зямь» и зацветших дождевых цистерн!

---

²⁰ Заболотный Д. К. Древняя «дорога» человечества. Пилигримы. (Мекка, Медина). СПб., 1899. С. 6.

В общей сложности в знойной полупустыне дикой страны и на коралловом острове Абу-Ами (где разместились карантинная служба, скорее напоминавшая рассадник болезней, чем учреждение, призванное служить заслоном на их пути) русский врач провел около трех месяцев. Картина человеческой неустроенности произвела на него столь потрясающее впечатление, что, давая характеристику состоянию аравийских городов, он напишет: «Нужны особо благоприятные случайные условия, чтобы при таком санитарном устройстве помешать распространению эпидемий»²¹.

Мысленно представив себе людские потоки, опускающиеся с Гималайских гор, текущие из Индии, Монголии, Китая, с юга России, где проживает основная масса магометан, по направлению к Джидде и снова растекающиеся каждый в свою сторону, он понял, что при полном отсутствии страхующих санитарных мер это живые транспорты страшнейших инфекций — чумы и холеры. Заодно с поклонниками Магомета суда, конечно, легко могут завозить в русские порты и чумных крыс.

Не иначе как добрым соперевживателем темных, одурманенных религиозных фанатиков можно назвать русского врача, когда он предлагает улучшить общие санитарные условия города Джидды, открыть здесь больницу и бактериологическую лабораторию, обеспечить паломников сносным приютом, наладить перевозку людей в оба конца, исключив тем самым контрабандную транспортировку, минуящую карантин.

Подводя итоги поездки в Индию и Аравию, Заболотный писал в «Автобиографии»: «Почти полугодовое пребывание в тропиках в разгар эпидемии (чумной в Индии. — *Н. П.*) дало (мне) возможность испытать свои исследовательские силы, посмотреть, как работают известные ученые, и собрать богатые материалы для выяснения патологии, бактериологии и эпидемиологии чумы, считавшейся дотоле малоизученной болезнью, и послужившие основанием для постройки научно обоснованной профилактики».

Результатом аравийской командировки, кроме отчета, были публикации: «Санитарное значение Красного моря в эпидемиологии» и «Древняя „дорога“ че-

---

²¹ Заболотный Д. К. Отчет о командировке в Джидду // Избр. тр. Т. 1. Киев: Изд-во АН УССР. 1956. С. 286.

ловечества. Пилигримы. (Мекка и Медина)»²², доказывавшие вероятную вину и массового передвижения паломников-магометан в чумных вспышках в Англии, Индии, Италии, Франции, России. Уже тогда Д. К. Заболотный заговорил о необходимости международного сотрудничества в деле предупреждения заноса чумы все в новые страны.

Деять месяцев в Париже

В. К. Высокович из Индии домой возвращался через Париж — хотелось обменяться бомбейскими впечатлениями с И. И. Мечниковым. Старые друзья, они много и подробно говорили о деталях работы русской миссии в Бомбее. Мечникова интересовало все (он готовился к XIII Международной конференции врачей-чумологов), но особенно исследования Д. Заболотного по фагоцитозу при чуме. Было решено просить председателя Российской комиссии по мерам борьбы с чумой принца Ольденбургского разрешить молодому врачу некоторое время поработать в Институте Пастера.

В такой поездке заинтересованы обе стороны. Профессора И. Мечников и Э. Ру хотят ознакомиться с богатейшим материалом, собранным русскими учеными в Индии. Для Заболотного же возможность продолжить начатые в Бомбее исследования под руководством самого Мечникова, да еще в прославленном мировом центре молодой микробиологической науки — Институте Пастера была по меньшей мере подарком судьбы.

Никаких подробностей возвращения Заболотного из Дждидды домой не сохранилось, разве что сказанное о нем в 1919 г. В. Л. Омелянским (в декабрьском номере газеты «Русский вестник»): «... он возвратился через Италию в Россию, привезя богатейший эпидемиологический материал, и приступил к его обработке». Добавим: Ольденбургский разрешил поездку в Париж, к Мечникову. Встреча с Ильей Ильичом в августе 1897 г. носила более чем дружеский характер. Это была встреча давних знакомых и единомышленников. Хозяин был прост и радушен. К приезду Заболотного подготовил ему рабочее место в своей

---

²² Обе работы изданы в Петербурге в 1899 г.

лаборатории, на нижнем этаже южного крыла здания по улице Дюто, часто заходил к нему «на огонек». Дел же у приезжего невпроворот.

В. К. Высокович в публичной лекции в Киеве 10 октября 1897 г. объяснил, почему в Бомбее экспедиция старалась выбирать для себя исследование тех вопросов, которые могли бы быть решены только на месте эпидемии, и намеренно оставляла в стороне те, которые могли быть более обстоятельно разрешены в стационарной лаборатории.

В институте Заболотный продолжил опыты на обезьянах. Заражая чумой одну партию животных за другой, он, по словам Ру, скомплектовал целый обезьяний госпиталь из ста животных. Дважды в день у него врачебные обходы, записи в истории болезни, прививки. А картина та же, что и в Бомбее: если сыворотка применена на второй-третий день после заражения, наблюдается явный поворот к выздоровлению животных, а в запущенных случаях она бессильна. На основании накопленных данных экспериментатор предложил специальную схему противочумных прививок. Но для серьезных выводов кое-что в ней нуждается в уточнении, кое-чего недостает. А раз, по выражению Ру, опыты с сывороткой «вселяют надежду на возможность» в ряде случаев излечивать чуму, может быть, есть смысл использовать новую вспышку заболевания в Бомбее для решающего опыта?

Лучше других, считают Мечников и Ру, с этим делом, конечно, справится Заболотный, «который хорошо знаком с вопросом и лучше других сможет довести его до положительного конца»²³. Но по слухам из Петербурга, его там ждет новое поручение — поездка то ли в Маньчжурию, то ли во Внутреннюю Монголию. А если эти две задачи совместить? И в Петербург из Парижа уходит просьба к «Его Высочеству» принцу Ольденбургскому, председателю Комиссии по мерам борьбы с чумой с продуманным маршрутом новых поездок Заболотного. «Ваше Высочество! — говорилось в письме. — Господин Мечников и я выражаем Вам свою благодарность за ту поспешность, с которой Вы разрешили господину доктору

---

²³ Из письма профессора Э. Ру принцу Ольденбургскому от 14 марта 1898 г. // Борьба за науку в царской России: (Неизданные письма). М.: Госсэкономиздат. 1931. С. 177.

Заболотному продолжать работу в Институте Пастера. Новые опыты с противочумной сывороткой... очень удовлетворительны... В связи с этим было бы очень важно использовать очередную вспышку чумы в Бомбее для решающего определения ее цепности. Поэтому и обращаемся к Вам с просьбой поручить эти опыты г. Заболотному.

В случае согласия г. Заболотный в конце этого месяца отправится в Индию и подвергнет там нашу сыворотку решительной проверке, а потом поедет в Маньчжурию для выполнения данного ему Вами поручения. Для этого он может заехать в Пекин или направиться к северной границе Индии и там на месте определить пути распространения болезни.

Таким образом, не будет задержки в выполнении миссии г. Заболотным в Маньчжурии, более того остановка г. Заболотного в Бомбее будет содействовать ее выполнению.

Мы выражаем уверенность, что Вы, Ваше Высочество, оцените преимущество этого плана действий и решите разрешить его выполнение. Профессор Ру»²⁴.

Увы, «высочество» не вняло доводам ученых и не разрешило Заболотному еще раз съездить в Индию. Но письмо из Парижа оказало неожиданное для него действие. В глазах царской камарильи, не умевшей ценить своих, русских ученых без подсказки с Запада, фигура Заболотного вдруг выросла во много раз. Уже 21 марта 1898 г. был подписан царский указ о назначении его «состоять в качестве специалиста при Его Величестве принце А. П. Ольденбургском», официальном руководителе всей противоэпидемической службы в России. Отныне на его плечи ляжет организация профилактических и противоэпидемических мероприятий в местах регистрации заболеваний чумой.

Солидные результаты первой зарубежной поездки Заболотного, еще до отъезда в Индию обратившего на себя внимание петербургских бактериологов своим талантом, не остались секретом и для «ученого» Петербурга. С этой точки зрения совершенно естественным выглядит фактическое прикомандирование Даниила Кирилловича к Институту экспериментальной медицины — в России той поры единственному солидному

---

²⁴ Борьба за науку в царской России: (Неизданные письма). М.: Госсোцэкономиздат, 1931. С. 183.

научному учреждению, своего рода комплексному центру научных поисков по основным разделам медицины, подготовки научных и преподавательских кадров.

Выдающийся русский ученый, заведующий общепатериологическим отделом института профессор С. Н. Виноградский, стремившийся сосредоточить под своим «крылом» разработку самых различных микробиологических проблем, в том числе и медицинской микробиологии, не мог не оценить научную активность молодого исследователя, с первых же шагов самостоятельной работы так блестяще зарекомендовавшего себя. Вскоре он предложил ему должность второго помощника заведующего отделом. Для Заболотного это предложение было очень лестным. В ИЭМ ученый проработал до 1928 г. — вплоть до избрания президентом АН УССР — и еще на год сохранил за собой право наездами трудиться в институтских лабораториях. Если Заболотный многим обязан ИЭМ, то и институт — ученому, который принес ему престиж своего имени, пополнил его портфель научных трудов своими классическими работами высочайшего уровня и тем приумножил его мировую славу.

Итак, поездка в Индию, а затем стажировка у самого Мечникова оказались для Д. К. Заболотного этапными событиями. Они на добрый десяток лет определили генеральное направление его научных интересов и заложили прочный фундамент официальной карьеры — в силу обстоятельств он оказался в центре борьбы с тяжелыми инфекциями, в первую очередь с чумой.

В Восточную Монголию

Не успел Заболотный в мае 1898 г. возвратиться из Парижа в Петербург и углубиться в новые заботы, как 21 мая получил распоряжение о выезде в Восточную Монголию, провинцию Юньнань, где в ряде селений злоеущая болезнь с удивительной регулярностью заявляла о себе уже многие десятилетия подряд.

Впервые встретившись с чумой, Заболотный оказался перед дилеммой — какой путь избрать для борьбы с этим чудовищем? Доктор Хавкин, профессора Йерсен, Кох, Ру, сам Мечников отдают предпочтение поголовной вакцинации, нацеленной на повышение

иммунности населения. Заболотный не исключает из арсенала противочумных средств серотерапию, в этом вопросе он согласен с европейскими светилами полнотью. Но их путь борьбы с коварной инфекцией он считает ненадежным и переальным — и сыровотки еще далеки от желаемого, и персонала для поголовных прививок не набрать. Нет, надо разладить цепь передачи инфекции в человеческую среду! Только это будет означать уничтожение самой возможности заражения людей. А от кого и как чумной микроб передается людям, надо искать. С этой точки зрения поездка в Юго-Восточный Китай окажется очень удачной.

Сборы в путь недолги: 4 июня скорый поезд увезет русскую экспедицию — Даниила Кирилловича и студента-медика В. А. Таранухина — в сторону Томска, здесь к ним присоединятся переводчик Б. Бимбаев и казак Н. Жилин. Минувя Байкал, экспедиция на двенадцатый день добирается до Кяхты, а потом и до Урги (ныне Улан-Батор).

Заболотный вглядывается в окружающее. Сюда, в Ургу, как магометане в Мекку, стекаются паломники-буддисты — монголы и китайцы, чтобы поклониться Хутухте — своему немилостивому божеству, испросить спасение от болезней вень-и, вень-цзай, хай-вень. Названия разные, а по существу, кажется, все — чума. Идут, едут — привозят ее единоверцам и увозят с собой. Вполне возможно, что с торговыми караванами переправляют через монгольскую границу и в российское Забайкалье.

Наконец, погрузив на подводы, запряженные быками, медикаменты и лабораторное оборудование, а продукты, и личные вещи — на верблюдов, караван двинулся по «уртонской»²⁵, более длинной, но удобной для смены животных дороге навстречу «черной смерти». Через пустыню Гоби — на Калган, Пекин, а затем в провинцию Вейчан. В общей сложности Заболотному и его спутникам предстоит на низкорослых монгольских лошадаках, а потом на мулах покрыть путь в две тысячи километров. Они то движутся только утром и вечером, то почти целый день, по девять часов кряду, оставляя в один переход еще семьдесят, еще

---

²⁵ Уртоны — монгольские стойбища, считавшиеся дорожными станциями.

сто километров. Русские очень спешат — где-то гибнут незнакомые им люди.

Но стоит «урусам» в сумерках остановиться на привал, как они тут же оказываются в окружении монгольских кочевников. Прослышав, что среди путешественников есть ученый «эмчи» (врач), просят излечить трахому, туберкулез, сифилис и даже ввиду неслыханной засухи вызвать . . . дождь. «Во всемогущество добрых „урусов“ монголы верят как дети», — напишет Заболотный В. К. Высоковичу. В помощи он никому не отказывает, даже лекарствами одаривает, а за это просит рассказать, чем болеют кочевники-скотоводы, передать народные сказания и легенды о злых духах, насылающих на них страшные болезни.

Все в этих краях непривычно и интересно Заболотному, но это не интерес праздно любопытствующего туриста: природа, нравы, условия жизни — все важно для инфекциониста-эпидемиолога. Например, вековой опыт монголов, утверждающий, что местные грызуны — маска ходячей смерти. Он особенно заинтересует доктора Заболотного, поскольку вполне согласуется с уже известным науке — после открытия возбудителя чумы доказано, что возникновение ее эпидемий среди людей в ряде мест совпадает с эпизоотиями среди синантропных грызунов — крыс.

Позади уже осталось почти 1500 миль пути. Они потребовали от доктора и его помощников исключительного мужества, выносливости, терпения. Вот уже нет и уртонов с приветливыми монголами — прощаясь с русским «эмчи», они последний раз намазали жиром губы «каменной бабе», испрашивая ему покровительство своих божеств в его будущих делах. Который уже день вокруг одна безлюдная пустыня — то белая, то розовая, то синяя, то графитно-черная, с источенными временем горными хребтами на горизонте. Ни куста, ни деревца.

Только когда вступили в земледельческие районы Китая, картина изменилась. «Кончилось бездорожье, скукота, безлюдие. Стали встречаться горные ручьи и речушки, на холмах пасутся стада коз и баранов, — писал профессору Высоковичу Даниил Кириллович. — Здесь уже все китайское и по-китайски: дамбы и джонки на реках, на дорогах — натужно согнувшиеся тачечники и бесконечные вереницы семяющих мелкими шажками носильщиков с бамбуковыми коромыслами

на плечах и на них корзинами, свисающими до земли, необычные для нашего глаза стога сена, сметанные вокруг стволов деревьев»²⁶.

В селение Тянь-цзян-Инзо²⁷ прибыли поздно вечером, но, когда гонец вернулся из Малиенто и сообщил, что там много тяжелых больных, Заболотный тут же, не передохнув, в проливной дождь, в непроглядную ночь, по незнакомой малохоженной дороге, без проводника, заторопился на помощь гибнущим.

А в Малиенто — знакомая до жути картина разбоя эпидемии легочной чумы и то же отвратительное чувство бессилия, мучительного стыда за затянувшуюся беспомощность науки. Заболотный бросился в яростную борьбу с чумой, действовал неумолимо, энергично, самозабвенно, однако из 16 чумных, обнаруженных русскими в селениях вокруг Вейчана, 12 умерли — все заболевшие легочной формой и 85% — бубонной, в том числе и местный врач.

Более месяца пробыла экспедиция Заболотного в самом центре пожарища. По настоянию доктора была открыта «запретная фанза» — изолятор для подозрительных и уже явно больных чумой, дезинфицировались жилища. Через переводчиков русские убеждают китайцев не прятать заболевших — в этом их спасение.

И здесь, как и в Бомбее, Париже, Джидде, Заболотный проявляет себя как неумолимый исследователь. Для русского врача очень важны анатомические данные погибших, а буддийские религиозные каноны считают вскрытие трупов святотатством. Как быть? Пришлось в морге работать крадучись, ночами, при коптилке. Это — среди мириад убийственных микробов-невидимок, которые, с точки зрения несведущего человека, не имеют ни веса, ни размера, ибо измеряются одной тысячной частью миллиметра, т. е., которые можно сказать, не существуют, но для человека представляют смертельную угрозу.

И беда стряслась: неосторожным движением доктор вогнал себе в палец иглу шприца, которым только что брал содержимое чумного бубона. Бурный чумной процесс вскоре набрал силу. Быть бы непоправимой беде, не введи Даниил Кириллович себе своевременно

---

²⁶ Арх. проф. С. Т. Данилевского.

²⁷ Расположено у отрогов Хинганского хребта, на краю Монгольского плато, в долине реки Суологоу.

спасительную сыворотку. Его спутник по экспедиции В. А. Таранухин писал в Киев брату Заболотного, что Даниил Кириллович вернется домой, побывав не только в Китае, но и на том свете. Сам же переболевший счел свое заболевание всего-навсего убедительным завершением серии экспериментов с лечебной сывороткой. Присовокупив его к ранее собранным данным, он на редкость детально опишет после двух уже известных — легочной и бубонной еще одну форму чумы — пустулезную.

Самым же безотлагательным делом молодой ученый считает выяснение источников инфекции — науке очень важно знать, где, в каком тайнике отсиживается «каннибальская» инфекция в промежутках между эпидемиями, какими путями вторгается в человеческую среду. «Это возможно, — считает он, — и это необходимо»: выследив опаснейшего микроба, положить конец его перемещениям в человеческую среду.

Но при первой встрече с чумной эпидемией в Индии Заболотный был осторожен — среди, можно сказать, убежденности большинства съехавшихся в Бомбей маститых бактериологов в «заносном» происхождении бомбейской вспышки он один-единственный усомнился, надо ли эту версию принимать за факт. И в дискуссиях с профессором Высоковичем настаивал: ведь есть доказательства, что в Индии существуют места, где чума эндемична! Почему таковым не может быть и Бомбей? Проверить, так ли это, Заболотному тогда не удалось — и вот он в Вейчане, где чума регулярно заявляет о себе многие десятилетия.

По литературе пока известны на земном шаре четыре «чумовзрывные» точки: 1) Месопотамия²⁸ с турецкой Арменией; 2) Южный Китай; 3) Южные Гималаи и 4) Центральная Африка близ Уганды. Теперь Заболотный назовет пятый эндемический (местный, ограниченный) чумной район — Вейчан. Все собранные здесь и бактериологически выверенные данные (в первую очередь выделение от умерших культуры типичного возбудителя чумы) позволяют утверждать: экспедиция попала в до сих пор неизвестный науке чумной питомник. И не только это: отныне он будет настаивать, что чума — болезнь с природной оча-

²⁸ Под этим названием известна область Передней Азии, расположенная в междуречье Тигра и Евфрата.

говостью. В работе «Эпидемические очаги чумы на земном шаре и причины ее распространения», опубликованной сразу же по возвращении из Восточной Монголии, Заболотный категорически заявит: «Источником распространения чумы на земном шаре нужно считать эндемические очаги. Эти очаги, тлея до определенного времени, обычно никем не замечаемые, могут при определенных условиях вспыхивать и развиваться в грозные эпидемии, как это мы видели в Индии и Китае»²⁹.

Это смелое для своего времени утверждение означало рождение нового учения об очаговости ряда тяжелых инфекций.

Многие ученые, писавшие о своем учителе и коллеге, считают открытие этого проявления общепаразитологической закономерности самым выдающимся взносом Заболотного в сокровищницу мировых достижений медицины и самым «массивным камнем, вложенным им в здание науки об эпидемиях».

Теперь, когда круг поисков источника неисчислимых человеческих бед в новом районе определен в пределах окрестностей озера Боин-Нур, настал час назвать и вероятных хранителей бактерий. Заболотный не сомневается: таким «термостатом» может быть только живой организм — уже известные свойства разбойного микроба убеждают в том, что вне такового он не отличается особой стойкостью. Если бы таился только в людях, то в таком случае, уничтожив последнего на своем пути человека, инфекция должна была бы исчезнуть с лица Земли. В Индии и Аравии он слышался о виновности крыс в чумных вспышках и, почувствовав, что в этих рассказах есть что-то важное, сделал запись о «бандикотах». Нет, он не отвергает вполне вероятную виновность крыс во многих вспышках так называемого портового чумного мора. Но как объяснить появление чумы в районах, где крыс нет и в помине, а ближайшие порты, куда их могли завести пароходы, за тридевять земель, например в русском Забайкалье, киргизских и казахских степях и в той же Восточной Монголии?

По пути в Восточный Китай и в самом Малиенто ученый жадно поглощает были, народные наблюдения монголов и китайцев, рассказы заболевших чумой, при-

---

²⁹ Арх. биол. наук. 1899. № 3. С. 247.

плюсовывает к ним сообщения забайкальских коллег, местных китайских врачей и, наконец, собственные эпидемиологические данные. Все эти сведения оседают где-то глубоко в мозгу, постепенно сами выстраиваются в логический ряд и, как выражался Анатолий Франс, «переваренные с аппетитом», заставляют мысль работать в одном направлении: степь... земля... зарытые в ней клады, несущие людям мучительную смерть... А может, обитающие в земле твари?

Последнее выглядит наиболее правдоподобно — ведь неспроста вейчанцы твердят, что сплошь и рядом заболевания людей предшествуют контакты их с дальним родственником крыс, местным полевым грызуном — тарбаганом. Но стоит в октябре подуть с плоскогорья западным холодным ветрам, а тарбаганам залечь на зимнюю спячку, как зараза гаснет, чтобы снова возобновиться только с началом следующего охотничьего сезона.

Тарбаган³⁰ — крупный, ловкий, хитрый, любопытный и неугомонный зверек, способный пробивать ходы даже в каменной почве. Перед норой строит из земли и песка обзорную площадку. Увидев человека, становится на задние лапки и принимает угрожающий вид — темно-желтая шерсть нахохливается, хищные резцы выступают из-под усатой верхней губы, и слышны недовольные лающие звуки. В сентябре—октябре зверьки собираются в группы, а с холодами, на время зимней спячки до марта, прячутся в наглухо заделанные норы. Если тарбаган среди зимы выбрался из норы, значит, заболел, — удушье выгнало его на мороз.

Опытные охотники бьют зверька только издали, убедившись, что он здоров — поднялся и готов встретить опасность. Шкурка его — предмет выгодного сбыта, она высоко ценится в Европе. Мясо у китайцев идет в пищу, часто в сыром виде, а жир — на хозяйственные нужды. Можно представить, с какой легкостью зараза может при этом перейти к человеку, особенно если охотится он с помощью капкана да еще пристрастен к сырому мясу: разберись, какой зверек попался — здоровый или больной. А болеют бабаки очень похоже на людей, поэтому страшный мор народ и нарек здесь тарбаганьей болезнью.

³⁰ *Arctomys Bobac.*

Чтобы еще раз убедиться в своем подозрении о вероятной связи заболевания людей чумой с местной фауной, Заболотный сопоставляет сроки эпизоотий среди тарбаганов, сезоны охоты на них и время ежегодных чумных эпидемий. Полное совпадение! «При сравнении всех известных нам эпидемических очагов, — записывает доктор, — мы замечаем общую черту: одновременно с людьми наблюдается заболевание и среди животных»³¹.

И тогда у Заболотного рождается ключевая для эпидемиологии чумы оригинальная теория: «Различные породы грызунов, по всей вероятности, представляют в природе ту среду, в которой сохраняются чумные бактерии»³².

В публицистическом изложении рождение гипотезы выглядит очень просто: «услышал», «узнал», «суммировал»... Но разве синтез разрозненных данных и домыслов, способность видеть в малом большое, в известном неизвестное — всего-навсего проявление способности к анализу, как снисходительно пишут о Д. К. Заболотном некоторые авторы?

Нет, это было нечто несравненно большее, если принять за истину, что интеллектуальная интуиция — это высшая способность познания. И не важно, была ли то вспышка мысли или заключение в результате кропотливого варьирования сведений и логической обработки уже известных фактов, но это было озарение, до Заболотного не посетившее ни одного корифея бактериологии. Мало слышать что-то — надо еще и не упустить факт. Ведь истории, легенды о рождении болезни «из земли», данные о совпадении эпизоотий с эпидемиями слышали сотни биологов, бактериологов и врачей, но вник в них только один Заболотный. Это не просто случай. Для этого нужны были его страстная целеустремленность, широта общебиологического образования, наконец, талант исследователя. И в будущем Заболотный еще не раз и не два продемонстрирует, по словам канадского биохимика и патолога Ганса Селье, способность видеть то, что видят все, и думать, как не думает никто.

---

³¹ *Заболотный Д. К.* Эпидемические очаги чумы на земном шаре и причины ее распространения // *Арх. биол. наук.* 1899. № 3. С. 248.

³² Там же.

У многих есть оригинальные идеи, но только немногие из них приобретают право гражданства в истинной науке, поскольку каждое открытие состоит из двух частей — идеи и доказательства. Процесс «доводки» идеи, превращения теории Заболотного в аксиому, бесспорную эпидемиологическую истину будет закончен только тогда, когда сама природа даст ответ на заданный ей вопрос — пошлет в руки исследователя зараженного в естественных условиях больного тарбагана и позволит бактериологически поставить знак равенства между тарбаганьей болезнью и человеческой чумой, т. е. доказать, что и та и другая вызываются одним и тем же микробом. Вот тогда только можно будет принять за разладку механизма передачи инфекции от животных к людям.

Забегая вперед, нужно сказать, что поиск доказательств смелой, нетрадиционной теории Заболотного о страшной виновности тарбаганов в разгулах чумной стихии в определенных регионах оказался для медицины делом совершенно новым.

Автор гипотезы еще не знает, что между умозрительным предположением и превращением его в аксиому — дистанция огромного размера, не представляет всей тяжести и длительности поисков — они растянутся на долгие полтора десятилетия, а столь желанная окончательная победа над чумой потребует всей его жизни.

Но то только будет, а пока ученый на собственном опыте убедился в правоте своего руководителя по Институту экспериментальной медицины профессора С. Н. Виноградского, утверждавшего, что каждая новая идея или идеяка требует ухода, поддержки и защиты, прежде чем она упрочится в науке, — теория его натолкнулась на стену активного неприятия. Одни ученые встретили ее простым заговором молчания, другие — с недоверием, сарказмом и даже в штыки. Наряду с нелепым, но живучим представлением о чуме как «божьей дубинке» в природе кое-кто твердил о ее «самопроизвольном зарождении». Были и такие, кто настаивал, что чума — «болезнь городская», возникает от «перенаселения». В азиатских странах вину возлагали на... влажную, болотистую местность. Западные газеты убеждали, что для «желтых и коричневых азиатов и черных африканцев» она «что сыпной тиф для европейцев», т. е. болезнь расовая. Во главе прямых и

стойких противников теории Заболотного был крупный китайский чумолог Ву Лиенде. Убедившись в «крысином» происхождении ряда чумных эпидемий в Южном Китае, он, а заодно с ним и ряд русских бактериологов и мысли не допускали, что причиной смертельного человеческого заболевания могут быть какие-то никому, кроме зоологов и охотников, не известные зверьки.

Конечно, Заболотный отдавал себе отчет в том, что все его оппоненты в данном случае «далеки от науки, как от луны тот петух, что взобрался на забор, чтобы быть ближе к ней», но кому приятно быть предметом злых карикатур, изображающих тебя то в виде обезумевшего тарбагана, то в виде Дон-Кихота, сражающегося с мельницей!

И все-таки он устоял, все выдержал, ни разу не склонил головы перед обстоятельствами и не только стоял на своем, но и пробивал своей теории путь через частоколы возражений. Ведь годы борьбы с косностью, за утверждение «научной правды» оплачивались жизнями людей — заблуждения уводили ученых в сторону от истины, позволяли дьявольской инфекции уносить все новые жертвы. Борьбу пришлось вести даже после поимки чумного тарбагана. Ведь такие, как Ву Лиенде, не сдавались до начала 30-х годов нашего столетия, требуя доказательств «истинных», «несомненных», «самоочевидных», «фундаментальных», особо «научно достоверных».

Пока же русская экспедиция в октябре 1898 г., когда западные ветры уже устлали дорогу снегом, направилась в сторону Шанхая. Только 15 ноября путешественники поднялись на пароход, педший в Европу. Дорога была дальняя и времени обещала достаточно, чтобы подвести некоторые итоги воистину этапной экспедиции. В частности, сопоставив существование эндемического очага чумы в Монголии с описанными русскими врачами случаями тарбаганьей чумы, отныне он будет склонен предполагать тождественность тарбаганьей болезни с «настоящей чумой». Пока это рабочая гипотеза. На сколько? На целых пятнадцать лет неустанных поисков научных доказательств собственной правоты.

А вообще Заболотный доволен масштабами уже сделанного им всего за полтора года по дешифровке вчера еще таинственного чумного чудовища. Итог

в его формулировке звучал так: «В Бомбее мы имели обильный материал для изучения патогенеза чумы, в Аравии мы могли познакомиться с условиями ее разноса путем людских сношений. В Монголии нам пришлось познакомиться с издавна существовавшим эндемическим очагом»³³.

Сделанное в Вейчане ученый явно приуменьшил, уже потому, что теперь он знает адрес, по которому будет искать гнездовья чумной опасности.

Петербург встретил Заболотного радостно, шумно, расспросам не было конца. Но доктор не позволил затянуться отдыху — надо было торопиться с обработкой привезенного из Вейчана материала. Лучшим местом для этого был «Чумной форт». Так прозвали бактериологи лабораторию, недавно расквартировавшуюся на островке близ Кронштадта, до недавнего времени известном под названием «форт императора Александра I».

Постоянные вспышки чумы во второй половине прошлого века принудили царское правительство форсировать поиски средств борьбы с ней. Созданный особый оперативный орган с длинным названием «Высочайше учрежденная комиссия о мерах предупреждения занесения в Россию чумной заразы и борьбы с ней», или — короче — «Кочум», на какое-то время сосредоточил в ИЭМ экспериментальное изучение чумы.

Здесь же было развернуто и производство противочумной сыворотки, а с 1898 г. — и лимфы Хавкина. Нужные для этого лошади размещались на каменно-островской даче попечителя Института принца А. П. Ольденбургского. Теснота тормозила расширение исследовательских работ, производство противочумных препаратов, а также подготовку кадров инфекционистов. К тому же царский двор опасался близкого соседства с лабораторией, где ученые имеют дело с «всамделишными» чумными бактериями. Так родилась идея о выселении чумной лаборатории за пределы северной столицы. Благодаря близости попечителя к военному ведомству для ее нужд и был предоставлен островок, где размещался ставший «заштатным» форт. Сюда-то 16 августа 1898 г., когда Заболотный воевал с чумой

---

³³ Заболотный Д. К. Эпидемические очаги чумы на земном шаре и причины ее распространения. С. 249.

в Вейчане, и перекочевала противочумная лаборатория, получившая название «Особой лаборатории ИЭМ по заготовлению противобубонночумных препаратов».

В ее распоряжении было как бы выросшее из воды двухэтажное массивное, угрюмое здание. Помимо лабораторий с отдельным ходом со двора, где производились холерная вакцина и брюшнотифозная и холерная сыворотки, здесь в «чистой» части здания располагались библиотека, столовая, комнаты для врачей. Пребывание в форте связано с постоянной смертельной опасностью, однако разве найдешь лучшее место для спокойной работы, думает «чумовед» Заболотный и перевозит на островок все свое «вейчанское богатство», ожидающее анализа и обобщений. Внешнее однообразие жизни в форте его не смущает, так как здесь достаточно животных для опытов и не мешает работать всесильный, но неуравношенный попечитель.

Но уже в январе 1899 г. доктор вынужден вернуться в Петербург. В тридцать два года он получает предложение читать курс бактериологии в только что открытом на пожертвования Петербургском женском медицинском институте. Это была высокая честь, но и тяжелая задача, поскольку институт до 1904 г. не считался государственным учебным заведением и содержался исключительно на частные средства. Преподаватели его не имели званий и назывались «частными преподавателями». Уже став академиком, Заболотный рассказывал, как, не будучи доктором медицины, получил кафедру. На заре его преподавательской практики в России не было ни одного бактериолога доктора медицины. Для руководства кафедрой в таком случае нужны были три солидные рекомендации. Их ему и дали С. Н. Виноградский, И. И. Мечников и Р. Кох.

Порученного заботам Заболотного курса в ту пору еще не существовало — отдельные вопросы борьбы с инфекциями на медицинских факультетах университетов затрагивались попутно в других курсах. Пришлось все начинать с нуля. Об этом говорится в письмах Заболотного, адресованных А. О. Ковалевскому и его дочери Вере Александровне.

«Мои мечты, — рассказывал он в письме В. А. Ковалевской от 10 января 1899 г., — о возвращении в Париж разбились о необходимость начать с этого же полугодия ведение курсов по бактериологии в Женском медицинском институте. Как это ни грустно для

меня, по приходится примириться с мыслью и принять за устройство лаборатории для курсисток.

Нам отведены две светлые комнаты, выписаны 20 микроскопов с иммерсиями и необходимые аппараты. Предстоит докупить недостающее и позаботиться об окончательном устройстве кафедры. Прежде всего придется устраивать лабораторию для педагогических целей, а затем с осени можно будет начать ее расширение для научной работы... Теперь мне приходится разрываться на части, сразу (по приезде из Вейчана. — *Н. П.*) окунуться в разные тревобления, из которых все-таки рассчитываю вырваться³⁴. А через две недели, 29 января, своему любимому учителю А. О. Ковалевскому докладывал: «Работа пока идет гладко, курсистки занимаются успешно. Дело пойдет еще успешнее в будущем году»³⁵.

Тот факт, что в течение всего двух-трех лет за Заболотным закрепилась репутация преподавателя с врожденным талантом, делает ему особую честь. Ведь если его учителя — Мечников, Ковалевский, Подвысоцкий, Виноградский — педагогическую «доводку» проходили в прославленных западноевропейских университетах — Гайдельбургском, Страсбургском, Цюрихском, у светил — Циглера, Хюфнера, Де-Бари, то крестьянский сын был лишен такой возможности. Десятки воспоминаний свидетельствуют о том, что, как правило, лекции по бактериологии проходили при переполненной аудитории. Доктор К. Н. Токаревич запомнил даже номер ее — третий! «Бывало, — записал он, — сестра негде, а никто не уходит — все во власти лектора. А он ходит себе вдоль стола, изредка останавливается, опирается на руки и говорит, говорит... Тихо, спокойно, никакого шаблона, много данных о последних открытиях микробиологов и попутно рассказы — не о себе! — о собственных опытах. Все это так ново и необычно для нас»³⁶.

Несмотря на то что курс, который ведет Д. К. Заболотный, необязательный, курсистки все охотнее посещают и его лабораторию, хотя она одиннадцать лет будет ютиться в двух комнатных анатомического

---

³⁴ Арх. АН СССР. ЛО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 37. Л. 1—3.

³⁵ Там же. Д. 14.

³⁶ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. М., 1958. С. 184.

корпуса. Каждая из комнат так мала, так заставлена шкафами, что едва вмещает академическую группу из двенадцати человек. В штате кафедры тоже всего два сотрудника: Даниил Кириллович при этом был и профессором, и лаборантом, и служителем, готовящим материалы для лабораторных занятий.

Но теснота и стесненность в средствах на оборудование и обилие обязанностей не мешали Даниилу Кирилловичу удивительно и интересно обставлять практические занятия. Ценилась и манера обращения преподавателя со студентками — он знал всех поименно и никогда не нарушал закона равенства. Личное участие в занятиях, щедрая раздача собственного опыта, редкий такт завораживали будущих врачей. «Умело задаст вопрос и направит ход мысли в нужное русло, а то осторожно подскажет: „Срисуйте препарат!“ — и детали его накрепко запечатлелись. В случае неудачи не только найдет слова утешения, но и причину ее. Все это подкупает, очаровывает нас. Мы, еще незрелые врачи, не боимся обращаться к профессору с любыми вопросами, — запомнила профессор В. Дембовская. — К нашим услугам уже вскоре после основания кафедры была масса учебного материала, а наш учитель все возил из каждой экспедиции что-то типичное, выразительное, а значит, и поучительное»³⁷.

Уже в те годы он убеждал своих слушателей: чтобы стать хорошо знающим бактериологию врачом, недостаточно одного теоретического знакомства со специальными курсами. Можно слушать лекции, читать учебники, но ничего не понять в бактериологии — с помощью одной теории ее нельзя познать. Позже он напишет, что для этого нужно видеть микробы, самому экспериментировать, так как только наблюдая собственными глазами сквозь микроскоп живые и окрашенные микробы, возможно реально представить эти наименьшие существа: научиться отличать одни от других, усвоить многочисленные особенности каждого.

Предметом постоянной заботы Заболотного с этих лет становятся и студенческие кружки. Случалось так, что в них записывались всем курсом. Обычно первым докладчиком бывал сам профессор. То он делился впечатлениями о собственных поездках, то избирал дискуссионные темы вроде, допустимы ли эксперименты

---

³⁷ Там же.

на людях. И радовался, когда последующие прения были оживленными — они помогали ему «вылавливать» тех, чьи данные обещали вырасти в талант ученого. К тому же такие массовые внепрограммные занятия позволяли закреплять у будущих врачей сознание их высокого призвания, гражданственности профессии, понятие о доброте и чести.

Профессор не принадлежал к разряду строгих педагогов. Он использовал пироговский принцип: пусть учится тот, кто хочет учиться. Это дело студента. Но кто хочет у меня учиться, тот должен чему-нибудь научиться — тут уже мое дело. Поэтому и экзамены на кафедре Заболотного чаще всего напоминали дружеские собеседования, в которых студент и профессор совместно обсуждали проблемы. Умение заставить слушателей учиться без понуканий и страха рождало ответную реакцию — редко кто осмеливался прийти на экзамен по бактериологии, не зная предмета. Настолько был высок и непререкаем авторитет Д. К. Заболотного — преподавателя и человека — в глазах студентов.

Судя по письму Даниила Кирилловича к В. А. Ковалевской от 27 июля 1899 г., хлопоты по устройству первой в его жизни кафедры были прерваны поездкой в Месопотамию. Правда, вначале она не ладилась. «До последних дней надо мной тяготела возможность поездки в Месопотамию на чуму, — сообщал Заболотный, — но благодаря медлительности турок, не дающих на это согласия, поездка, вероятно, не состоится. Рассчитываю через недельку уехать в деревню... Как я рад буду наконец вырваться на волю из Питера!»³⁸

В Персии

Из Петербурга Заболотный вырвался, но в родную Чеботарку в то лето так и не попал — турецкие власти после долгих проволочек дали-таки разрешение на поездку в район Междуречья. В этот раз в дальнюю дорогу Заболотный отправился с женой. Но уже в конце августа он писал из Тегерана В. А. Ковалевской, что из-за отсутствия заболеваний чумой срок командировки ему сокращен и он рассчитывает, «если дела не задержат в Астрахани, в конце сентября быть в Питере» и

³⁸ Арх. АН СССР. ЛО. Ф. 7300. Оп. 1а. Д. 52. Л. 47.

«занятия в этом году начать в срок, т. е. с 15 сентября, или в крайнем случае в конце месяца». В этом же письме он жаловался, что путешествие было утомительным и малоинтересным: «Ехали мы все время верхом. Лаборатория шла на вьюках. Скорость передвижения зависела исключительно от настроения мулов, которые мало поддаются понуканиям. Пыль носится целыми облаками и не дает дышать. Питаться приходится персидской стряпней и консервами»³⁹.

В Тегеране супруги большую часть времени провели, созерцая азиатскую жизнь, осматривая достопримечательности города и бродя по базарам. «В завершение, — писал Д. К. Заболотный, — поймал нечто вроде малярии, которая, однако, не особенно дает себя чувствовать. И все-таки спешу выбраться отсюда поскорей, чтобы вернуться к спокойным занятиям и не дать ей разыграться».

Поездка в Персию, видимо, оставила в памяти ученого значительный след — о ней он вспомнит весной 1927 г. и запишет в дневнике: «Когда-то мы вместе (с женой. — *Н. П.*) путешествовали там (по Персии. — *Н. П.*). Она была хорошим товарищем по путешествию и заботливым другом. Целый день мы в дороге, а вечером в караван-сараяе она устраивает уголок для ужина и отдыха. А утром снова в погоню за чумой...»⁴⁰

Каждый раз, возвратившись из очередной поездки на чумную или холерную вспышку, Даниил Кириллович клялся жене: «Теперь уже долго никуда не поеду!» Но стоило прийти первому сигналу чумного бедствия, как он тут же оказывался в пути, будь то в чужие страны или самые глухие, «богом забытые» российские углы. В 1900 г. он оказался на чумной вспышке в Шотландии, вблизи Глазго, потом его видели в португальских портах, в Марокко и на Гавайских островах. Праздником показалась двухмесячная работа перед возвращением в Россию в Пастеровском институте в Париже.

Дела на кафедре в ЖМИ приносят много радости. Самый молодой в институте преподаватель уже освоился с новой еще недавно для него ролью учителя. Лекции его по-прежнему ходят слушать студентки всех курсов — они дают представление о молодой

---

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 34, 35, 35 об.

⁴⁰ Дневник, запись от 15 марта 1927 г.

науке — медицинской микробиологии, полны ароматом жизни — порой трагичной, но зовущей молодых на подвиги. Личные качества лектора — бьющая ключом энергия, приветливость — не только украшают его, но и работают на науку: вокруг Заболотного уже собралась солидная группа молодых энтузиастов, из которых он растит будущих эпидемиологов, ученых и педагогов.

Непререкаем и его авторитет в области противочумной работы — ведь у Заболотного уже позади значительная часть пути к победе над чумой. Его стараниями более углубленно и планомерно ведется изучение убийственной инфекции. Для этого он нашел весьма благоприятные возможности в ИЭМ: понимание научных устремлений, материальные возможности, наконец, блестящую лабораторную базу — «Чумной форт» с его участием превращается в мировой центр противочумных исследований, способный производить тысячи литров целебных противочумных сывороток и вакцин. Сам Заболотный любит работать в форте. Обстановка здесь позволяет сосредоточиться над обобщением уже скопленного материала по чуме, разобраться, чем богата сифилидология (он задумал поиски еще в одной области тяжелейших инфекций). И пишется здесь хорошо — уже готовы к печати лекции, читанные им в ЖМИ в 1902—1903 гг. Он издаст их в помощь студентам-медикам под названием «Основания общей микробиологии»⁴¹.

Но положение консультанта при титулованной особе понуждает Заболотного к поездкам на чумные, холерные и тифозные эпидемии — число и сила их в начале XX в. не идут на убыль. Создав «Кочум», царь счел, что дело сделано, и оставил своих подданных без государственных забот о санитарном благополучии отечества. Поэтому не успевала кончиться холерная эпидемия, как начиналась тифозная, а то заявляла о себе и сама чума.

Чтобы представить в динамике разработку профессором учения о чуме, на время оставим в стороне все, что не касается его противочумной деятельности. Здесь каждодневный взнос его порой превышает человеческие силы. Он просто не знает усталости.

---

⁴¹ В 2 ч. СПб.: Ч. 1. Общая бактериология. 1902. Ч. 2. Частная бактериология. 1903.

Вспышка чумы в Гурьевском уезде, Бекетовке, Узачбае, Архиерейской слободе. . . На юго-восток страны, в киргизские степи, едут экспедиции врачей: Ланге, Талько-Гринцевича, Скшивана, Тартаковского, отправляется и сам Заболотный. Для него каждая вспышка представляет не только огромный теоретический интерес, но и в высшей степени практический. Он и десятки его учеников и последователей в поисках зачумленных грызунов отлавливают и препарируют тысячи. Но все безрезультатно — чумные зверьки не идут в руки исследователей, и гипотеза о виновности их в заболеваниях людей так и остается гипотезой.

И на какое-то время Заболотный допускает для юго-восточной части России вероятность двух вариантов происхождения чумных эпидемий — заносного и эндемичного. Было ли это отступлением или рабочей, подлежащей проверке версией, сейчас не важно. Остается фактом, что за это он тут же попадает под перекрестный огонь критики вчерашних единомышленников. «Нам положительно думается, что в данном случае мы встречаемся с одним из парадоксов в истории медицины, — заявил доктор Страхович, обследовавший астраханские степи. — Мы легко создали эндемические очаги вдали от нас и ждем оттуда опасности. И в то же время с упорством, не отвечающим научной объективности, отрицаем возможность того же у нас»⁴².

«Киргизы, — писал микробиолог Н. Н. Клодницкий, — не принадлежат к числу особенно фанатичных поклонников корана, и немногие между ними могут вынести значительные путевые расходы по поездке в святые места. Однако мысль работающих по чуме врачей и административных лиц часто и настойчиво, хотя и бесплодно, ищет источник в паломниках из Аравии»⁴³.

Чума в Одессе

В ту нелегкую для ученого пору пришли тревожные вести из Одессы, для которой начало XX в. уже ознаменовалось двумя чумными заболеваниями. В ок-

⁴² *Страхович И. В.* Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор мероприятий: Дис. . . д-ра мед. наук. СПб.: Мед-хирург. академия, 1906. 289 с.

⁴³ *Арх. биол. наук.* 1901. Вып. 4. С. 345.

тябре 1901 г. в доме, где жил один из заболевших, дворник обнаружил полтора десятка сдохших от чумы крыс.

Так как новых заболеваний среди людей не оказалось, противоэпидемическая настороженность пошла на спад, а уже 28 мая 1902 г. в инфекционный барак поступила целая группа чумных. И все из района недавней чумной эпизоотии. Почти одновременно в пути из Индии в Одессу на пароходе «Мария Терезия» скоропостижно от чумы умер матрос. По недосмотру портовых властей погребли его без предосторожностей — при большом стечении людей, с прощанием и поминками. И чума пошла справлять свой пир в Одессе.

Городская управа забила тревогу. В город был приглашен не кто-нибудь, а Д. К. Заболотный — здесь помнили, как десять лет назад, еще студентом, он развеял опасения, не являются ли поля орошения источником вспышек холеры. Теперь Заболотный приехал в город своей юности уже человеком с солидной научной репутацией, опытным чумологом. С помощью решительных карантинных мер он повел дело к локализации вспышки, а уничтожение крыс ускорило окончательную ликвидацию эпидемии.

В 1910 г. на город снова обрушились эпидемии. Сразу две — чумная и холерная. Легочной чумой заболел всего один человек, остальные умирали от бубонной. Но только в августе, через полтора месяца после начала эпидемии, когда она приняла серьезный характер и созданный санитарно-исполнительный комитет проявил свою беспомощность, городская управа снова попросила у Д. К. Заболотного «консультации по поводу участвовавших случаев острозаразных заболеваний». Перепуганное правительство откомандировало из Петербурга в Одессу целую комиссию, в которую, кроме Д. К. Заболотного, вошли профессор В. К. Высокович и главный врачебный инспектор Министерства внутренних дел Л. Н. Малиновский, с требованием не выпустить страшную инфекцию за пределы многолюдного портового города.

А здесь царил полная неразбериха. Боролись с ней управления главного лечебного инспектора и карантинное, городская управа, губернатор и начальник края. Каждый сам по себе и по своему усмотрению. Больше других суетилась полиция, а особенно местный градоначальник генерал Толмачев, облеченный властью

председателя санитарной комиссии. Городовые жгли хибары бедняков, заливали улицы сулемой, реквизировали жалкие пожитки одесской бедноты. А в это время в захламленных подвалах, подпольях, помойных ямах, катакомбах и даже магазинах хозяйничали крысы, и среди них чумные. Генерал, наотрез отказавшийся от помощи опытных бактериологов, всю вину валил не на крыс, а почему-то на кур, свиней и кошек, поэтому стоило какому-то животному выбраться из укрытия, как за ним устремлялась лавина дворников и околоточных.

С приездом ученых на стенах домов и заборах появилось обращение к горожанам за подписью двух профессоров — Высоковича и Заболотного. Оно успокаивающе подействовало на население. Через несколько дней продавцы газет уже раздавали листовки и брошюру «Чума в Одессе» — с помощью их Д. К. Заболотный рассчитывал активизировать горожан в борьбе с инфекцией.

Официальный руководитель прививочного отряда, он входил во все детали противоэпидемических мероприятий, а после демонстративного отъезда профессора Высоковича, вошедшего в непримиримый конфликт с невежественным солдафоном в генеральской форме Толмачевым, взял на себя руководство противоэпидемическими мероприятиями. В основу плана действий было положено творческое соединение теоретических представлений об инфекции с мерами, продиктованными обстановкой в городе. Нужно сказать, что эта система сработала в Одессе четко.

Заболотный добился установления строжайшего санитарного кордона в порту, раннего выявления и быстрой госпитализации заболевших, изоляции на инкубационный срок соприкасавшихся с больными, сплошной дератизации грызунов, очистки городского рынка, дворов и подъездов. К тому же успевал на местной бактериологической станции производить анализы на чуму, вскрывать околевших крыс и прямо в «заразных» бараках заниматься со студентами старших курсов медицинского факультета Новороссийского университета по профилактике, клинике и лечению чумы, бесстрашно обследовать лабиринты одесских катакомб, куда «отцы города» никогда и не заглядывали — о них шла недобрая слава как о месте укрытия злоумышленников и небезопасном из-за обвалов.

Противочумные предохранительные прививки были незнакомы широким кругам одесского населения, а потому и непопулярны. По местным газетам можно проследить, как продуманно действовал Даниил Кириллович и в этом направлении. «Одесский листок» 25, 26, 27, 31 августа и 5 сентября 1910 г. дал серию материалов, в которых излагались суждения о положении дел, по выражению редактора, «известного русского чумолога профессора Д. Заболотного, близко изучившего как теоретически, так и практически сущность чумного заболевания и способы предохранения от последнего»⁴⁴.

Газетные репортажи сохранили и подробности общедоступных выступлений ученого в переполненных залах местного богача Двойриса, Епархиального дома, большой аудитории университета. В них собирались ремесленники и торговцы, рабочие и врачи, студенты и слушательницы Высших женских курсов. Газеты подчеркивали: профессор настаивает на прививках, но «в массовом количестве». Он был убежден, что прививка — мера, долженствующая носить массовый характер. Только при таком условии возможна борьба с поразившим город тяжелым недугом, только тогда она может иметь большое значение как профилактическое средство.

После каждой публичной лекции, по свидетельству репортеров, слушатели «награждали лектора бурными аплодисментами, окружали его плотным кольцом для расспросов, а число желающих сделать прививку увеличивалось настолько, что приходилось направлять их в городскую больницу». Были и такие, кто безвозмездно предлагал помещения под прививочные пункты, а кто — свои услуги и даже сбережения.

В это же время ликвидации эпидемии, угрожавшей всей России, с безграничной яростью мешали «чины». Заболотный не молчал, когда Толмачев распорядился «очистить от жильцов» несколько улиц и принимал «неукоснительные меры» к нежелавшим делать прививки, начал жечь рундуки и лавчонки на Привозном рынке. В общем, профессор был против всего того, что умножало страдания и без того обездоленных бедняков. Толмачев — этот, даже в глазах Столыпина, «злодей и мошенник», неприкрыто дерзкий с местными

---

⁴⁴ Одесский листок. 1910. 25 авг.

бактериологами, — с Заболотным, облеченным неограниченными полномочиями, внешне был корректен. Да только внешне. За глаза же называл не иначе как «осколком разбитой крамолы» и только выжидал подходящего часа, чтобы отплатить за непокорность.

Такой момент наступил после воскресной лекции Д. К. Заболотного в зале Епархиального дома, в которой профессор с гневом говорил о неудовлетворительном санитарном состоянии жилых помещений, в которых ютятся беднота, и потребовал обязательного отселения несчастных из непригодных для жилья подвалов, этих резервуаров чумной инфекции. 16 ноября 1910 г. в «Одесских новостях» появилась явно инспирированная полицией заметка под заглавием «Балмаскарад». В ней сообщалось, что на балу в пользу одесского и московского детских приютов ведомства императрицы Марии «две маски в карнавальных костюмах дезинфекторов раздавали публике карточки, заключающие в себе сатиру на членов Противочумной комиссии». Чтобы дискредитировать специалистов-чумологов, была названа ложная дата прибытия их в Одессу, заведомо приуроченная ко времени резкого роста числа заболевших.

Это была клевета, дерзкий вызов тем, кто, не щадя себя, спасал людей от смерти. Разразился скандал. По жалобе Д. К. Заболотного Одесский временный комитет по делам печати, правда с полугодовой проволочкой, наложил арест на номер газеты и карточку-пасквиль и привлек к ответственности виновных в распространении заведомо ложных слухов, возбуждающих у населения враждебное к командированным на борьбу с чумой должностным лицам отношение. Но «арестованные» 5 января 1911 г. карикатуры были уничтожены в камере прокурора суда только... в августе 1913 г. Инспиратор оговора Толмачев еще был все-силен.

Теперь — в Маньчжурию!

Небывалый по размерам и тяжести чумной пожар в Маньчжурии возник почти одновременно с одесским — еще в августе—сентябре 1910 г., когда в районе станции Маньчжурия заболели первые охотники на тарбаганов. Официально же первый случай чумы был зарегистрирован только 12 октября, когда инфекция

успела расползтись по многим китайским городам и селениям. Газетные сообщения становились все тревожнее: число умерших от чумы множилось с катастрофической быстротой. Так как беда разрасталась на самой русской границе, грозясь перекинуться в Забайкалье, а может, и дальше, в Петербурге всполошились. Последовал депутатский запрос в правительство, которое сочло нужным «отправить на разведку» Д. К. Заболотного.

В Первом Ленинградском медицинском институте сохранилось удостоверение, выданное правлением Общества Китайско-Восточной железной дороги от 23 ноября 1910 г. «Представитель сего профессор Д. К. Заболотный, — говорится в нем, — командирован на линию железной дороги для обсуждения принимаемых и подлежащих принятию мер борьбы с чумной эпидемией в районе сей дороги, а также по исследованию причин возникновения и распространения там подобных эпидемий и выработке мер как к предотвращению их, так и к наилучшей постановке дела борьбы с означенным злом на будущее время».

Профессору известно, что местные китайцы издавна промышляют на тарбаганов, а в последние годы охота на них стала статьей дохода. Немецкие и французские меховые фабрики усовершенствовали технологию обработки шкурок, и меховые шубы из тарбаганьих шкурок вошли в моду. С этого момента поднялись цены на них. Как тут беднякам удержаться от соблазна подработать! И они ринулись в степи за даровым доходом. В 1908 г. из Маньчжурии было вывезено 700 тысяч шкурок, через год — 800 тысяч, а в 1910 — около двух миллионов.

Грызунов охотники травили, стреляли, заманивали в ловушки и сами... умирали быстрой и мучительной смертью. С осенними холодами, когда зверек залег на зимнюю спячку, охотники — а их в районе КВЖД за последний охотничий сезон перебивало до 11 тысяч! — хлынули на Джалайнорские угольные копи, в Харбин, Фудзян, Мукден, Чифу и там до отказа забили ночлежки, харчевни, опиекурильни. А чумной заразе только того и надо: человеческая скученность — первейшее условие быстрого заражения капельным путем при кашле, типичном для легочной формы чумы.

Все время, что минуло со времени первой встречи Д. К. Заболотного с чумой в Индии, было годами по-

знания инфекции. Три десятка поездок в эпицентры чумных пожарищ обогатили его память множеством ценнейших наблюдений. По словам Д. К. Заболотного, поездка в Маньчжурию — это еще одно «хождение за тридевять земель, за разгадкой чумной напасти».

В Харбин профессор прибыл 6 декабря 1910 г. и за несколько часов убедился, насколько прав был Д. С. Самойлович, называвший чуму «страпилицем, которое пагубнее всех браноносных народов», — от нее уже погибло более 30 тысяч китайцев и около 500 русских рабочих КВЖД — все заболевшие!

У города зловещий вид — самые мрачные краски здесь не были бы преувеличением. Закрыты рестораны, клубы, иллюзионы, театр, школы и даже церкви. Зато улицы забиты пришлым бездомным людом. В каждой фанзе китайской бедноты с заплеванными полами, окнами-щелями, сплошными нарами для сна такое число приезжих, что вызывает удивление, где все они размещаются, даже если спят вповалку, больные и здоровые рядом. Еще один рассадник заразы — тайные опиекурильни. «В полутемных и душных закоулках, на нарах и прямо на полу валяются грязные оборванцы, — описывала их участница русской экспедиции врач Б. М. Поллон-Бутовская. — Какие-то юркие личности снуют между „гостями“ и, взяв трубку изо рта одного, тут же передают ее другому, не всегда обтерев чубук грязным рукавом»⁴⁵.

К тому же китайцы, темные, неграмотные, кем-то настроенные против русских, не желают прислушиваться к советам приезжих врачей и умирают по 200—300 человек в день, так что власти не успевают очищать город от трупов. Одни сложены штабелями, как дрова во дворах, другие вывезены за черту города и оставлены без погребения. Из-за боязни дезинфекции и закрытия частных «заведений» владельцы лавчонок и мастерских трупы своих рабочих тайком затапливают в проруби, а родственники умерших подолгу перепрыгивают в погребках, под... овощами, предназначенными для продажи.

Всю опасность обстановки в Харбине профессор понимает как никто другой — необходимы безотлагательные и самые решительные меры. Но управляющий

---

⁴⁵ Поллон-Бутовская Б. М. На чуме. Томск: Том. ун-т, 1913. С. 23.

Китайско-Восточной железной дороги генерал Хорват принимает прибывшего из Петербурга многоопытного, уже всемирно признанного чумолога, отдавшего изучению тяжелой инфекции около полутора десятков лет, сухо и почти отказывает в содействии, ссылаясь на отсутствие «высочайших» указаний по поводу финансирования мер борьбы с заразой.

Заболотный в таких случаях не падает ограниченных чиновников: в Петербург уходит депеша о «саботаже противочумных мер со стороны господина Хорвата», а сам начинает действовать. Уже первые распоряжения профессора позволят его ассистенту Г. С. Кулеше заметить, что продуманная система противоэпидемических мероприятий начала проводиться только с прибытием в Харбин Д. К. Заболотного. Все сразу же почувствовали сильную руку опытного русского.

Профессор же убежден: «Каждая эпидемия, вызываемая одним и тем же микробом, имеет свои индивидуальные особенности в зависимости от характера микроба, времени и места проникновения его в человеческую среду. Выяснить эти индивидуальные особенности и подогнать к ним предупредительные меры является первостепенной задачей активного эпидемиолога»⁴⁶.

Д. К. Заболотный именно так и поступает. От природы наделенный исключительным умением вбирать в себя детали эпидемической обстановки, а затем намечать соответствующие мероприятия, он в течение суток разрабатывает план первоочередных. В пем 25 пунктов. Это сплав теоретических представлений, научно обоснованных требований, собственного опыта и мер, продиктованных самой жизнью. Меры предназначены не только для Харбина, но и для Мукдена, Чифу, Фудзяна.

Противочумное распорядительное бюро с врачебным совещанием при нем наделяется неограниченными правами. Чтобы положить конец передвижению огромных людских масс, бесконтрольному бродяжничеству, линия оцепления вокруг только одного Харбина вытягивается на 16 верст. «Чины» стоят на расстоянии трехсот шагов друг от друга — тут не только бродяга, но и мышь не проскочит.

⁴⁶ *Заболотный Д. К.* Основы эпидемиологии. Т. 1. М.; Л.: Госиздат. 1927. С. 12.

Так как при легочной чуме сывороточное лечение малоэффективно, ученый делает ставку на раннее выявление и немедленную изоляцию заболевших и тех, кто близко общался с ними. На запасных путях трех железнодорожных веток, протянувшихся во дворе старых русских казарм, оставшихся со времен русско-японской войны, выстраиваются около ста вагонов русского сортировочно-обсервационного пункта. С помощью «летучих» отрядов за несколько дней в Харбине взято под наблюдение около двух тысяч соприкасавшихся с чумными больными. Сорок из подозрительных оказались зараженными.

Руководствуясь тем, что первым внешним признаком заболевания является повышение температуры (и с этого момента больной становится опасен для окружающих), на всех харбинских предприятиях и пропускных пунктах по предложению ученого вводится обязательная ежедневная термометрия. С одной стороны, запрещена еще недавно процветавшая в городе торговля тряпьем, закрыты опиекурильни, с другой — открыты школы, так легче следить за состоянием здоровья детишек.

Тяжелое впечатление произвела на профессора местная инфекционная больница. Поэтому, создавая свой стационар при Московском противочумном пункте, Заболотный вводит боксированную систему, лично входит в мельчайшие детали и оборудования, и подготовки кадров вплоть до разработки памятки для оканчивающих курсы санитаров, «чтобы работали сознательно».

И это сделано всего за две недели! Таков накал организаторской, наступательной деятельности профессора. Но она внезапно прерывается вызовом в Петербург с докладом правительству. 4 января 1911 г. в своем выступлении ученый припугнул столичных именитых чиновников, заявив: «Чума на русском пороге. Если ее не остановить, кто знает, какие испытания будут уготованы России!» А для «мер» нужны средства. Речь Заболотного на заседании Государственной Думы 19 января⁴⁷ была настолько убедительной, что обычно скупое, когда речь шла о народном «здра-

---

⁴⁷ Гос. Дума (третий созыв): Стеногр. отчеты за 1911 г. (сессия 4). Ч. II. Засед. 39—73. (с 17 янв. по 5 марта). СПб.: Гос. типография, 1911. С. 230—232.

вии», царское правительство приняло решение снарядить в Харбин специальную научную экспедицию.

В короткий срок профессор на вербовал добровольцев и в Харбин вторично явился с пополнением: докторами Чурилиной, Суражевской, Златогоровым, Падлевским, слушательницами женского медицинского института — Степановой и Яльцевой и двумя служителями. Из Томска приехал доктор Михель с десятком студентов-волонтеров, из Иркутска — три студента, выпускник Военно-медицинской академии Илья Мамонтов, земский врач из Подмосковья Мария Лебедева, бактериолог из Парижа Жерар Мишель.

Самоотверженность всех этих людей не знает границ, а китайские власти делают все, чтобы создать на их горьком пути препятствия. Хозяева городских гостиниц отказали русским в приюте и питании после утверждения китайских газет, что чума — дело рук русских диверсантов с КВЖД и... медведей. Пришлось селиться в заброшенном здании с протекавшей крышей, рамами без стекол. Под Московский пункт с лабораторией предложен такой же угрюмый деревянный дом с потемневшими до черноты стенами на самой окраине, рядом с горой окоченевших трупов.

Заболотный устал, похудел, почернел от бессоницы, но держится — так велят ему врачебный долг, человечность и отзывчивость пославшего его народа. Этого худощавого с уже седеющей бородкой вездущего человека видят на станциях и полустанках КВЖД. Постоянно рискуя собственной жизнью, наравне с молодыми коллегами по экспедиции он обходит бараки для железнодорожных рабочих, в поисках осиротевших детей и чумных больных обшаривает в темных узких улочках фанзу за фанзой, следит за очисткой городских свалок, отправляется на окраину Харбина, где идет кремация тысяч незахороненных трупов. Бывает, что врачебные совещания затягиваются до двух-трех часов ночи, но профессор не ляжет спать, пока не обойдет все службы экспедиции. С громадным трудом улучшает Заболотный и дезинфекционную службу — дезотряды получили гидропульты, насосы, дезкамеры, и в городе перестали сжигать вещи китайской бедноты.

Яркий гуманист, преисполненный чувством деятельного сострадания к бедствующим беднякам независимо от их национальной принадлежности, в зимние

месяцы 1911 г. он увлекся устройством приютов с банями, дезкамерами и питательными пунктами для бездомных китайских пролетариев. Вначале он обратился за помощью к имущим харбинцам, но те отмолчались. Тогда на скромные средства экспедиции по опыту Екатеринославского и Костромского земств в срочном порядке были развернуты «русские точки», где обездоленные нашли кров, пищу и даже неслыханную здесь врачебную помощь. Вскоре обласканные русскими бродяги сами потянулись на «огоньки» пунктов. «Это доверие к нам местной голытьбы, — писал врач В. М. Богущкий, — было самым ценным результатом огромного труда, который вложил в дело руководитель экспедиции, потому что такое доверие со стороны населения облегчило борьбу с эпидемией»⁴⁸.

При всей нечеловеческой загруженности профессор находит силы еще и для санитарно-просветительной работы в ночлежно-питательных и обсервационных пунктах. По его настоянию на китайский язык переводится брошюра доктора Хмары-Борщевского «Как уберечься от чумы», он сам пишет листовки.

Авторитет русской экспедиции возрастал по мере установления врачебно-санитарного порядка в Харбине и окружающих его городах и благодаря независимому характеру ученого. Даже управляющий КВЖД спесивый генерал Хорват резко изменил свое отношение к русским эпидемиологам — улучшилось финансирование экспедиции и материальное обеспечение противоэпидемических мероприятий.

Но помощь китайскому населению в его отчаянной беде очень дорого обошлась нашей экспедиции — под Харбином она оставила 25 могил врачей, фельдшеров, сестер и около 200 санитаров. Сказались непроходящая усталость, нервное истощение, недосыпание, а подчас неразумный риск и пренебрежение личной безопасностью, хотя профессор буквально ежеутренне напоминал и требовал, чтобы не было никакой бравады! Чума — болезнь серьезная, с ней шутить нельзя!

Утрату каждого сотоварища Даниил Кириллович переживает тяжело, болезненно, потому что всех погибших он считает истинными героями. Ведь ни один из них не дрогнул даже перед лицом неотвратимой

---

⁴⁸ Чума в Маньчжурии / Сост. В. М. Богущкий. Харбин, 1912. С. 161.

смерти. Люди светлых идеалов — врачи Мария Лебедева, Владимир Михель, Илья Мамонтов, француз Жерар Мишель, медицинская сестра Анна Снежкова и все остальные, погибшие в Маньчжурии, до последнего вздоха остались верны святому врачебному долгу. Вот как писал своей матери в предсмертный час Илья Мамонтов: «Дорогая мама, заболел какой-то ерундой, но так как на чуме ничем, кроме чумы, не заболевают, то это, стало быть, чума... Честное слово, с моей стороны не было нисколько желания порисоваться или порисковать. Наоборот, мне казалось, что нет ничего лучше жизни, но из желанья сохранить ее я не мог бежать от опасности, которой подвержены все, и, стало быть, смерть моя будет лишь обетом исполнения служебного долга — для будущего счастья человечества нужны же жертвы!..»⁴⁹

Человек большой силы воли, Заболотный навзрыд плакал над письмом. Так отчаянно больно было терять тех, кому бы жить и жить.

Моментами казалось, что организационная и врачебная работа поглощает все силы ученого, на самом же деле он не прерывал и научные изыскания. На одном из последних заседаний Врачебного совещания при Харбинской противочумной распорядительной комиссии ввиду близкого отъезда он счел своим долгом поделиться с коллегами некоторыми итогами.

При легочной чуме, обращает внимание собравшихся профессор, очень опасен кашель больных. Чашечка Петри, поставленная на пути капельных брызг, убедила его, что они несут массу заразного материала. Течением воздуха инфекция может разноситься на отдаленные от больного расстояния. Эту капельную инфекцию ученый считает наиболее частым источником заражения. При этом предостерегает: если раньше воротами инфекции считались только рот и нос, то теперь ясно, что ими могут быть и глаза.

На основании комплексного анализа всех факторов маньчжурской эпидемии он готов подтвердить кардинальные для теории и практики два ранее сформулированных положения. Во-первых, окончательно ясно, что легочная чума — одна из форм заболевания со своими особенностями патогенеза и путями распростра-

---

⁴⁹ Голубев Г. Н. Жизнь Даниила Заболотного. М.: Мол. гвардия. 1962. С. 185.

нения. Во-вторых, поскольку в Харбине крысы на поверку здоровы, он остается верен своей гипотезе виновности в чуме среди людей степных грызунов.

Маньчжурскую эпидемию Заболотный счел удобной и для проверки теории «мертвого моста». Из-за подкупающей простоты эта сомнительная гипотеза сохранения чумной инфекции между эпидемиями в трупах погибших людей завоевывала все новых сторонников. Исследования экспедиции Заболотного перечеркнули надуманную версию: ни в трупах, ни в могильной земле чумные палочки не были обнаружены. Но чтобы надуманный «мост» окончательно рухнул, понадобилось еще одно доказательство. Заболотный дал и его.

А пока русская экспедиция в полном составе дожидается в Харбине последние месяцы. Эпидемия к концу февраля 1911 г. пошла на спад, и скоро можно было бы отправиться домой с сознанием честно выполненного долга.

В Питер Заболотный в этот раз собирался не один, а с сыном Яном Гуем. Однажды зимним вечером во время подворного обхода доктор Поллон-Бутовская на окраине Харбина, в фанзе, стоявшей на отшибе над оврагом, что у реки Сунгари, среди трупов вымершей семьи Чжу Гуйяна обнаружила полуживого мальчонку с косичкой. Тревожной была неделя, пока убедились, что инфекция чудом обошла его. Истощенного шестилетнего Янчика на ноги ставили коллективно, но больше других к нему привязался профессор. Китайские власти не возражали против усыновления Яна — Заболотный заверил, что заменит ему погибших родных, даст образование. Так неожиданно выросла бездетная семья Заболотных.

В Музее-усадьбе Д. К. Заболотного хранится «Охранный лист», выданный профессору Со (Заболотному — *Н. П.*) начальником Гиринского дипломатического бюро Достаем Го 3 числа 4 луны 3 года правления Обань-Тун. «От генерал-губернатора Маньчжурии, — говорится в нем, — я получил приказ ... Профессор Противочумной организации Со просил передать ему шестилетнего мальчика Ян Гуйя, сына умершего во время чумной эпидемии плотника Яня ... Так как оставшийся круглым сиротой мальчик оченьмышленный, то профессор из сожаления его везет с собой в Петербург, где даст ему образование, сначала в начальной школе и обучит китайской грамоте, а по-

том — в университете, по окончании которого направит Ян Гуйя обратно в Китай. Хвалю мысль профессора и его добрые отношения к нашему народу»⁵⁰.

Отправляясь в Мукден на Международную конференцию по чуме, Заболотный отослал Яна к жене в Петербург.

В Мукдене собрались «чумные» светила, чьи имена значатся в истории медицины: китаец Ву Лиенде, японец Китазато, англичанин Петри, американец Стронг и др. Русских бактериологов представляли трое — Поллон-Бутовская, Кулеша и профессор Заболотный. В повестке конференции три его доклада — о причинах эпидемичности чумы в Маньчжурии, предохранительных прививках и результатах работы русской экспедиции в Харбине. В «активе» русских ученых столько бесспорно нового, внесенного в копилку представлений о чуме! Доклады Заболотного четки, неопровержимо точны, полны ценными данными. Но его коллеги как бы не желают замечать, с каким успехом русские сужают кольцо осады вокруг чумы. Нет, ораторы больше не называют Заболотного фантазером, но поток вопросов с «подтекстом» не иссякает — все, все берется под сомнение, и, конечно, в первую очередь его гипотеза-формула: «эпизоотия на тарбаганах — чума на людях». Ее относят к разряду то «привлекательных» и «обнадеживающих», то «бесосновательных»⁵¹. В результате в резолюции появляется обтекаемый пункт. «По сообщению русских врачей, — говорится в нем, — на тарбаганах существуют эпизоотии, весьма сходные с чумой. Хотя и нет окончательных бактериологических доказательств, что первые заболевания нынешней эпидемии вызваны тарбаганами, весьма вероятно, что тарбаганная болезнь тесно связана с легочной чумой в Маньчжурии, Северо-Восточной Монголии, а также Забайкалье»⁵².

Русским чумологам не новость попытки западных коллег умалить их вклад в учение о чуме, но о какой научной добросовестности может идти речь, если наотрез отвергается даже предложение отметить бесспор-

⁵⁰ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 233.

⁵¹ Китайский эпидемиолог Ву Лиенде, уверовав в крысиное происхождение чумы в Индии и Южном Китае, и мысли не допускал, что причиной легочной чумы в Маньчжурии являются сурки—тарбаганы.

⁵² Васильева К. Г. Д. К. Заболотный. М.: Медицина. 1986. С. 50.

ное значение в распространении чумной инфекции социально-экономических условий жизни трудящихся?

После этого из Мукдена ученый уезжает без ощущения победы, хотя китайские власти и одарили его орденом Двойного дракона 3 степени 2 класса.

Есть чумной тарбаган!

О последующих событиях Заболотный рассказал в отчете о маньчжурской эпидемии, вышедшем в 1915 г.: «По окончании эпидемии в Харбине большая часть экспедиции отбыла на родину, оставшиеся (Д. К. Заболотный, Л. М. Исаев, А. А. Чурилина, П. В. Крестовский. — *Н. П.*) поставили себе задачей обследовать эпизоотию, начавшуюся на тарбаганах в Маньчжурии и продолжавшуюся в окрестностях Хайлара, станции Маньчжурия и в нашем пограничном районе»⁵³.

Особенно много павших зверьков видели на участке между поселками Шарасун и Надаровский. Невдалеке от него, в тупике станции Борзя, и остановился состав из трех вагонов — лабораторного, для животных и вагона-салона. Ежеутренне русские отправляются в разные концы степи, где теряется след чумной заразы. Одновременно больных тарбаганов безуспешно ищут на других участках еще три группы, снаряженные Заболотным.

12 июня 1911 г. много часов попусту кружил по степи на лохматой «монголке» студент Л. М. Исаев. Вдруг у разъезда Сонакты обрисовалась движущаяся точка. Подъехал ближе — больной тарбаган! В буквальном смысле «очумелый» — идет прямо на человека. Укутав драгоценную находку в плащ, Исаев галопом погнал свою лошаденку к станции. Воистину прав был Л. Пастер, когда говорил, что случай приходит на помощь тому, кто ищет, — с 1898 г. сотни людей искали больного зверька, а повезло только ему, Заболотному. Будто в подарок за долготерпение и настойчивость судьба послала не клад, а смертельно опасного грызуна.

Сам профессор и кое-кто из биографов пишут, что вскрывала тарбагана доктор Чурилина. А у нас нет

⁵³ Заболотный Д. К. Введение // Легочная чума в Маньчжурии в 1910—1911 гг. СПб., 1915. С. 18.

оснований не верить еще одному участнику событий — впоследствии профессору, а в тот час студенту Л. М. Исаеву, «уличившему» всех их в неточности. «... Выделял культуру, — утверждает Исаев, — сам Даниил Кириллович. Чурилина выделяла от второго тарбагана, пойманного позднее»⁵⁴.

Заболотный и в этом случае остался верен себе — на первый план он выдвигает своих помощников, а себя оставляет в тени, умалчивает, какому риску подвергался — ведь с чистой разводкой он работал в полутьме, при керосиновой лампе. Вагона-лаборатории на месте не оказалось — пришлось вместо термостата использовать печную духовку в квартире местного врача.

Можно себе представить, как волновался ученый, пока не увидел такие знакомые ему характерные для чумы изменения шейных желез и внутренних органов тарбагана и, наконец, в окуляре микроскопа — неподвижные, с биополярно окрашенными концами палочки. Конечно же тарбаган поражен чумой! Заразили выделенным от зверька микробом морских свинок и мышей, и у них обрисовалась типичная картина бубонной чумы.

Вот так самому автору дерзкой по своей необычности теории судьба послала возможность первому из людей увидеть «каннибальского людоеда» — чумную палочку в ее естественном логове, а заодно получить категорический ответ на мучивший его 13 лет вопрос о характере тарбаганьей болезни, с бесспорностью доказать, что чума — болезнь с природной очаговостью. Теперь ученый сможет смело утверждать, что тарбаганы — резервуар стойкой чумной инфекции, причина длительного неблагополучия огромного эндемического района, охватывающего Китай, Восточную Монголию и русское Забайкалье, связанного с ареалом расселения этого вида грызунов.

Итак, интуиция не подвела Заболотного — вчерашняя теория на все будущие века приобрела силу биологической истины.

Только 20 июня, когда лабораторные опыты были закончены, он, верный своему правилу обнародовать одни тщательно выверенные факты, счел возможным

---

⁵⁴ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. М., 1958. С. 157.

известить мир о своей победе. В Петербург, в ИЭМ, ушла телеграмма: «Прошу сообщить в редакцию журнала „Русский врач“, что нашей экспедиции удалось поймать и наблюдать в течение нескольких часов больного тарбагана, вскрыть и исследовать его, причем бактериологически констатирована типичная септикогеморрагическая форма чумы с шейными бубонами. Из трупа получена чистая разводка с характерными признаками чумной палочки. Заболотный»⁵⁵. Вскоре исследование разводки в лабораториях «Чумной форт» и Института Пастера в Париже, куда она была послана, подтвердило это заключение.

Как ни удивительно, но это, без преувеличения можно сказать, событие века, величайшая победа над смертью, в буквальном смысле слова образцовое разрешение Д. К. Заболотным жизненной для человечества и очень сложной по существу научной проблемы не было замечено печатью, оценено русской Академией наук и царским правительством. Не был удостоен Заболотный и Нобелевской премии, хотя характер его открытия и значение его для человечества отвечали требованиям, предъявлявшимся к кандидатам на нее.

В Петербург профессор вернулся совершенно больным, очень уставшим, хотелось в Чеботарку, в лес, на отдых, но выступить в зале народного дома графини Паниной не отказался. Собравшиеся — ученые, врачи, студенты — удачливого чумолога встретили аплодисментами. Лектор, с гордостью перечислив все добытое им с сотоварищами о «немилосердной болезни» — чуме, с горечью заключил: «Но в такой науке, как медицина, не все зависит от открытий ученых и подвижничества врачей. В медицине успехи тесно связаны с жизнью людей. А я сам видел, сколько их живет в скотских условиях. Но я далек от пессимизма настолько, насколько пессимизм далек науке. Я верю и в силу науки, и в разум людей — фундамент, на котором наши дети построят свое Завтра»⁵⁶.

Через два дня увенчанный мировой славой ученый был вызван к шефу жандармов генералу Курлову для «внушения».

---

⁵⁵ Рус. врач. 1911. № 10. С. 11.

⁵⁶ Из воспоминаний земских врачей. Саратов, 1916. С. 57.

На помощь русским «иноверцам»

Теперь, после маньчжурской находки, считает профессор, сражение с чумой можно переносить на новый рубеж — на юго-восток России, в районы Прикаспия и киргизских степей, где инфекция хозяйничает нагло и безнаказанно, особенно последние десять лет: в семидесяти местах было свыше 130 вспышек! По выражению известного чумолога Н. Н. Клодницкого, «черная смерть» здесь бродит на привязи в тысячу верст от кочевья к кочевью, неизменно угрожая всей России.

Властям не до смертности «иноверцев» — им бы избежать осложнений в торговле с Востоком, но умнее ничего не придумали, как приказать впредь чуму не именовать чумой, а «острозаразной болезнью с высокой смертностью». Даже письма стали вскрывать, дабы тайна оставалась тайной. Самому Заболотному пришлось объяснять прокурору, что его просьба к Институту Пастера в Париже поделиться противочумной сывороткой вовсе не доказательство нового чумного всплеска в России.

Почти полное отсутствие в чумоопасном регионе врачей со специальной бактериологической и эпидемиологической подготовкой исключало быстрое обнаружение очагов. Да и те, кто работал здесь, по требованию властей и при явной чуме ставили менее грозные диагнозы. Острослов Заболотный в одном из писем горько жаловался, что здесь «никто не принимает корь за скарлатину, а вот чуму за воспаление легких — сплошь и рядом». Одна эпидемия сменяла другую, а меры, противопоставлявшиеся им, по оценке известного земского деятеля врача Н. И. Тезякова, «неизменно оставались в зачаточно-беспомощном состоянии... Дело ведем по-военному: окружаем целые села, кропим и жгем, а если говорить честно, больше уповаем на милосердие божие и ходатайство спасителя, отвращающего от прибегающих к нему всякие несчастья»⁵⁷.

Все попытки Д. К. Заболотного внести какую-то систему в работу отрядов Ольденбургского⁵⁸, метавшихся по бескрайним степям в поисках чумных боль-

---

⁵⁷ Там же. С. 33.

⁵⁸ Так были они прозваны народом по имени руководителя «Кочума».

ных, наталкивались на сопротивление принца — он был особой властной. Местные врачи научные изыскания вели в «пределах возможностей», а они, по оценке практиковавшего в киргизских степях доктора Н. С. Костанова, были предельно скромны: где там заниматься наукой, когда людей спасти надо.

Исходя из самого важного маньчжурского вывода⁵⁹ о том, что эпизоотии среди диких тарбаганов в Монголии, Маньчжурии и Забайкалье служат источником человеческой чумы, а крысы не играли роли во время последней эпидемии в Маньчжурии⁶⁰, Заболотный, очевидно, считает, что раз в Индии природа в качестве надежного пристанища для смертельной инфекции избрала крысиный организм, в двух районах Китая — тарбагана, то в России, в ее юго-восточной части, где крысы и тарбаганы не водятся, возможно, виноваты в чуме родственные им виды грызунов.

Стремление ученого получить ответ на этот вопрос столь неудержимо, что никакие соображения не могут его остановить. В Петербурге Заболотный остается ровно столько, сколько нужно, чтобы отчитаться за предыдущую экспедицию и поместить в больницу вконец расхворавшуюся жену, завозит к родственникам в Чеботарку еще не знающего русского языка названного сына Яна и отправляется в Царицын, а оттуда — в астраханские степи. Уставший, с больными, отекающими ногами, он тотчас же разворачивает азартный, но строго рассчитанный и целенаправленный научный поиск, который положил начало научно организованного изучения очагов чумы в России. Он потребовал от ученого огромных усилий.

Начать хотя бы с того, что новое, необычное представление о возможном источнике инфекции — полевых грызунах — с первых же дней поиска наткнулось на стену давнего ложного, но официально признанного и поэтому основательно укоренившегося убежде-

---

⁵⁹ В отчете экспедиции дана исчерпывающая эпидемиологическая характеристика легочной чумы: указано на значение социальных факторов в распространении болезни, подчеркнута большая опасность заболеваний легочной формой чумы, устойчивость возбудителя в окружающей среде при определенных метеорологических условиях.

⁶⁰ *Заболотный Д. К.* Причины эндемичности чумы на юго-востоке СССР // Чума на юго-востоке СССР и причины ее эндемичности. Л., 1926. С. 37.

ния о «заносном» происхождении всех чумных вспышек на юго-востоке России. В первую очередь оппоненты опирались на данные, собранные в 1900 г. магистром ветеринарных наук М. Г. Тартаковским: более четырех тысяч отловленных им различных мелких животных оказались без малейших признаков повального заболевания. И доктор И. В. Страхович твердил: не только четыре, но и сорок тысяч грызунов можно исследовать — и все будет безрезультатно! Н. Костансов и В. Белиловский стояли на своем: источником заражения бывают трупы погибших от чумы, которыми питаются грызуны. Н. Ф. Гамалея свое убеждение сформулировал так: «Эпидемия чумы происходит при участии трех факторов: человека, крысы и блохи... Что касается местных астраханских эпидемий, то в них грызуны не играют никакой роли»⁶¹. Даже после поимки чумного тарбагана съезд участников противочумных мероприятий в Астраханской губернии принял резолюцию, явно направленную против концепции Заболотного. «Роль грызунов в людской чуме, — говорилось в ней, — совершенно не доказана, предположительна и ни на чем не основана. Ибо легочная чума передается главным образом людьми и вспомогательным фактором — вещами»⁶².

Заболотному горько, больно — повторяется история амбициозного упрямства ученых на Мукденской конференции, стоящая людям жизни. При этих обстоятельствах Заболотный рад приезду в Россию самого И. И. Мечникова по приглашению главного врачебного инспектора МВД Л. Н. Малиновского для возможно полного выяснения источников эпидемической заразы в Орде и причинах, обуславливающих ее периодические вспышки. Группа Мечникова в Прикаспии тоже препарирует несколько тысяч сусликов, мышей, тушканчиков, но опять все напрасно — чумных среди них нет. Учитывая огромный авторитет ученого, от него добиваются: не укажет ли он в таком случае направления, на которых следует сосредоточить внимание, а они до сих пор оценивались не в надлежащей степени? Нет, неудачный поиск чумных грызунов

---

⁶¹ *Страхович И. В. Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор мероприятий: Дис... д-ра мед. наук. СПб.: Мед.-хирург. академия. 1906. 289 с.*

⁶² *Тр. съезда. Астрахань, 1912. С. 144.*

отнюдь не поколебал убежденности и Мечникова в правоте Заболотного: чумная зараза и в калмыцких степях хранится в живой природе.

Тем временем в степях развелось множество прожорливых сусликов, пожиравших хлеб. А когда принялись истреблять, грянула очередная чумная эпидемия. Теперь-то новое губернское совещание врачей в Астрахани совершает демарш — требует обратить особое внимание на живущих в степи грызунов и по-иски среди них зараженных экземпляров.

Дело можно ускорить только обследованиями больших территорий, и притом людьми знающими! — не устает убеждать профессор, выступая на краевых и губернских съездах врачей Поволжья.

Во вновь созданном Саратовском университете молодой профессор А. А. Богомолец писал в Киев своему родственнику Н. В. Лазурскому в начале октября 1912 г.: «Нам нанес визит земляк-украинец Заболотный. Преинтереснейшая фигура — мудрец и шутник. Оказалось, что оба мы вылетели из-под одного „крыла“ — из лаборатории Подвысоцкого. Оля (жена А. А. Богомольца. — *Н. П.*) насладились его украинской речью. Но о чем бы ни говорилось в тот вечер, гость наш все сводил на чуму, даже затянул песню о чумаке, ходившем за солью, да в степени погибшем. Похоже, что профессор относится к чуме как к личному врагу. Поэтому голова его набита множеством вопросов: почему эпидемии легочной чумы чаще возникают осенью и зимой, а бубонная — весной и летом, как рождаются заболевания в местах, где чумы до этого не было, и т. д. Грызунов ненавидит и меня старался вовлечь в свою веру. Дай-то бог ему сил на борьбу с чумной пошестью, — страшна она, ой, как страшна!

Это тебе, конечно, будет интересно: жаловался на темноту и неверцев, на заскорузлость властей, нехватку врачей, средств... Просил саратовскую газету отпечатать призыв к населению помочь в разыскании больных грызунов — отказали. Говорят: чумы в России нет! Люди мрут, а г. редактор не желает это знать...»⁶³

Как много говорит нам это свидетельство человека,

---

⁶³ Арх. О. А. Богомольца.

знавшего цену усилиям энтузиастов-ученых в условиях предреволюционной России, заботам Заболотного!

Тем временем при Институте экспериментальной медицины создается координационный центр поисков — Постоянное научное бюро по исследованию эндемической чумы в киргизских степях в составе Подвысоцкого, Владимирова, Джерговского и Заболотного. Оно препоручает последнему составление рабочего плана поисков и непосредственное руководство его осуществлением. Начинаются формирование, краткосрочное обучение и экипировка новых противочумных отрядов, унифицируются формы учета деталей обстановки в эндемических районах. По его схеме даже изготовлены специальные портативные банки для пересылки в лаборатории материалов вскрытий животных. Помимо чисто противоэпидемической работы, отрядам вменяется в обязанность поиск больных животных, изучение кровососущих эктопаразитов человека и грызунов, сбор сведений о путях заражения людей.

Как рассказал сам Заболотный в речи на X съезде врачей и представителей управ в Саратове, особые отряды обследовали шесть уездов Астраханской губернии и Уральской области, наиболее тщательно — районы сел Рахинка, Джанибек, Заветное, Новая Казанка, известные частыми чумными несчастьями. Анализ обследований производился в станицах Есаульской и Калач Донской области, а также в Ставропольской, Саратовской и, наконец, Екатеринославской губерниях. Сам же профессор с пятью помощниками успел обследовать более трех тысяч киргизских землянок, собственноручно препарировать более тысячи грызунов. Доктор С. Кизяк, работавший с Заболотным, писал в августе 1912 г. в «Астраханском листке»: «Живут врачи в тех же землянках, что и киргизы, их донимают те же блохи и мыши, что и хозяев. Вы себе не можете представить меру кровожадности этих крохотных мучителей. Для этого надо самому провести хотя бы одну ночь в киргизской землянке, кишмя кишящей паразитами. А нор, мышинных нор в землянках — не счесть! Вслушаешься — и кажется, будто ты в осеннем лесу — такой шелест стоит от их возни. Во имя чего мы все это сносим? Чтобы отвести беду от людей. . .»⁶⁴

⁶⁴ Астраханский листок. 1911. 22 дек.

И все-таки все старания массовой охоты на чумных грызунов будут безуспешными вплоть до октября 1912 г., пока в селе Рахинка, Черноярского уезда, Астраханской губернии, не умрет от чумы девочка. По тревоге туда выезжает врач И. А. Деминский — один из блестящих учеников Заболотного, последовательный сторонник гипотезы о роли грызунов в сохранении возбудителя чумы в природе. Второго октября ему попадает чумной суслик. Работая с чумной разводкой, он на радостях — есть искомое! — облегченно вздохнет, забыв, что без маски, и ... заразится. Коварная чума и здесь совершит свое злое дело, унеся не только Деминского, но и ухаживавшую за ним врача Красильникову.

То был первый случай лабораторного заражения чумой человека от суслика. Единственный в своем роде случай в полной трагизма истории борьбы с чумой — случай еще одной победы над ней ценой жизни талантливого врача. «И. А. Деминский, — позже писал о нем профессор, — своей смертью закрепил правильность наших предположений о вредоносности сусликовой чумы, роли малого бабака в поддержании ее очаговости в прикаспийской низменности»⁶⁵. Почти одновременно с Деминским врач А. И. Бердников обнаруживает заболевание чумой сусликов и тушканчиков в районе хутора Романенко. Все эти находки положили конец бесплодным поискам источников инфекции за рубежом, в трупах, вещах и почве.

В конце 1912 г. Д. К. Заболотный отправляется в Париж на Международный конгресс по борьбе с чумой и холерой. Его доклад значится в повестке как основной о чуме. Без позы, но с гордостью победителя, которому природа открыла свою так тщательно прятанную тайну убежища чумного убийцы, на прекрасном французском языке ученый заявил, что он и его русские сотоварищи-чумологи дарят человечеству открытие ранее неизвестных хранителей чумной инфекции в живой природе и еще много других загадок казавшегося недавно неодолимым чумного чудовища. Аудитория хорошо знает докладчика — на всех этапах развития учения о чуме он был лидером кропотливых, сложных и всегда опасных поисков, поэтому провожает его аплодисментами, а через два дня

---

⁶⁵ Врачеб. дело. 1923. № 21/23. Стб. 554.

сам президент республики вручает Д. К. Заболотному орден Почетного легиона. Это было выражением высокого международного признания заслуг русского естествоиспытателя.

А в Поволжье чумные пожары не гаснут. Значит, не пришло еще время сворачивать изыскания, считает профессор и снова оказывается прав. Осенью 1913 г. в известных чумным неблагополучием областях Уральского казачьего войска отряды ИЭМ в стогах сена находят целые кладбища чумных мышей. Из этого следовало, что «причиной летних эпидемий являются суслики, в осенний же и зимний периоды, — заключает Заболотный, — когда суслики залегают в спячку, главную роль поставщиков заразы берут на себя чумные мыши, перекочевывающие из степи ближе к человеческому жилью, и проникают в него»⁶⁶. К разносчикам инфекции относятся и верблюды, заболевание которых наблюдал покойный Деминский. Заболотный считает, что они, по-видимому, заражаются через инфицированный грызунами корм или насекомых, а люди — от них при разделке прирезанных или павших животных.

Казалось, что Заболотному и его школе пора оставить погоню за чумой: собран неслыханный по богатству материал о дислокации эпидемических очагов, носителях инфекции, причинах сезонности чумных вспышек. Но ведь еще десятки вопросов ждут разрешения! Блестящий организатор коллективной разработки больших научных проблем, профессор нацеливает своих учеников на выяснение таких архиважных разделов: циркуляция возбудителя чумы в природе и роль в ней эктопаразитов, чумной микроб и зимняя спячка грызунов, степень заразительности, а также подозрительных адептов, выживаемость чумных палочек при местном климате в трупах, почве, жилищах, домашних вещах и т. д.

Выяснение части этих проблем взяли на себя появившиеся к тому времени на обоих берегах Волги две противочумные станции. Создание их было заветной мечтой ученого, реализованной тоже его усилиями. Врач Н. Н. Протасов сохранил необычные для России подробности их рождения. По возвращении из Маньчжурии профессор явился с отчетом к самому министру

⁶⁶ Врачеб. дело. 1923. № 20/23. Стб. 555.

финансов Коковцеву и так живописал весь ужас пережитого, что завлек «в свою веру» и сановного царедворца. Визитеру осталось только воспользоваться моментом — нужная на содержание станций сумма была найдена. Коковцев так расчувствовался, что отпустил средства и на строительство Профилактического института, рождению его помешала вскоре разразившаяся первая мировая война.

Постепенно учение о чуме пополняется все новыми сведениями. Когда и из материалов, взятых от залегших на зимнюю спячку грызунов, выделяют чистую культуру чумной палочки, становится объяснимым и рождение чумных вспышек с наступлением тепла, и затухание — с похолоданием. Оказалось, что зимняя спячка грызунов как бы укрощает чумных микробов — при замедлении жизненных процессов у «хозяина» «квартиранты»-микробы тоже погружаются в некое подобие сна, а с пробуждением как бы просыпаются и, будто набравшись сил, размножаются с огромной быстротой. Этот факт дал право ученому назвать грызунов не только распространителями, но и *хранителями* чумной инфекции.

Не все еще Заболотному ясно в транспортировке чумных микробов — исследуются блохи, вши, клещи. Уточнение разных сторон трансмиссивной передачи ряда инфекций людям кровососущими насекомыми (перебравшись с грызуна на человека, они при укусах «одаривают» его заразой) составит новую страницу в эпидемиологии.

Само собой развеены всякие измышления о «заносах» чумы, «мертвых мостах» и пр. Лондонская «Тайм», некогда писавшая о крысах как о единственных носителях чумы, теперь вынуждена была признать, что открытия известного русского чумолога «в своей основе имеют кое-что за себя и кажутся истинной, которую миру придется признать, тем более что западная практика к семейке полевых грызунов, разделяющих людей чумной смертью, успела приплюсовать калифорнийских белок и египетских мышей вместе с их паразитами»⁶⁷.

Одного русская и западная печать так и не признают — виновности в разбое чумы и социальных условий, на чем особенно настаивал Заболотный: «Если

⁶⁷ Лазарев С. М. Наш співвітчизник Хавкин. Одесса, 1941. С. 13.

эндемические очаги признать за первопричину, за петтенкофферовские „х“ в развитии эпидемий, то социологические условия (грязь, скученность и нищета) мы должны считать за „у“»⁶⁸.

Великий гуманист считал, что дальше «человечество не может мириться с этим слепым, беспощадным фактом (т. е. с эпидемиями. — *Н. П.*) и должно направить все интеллектуальные силы на борьбу со злом и его предупреждением»⁶⁹. Так заявить Д. К. Заболотный имел полное моральное право — он сам и его школа явили пример беспримерного мужества, не знавшего перерывов в пятнадцатилетнем сражении, пожалуй с самой опасной из всех опасных инфекций.

С точки зрения ученого, эти полтора десятилетия ими прожиты «честно, правдиво, красиво». В его представлении это значило: гражданственно, с высоким научным накалом. Желая рассеять мрак неизвестности, опутывавший смертоносную чуму, он пошел своим, многотрудным, но, как оказалось, победным путем.

Вышло так, что ключ к разгадке беды в собственной стране он нашел за ее пределами. И теперь готов подсказать, как закрыть ход чуме в человеческую среду. Конечно, полное уничтожение грызунов было бы идеальным решением проблемы, но Заболотный-естествоиспытатель считает такой путь и кощунственным, и нереальным из-за громадной заселенности грызунами обширных регионов, большой плодовитости и подвижности их. Гораздо более действенным выглядит запрет индивидуальной охоты на степных зверьков, создание разветвленной сети противочумных станций с наблюдательными пунктами, рассредоточенными на огромной территории уже выявленных эндемических очагов, формирование у населения противочумной настороженности.

Что касается самих эпидемий, то он непоколебим в убеждении: помимо трафаретных мер (эвакуации больных из среды здоровых, изоляции контактировавших с заболевшими, дезинфекции и дезинсекции), наиболее практичными могут быть меры, соответствующие местным особенностям каждой эпидемии.

---

⁶⁸ Заболотный Д. К. Основы эпидемиологии. С. 12.

⁶⁹ Там же. С. 18.

На материалах астраханских экспедиций родился капитальный сборник «Чума на юго-востоке СССР и причины ее эндемичности»⁷⁰. Книга была набрана еще до мировой войны, но отпечатана только в 1926 г. В ней помещены подробные отчеты о деятельности трех зональных противочумных лабораторий, научных исследованиях по гистологии чумы у сусликов и характеру чумного процесса у этих грызунов в состоянии зимней спячки. Здесь же даны эпидемиологические обзоры о механизме сохранения чумы в природе и заражения людей от сусликов и мышей.

Вводная статья Д. К. Заболотного «Причины эндемичности чумы на юго-востоке СССР» — это сжатая сводка знаний того времени о природной очаговости чумы в разных районах страны. В своих выводах автор утверждал, что эпизоотии среди различных грызунов носят обширный и длительный характер; грызуны же являются хранителями возбудителя чумы и его источниками для заражения людей через прямой контакт и кровососущих насекомых. Отдельно была отмечена эпидемиологическая роль чумных верблюдов.

Того, что сделал Д. К. Заболотный по расшифровке загадки чумных вспышек было достаточно, чтобы обеспечить ему место среди бессмертных. находка самого важного звена в цепи «инфекция—человек» означала преодоление барьера, веками казавшегося непреодолимым. Биографы ученого единодушны в признании его «несомненно исключительных заслуг» — не будь во главе этой погони за истиной столь энергичной, четко мыслящей и гуманной личности, какой был Заболотный, кто знает, сколько еще чума гуляла бы по миру и какими цифрами исчислялись бы ее жертвы.

Спустя годы охоту за «чумным гангстером», «канибальским людоедом» назовут подвигом Д. К. Заболотного и его соотаварищей, а пока явная растерянность посрамленных вчерашних яростных противников теории Заболотного сменяется молчанием отечественной и западной прессы. Но время все поставит на свои места — главное свершение нашего ученого человечество будет неизменно вспоминать с чувством бесконечной благодарности.

В 1926 г., подводя итоги уже двадцатипятилетнего напряженного целенаправленного изучения чумы, Пя-

⁷⁰ Л.: Ин-т exper. медицины, 1926.

тое противочумное совещание в Саратове отметило международное значение крупных научных достижений русских исследователей тяжелой инфекции во главе с Д. К. Заболотным. Сам ученый писал: «В настоящее время мы с гордостью можем сказать, что благодаря настойчивым поискам, стоившим человеческих жертв, исследовательским работам русских ученых загадка (чумных вспышек. — Н. П.) была разгадана»⁷¹.

Д. К. Заболотный дожил до того часа, когда в СССР борьба с тяжелой инфекцией стала делом государственным. Вместо считанных крохотных земских противочумных лабораторий и наблюдательных пунктов советское здравоохранение уже накануне десятой годовщины Октября располагало мощной противочумной службой с густой сетью специализированных учреждений во главе с институтом «Микроб» в Саратове. В районах частых эпизоотий на огромных площадях шло планомерное уничтожение полевых грызунов. Многочисленные ученики продолжали научные изыскания, тематику которых академик определял до самой своей кончины.

К ученому с полным основанием можно отнести слова французского сифилидолога Лансеро, сказанные об одном из коллег, что было бы ошибкой рассматривать его как простого врача — изучение болезней было для него не чем иным, как ступенью для достижения познаний более общих. Ведь редкая эрудиция натуралиста, аналитический ум, острая наблюдательность, глубокая проницательность помогли Д. К. Заболотному сначала установить синхронность возникновения чумных эпидемий среди людей с падежом полевых грызунов, затем бактериологически доказать существующую при этом тождественность их заболеваний и, наконец, по-новому взглянуть на уже известные медицине и им самим добытые факты, сделать сенсационное открытие неизвестной до сих пор науке *общебиологической закономерности живой природы об общих болезнях человека и животных*. Это смелое для своего времени открытие русского биолога оказалось открытием особо высокого класса, поскольку, помимо непосредственной исключительной ценности для борьбы с чумой, оно послужило краеугольным камнем еще для одного уче-

---

⁷¹ Тр. I Всесоюз. противочум. совещ. Саратов, 1927. С. 114.

ния — о природной очаговости не только чумы, но и других трансмиссивных заболеваний.

К сожалению, в историю медицины оно вошло как учение, рожденное одним академиком Е. Н. Павловским, — и сам Павловский и его биографы в своих трудах почему-то упорно забывали упоминать, что фундамент учения, его исходные позиции открыты и безусловно обоснованы трудами Д. К. Заболотного и его школы. Ведь одно дело открывать принципиально новые закономерности природы, а другое — расширять представление о них, подкреплять уже открытое новыми фактами и умозаключениями.

Сегодня крупнейшие медицинские авторитеты оценивают открытие Д. К. Заболотного природной очаговости чумы как классическое и исключительно плодотворное, поскольку оно положило начало совершенно новому пониманию истоков, помимо чумы, многих других инфекций. Установление связи чумных эпидемий с чумными эпизоотиями среди синантропных грызунов по оценке члена-корреспондента АН УССР В. И. Билай и профессора Г. К. Васильева было *особо выдающимся взносом Д. К. Заболотного в сокровищницу мировых достижений медицины.*

К нашим дням учение о природной очаговости чумной инфекции разрослось в новую дисциплину — медицинскую географию, иногда именуемую советской эпидемической географией, в задачу которой входит изучение общих закономерностей происхождения и распространения инфекций и паразитарных болезней в определенных гео зонах.

Уместно заметить, что зарубежная литература упорно замалчивала и продолжает замалчивать имя академика Заболотного как основоположника полевой эпизоотологии чумы: при изложении проблемы чумы тарбаганов из книги в книгу переписываются ссылки на другие имена. Все это результат вначале личных разногласий Заболотного с имевшим в свое время большой авторитет Ву Лиенде, а затем простой инерции, при которой по сей день не упускается случай умалить научные достижения русских, а потом и советских ученых.

«Лебединой песней» Заболотного в изучении тяжелой инфекции был его доклад «Новые проблемы в изучении чумы», в связи с болезнью отправленный Первому Всесоюзному противочумному совещанию

в Саратове (1928 г.). В нем академик настаивал на необходимости изучения изменчивости возбудителя чумы, бактериофага и фильтрующихся форм чумной палочки. В заключение он написал, что стройное здание учения о чуме выситя на прочных устоях, но нуждается в дальнейшей отделке.

Опережая европейских ученых

Что вредно — должно быть ясно.

Асвангола

Возвращаясь к биографии Д. К. Заболотного начиная с 1898 г., нужно сказать, что он вскоре по приезде в Петербург стал заметной фигурой и в Институте экспериментальной медицины, и в новом Петербургском женском медицинском институте.

Судя по одному из писем к А. А. Садову, он высоко ценил свою принадлежность к коллективу ИЭМ. «... И я, — говорится в нем, — готов был просто мыть пробирки, только бы дышать витающим здесь воздухом высокой духовности, истинного служения науке...»¹

К 1898 г. относится и сближение Даниила Кирилловича с Василием Леонидовичем Омелянским, в будущем академиком АН СССР, одним из самых близких его друзей. О тех годах Заболотный писал: «Я застал в Институте В. Л. Омелянского еще молодым человеком... Одна из комнат в лаборатории С. Н. Виноградского была с чудным видом на Неву, в ней мы и разместились вместе с Василием Леонидовичем, используя два имевшихся там стола против окон.

Зимой шла напряженная научная работа, директивы в которой давал профессор Виноградский... Сергей Николаевич не ограничивался областью общей микробиологии — его интересы проникали и в область болезнетворных микробов, изучение которых он считал одной из основных задач института»².

Тактичность, доброжелательность, спокойная независимость и быстро растущая научная репутация привлекали к молодому профессору Заболотному³ и

¹ Арх. Е. А. Стрешневой-Садовой.

² Арх. биол. наук. 1928. Вып. 3. С. 208.

³ В 1904 г. ЖМИ был приравнен к государственному учреждению и руководители кафедр получили звания профессо-

видных ученых, и молодежь, перед ним открыли двери дома, в которые до него крестьянские дети имели обычно вход только «со двора». Но Заболотные чаще всего бывали у Омелянских. Друг их жил с пожилыми родителями. Приезжали его братья (один — врач, другой — юрист) и сестра. Тогда в доме Омелянских становилось шумно, весело — братья отличались природным украинским юмором. Иногда свободные вечера Заболотные коротали в доме популярной певицы петербургской оперы Веры Сомеоновны Малевской, а с переездом из Одессы в Петербург академика А. О. Ковалевского у них появился и третий адрес, по которому в экстренных случаях вечерами Даниила Кирилловича разыскивал попечитель ИЭМ — принцу Ольденбургскому нравилось вносить и в научную работу ночные «тревоги» — вызовы Заболотного, который продолжал заниматься бактериологическим диагностированием случаев особо опасных заболеваний.

Трудно сосчитать, сколько поездок в самые удаленные уголки России доводилось ему совершать ежегодно, — вспышки чумы, холеры, тифов в начале первого десятилетия XX столетия следовали одна за другой, а то бывали и одновременно. В промежутках же между поездками Заболотный работал в «Чумном форте».

Исключительно быстрый рост научного авторитета Заболотного — факт, и в ИЭМ он пришел не как новичок в бактериологии. Молодой сотрудник профессора Виноградского уже к 1898 г. имел основательную биологическую и эпидемиологическую подготовку, достаточно широкий научный кругозор, на его счету в «доимзовский период» уже было 15 солидных печатных работ и даже серьезные научные открытия. Это был престижный «багаж» и для маститого ученого, а Заболотному в ту пору едва перевалило за тридцать. Другое дело, что он нашел в ИЭМ весьма благоприятные возможности для дальнейшего развития своих исследований и практической противоэпидемической работы, его талант организатора и исследователя, запас знаний и опыта оказались в исключительном си-

---

ров. Заболотный назначается «исправляющим должность экстраординарного профессора с оставлением его числящимся по военно-медицинскому ведомству» (из личного дела Заболотного в ЖМИ).

нергизме с уже начавшейся до его прихода в ИЭМ борьбой с эпидемиями. Заболотный был постоянно так занят, что едва вырвался на пять дней в Киев, чтобы проводить брата в далекую Африку — тот волонтером отправлялся на помощь бурам, с оружием в руках отстаивавшим свою независимость в борьбе с английскими колонизаторами. Юрист по образованию, получивший ту же политическую закалку у дяди, что и Даниил Кириллович, горячий проповедник равенства и свободы, узнав, что где-то, за тридевять земель от России, льется кровь за правое дело, счел невозможным остаться в стороне. Для дальней поездки нужны были средства. Тогда на семейном совете братья решили продать доставшиеся им в наследство от отца несколько моргов (1 морг — 0,56 га) пахотной земли в местах, прозванных чеботарцами Лозами и Конопляниками.

Из сохранившейся характеристики И. Заболотного перед нами встает такой же незаурядный человек, как и его старший брат Даниил. «Господин Заболотный, — говорится в ней, — всесторонне образованный человек. Между прочим, увлекается техникой и механикой — сконструировал подводную лодку и получил свидетельство на свое изобретение. Не рвет связей с селом. Прогрессист. Свою политическую платформу формулирует так: „общее, прямое, равное избирательное право плюс: земля, образование, свобода, равенство и справедливость для трудящихся масс“»⁴.

Пройдет несколько лет, и И. К. Заболотного подольские крестьяне изберут депутатом Думы. Но взгляды его на парламентаризм уже изменились, и Иван Заболотный в конце концов позвал своих земляков — подольских бедняков — к открытой борьбе с самодержавием.

Большую часть 1900 г. Даниил Кириллович с женой проведут в Париже — ему и в этот раз очень хорошо работается в Институте Пастера рядом с Мечниковым. Здесь у него родится план монографии, которая должна вобрать в себя все скопившиеся у него наблюдения и исследования по чуме. Здесь же, очевидно, появится намерение расширить границы научных исследований — в круг своих ближайших интересов он включит еще и изучение сифилиса.

---

⁴ ВОГА. Ф. 117. Д. 16. Л. 6—7.

Возвращение в Петербург будет омрачено невосполнимой потерей — скоропостижной смертью глубоко почитаемого Заболотным академика А. О. Ковалевского. Обстоятельства сложились так, что Даниил Кириллович оказался свидетелем его кончины. В письме к И. И. Мечникову, дружившему с покойным, он излагает подробности его смерти и похорон⁵.

Заболевание — сифилис

Это был еще один людской враг, «страшный бич человечества», как называл его Заболотный, против которого он выступил тоже со всей силой своего таланта.

«Среди заразных болезней, с которыми приходится иметь дело эпидемиологам, — писал он, — сифилис занимает важное место»⁶. Он знал: эта инфекция не уносит столько человеческих жизней, сколько чума и холера, но распространена она настолько, что с эпидемической точки зрения представляет не меньше, чем чума и холера, социальное зло. Особенно в тогдашней России, где число больных приближалось к миллиону и половина их страдала заразными формами. Лечилась же всего десятая часть. Исключительно тяжелый быт крестьян сделал сифилис массовым явлением, особенно на окраинах империи — в Киргизии, Туркестане, среди бурят.

А болезнь ужасна. В несколько лет, грубо нарушая функции многих органов и систем человеческого организма — печени, селезенки, легкого, поджелудочной железы, спинного мозга, она превращает вчерашних здоровяков в полупарализованные, безумные развалины. Мало этого: делает на всю жизнь несчастными еще и ни в чем не повинных детей, рождающихся от больных родителей.

Физические страдания, причиняемые инфекцией, опасность контактов больных со здоровыми требовали от ученых и врачей энергичных поисков выхода. Нельзя сказать, что те бездействовали, но возбудитель и к началу XX столетия оставался загадкой, а этиология и патогенез заболевания — невыразительными,

⁵ Борьба за науку в царской России. М., 1931. С. 241.

⁶ Новейшие успехи в изучении сифилиса: Неоконченная статья // Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 144.

так как одних клинических наблюдений для выявления полной картины инфекции оказалось недостаточно, заражать же здоровых людей для изучения характера и последовательности развития болезненных явлений было бы кощунством — для экспериментов нужны были подходящие животные. Значит, есть над чем поработать и ему, Заболотному, который убежден, что «одним из наиболее ценных богатств страны является здоровый состав ее населения», а раз так, то «все, кому дорого народное здравие, должны внести свою лепту и в борьбу с сифилисом»⁷.

Неоднократно встречаясь в Париже с Мечниковым, Заболотный не мог не знать и о его интересе к сифилису, но интересе, можно сказать, локальном: увлекшись проблемой старения человеческого организма, Мечников увязывал атеросклероз сосудов с сифилисом⁸. Знал Заболотный и о его неудачах с подбором животных для экспериментов. Не исключено, что именно Заболотный, ставивший во время чумы в Бомбее опыты на обезьянах и продолживший их в Институте Пастера, «подбросил» своему учителю мысль попытаться привить сифилис существам, близко стоящим на видовой лестнице к человеку, — антропоидным обезьянам, так как попытки ряда исследователей (Марино, Гомонона и других) использовать для этих целей низших обезьян окончились неудачей.

Мечников действительно уже в 1898 г., вскоре после отъезда Заболотного на родину, использовал для экспериментов макак, но из двенадцати подопытных только у четырех наблюдались незначительные сифилитические явления. Понадобились еще пять лет, прежде чем он в июле 1903 г. на заседании Парижской медицинской академии смог сообщить о первом удачном заражении сифилисом шимпанзе. Это было уже начало, но на считанных животных, так что удачным назвать его можно только с натяжкой.

По возвращении в Петербург Д. К. Заболотный узнал, что первый директор Института экспериментальной медицины венеролог профессор Шперк тоже безуспешно бьется над заражением сифилисом 28

---

⁷ Новейшие успехи в изучении сифилиса: (Неоконченная статья) // Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 144.

⁸ Сейчас окончательно установлено, что эти два поражения сосудов совершенно различны и не связаны друг с другом.

обезьян, 2 коз, 3 кроликов и теленка, как и Нейссер — поросят, а Тарновский — жеребят. Не удивительно, что сифилидологи все больше утверждались в мысли о невосприимчивости к сифилису поголовно всех животных.

А что Заболотный? Он начинает вплотную заниматься изучением еще одной, теперь сифилитической инфекции. Более двух лет он отдает клиническим наблюдениям за больными сифилисом в Калининской и Алтуфьевской больницах. Первые же попытки заразить макак тоже были с нулевым результатом. Но экспериментатор не отступил — когда прибыла партия павианов, Заболотный сделал прививки им. И какова же была его радость, когда через три недели на местах прививок у бабуинов обрисовались характерные сифилитические изъязвления, увеличились сначала близко к ним расположенные, а потом и другие лимфатические железы!

О получении экспериментального сифилиса с ярко выраженным полиаденитом у четырех обезьян низшей породы Заболотный сообщил в работе «Об экспериментальном сифилисе бабуинов». В ней говорилось: «Нам пришлось убедиться, что прививка человеческого сифилитического материала мелкой породе павианов — бабуинам дает неизменное начало своеобразному заболеванию безусловно сифилитического происхождения»⁹.

Событие это было настолько значительным для изучения тяжелой инфекции, что экспериментатора попросили сделать 6 ноября 1904 г. доклад и продемонстрировать зараженных животных петербургским венерологам и дерматологам. Статистика удачных опытов впервые была внушительной и бесспорной: из 24 павианов, зараженных человеческим материалом, характерные болезненные явления наблюдались у 21, а у 18, зараженных обезьяньим материалом, они были отмечены у всех. Легко удавались и пассажные прививки, притом с более рельефной картиной.

После единичных или неубедительных опытов это был непревзойденный результат, позволивший наконец наблюдать в эксперименте весь сложный процесс явлений сифилитической инфекции — с момента заражения и до третьей стадии, заняться поисками и изу-

---

⁹ Арх. биол. наук. 1904. Вып. 1/2. С. 158.

чением самого возбудителя, прояснением роли иммунитета при сифилисе и механизме наследственности. Заболотный об обретенных наукой возможностях писал так: «Воспроизведение человеческих заболеваний у животных представляет основной пункт при изучении патогенеза болезни и открывает широкие возможности экспериментальной разработки вопроса с перспективой предохранительных прививок и рациональной терапии»¹⁰. Открытие было тем более значительным, что из Парижа, где Мечников и Ру продолжали свои опыты на шимпанзе, шли тревожные сообщения: подопытные антропоиды гибли. Это не позволяло доводить до конца наблюдения.

Известие об исключительной удаче Заболотного облетело мир, получило подтверждение во многих лабораториях западных ученых. Известный немецкий сифилидолог Краус, подтверждая результаты, полученные Заболотным на бабуинах, с восторгом писал, что «отныне проблема прививки экспериментального сифилиса может считаться разрешенной»¹¹. Высоко оценили открытие и крупные русские венерологи. Профессор В. М. Тарновский заявил, что оно дало «толчок к целой новой эре исследований»¹².

Таким образом, есть все основания навсегда поставить имя Д. К. Заболотного рядом с именами И. И. Мечникова и Э. Ру, которые положили начало новейшей сифилидологии, тем более что подбором отличных для экспериментов животных взнос ученого в нее не ограничился. С появлением широких возможностей для опытов ему удалось разрешить ряд важных вопросов, до него остававшихся туманными.

Следующим этапом в работах ученого по сифилису было изучение самого возбудителя — перевивая заразное начало с обезьяны на обезьяну, он готовит и исследует препараты и срезы. И каждый раз, особенно в препаратах регионарных желез, встречает один и тот же вид спирохет. Однако возбудителем заболевания он не спешит их назвать. Не был ли это тот случай, который Пастер назвал «тяжелым подвигом»: быть уверенным, что открыл важный научный факт, гореть лихорадочным желанием оповестить о том весь свет

---

¹⁰ Арх. биол. наук. 1904. Вып. 1/2. С. 159.

¹¹ Рус. врач. 1905. № 12. С. 291.

¹² Там же. 1906. № 15. С. 459.

и сдерживать себя днями, неделями, порою годами, вступать в борьбу с самим собою и не провозглашать полученного результата, пока не испробовал всех его противоречивых гипотез.

Дальше самого сдержанного описания факта¹³ экспериментатор не идет до начала 1905 г. — уж слишком многих исследователей посещали ошибки, когда в качестве возбудителей сифилиса они описывали микроорганизмы, никакого отношения к нему не имевшие. Да и этой лаконичной информации была уготована скептическая встреча у ученых. Даже сам Мечников вплоть до сообщения Ф. Шаудина принимал спирохету за соединительное волокно.

Но у процитированного выше высказывания Пастера есть продолжение — он писал об «одной из высших радостей, какие только доступны человеческой душе», посещающих одних исследователей, когда после мучительно-продолжительных усилий они достигают полной достоверности.

Несмотря на полное право на такую радость, Д. К. Заболотный в этом случае ее не испытал: Ф. Шаудин и Е. Гоффман опередили его с публикацией об открытии бледной спирохеты.

Наш ученый к утрате права первооткрывателя отнесся совершенно спокойно — просто заявил, что материалы, которыми он лично располагает в результате «его собственных наблюдений, дают основание утверждать, что действительно спирохеты играют роль возбудителя сифилиса»¹⁴.

Но для объективности следует напомнить, что академик АН УССР Н. Д. Стражеско, работавший в ИЭМ в начале столетия, писал, что он наблюдал спирохеты на фиксированных и окрашенных препаратах Заболотного задолго — за два года! — до опубликования в 1905 г. сообщения немецких исследователей. Сам безупречно честный Заболотный в качестве даты первого описания спирохеты назвал апрель 1903 г. К этому же времени относится и изготовление им 19 (девятнадцати!) препаратов спирохет. Сообщение его на заседании Русского дерматологического и вене-

¹³ *Заболотный Д. К.* Микроорганизмы (спирохеты) при сифилитических поражениях // Тр. О-ва рус. врачей в С.-Петербурге с приложением протоколов заседаний за 1904—1905 гг. Янв.—февр. С. 406.

¹⁴ Рус. журн. кож. и венерол. болезней. 1905. № 7. С. 74.

рологического общества датировано 6 ноября 1904 г.¹⁵ Сохранилась даже часть корректуры статьи «Об экспериментальном сифилисе бабуинов», датированной 22 мая 1904 г., а посланной в типографию русской Академии наук первого июня. В 1905 г. ученый писал: «Теперь можно сообщить о выявлении спирохеты в 19 случаях у людей и одного у павиана». И дальше: «После открытия Шаудина при более внимательном пересмотре (моих. — *Н. П.*) препаратов... были найдены спирохеты в 6 случаях. Подобные спирохеты были найдены также мной в мазках из твердой язвы (шанкра) павиана еще в 1904 г.»¹⁶ Очевидно, все это послужило основанием группе советских ученых в письме к американским микробиологам, опубликованном в «Литературной газете» 27 июня 1950 г., сказать о Д. К. Заболотном, что «он был выдающимся сифилидологом и первый, раньше других, узрел бледную спирохету». На этом же настаивала и действительный член АМН СССР О. Н. Подвысоцкая¹⁷.

Что касается спирохет, то ученый наблюдал их движение при увеличении до двух тысяч раз в темном поле. Он определил их размеры и отметил, что хроматиновые зерна располагаются в теле спирохет то в центре, то ближе к концу, а иногда в самом конце. Описаны им и своеобразные особенности инволюционных и дегенеративных форм спирохет — так называемые головчатые формы, когда спирохета в одном из своих концов как бы загибается в петлю, где образуется концевое вздутие протоплазмы с концентрацией хроматиновых нитей и появляется большое количество мелких спирохет.

И на всех последующих поисках и открытиях Заболотного в области сифилидологии лежит та же печать новаторства. Ему принадлежит разрешение таких сложных вопросов, как течение инфекции, распространение ее по лимфатической системе и локализация в органах, продолжительность инкубационного периода.

Изучение явления иммунитета при сифилисе увенчалось установлением возможности повторного заражения после лечения заболевания.

---

¹⁵ Там же. С. 73.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Архив К. М. Гродского.

Изучая морфологию спирохет, Заболотный совместно с П. П. Маслаковцем открыл явление агглютинации (склеивания) спирохет в присутствии сыворотки больных сифилисом и указал на возможность использования этой реакции в качестве надежного диагностического приема¹⁸.

И снова — о восстановлении приоритета Д. К. Заболотного. «В последнее время, — по словам профессора Н. М. Овчинникова, — при диагностике сифилиса довольно большой популярностью пользуется так называемая реакция иммобилизации бледных спирохет, причем некоторые исследователи считают ее более ценной, чем реакцию Вассермана. . .»¹⁹ Но почему же тогда эта реакция на Западе именуется как «проба Нельсона»? Ведь положенная в основу «пробы» реакция иммобилизации открыта и сама техника ее отработана у нас, в России! И сам Нельсон в свое время ссылается на открытие Заболотного!

В связи с исключительной распространенностью бледной спирохеты в системах и органах больных ученый пришел к выводу, что сифилис есть не что иное, как хронический спирохетоз, и что его следует рассматривать как общую спирохетную инфекцию.

Все эти и многие другие открытия Заболотного в сифилидологии дали в руки ученых и клиницистов новые возможности для продвижения науки вперед, а 45-летнему ученому принесли славу и непререкаемый авторитет и в области сифилидологии.

Почти все работы по сифилису Заболотный выполнил в стенах Петербургского института экспериментальной медицины, сначала в лаборатории профессора С. Н. Виноградского, а когда изыскания его по сифилитической инфекции приняли внушительный размах — в специально созданной в 1907 г. лаборатории. Известный в начале столетия венеролог Соловьев, не только следивший за открытиями Заболотного, но и помогавший ему материалом для них, уговорил богатеев братьев Синягиных вложить крупную сумму в сооружение учреждения для изучения сифилиса. Вскоре невдалеке от ИЭМ, на берегу Невки, поднялось массивное здание. Половину его заняла клиника кожных и венерических болезней, а половина была отве-

¹⁸ Рус. врач. 1907. № 11. С. 361.

¹⁹ Вестн. венерологии и дерматологии. 1954. № 4. С. 53.

Д. К. Заболотный в Копенгагене на Международном серологическом конгрессе (май 1928 г.)

дена под сифилитическую лабораторию и отдел общей микробиологии.

Многолетние наблюдения и собранный огромный экспериментальный материал об одной из самых злых венерических инфекций легли в основу диссертации Д. К. Заболотного на соискание ученой степени доктора медицинских наук. При защите ее в 1908 г. в Военно-медицинской академии среди официальных оппонентов был И. П. Павлов. 21 марта конференция ВМА удостоила врача Д. К. Заболотного, «выдержавшего установленные испытания и защитившего представленные им рассуждения под заглавием „К вопросу о патогенезе сифилиса“», степени доктора медицины.

Венцом многолетних изысканий Заболотного в области сифилидологии было появление в 1909 г. монографии «Сифилис, его патогенез и этиология»²⁰, ставшей незаменимым пособием в познании тяжкого заболевания и разработке действенных мер его предупреждения и лечения.

Специалисты уже 80 лет единодушно относят монографию к категории классических работ, так как по глубине проникновения в сущность инфекции она не превзойдена. Критики квалифицируют работу как крупный вклад в мировую науку, как начало новой эры в изучение злоеющей болезни. Излишне говорить, что и остальные работы Заболотного по сифилису — а их насчитывается около двух десятков! — получили широкую известность и безоговорочно признаны ценными.

Многогранность и огромное значение сделанных нашим соотечественником за десятилетие открытий заставили коллег-сифилидологов во всем мире внимательно прислушиваться к его голосу, звучавшему с трибун Пироговских съездов (1907 и 1910 гг.) и международных научных форумов в Берне (сентябрь 1906 г.), в Берлине (июнь 1907 г.), Париже (июнь 1911 г.) и Копенгагене (май 1928 г.).

В период жесточайшей реакции, последовавшей вслед за революцией 1905 г., Д. К. Заболотный в своем докладе на X Пироговском съезде в 1907 г. на тему «Новейшие успехи в изучении сифилиса» обрушился на царское правительство за гонение на науку и ученых, отчаянную бедность, забитость и беспросветную темноту трудящихся масс. Относя сифилис, как и другие эпидемические заболевания, к категории биосоциальных явлений, ученый считал, что заболевание исчезнет только при улучшении жизни, когда изменится государственный строй России, а что это произойдет, Заболотный не сомневался, — он закончил свою речь поэтическим пророчеством:

«... и рухнет старое!
Иное будет время,
и на развалинах
иная будет жизнь!»²¹

²⁰ СПб.: Изд-во АН, 1909.

²¹ Микробиология и патогенез сифилиса // Тр. Пирогов. съезда. М., 1907. С. 211.

Ту же мысль — о биосоциальном характере сифилитической инфекции — он повторил и на XIII Международном конгрессе по вопросам гигиены в Берлине. На XI Пироговском съезде в 1910 г. он участвовал в дискуссии о степени заразительности третичного периода заболевания.

После революции Заболотный прекратил исследовательскую работу по сифилису, но вплоть до избрания президентом Украинской академии наук продолжал интересоваться исследованиями иммунитета при заболеваниях, приготовлением чистых культур спирохеты, внедрением в лабораторную практику реакции Вассермана. По его настоянию было переведено на русский язык «Руководство по серодиагностике сифилиса» Р. Брука, и он сам написал к нему предисловие.

Последнюю «дань» борьбе с тяжелым заболеванием Д. К. Заболотный отдал за полтора года до смерти, в 1928 г., в качестве делегата Международного серологического конгресса в Копенгагене. Датские газеты, помещая его фото, писали, что Заболотный — высокочтимый борец с чумой и сифилисом.

Холера — жестокое зло

«Две страшные сестры гуляют по миру, — гласит монгольская легенда. — Тот, кто отважится вступить в борьбу с ними, будет достоин наибольшей славы на века. Но он упадет замертво, если осмелится всего на миг взглянуть в лицо грозным сестрам...»

Это о чуме и холере. Что Д. К. Заболотный «заглянул» в глаза обеим «сестрицам», общеизвестно. На первое десятилетие XX в. приходится особо частые «встречи» с холерой.

Источник повальной болезни давно известен: гнездовья ее затаились в болотистых джунглях индийской провинции Бенгалии, в дельтах многоводных Ганга и Брахмапутры. Европа не знала холеры до тех пор, пока Англия не начала колонизацию Индии. Холера, как бы в отместку за жестокость британских колонизаторов, со свойственной ей свирепостью сначала набросилась на поработителей, а потом перебралась и в саму метрополию. С оживлением торговых связей она стала совершать набеги на страны Средиземноморья и Западной Европы.

В Россию в силу ее географического положения холера являлась и с востока, и с запада, и с юга. Более ста лет русские газеты пестрели от сообщений, наводивших ужас на людей: «Холера вторглась в пределы империи...», «проникла...», «добралась...», «охватила...», «свирепствует...», «опустошила...».

В 1892 г. «Южнорусская медицинская газета» писала: «Для нас занесение холеры из Индии в Аравию, Месопотамию и Сирию представляет значительно большую опасность, чем для Западной Европы, по причине возможности вторжения ее не только через европейские каналы, но и через Анатолийский берег и через сухопутную турецко-персидскую границу в Закаспийский край и на Кавказ и дальше в глубь страны по главным протокам волжских губерний вплоть до Москвы и Петербурга»²².

Холерные эпидемии несли русскому народу неисчислимы бедствия, не говоря уже о том, что после каждой из них царь недосчитывал по 300—350 тысяч подданных. Но его это мало волновало: Царское Село на время эпидемий, отгородившись от внешнего мира войсковыми кордонами, предоставляло остальным 130 миллионам своих граждан возможность самим заботиться о себе.

Долго, очень долго ученые не понимали причины убийственного заболевания. Обезвоживая человека, оно буквально высасывало из него все соки — за сутки-двое вчера еще полные сил люди погибали.

В этой обстановке свое решающее слово должна была сказать наука. Но хотя немецкие корифеи не раз хвастливо кричали, что ими «наконец сорвана маска с холерного признака», профессор Ф. Ф. Эрисман в 1882 г. в лекции, читанной петербургским студентам и врачам, так оценил положение: холера по-прежнему явление в высшей степени сложное, загадочное; этот сфинкс и сегодня приводит в ужас своим смертоносным взглядом, который до сих пор мы не можем понять, несмотря на то что разгадкой его заняты тысячи ученых во всех странах света.

Только 1883 г. ознаменовался великим торжеством науки: Р. Коху удалось открыть возбудителя холеры — холерного вибриона, из-за своеобразного изогнутого вида прозванного «коховской запятой». Не-

---

²² Южнорус. мед. газ. 1893. № 12. С. 5.

сколько позже профессор Э. Ру доказал, что возбудитель холеры в человеческий кишечник попадает с водой. Но в чистой воде он размножаться не может из-за отсутствия питательных материалов. Благодествуют же «запятые» только в местах стока нечистот.

После этих открытий стал вопрос о путях борьбы с холерой. Одни ученые сосредоточили свои усилия на повышении санитарной культуры быта. Мысль других пошла по привычному пути, некогда предложенному Л. Пастером: раз известен возбудитель болезни, значит, проиммунизировав им животное, можно получить от него профилактическую сыворотку. Но не тут-то было: холерный вибрион оказался совсем не похожим на других микробов, борющихся с человеком в открытую — выделяя яды (токсины). Свое смертоносное дело он делал только после собственной гибели, когда оболочка его разрушалась и токсины как бы изливались. Против них же сыворотка оказалась бессильной.

Тем временем холерные эпидемии с определенной периодичностью — каждые шесть—девять лет — продолжали свои набеги на Россию и часто затягивались на десятилетия. Бессилие врачей породило у народа неверие в медицину, подозрение, что никакой холеры нет, а врачи просто «изводят» народ, отсюда холерные бунты, на подавление которых власти не жалели сил.

А что церковь? «В России, несмотря на протесты врачей, — писала 10 августа 1892 г. парижская газета „Иллюстрасьон“, — полицейские власти разрешили проведение крестных ходов во спасение от холеры». И это в год, когда почти вся империя была объята «холерным пожаром» и половина из почти миллиона заболевших погибла!

Д. К. Заболотный знал, насколько опасна холера для рабочего и крестьянского населения, живущего в дурных условиях, изнуряемого тяжелым трудом и лишенного необходимых знаний. Может, поэтому еще студентом заявил о себе в науке работами именно по холере, а позже приложил буквально титанические усилия к организации на местах практической борьбы с заболеванием.

То, что сам Заболотный сделал для исследования этой болезни, он в «Автобиографии» вложит в одну, преисполненную скромности фразу: «...приходилось изучать эпидемии холеры». Историки же медицины квалифицируют его как отважного и удачливого про-

тивника холеры, как одного из основоположников ее современной эпидемиологии. По неполным данным, он 37 раз выезжал на холерные вспышки по всему Поволжью и Приднепровью, в Туркестан и Баку, на Кавказ и в Одессу, на турецкую и персидскую границы. Итог исследований ученого по холере — это 26 публикаций (от коротких статей до объемистой монографии), дельных, глубоких, по сей день не потерявших своей «рабочей» значимости.

Что же касается практического «выхода», то он не поддается короткому изложению. Вспомним, как герой рассказа М. Горького «Супруги Орловы» сапожник Григорий Орлов, став во время холерной эпидемии санитаром, мечтал одолеть страшную болезнь. Горьковский герой только мечтал о победе над холерой, а Заболотный, не зная усталости, ковал ее, действовал целенаправленно и эффективно.

В самом начале XX в. инфекция основательно укоренилась в Поволжье и Заболотному пришлось наряду с изучением сифилиса вести борьбу с холерными вспышками в Астраханской и Саратовской губерниях. В 1901—1904 гг. он совершил двенадцать поездок для бактериологического обследования и тушения очагов холерных пожарищ. Об этих поездках данных почти не осталось, но, если судить по отрывочным сведениям и косвенным документам, они не были просто прогулками. Схватив буквально на лету детали эпидемической обстановки, Д. К. Заболотный тотчас же переходил в наступление — по опыту он знал, что значит для купирования холерной эпидемии выигрыш во времени.

Если И. И. Мечников утверждал, что от холеры легче уберечься, чем от насморка, соблюдая правила индивидуальной санитарной защиты, Заболотный на проблему смотрел шире — на первое место он выдвигал социальные условия, поскольку «некультурность и бедность огромной части населения, неудовлетворительные условия жизни, сильное развитие алкоголизма», считал ученый, не позволяют России в борьбе с холерой надеяться на одну «индивидуальную санитарную защиту». В одной из своих брошюр он с горечью писал: «Неудивительно, что холера свила себе прочное гнездо в нашей империи и, насколько можно предвидеть, не ограничится уже выхваченными жертвами. Городá Поволжья, служащие большей

частью воротами для прохождения жестокого холерного зла в Россию, по вине административных лиц остаются необстроенными сколько-нибудь сносно в санитарном отношении». Имея в виду высшие эшелоны власти в лице губернаторов и само Министерство внутренних дел, Заболотный прямо заявил, что они «не проявляют необходимую для искоренения холеры жизненную энергию», «часто ограничиваются лишь постановлениями, нисколько не заботясь проверкой, насколько они достаточны и применимы»²³.

В свете этого интересно предписание самого Д. К. Заболотного Самарской городской управе от 11 июля 1903 г.: «1) закрыть вплоть до приведения в надлежащий вид доступные харчевни на базаре, у вокзала и пристани; 2) открыть для бездомных береговых рабочих приют с кипяченой питьевой водой и со специально устроенными отхожими местами; 3) очистить от нечистот и замостить дорогу, ведущую к поселку неимущих горожан...» и т. д.²⁴.

Заболотный знал, что власть всяких уполномоченных в российской провинции весьма эфемерна — по выезде их самые грозные предписания предаются забвению. Поэтому по возвращении в Петербург в апреле 1904 г. он обратился к принцу Ольденбургскому со специальным письмом по поводу отсутствия в империи санитарного законодательства, недостаточности действующих санитарных правил. По его убеждению, это ведет к тому, что каждая новая холерная вспышка застает империю по-прежнему мало подготовленной к встрече с ней. По этой причине границы распространения заразы все чаще раздвигаются до гигантских размеров и число жертв растет. Некоторые временные спады заболеваемости только предвестники скорых вспышек водяной холеры. И настаивал: нужны общероссийские решительные меры! А они так и не были приняты до самой Октябрьской революции.

Что оставалось делать Заболотному? В конце июля 1904 г. он просил своего друга В. Л. Омелянского: «Когда будете отдыхать, вспомните обо мне — я уже третий месяц лишен даже малейшей передышки — мотаюсь из Самары в Саратов и обратно, до хрипоты требую кипятить воду, расчищать свалки, выводить

²³ Заболотный Д. К. Холера и мы. Самара, 1903. С. 18.

²⁴ Там же. С. 15.

мух...»²⁵ А из «Астраханского справочного листка» узнаем, что он настаивал и на создании в губернском центре санитарной организации, облеченной широкими правами, с баклабораторией для ранней диагностики почти не затухавших здесь холерных вспышек и постоянного исследования грунтовых, речных и сточных вод. «Прикаспийская газета» не постеснялась даже напечатать жалобу на своего спасителя за «неслыханную напористость» и «неуважение к обличенным особам». Наверное, от безысходности этот неизменно деликатный человек когда-то потерял способность к дипломатии. Да и до этого ли было ему, когда в отдельные дни человеческие потери от холеры в приволжских городах исчислялись несколькими сотнями!

Несмотря на то что медицина уже располагала возможностью пероральной вакцинации населения против холеры, доказанной еще Заболотным-студентом, в широкую практику она внедрялась медленно. Пожалуй, до 1907 г. только сам открыватель и прибегал к ней, сначала работая в Подольской губернии, а потом и во время холерных эпидемий 1901—1904 гг. в Самаре и Астрахани.

По этому поводу Д. К. Заболотный писал В. В. Подвысоцкому: «...население обнаружило полнейшую дикость в вопросе прививок: скрывает от нашего персонала больных, прячет непривитых при подворных обходах. Противодействие настолько велико, что напоминает горячий материал, постоянно угрожающий вспышкой. И все-таки боязнь прививок надо преодолеть»²⁶.

Сам он боролся с этим страхом чаще всего словом и личным примером. «Как сейчас вижу, — вспоминал очевидец врач Л., — высокую, слегка сутулую фигуру профессора среди толпы рабочих нобелевского нефтеперегонного завода. Вокруг суровые, недоверчивые лица, недовольство, переходящее в громкий ропот... А он стоит спокойный, уверенный и говорит ровным, тихим голосом такие простые и убедительные слова, а потом оголяет свою руку и тут же, на глазах у бунтующих, ему первому делают противохолерную прививку. И недоверие толпы спадает, лица смягчаются, и люди начинают выстраиваться к столам, за кото-

²⁵ Арх. АН СССР. ЛО. Ф. 362. Оп. 4. Д. 54. Л. 19.

²⁶ Арх. АН СССР. ЛО. Ф. 300. Оп. 1а. Д. 52. Л. 28.

рыми в полной готовности стоят врачи со шприцами в руках. Заболотный победил»²⁷.

Нет, не легким оказался путь утверждения энтеро-вакцинации против желудочно-кишечных инфекций. При всей простоте, доступности и явной эффективности, возраставшей по мере совершенствования вакцин, этот метод вызвал ярые нападки самых маститых западных ученых. Заболотный стойко выдержал атаки малOVERов и непоколебимо стоял на своем, даже когда боготворимый им Мечников на диспуте в ЖМИ в мае 1909 г. высказал свое сомнение в пользу пероральной вакцинации. Но мiнута всего шесть-семь лет с того дня, и массовые прививки против холеры прогретой вакциной солдатам на фронтах первой империалистической войны покажут всю свою благотворность. К сожалению, Мечников до этой поры не дожил. . .

В 1920—1924 гг. вопрос об иммунизации *per os* был уже не новым. Тем не менее взгляды на механизм возникновения иммунитета при такой вакцинации были противоречивы. А. М. Безредка (Институт Пастера в Париже) считал, что в этом случае иммунизируются стенки кишечника, определенная группа тканей, причем большую роль в этом играет кишечный эпителий.

Заболотный же и группа его сотрудников появление в крови антител после энтеро-вакцинации связывали с возникновением общего иммунитета организма. Последующие опыты Заболотного подтвердили, что в процесс вовлекается не только ткань кишечника, но и сосудистый и лейкоцитарный аппараты человека.

Появившиеся в 1918—1921 гг. работы А. М. Безредки по вопросам местного, в частности энтерального, иммунитета побудили Д. К. Заболотного вспомнить свои старые работы на эту тему, проведенные еще в начале 90-х годов в Киеве частью самостоятельно (на сусликах), частью совместно с И. Г. Савченко (опыты на самих себе). Исходя из уже обоснованного к тому времени представления об общем характере иммунитета, развивающегося при энтеро-вакцинации, Заболотный предпринял новый ряд проверочных исследований. При этом он пользовался различными инфекциями (холера, брюшной тиф, дизентерия, дифте-

---

²⁷ Арх. К. М. Гродского.

рия, гноеродные инфекции). Профессор А. А. Садов в связи с этим заметил, что эта серия работ привела к установлению нескольких новых фактов, говорящих скорее в пользу теории Заболотного, чем «парижской» теории Безредки. С тех пор Даниил Кириллович в письмах нередко называл метод энтеровакцинации «киевским способом» в противовес широко и неосновательно применявшемуся наименованию «прививки по способу Безредки».

Возможно, многие другие на месте Д. К. Заболотного вступили бы в полемику с Безредкой, доказывая, что не ему принадлежит приоритет в этом вопросе. Д. К. Заболотный этого не сделал. Он просто с ведома Наркомата здравоохранения в 1922 г. опубликовал статью «Практика предохранительных прививок против холеры *per os*»²⁸, направленную на восстановление приоритета отечественной медицины в области энтеровакцинации. И все-таки десятки авторов — наших, не говоря уже о западных, не упускающих случая «запустить руку в наш научный карман», — рассказывая об энтеровакцинации, и ныне начисто вычеркивают истинного автора ее и называют то «методом Koll-Pheiffer, то «методом Безредки».

Следует сказать, что Заболотный, заложивший теоретическую и практическую основы учения о местном иммунитете, сам проявил огромную активность в защиту противохолерных прививок. Известны его публичные выступления на эту тему на заседаниях Общества русских врачей, Русского хирургического общества им. Н. И. Пирогова, в Самаре и Астрахани — на Поволжских съездах врачей по холере, а позже и на Международном конгрессе в Париже.

Трудности внедрения в противоэпидемическую практику энтеровакцинации подтолкнули Д. К. Заболотного к многолетней настойчивой работе по повышению эффективности противохолерных вакцин²⁹.

В разные периоды первых двух десятилетий нашего века ученый еще не раз окажется в эпицентрах отчаянных по своей жестокости холерных вспышек. «Мертвые» паузы между ними он будет почитать за

---

²⁸ Профилактическая медицина. 1922. № 1. С. 136—137.

²⁹ Усилия его школы в этом направлении увенчались созданием в лаборатории ИЭМ высокоэффективной алкоголизированной вакцины.

счастье — ведь одно объявление районов, чаще всего поражавшихся инфекцией, неблагоприятными и угрожающими без действительных контрмер ни к чему не приводило. Случалось и так, что холера не появлялась в угрожающих, зато всюду разгуливалась в непредусказанных районах. И в каждом случае проявлялась энергичность «особо уполномоченного» Д. К. Заболотного. В 1907 г. во время очередной холерной вспышки в районе Самары и Саратова он с помощью учеников провакцинирует более четырех тысяч человек — показатель по тому времени неслыханный. Судя по книге «Холерная эпидемия 1908—1909 гг. в Петербурге»³⁰, Заболотный и тут приложит максимум усилий, опыта, своих знаний для снижения смертности от холеры³¹.

В 1910 г. журнал «Русский врач» сообщил, что командированный «на холеру» в Ростове профессор Д. К. Заболотный при осмотре местного водопровода вскрыл вопиющий факт, вполне объясняющий взрыв типичной водной холерной эпидемии, успевшей дать свыше 800 смертных случаев: все нечистоты из города спускаются в реку там же, где производится забор воды для питья, затем она плохо фильтруется на водопроводной станции, поскольку фильтры городского водопровода, как выяснилось при осмотре, содержатся чрезвычайно грязно. А вот о том, что профессор трижды выступал в ростовской городской Думе, прежде чем добился расторжения контракта с французской компанией, ведавшей местным водопроводом на правах концессии, автор информации промолчал.

Что касается научных поисков Заболотного в области холеры в эти годы, то они нацелены на уточнение морфологии и биологии холерного и холероподобного вибрионов, местного и общего иммунитета при этом заболевании. Среди его открытий — и уточнение путей переноса возбудителя холеры. В книге «Холерная эпидемия 1908—1909 гг. в Петербурге»³² ученый

---

³⁰ Холерная эпидемия 1908—1909 гг. в Петербурге: (По данным 4 гор. бактериол. лаб.) / Соавт. С. М. Златогоров, Г. С. Кулеш, В. И. Яковлев. СПб., 1910.

³¹ Оба адреса (Поволжье и Петербург) относились к числу тех в России, где холера находила особо благоприятные условия для распространения.

³² Как представляющие особую ценность аттестовали специалисты в кн. «Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России» (М., 1949) наблюдения и

писал, что зараза может распространяться двояким образом: от человека к человеку и посредством различных предметов. Позже к этим двум путям он добавит и третий — пищевой.

Особую практическую ценность представляет его бесспорное доказательство роли в распространении инфекции здоровых носителей. Напрасно такие западные «авторитеты», как немец Г. Гаффеке и бельгиец Ван Эрменгем, несмотря на очевидность факта, упорно отрицали его — позднее было установлено, что холерный вибрион находит себе приют и интенсивно размножается в желчном пузыре и желчных протоках. Теперь факт здорового бациллоносительства общепризнан³³. В 1986 г. он получил новое подтверждение на новом уровне в открытии группы советских эпидемиологов во главе с действительным членом АМН СССР В. Беляковым.

Осуществив в 1908—1909 гг. с помощью студентов и учеников из четырех городских лабораторий массовое бактериологическое и эпидемиологическое исследование водопроводной, речной и сточной воды и материалов от больных (28 тысяч исследований!), Заболотный установил истоки длительного заражения невской воды, существование наряду с истинными холерными вибрионами группы холероподобных, опасность желудочно-кишечных заболеваний, возникающих во время холеры (несмотря на отрицательные результаты бактериологических исследований, они имеют непосредственное отношение к холерной инфекции). Одновременно с усовершенствованием методов лабораторного распознавания заболевания профессор обнаружил рекомендации по ликвидации «хвостов» эпидемий и предупреждению образования новых очагов инфекции.

Весьма велик вклад Заболотного и в раздел о свойствах холерного вибриона. Еще студентом, работая над санитарной оценкой одесских полей орошения, он доказал, что холерный вибрион может длительно выжи-

---

выводы Д. К. Заболотного, собранные в названной работе, вышедшей из печати в 1910 г.

³³ Особенно положительно сказались самые строгие меры по выявлению и изоляции бациллоносителей во время холерных эпидемий периода первой империалистической войны и в Петрограде в 1918 г.

вать в сточных водах, а в 1918 г. — что он сохраняет жизнеспособность, даже перезимовав во льду.

В «Очерке развития холерных эпидемий 1907—1909 гг. в России и противохолерные мероприятия»³⁴ в разделе «Санитарные условия и противохолерные меры» ученый в условиях жесточайшей реакции тех лет со свойственной ему смелостью обрушился на правительство за «небрежение житейскими обстоятельствами» подавляющей части населения — трудящейся бедноты. Это был выход гнева, копившегося на протяжении многих лет.

В поисках причин распространения холеры на Подолии на заре своей врачебной деятельности тогда еще просто земский санитарный врач Д. Заболотный впервые заговорил о необходимости изменить к лучшему быт местных хлебопашцев. Во время противочумной экспедиции в Индию, а затем поездки в Аравию интерес его к жизни трудящихся принимает более осмысленные очертания. Ему уже ясно, что чумная коса отлично ориентируется в социальном составе бомбейского общества — как правило, она обрушивается на нищенствующие семьи. «Из десяти чумных не менее девяти всякий раз оказываются бедняками...», — напишет он в 1899 г.³⁵

Столь же болезненно поражает Д. К. Заболотного впервые открывшаяся перед ним в дни пребывания в Вейчане не менее мрачная картина существования китайских крестьян, обреченных почти на полное вымирание от чумы. «В этом очаге, — отметит он, — нам пришлось иметь дело с крестьянским земледельческим населением, у которого приблизительно те же горести, печали и интересы, что и у нашего пахаря»³⁶.

Бесконечные поездки на холерные и тифозные вспышки по всей России, наблюдения жизни нещадно эксплуатируемых русских пролетариев и беднейшего крестьянства вооружали ученого все новыми доказательствами исключительного влияния на развитие эпидемий наряду с биологическим фактором и социального. Эту мысль по отношению к холере в 1909 г. он

---

³⁴ Арх. биол. наук. 1909. Вып. 5. С. 471—494.

³⁵ *Заболотный Д. К.* Барьеры эпидемиям // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1930. № 1. С. 3.

³⁶ *Заболотный Д. К.* Исследования по чуме // Избр. тр. Т. 1. Киев: Изд-во АН УССР. 1956. С. 66.

сформулировал так: «Уже аргіогі можно предположить, что, чем больше скученность людей, чем более непригодна обстановка их жилья, тем благоприятнее бывает почва для развития холерных вспышек»³⁷.

Впрямь социальная сторона проблемы борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями будет всегда подчеркиваться в его публикациях. Перечисляя обстоятельства жалкой участи русских пролетариев — постоянное переутомление, недоедание, тесноту жилищ, алкоголизм, патриархальный быт, темноту, — Заболотный в публичном выступлении перед студентами ЖМИ в июне 1909 г. уже прибегнет к термину «пролетарские болезни», когда заговорит о холере, дизентерии и тифах, поскольку любая инфекция, раз появившись в районах проживания бедноты, устраивается в них прочно и надолго, ибо встречает для себя благоприятную почву в дурных условиях проживания и некультурности людей.

Это послужит ученому основанием для заключения: только устранение всех неблагоприятных моментов быта может до известной степени если не парализовать, то ослабить холерные пожары. Теперь будет ли он писать о холере или тифе, чуме или сифилисе, о способах заражения или поголовном вымирании населения казахских землянок, «живущего в тесном контакте с грызунами и блохами», он не просто фотограф, а суровый обличитель социального зла.

Так постепенно медицина подвела Д. К. Заболотного к мысли, что в ее усилиях в борьбе с инфекциями не все зависит от талантливости ученых и подвижничества врачей — победный исход ее неразрывно связан с социальным прогрессом. Стремившийся познать объективные законы развития эпидемий, с тем чтобы использовать их в борьбе с инфекциями, ученый в конце жизни категорически отвергнет ранее бытовавшую трактовку эпидемий как суммы отдельных заболеваний, зависящих только от присутствия микробов, и скажет: «В развитии эпидемий играют роль три фактора: микроб, его распространенность и вирулентность, состояние иммунитета организма и со-

---

³⁷ Заболотный Д. К. Очерк развития холерной эпидемии 1907—1908 гг. в России и противохолерные мероприятия // Арх. биол. наук. 1909. Вып. 5. С. 482.

циальные условия». Эту триаду ученый назовет «формулой эпидемий»³⁸.

В статье «Новое о микробах» академик сформулирует свой приговор капитализму. «В условиях классового общества, — напишет он, — жизнь трудящихся вообще не составляет ценности и поэтому капитализм, вопреки огромным достижениям науки в деле борьбы с заразными заболеваниями, неспособен одолеть их, можно даже сказать, что капитализм как раз и поддерживает существование заразных болезней. Уничтожение их невозможно без уничтожения капиталистической системы»³⁹.

Трудно только перечислить заслуги Д. К. Заболотного в борьбе с холерой и другими желудочно-кишечными заболеваниями в революционном Петрограде. А в общей сложности нужно подчеркнуть, что охрана Родины от холерных набегов занимала Заболотного до конца жизни. Прав был академик АМН СССР Л. А. Громашевский, когда писал: «Доброе столетие терзала Россию холера, а в том, что она с 1924 года окончательно исчезла у нас... велика, неизмеримо велика заслуга нашего соотечественника Д. К. Заболотного, вместе со своей школой коренным образом переделавшего уравнение: холерный вибрион — человечество»⁴⁰.

Плодотворное десятилетие

В 1903 г., когда неурожай, следуя один за другим, приняли хронический характер, а царское правительство боролось не с голодом, а с голодающими и теми, кто помогал голодающим, Заболотный писал: «В России кругом плохо — голод, холера, тифы. Я же мотаюсь по империи „яко тать“, а между поездками толчусь на кафедре и только здесь отдыхаю душой...»⁴¹

«Отдыхать душой» Д. К. Заболотный мог, лишь занимаясь любимым делом, а преподавательская деятельность была для него из разряда таковых. Среди

³⁸ Заболотный Д. К. Основы эпидемиологии. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 16.

³⁹ Вестн. знания. 1927. № 16. С. 963.

⁴⁰ Громашевский Л. В. Частная эпидемиология. М.: Медгиз, 1947. С. 172.

⁴¹ Арх. АН СССР. ЛО. Ф. 300. Оп. 1а. Д. 52. Л. 44.

немногих дошедших до нас его поэтических упражнений есть шуточное — «Метаморфоза» — о горемыке-преподавателе, чьи лекции тянулись уныло, вяло — «не клеились слова и сама мысль, казалось, застывала». Учившиеся у Заболотного врачи А. В. Дроздова, А. А. Городова и многие другие свидетельствовали, что они никогда не видели своего учителя в положении героя «Метаморфозы» — педагогическое мастерство его росло год от года. Об этом же весьма выразительно говорится в благодарственном письме группы студенток ЖМИ профессору от 2 апреля 1905 г. «Ваши лекции, — писали около ста слушательниц своему любимому наставнику, — полные научного интереса, простоты изложения и удобопонятности, в высшей степени удовлетворили наше стремление ознакомиться с холерой и чумой в рамках современных научных требований, а многочисленные демонстрации всевозможных препаратов, теневых картин, книг и прочего сделали эти занятия не скучным трудом, а приятным отдыхом». Авторы письма тут же подчеркнули «обаятельную простоту и симпатичность во всем ведении занятий» благодаря любви лектора к аудитории и людям вообще ⁴².

Когда-то К. Бернар мудро рекомендовал преподавателям в своих лекциях не стремиться «охватывать всю науку в целом», не делать упор на том, что уже установлено, а освещать «темные вопросы, чтобы атаковать их молодыми силами». Знал ли профессор этот совет — неизвестно, известно другое: он всегда стремился не только вооружать слушателей знаниями, а и «вербовать» их в свою веру служения человечеству.

Д. К. Заболотный одним из первых преподавателей ЖМИ отказался от систематического изложения своего курса, поэтому лекции его не носили академический характер. Он стремился как бы вводить своих слушателей в научные лаборатории, увлекал подробностями полевых и лабораторных исканий и работы в эпидемических очагах, показывал, как интересно заставлять природу открывать свои тайны, и тут же перечислял области, еще ждущие пытливых умов. Даже при изложении самых «сухих» тем пленял ауди-

---

⁴² Комната-музей при кафедре микробиологии, вирусологии и иммунологии им. акад. Д. К. Заболотного I Ленингр. мед. ин-та им. акад. И. П. Павлова.

тории не красноречием, а своей верой в безграничные возможности науки, прогрессивностью взглядов, неиссякаемым энтузиазмом, возвышенным представлением о врачебном долге. «Всегда было ясно, — заметил по этому поводу профессор Б. И. Клейн, — говорит большой ученый, не слушать которого нельзя»⁴³.

Обстоятельства беспокойных обязанностей эpidемиолога не позволяли Заболотному целиком отдаться преподавательской работе — она часто прерывалась то экспедиционными поездками, то опытами, то нездоровьем. Но когда он появлялся на кафедре, студенты знали, что никакие учебники и пособия не заменят им его живой рассказ, редкую осведомленность в «последнем слове» науки и жизни, ловили каждую его мысль. Молодым людям были симпатичны и простота лектора, и его редкая скромность, и то, что он не увлекался ораторскими ухищрениями. Зато как по-детски мила была его улыбка при мягком украинском юморе, какую большую духовную силу излучали его глаза.

Наряду с репутацией врача-героя, редким интеллектом, энтузиазмом этого наставника молодежь привлекала и его безмерная доброта. Сколько людей испытали ее на себе! О неизменном дружелюбии, готовности помочь каждому нуждающемуся «студиусу» морально, а если надо, то и материально до старости будут вспоминать десятки воспитанников ЖМИ. Бывало раздаст весь заработок тем, кому нечем оплатить учебу; в холод явится домой без пальто, — подарил бедняку... А сколькок предоставлял свои «кров и стол», помогал найти заработок — платные анализы, дежурство в больницах, дезотрядах! Совершенно естественно, что студенты за все это обожали, буквально боготворили молодого наставника.

Понимая, что без подготовки достаточного числа специалистов, без распространения среди практических врачей добытых бактериологией знаний вести успешную борьбу с эпидемиями в России — дело нереальное, он в 1903 г. издает лекции, читанные им в 1902—1903 гг. в ЖМИ, под названием «Основания общей микробиологии»⁴⁴. Это было первое отечествен-

---

⁴³ Клейн Б. И. Основоположник русской микробиологии: (Воспоминания) // Наука и жизнь. 1944. № 9. С. 33.

⁴⁴ В 2 ч. СПб. Ч. 1. Общая бактериология. 1902. Ч. 2. Частная бактериология. 1903.

ное пособие по новой учебной дисциплине, которое по замыслу его автора должно было помочь студентам и врачам уяснить основные проблемы борьбы с инфекциями, развеять ошибочные взгляды, могущие принести вред будущим специалистам и их пациентам.

Тяжелым выдался для Д. К. Заболотного 1904 г. В то время как он находился за рубежом — сначала в Шотландии, затем в Португалии и Марокко, умерла его мать, вскоре заразился и погиб от чумы ближайший помощник — заведующий лабораторией «Чумной форт» доктор В. И. Турчинович-Выжникевич. Пришлось ученому на время взять на себя и обязанности погибшего: разразившаяся русско-японская война потребовала резкого увеличения производства противочумных и противохолерных сывороток и вакцин.

Усложнилась обстановка и в ЖМИ — среди студентов нарастало недовольство не только кровавыми событиями на Дальнем Востоке, но и усилившимися притеснениями учащейся молодежи. Но когда от профессоров ректор потребовал имен «особо буйствующих» слушателей, Заболотный наотрез отказался стать осведомителем охранки, сославшись на частые отлучки и предельную занятость, не позволяющие следить за поведением взрослых людей.

Девятое января 1905 г. застало Заболотного дома. По свидетельству профессора В. Дембовской, он был потрясен расстрелом у Зимнего дворца и ответил делом — предоставил свою квартиру в распоряжение дружины ЖМИ. «Мы всеми силами стремились оказать посильную помощь пострадавшим от царских пуль рабочим, — вспоминала Дембовская. — В квартире профессора на берегу речки Карповки группа его ближайших учениц заготовляла перевязочный материал и медикаменты, туда поступали директивы относительно координации действий. Оттуда мы отправлялись по адресам на квартиры тех раненых, которые по причинам конспирации не могли лечиться в больницах»⁴⁵. Позже, когда по стране разлилась кипящая лава ненависти к царю и бастовала вся Россия, Заболотный тоже прервал чтение лекций. В конце января в русских газетах появилась «Записка о неотложных нуж-

---

⁴⁵ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. С. 115.

дах просвещения в России». Среди 342 ученых и преподавателей, подписавших ее, стояла фамилия и Д. К. Заболотного. Поведение ученого было расценено как «вызывающее». В Министерстве народного просвещения даже обсуждалось предложение о лишении его кафедры в ЖМИ.

В ИЭМ, учреждении, где властвовал отпрыск царской фамилии Ольденбургский, всякий либерализм, не то что революционная деятельность, пресекался самым решительным образом — попечитель имел богатый опыт «удушения» инакомыслящих. К тому же любой ученый независимо от ранга в глазах этого вельможи был просто «его» служащий, получающий заработок по «его» милости⁴⁶, — что уж тут церемониться? И наверняка был бы Заболотный вообще «отставлен» от науки, не нуждаясь в его опыте и знаниях эпидемиолога многострадальная Россия, не имей он уже репутацию мировой величины, — дело свелось к отказу от услуг Д. К. Заболотного как специалиста по организации противочумных мероприятий. И это в России, где чума, холера, тифы буквально бесчинствовали на огромных пространствах! Ученый, слышавший остро словом, после этого не мог отказать себе в удовольствии, подписывая официальные бумаги, перед фамилией ставить еще две буквы «н. с.» — то ли «не специалист», то ли «надворный советник» — чин, который у него уже был к тому времени. То была реакция полупрезрения со стороны Заболотного к «высшему свету» на «обличительное отношение».

Совсем иначе выглядел Д. К. Заболотный в глазах слушателей курсов: в уже упоминавшемся благодарственном письме около ста будущих врачей сердечно желали ему «всегда занимать почетное место в рядах ученых не только по заслугам в бактериологии и эпидемиологии, но и по высоким заслугам в тех истинно гуманных началах, которые так блестяще изложены в известной декларации профессоров об академической

---

⁴⁶ Разговоры о «щедрой благотворительности» Ольденбургского оказались на поверку безосновательными. Все израсходованные на нужды ИЭМ деньги — около 300 тысяч рублей — он в конце концов востребовал, по выражению графа Витте, из «казенного сундука» — с департамента государственного казначейства.

свободе, в подписании которой Ваше достойное имя в числе первых»⁴⁷.

И Заболотный оправдал надежды своих учеников. Его не утратили ни террор в стране, достигший после подавления Декабрьского вооруженного восстания огромных размеров, ни «персональное» наказание за «противоправительственные взгляды». Гуманист и правдолюбец, он продолжал оказывать помощь курсисткам, пострадавшим за свои прогрессивные «мудрствования»: одним — материально, другим — трудоустройством, третьим — оборудованием для лабораторий.

Но самым громким вызовом царскому самодержавию в то время было выступление ученого на X Пироговском съезде русских врачей⁴⁸, выразившем сформировавшиеся под влиянием первой русской революции антиправительственные настроения прогрессивной интеллигенции. В условиях разгулявшейся реакции публично пророчить, что «рухнет старое» и на развалинах его «иная будет жизнь», — такого еще, кажется, не слышали от радикальной петербургской профессуры! Настоящая дерзость.

По сути же своей это выступление Д. К. Заболотного следует рассматривать как своего рода солидаризацию с младшим братом, депутатом подольских крестьян в Государственной Думе. После разгона ее Ивану Заболотному, блестящему юристу и оратору, защитнику бедноты, не понадобилось много времени, чтобы разгадать грязный закулисный торг политической «элиты» с царским правительством за министерские портфели. При всей шаткости, непоследовательности и противоречивости взглядов благодаря бойцовскому характеру он много сделал для развенчания антинародной Думы.

После оголтелой травли черносотенной прессой под угрозой ареста Заболотный-младший на время оставил Россию, а по возвращении на родину при таинственных обстоятельствах погиб в Крыму. Надеждой на «иное время» и «иную жизнь» жил единственный брат Д. К. Заболотного, посмертной эпитафией ему и про-

---

⁴⁷ Комната-музей при кафедре микробиологии, вирусологии и иммунологии им. акад. Д. К. Заболотного I Ленингр. мед. ин-та им. акад. И. П. Павлова.

⁴⁸ Харьк. мед. журн. 1907. № 4.

звучали перед многолюдной аудиторией эти же слова, теперь — из уст Заболотного-старшего.

По данным Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, Д. К. Заболотный недолго состоял в партии народных социалистов⁴⁹. Ключ к уточнению причин этого разрыва можно найти у В. И. Ленина, писавшего и о лицемерии, фальши кадетской партии, и о том, что среди кадетов, несомненно, есть преискренные люди, верящие в то, что их партия есть партия «народной свободы»⁵⁰. Заболотный как раз и относился к числу преискренне заблуждавшихся, но, будучи человеком большого ума и здравого смысла, он умел смотреть правде в лицо. Безупречно цельный, горячо желавший добра своему пострадавшему народу, профессор не захотел оставаться среди тех, кто, прикрываясь звонкими фразами, по сути своей служил российской реакции в удушении народа, — он решительно и бесповоротно порвал с партией и в дальнейшем говорил о себе как о «неспособном» к политической деятельности.

В разгар всех этих событий — 17 декабря 1906 г. — Заболотный заканчивает подготовку к печати работы «Чума. Эпидемиология, патогенез, профилактика. (Наблюдения и исследования Д. К. Заболотного)». В предисловии к «Сборнику работ о чуме»⁵¹, в котором она была опубликована, автор написал: «Цель труда — изложить в сжатом виде современное состояние вопроса об этиологии, патогенезе и бактериологии бубонной чумы. В основу его легли главным образом наблюдения и экспериментальные исследования, выполненные мной и другими авторами на протяжении последних десяти лет как во время научных экспедиций в Индию, Аравию, Португалию, Китай, поездок в Поволжье, Глазго, Одессу, так и в специальных лабораториях по изучению чумы».

Бережно хранимый в Первом Ленинградском медицинском институте им. И. П. Павлова «Отчет о научной деятельности Императорского ИЭМ» позволяет представить, с каким напряжением трудился уче-

---

⁴⁹ ЦГА ОРСС. ЛО. Ф. 7384. Оп. 12. Д. 5. Л. 507.

⁵⁰ Ленин В. И. Собр. соч. Т. 12. С. 288.

⁵¹ Сборник вышел под редакцией ректора ЖМИ профессора Анрепа. (СПб., 1907. Вып. 1).

ный весь 1907 г. В руководимой им специальной лаборатории экспериментального сифилиса он занялся выяснением болезнетворной роли и морфологических особенностей спирохет и других патогенных микробов с упором на вопросы, связанные с учением об иммунитете. В этом же году в соавторстве с П. П. Маслаковцем публикует работу «Наблюдения над движением и склеиванием бледной спирохеты»⁵² и свою — «О нахождении спирохет при сифилисе»⁵³. На эту же тему делает доклад XIV Международному гигиеническому конгрессу в Берлине и в конце апреля участвует в X съезде русских врачей в память Пирогова.

Что касается практической работы непосредственно на местах, то это и установление характера нескольких эпидемий в Поволжье, в частности чумной в Астрахани, и исследование культуры холерных вибрионов, доставленных из петербургской больницы Св. Марии Магдалины, и проведение противохолерных прививок более чем четырем тысячам человек.

Весь 1908 г. будет занят у него борьбой с жестокой холерной эпидемией, охватившей Петербург, Одессу и ряд других районов страны, и обобщением скопившегося за много лет материала о патогенезе сифилиса. Последнее позволит ему в конце марта 1909 г. защитить диссертацию на звание доктора медицины, а несколько позже — издать монографию «Сифилис, его патогенез и этиология»⁵⁴.

Сын-«инородец» и министр Кассо

Сначала успешная, но потребовавшая исключительных усилий, настойчивости, а главное — опыта и знаний, локализация эпидемии легочной чумы в пределах Маньчжурии, потом получение бесспорного доказательства виновности полевого грызуна — тарбагана в «хранении» чумной инфекции в этом эндемическом районе, наконец, — сусликов и полевых мышей на юго-востоке России были этапными событиями в научной биографии ученого. И без того высокий авторитет его в 1911—1912 гг. быстро растет: опыт, эрудиция выдвигают ученого в ряд первоклассных европейских исследователей опасных инфекций. Но это не защитило За-

⁵² Рус. врач. 1907. № 11. С. 361.

⁵³ Харьк. мед. журн. 1907. № 9. С. 312—316.

⁵⁴ СПб.: Изд-во АН, 1909. 74 с.

болотного от выпадов в его адрес реакционного руководства царского Министерства народного просвещения.

Для Заболотного, конечно, не было секретом, что его студенты живут своей внутренней жизнью, что в кружках и на журфиксах звучат «оппозиционные» речи, даже при обсуждении вопросов этики. Самого профессора его слушательницы относят к числу наиболее радикально настроенных. Ректорат считает его преподавателем, имеющим исключительное влияние на студенческую среду, поэтому никого не удивляет строгое предписание самого министра просвещения горезвестного реакционера Кассо ректору ЖМИ «немедленно расследовать», «установить», действительно ли профессор в 1911 г. «солидаризировался с забастовщиками», упрекал тех, кто их не поддержал.

Кассо писал ректору Женского медицинского института: «Милостивый государь! По полученным в министерстве сведениям, во время происшедшей в текущем учебном году в Женском медицинском институте забастовки профессор Заболотный, застав однажды в своей аудитории только одну слушательницу, отказался читать лекцию, причем даже сделал слушательнице выговор. Спустя несколько дней на лекцию профессора собрались в соответствующее время пять курсисток, а когда профессор явился в аудиторию, то в резкой форме выразил свое неудовольствие по поводу того, что они самовольно нарушают принятое курсистками постановление о забастовке. Когда вслед за тем Заболотный, намереваясь покинуть аудиторию, направился к выходу, то был остановлен одной из слушательниц, которая и обратилась к нему с просьбой исполнить возложенные на него как профессора обязанности, за уклонение от которых он должен подлежать ответственности. Однако это обращение не только оказалось безрезультатным, но вызвало со стороны профессора некоторое глумление по отношению к слушательницам.

Вследствие сего прошу Ваше Превосходительство донести мне в возможно скорейшее время, соответствуют ли указанные сведения действительности.

Примите уверения в искреннем почтении и преданности»⁵⁵.

⁵⁵ Голубев Г. Житие Даниила Заболотного. М.: Мол. гвардия. 1962. С. 204.

Чем закончилась история, об этом документов нет. Известно только, что Кассо запомнил фамилию профессора и при первом же случае стал на его пути.

В 1913 г. привезенному из Китая мальчику Яну уже исполнилось восемь лет. С большим трудом дается ему русский язык, его пугает шумный Петербург — он боится даже в сопровождении няни ходить на прогулки. Пока Людмиле Владиславовне позволяло здоровье, она сама готовила Яна к поступлению в гимназию. Это оказалось делом непростым — после пережитого в Харбине Ян был очень несобран. А Даниил Кириллович настаивал на учебе мальчика — ведь он обещал дать ему достойное образование! Но ни один из директоров гимназий, реальных и коммерческих училищ не рискнул уважить просьбу знаменитого ученого — допустить маленького чужестранца к вступительным экзаменам: в те годы в России действовал запрет принимать в русские православные учебные заведения «инородцев».

Встречи с грозным министром с репутацией махового реакционера, презираемым и студенчеством, и прогрессивной профессурой, Д. К. Заболотный избегал до последнего. Но из-за сложившейся вокруг Яна ситуации пришлось-таки просить аудиенции. Министр важничал, но уступил — на заявлении профессора появилась резолюция: «допустить к экзаменам», но не в гимназии, а в... реальном училище и не в Питере, а в... Луге. Здесь мальчик и будет жить и учиться вплоть до 1917 г., приезжая на каникулярное время то в Петроград, то в Чеботарку, а с осени 1917 г. на целых 7 лет поселится на родине профессора и продолжит учебу в Чеботарской профтехшколе. После переезда в Ленинград он — рабочий и студент сельскохозяйственного рабфака, в годы ленинградской блокады в Отечественную войну — руководитель фронтовой бригады завода «Красногвардеец», сначала — комсомолец, а потом — коммунист.

Снова на чумном «фронте»

Создание в 1912 г. постоянной ученой Комиссии по изучению чумы и причин ее эндемичности на юго-востоке России и препоручение руководства ею Заболотному позволяют научные изыскания в этом направлении сделать более целенаправленными.

По его схеме, под его контролем (профессор побывал за год на чумных вспышках в Саратове, Самаре, на Дону, в Уральской области, на Кавказе, в Баку и Одессе) действует большой коллектив до тех пор, пока и здесь подтверждается абсолютная правота «наивторитетнейшего чумолога» Д. К. Заболотного, обвинявшего полевых грызунов в разное чумы.

Международной санитарной конференции в Париже Заболотному было что доложить о путях проникновения чумы в человеческую среду. Он даже продемонстрировал живого тарбагана, затем перекочевавшего в Парижский зоосад с многозначительной надписью на клетке: «Живой инкубатор чумы». Остается добавить, что Заболотный за свои усилия, направленные на защиту человечества от грозной инфекции, был удостоен французского ордена Почетного легиона. Русские газеты по этому поводу писали, что отечественные ученые все чаще опережают своих европейских собратьев, которые на научную арену вышли намного раньше русских умов.

Уже после смерти Д. К. Заболотного один из его соратников вспоминал о своей встрече с ним в начале 1913 г.: «Село Ново-Петровское, Донской области, находилось во власти „черной смерти“... Кругом трупы, трупы, трупы целых семейств, погибших за одни сутки. Вокруг — опустевшие хаты. Село отрезано от всего мира и окружено военным кордоном. Никого не выпускают из села и не впускают. Каждый еще живой чувствует себя как в клетке.

И в этой кошмарной трагедии в роли спасителя витает, суется светлая личность дорогого для всех врачей-общественников и безгранично любимого всеми своими учениками знаменитого ученого профессора Д. К. Заболотного. С мольбой и любовью были обращены все взоры на него. А он не вылезал из защитного резинового халата уже больше месяца, с маской на лице и ртом, перетянутым марлей, пропитанной дезинфицирующим раствором. Даниил Кириллович — организатор борьбы с легочной чумой (дающей стопроцентную смертность), распространившейся во втором Донском округе, где суеверие, некультурность, санитарная безграмотность и полицейский режим способствуют развитию эпидемии. ... Самоотверженность ученого служила примером для врачей и придавала бодрость среднему персоналу, особенно санитарам, от-

давшим в жертву этой эпидемии около двадцати процентов своего состава»⁵⁶.

Но были и такие, как тайный советник Солнцев и статский — Бейс, умудрившиеся прозевать зарождение эпидемии в Донской области. Был и врач Григорьев, который отказался работать с больными чумой — испугался. Большинство врачей резко осудили труса, но нашлись и защитники. Профессор положил конец спорам так ярко характеризующим его суждением: «Есть только две причины, по которым врач может отказаться от борьбы с эпидемиями. Одна — это смерть самого врача, а вторая — тяжкая болезнь, приковавшая его к постели»⁵⁷. Автор этих посмертных воспоминаний пишет, что именно Даниил Кириллович помог вскрыть и предать гласности имена запятнавших себя тяжким преступлением сановных чиновников и труса-врача.

Накануне первой мировой войны (апрель 1914 г.) Заболотный участвует в борьбе со вспышками чумы в Азербайджане — на Апшеронском полуострове, в Баку. Источником инфекции здесь считали тушканчиков, а Заболотный уточнил: краснохвостые пещанки. Так или иначе это было первым случаем регистрации эпизоотии чумы на территории Азербайджана и еще одним доказательством правильности учения Заболотного об источнике чумной инфекции. Сохранились документы, рассказывающие о вкладе Заболотного в ликвидацию серии чумных вспышек и в этом районе русской империи. В списке присутствовавших на заседании Бакинской губернской санитарно-исполнительной комиссии врачей, чиновников высоких рангов, промышленников и землевладельцев первым стоит фамилия профессора. Он четко сформулировал свои многократно выверенные на практике рекомендации.

Несколько позже, на заседании санитарно-исполнительной комиссии Бакинского градоначальства с участием около пятидесяти военных, промышленников, духовенства и врачей, Заболотный опротестовал проект обязательного постановления. Обращает на себя внимание рекомендация заменить второстепенные, с его точки зрения, меры другими, более важными.

---

⁵⁶ Некролог без подписи // Сиб. клин.-профилактик. журн. 1930. № 2. С. 87.

⁵⁷ Харьк. мед. журн. 1914. № 41. С. 119. Случай доложен в Харьк. мед. о-ве 28 февр. 1914 г.

Все предложения профессора были одобрены вплоть до создания лаборатории для исследования материалов, подозрительных по чуме⁵⁸. Такие энергичные действия ученого помогли погасить и эту чумную вспышку.

Спасая русских солдат

Война разрушает культурное продвижение и отбрасывает мир далеко назад.

Д. Заболотный

Империалистическая война ворвалась в напряженную, но мирную жизнь ученого ураганом — смяла планы, растоптала надежды. Врач, он сразу же за речами тыловых «патриотов» расслышал стоны раненых, увидел миллионы солдатских трупов. Бойня ради безудержной наживы (хищных) торговцев оружием — он это твердо знал! — обязательно разожжет пожары новых эпидемий. Не подозревал только одного — разразившаяся мировая катастрофа, ввергнувшая Россию в пучину новых неслыханных страданий и горя, для царизма закончится крахом.

Пока же действительность диктовала эпидемиологу Заболотному сделать все возможное для спасения тех, кого можно спасти в условиях ужасного кровопролития и дикого разгула инфекций.

Вначале он действовал как консультант-эпидемиолог «Союза городов»¹ на одном только галицийском направлении фронта. В его распоряжении был большой отряд врачей, среднего медицинского персонала, санитаров и дезинфекторов. Принявшись за дело организации противоэпидемической службы, профессор со своей энергией добивается создания специальных госпиталей для холерных больных, дезинфекционных пунктов, полевых бань. Ведь с начала военных действий наряду с издавна существовавшими очагами

---

⁵⁸ *Джавадов Р. Б.* Д. К. Заболотный в Азербайджане. Тр. АзНИИ. Баку, 1967. С. 11—18.

¹ Всероссийская организация русской буржуазии, созданная по инициативе кадетской партии на съезде городских голов в 1914 г. в помощь царскому правительству. На первых порах в ее рамках действовал большой отряд профессуры, которую привлекали псевдопатриотические лозунги и программа «Союза».

инфекционных заболеваний появились новые: наступая, русская армия оказалась на вражеской территории, где свирепствовала дизентерия, холера, тифы, и к тому же, по выражению профессора, «принуждена была занимать загаженные окопы, пить воду из зараженных колодцев»².

28—30 декабря 1914 г. в Москве Пироговское общество созвало совещание бактериологов и представителей врачебно-санитарных организаций, в котором приняли участие более 200 врачей. Участникам его предстояло обсудить вопрос о борьбе с заразными болезнями в связи с военным временем. Председателем совещания был избран Д. К. Заболотный. Он же вместе с В. М. Богудким и Л. А. Тарасевичем сделал доклад о борьбе с заразными болезнями на местах, пострадавших от военных действий.

Профессор С. Щастный восстановил некоторые детали последующих событий. Он писал, что Заболотный со своим вагоном-лабораторией появлялся там, где нужна была срочная помощь, авторитетное слово и дело. Зимой 1915 г. приехал он и в Карпаты, где, несмотря на зимнюю стужу, в окопах, на передовых позициях русской армии, вспыхнула холера. В качестве бактериолога и санитарного врача корпуса и С. Щастный поставил бактериологический диагноз холеры и забил тревогу. Заболотный немедленно прибыл на маленькую железнодорожную станцию и добился принятия решительных мер — его генеральская форма и популярное имя сделали свое дело.

В середине 1915 г. профессор Заболотный назначается главным эпидемиологом Военно-санитарного управления всей действующей армии.

Приблизительно в эту пору он с возмущением писал своему другу профессору В. Л. Омелянскому в Петербург: «Бедная Россия, кто только не командовал ее народом! Я сам видел наших солдат, погибших по вине бездарного главнокомандующего. А каково горе вдов и осиротевших детей, потерявших своих кормильцев! Я это знаю по Чеботарке... Всюду угрюмые отметины противостояния — пожарища, пустые дома, а на дорогах и вокзалах — масса беженцев... Мои неудобства, мытарства, усталость, оторванность от всего

---

² Арх. К. М. Гродского.

привычного меркнут перед народными страданиями... Но не то еще будет...»³

Предугадывать еще худшее профессор мог на основании скудных из-за засекреченности сведений зарубежной статистики: в австрийской армии свирепствует холера, во французской — брюшной тиф, в Германии среди военнопленных хозяйничает сыпной, а в Греции даже чума появилась. А это все болезни, не признающие ни границ, ни линий фронтов. И хотя эпидемиология и продвинулась далеко вперед в своих возможностях борьбы с инфекциями, тем не менее и русская армия могла ждать новых напастей и во фронтовой зоне, и в прифронтовой полосе.

Так и произошло. Первой право «гражданства» в русских войсках получила эпидемия тифов, при этом она поразила в несколько раз больше офицеров, чем солдат, и только потому, что в отношении командного состава не был применен рекомендованный ученым принцип принудительных прививок. В войсках четвертой и шестой армий, стоявших в сырых, болотистых местах, к тому же разгулялась еще и жестокая малярия, обессиливавшая армию больше, чем все тифы, вместе взятые. Угрожающими были и цифры заболевших сифилисом.

Обстановка нуждалась в действиях — немедленных, четких, решительных. И никто, кроме Заболотного, этого сделать не мог. И он не знал усталости — был в непрерывных инспекционных поездках. Его вагон-лабораторию видели на всех фронтах, при этом встречали с большим радушием — многим был симпатичен этот большой ученый с репутацией человека исключительной скромности, доброты, простоты, приветливости, но и одновременно твердый в стремлении облегчить участь фронтовиков.

От подчиненных ему врачей, фельдшеров он добивался строгого контроля за водоснабжением личного состава воинских частей, четкой работы прачечных, бань, дезкамер. С его новым назначением связано открытие на базе запасных и передвижных специализированных госпиталей заразных и венерических, отказ от шаблона в лечебной практике, введение новых, более эффективных методов лечения, появление эпид- и дезотрядов и более трех десятков бактериологических

³ Арх. АН СССР. ЛО. Ф. 302. Оп. 4. Д. 11. Л. 22 об.

лабораторий. По его настоянию организуется специализированная лабораторная комиссия, на которую возлагается внедрение в практику единообразия подготовки кадров для лабораторий, снабжение их питательными средствами, красками, посудой. Кроме лабораторий, при Санитарном управлении румынского фронта по предложению Заболотного действовали гидротехническая, прививочная, противочумная, венерическая — всего девять специализированных комиссий.

Первое время, как писал доктор В. И. Сухарев в своей работе «Краткий санитарный очерк по румынскому фронту за минувшую кампанию»⁴, «вакцинация имела слабый успех у солдат». Их никакими средствами нельзя было убедить вакцинироваться. Тут власть употребить бы, а командование вместо решительных мер издавало одни правоучительные приказы. Понадобились исключительная настойчивость ученого, его неотразимая аргументация, чтобы убедить ставку сделать вакцинацию против тифа и холеры обязательным делом для всего личного состава армии: Военно-санитарный ученый совет боялся, что прививки могут вывести из строя на какое-то время большое число «штыков», и вместо поголовной вакцинации предлагал... «строго придерживаться санитарно-гигиенических требований».

Ученый такое решение счел издевкой не только над наукой, но и над людьми, о которых совету положено было печься, и настоял на своем — в августе 1915 г. ставка разрешила прививки, но только против тифа. В Мемориальном музее в селе Заболотном хранится оригинал собственноручно им написанного вскоре после этого «Наставления по производству прививок против холеры на Северном фронте». Со свойственной автору четкостью в нем сказано, что представляет из себя вакцина, сколькими впрыскиваниями ее достигается невосприимчивость к заболеванию и даже какая пометка должна при этом ставиться на призывном листке или в санитарных билетах. Значит, ученый надеялся на победу и в борьбе за прививки против холеры.

Одновременно Заболотный развивает активную деятельность, направленную на изготовление ассоциированных вакцин и повышение их иммуногенности, с этой целью добывается создания специализированной

---

⁴ Одесса, 1920. С. 17.

лаборатории при ЖМИ, которой присваивается имя И. И. Мечникова. Хотя лаборатория и называлась производственной, Заболотный на ее базе продолжил изучение капельной инфекции в эпидемиологии холеры и сыпного тифа. Параллельно такого же характера изыскания он вел и в лабораториях на станции Жмеринка, позже — во Львове и, наконец, в Старой Руссе.

Когда обстоятельства потребовали, этот до предела занятый человек продолжил еще и углубленную разработку ряда вопросов, относящихся к этиологии газовой гангрены и шумящего карбункула — проблемы, которой начал заниматься еще 20 лет назад, будучи полковым лекарем. Теперь в основном свое внимание он сосредоточил на выявлении особенностей возбудителя анаэробных инфекций.

Несмотря на сложность фронтовой обстановки, главный эпидемиолог армии ввел в практику периодические совещания военных врачей фронтов. Они расширяли их кругозор, помогали избегать многих опасных ошибок в борьбе с эпидемиями. Первое совещание было созвано уже в декабре 1914 г. в Москве. На нем ученый изложил схему мероприятий по борьбе с различными болезнями в Галиции, в первую очередь против холеры. Она включала обсервацию переболевших в специальных пунктах, «фильтры» по пути эвакуации для задержки бациллоносителей, оборудование дезинфекционных поездов с баклабораториями и создание гигиенических отрядов в армиях во главе со специалистами бактериологами и эпидемиологами.

Внимание участников второго и третьего совещаний (в августе и октябре 1915 г.) Заболотный акцентировал на технике и недостатках в организации предохранительной вакцинации против брюшного тифа, вызываю-

Профессор Д. К. Заболотный
в 1916 г.

пих недоверие к ней. Что касается внеочередного Пироговского съезда врачей в 1916 г., то ученый на нем усиленно рекомендовал тетравакцины (против тифа, паратифов и холеры).

Участники этих врачебных форумов, в будущем профессора, — Б. Клейн, М. Соловьев, В. Космодамианский говорили о них как об отличной школе — теоретической и практической — для молодых врачей. «В 1914 году, — писал профессор Б. И. Клейн, — я был в Смоленске, на совещании, собравшем выдающихся русских микробиологов, слушал их речи. Ожидали Д. К. Заболотного. Прибыл он прямо с фронта. В простых сапогах, в подпоясанной солдатской куртке, с фляжкой на боку. Он быстро прошел на сцену и начал свой доклад. Собравшиеся сразу почувствовали в ораторе и эрудицию, и знание положения дел в армии, реальных условий борьбы с эпидемиями в военной обстановке»⁵.

«Я работал в Двинском районе, когда туда в 1915 году прибыл профессор Заболотный, — вспоминал М. Н. Соловьев. — Начальник санчасти собрал совещание врачей всей армии, и уважаемый всеми ученый прочитал для нас лекцию о холере... Помню и такую деталь: лекция была вечером, а утром в дом, где мы заседали, попал артиллерийский снаряд. Значит, Заболотный не боялся близости фронта»⁶.

Воспоминания В. Н. Космодамианского относятся уже к концу 1916 г., когда Заболотный приезжал в Старую Русу для инспектирования санитарных отрядов, эвакуированных из Риги вместе с баклабораторией. Закончив деловую часть разговора, профессор перевел его на частные вопросы противочумных экспедиций, полную опасностей работу русских врачей в самом чумном пекле — в Маньчжурии. «Все слушатели, — вспоминал Космодамианский, — были очарованы рассказчиком, а на меня он произвел столь неизгладимое впечатление, что выбор специальности для меня был решен: стану микробиологом!»⁷

Нельзя обойти молчанием и историю в местечке Любель-Вельский, где Д. К. Заболотный устроил... елку для детей беженцев. «Это была необыкновенная

⁵ Клейн Б. И. Воспоминания о Д. К. Заболотном // Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 14.

⁶ Укр. мед. арх. 1930. № 3. С. 154.

⁷ Арх. К. М. Гродского.

елка, — вспоминал один из сотрудников ученого. — Вблизи фронта, под грохот орудий, он сам зажег на ней свечи. И не легко было решить, в чьих глазах ярче отражались елочные огоньки — в глазах бедной детворы, войной лишенной родного угла, а то и родителей, или в полных доброты голубых глазах ученого»⁸.

Много хлопот доставляло ему и эпидемическое неблагополучие в тылу. Уже 29 июля 1914 г. профессор выехал из Винницы в Жмеринку для оборудования баклаборатории в домике железнодорожной дезкамеры. Все нужное для нее он сам доставил из Одессы, а сыворотки по его указанию шли сюда из «Чумного форта». Рассказывая об этом в отчете о деятельности во время эпидемии холеры в Подольской губернии, врач Х. Архипианц выразил на страницах журнала «Врачебно-санитарная хроника Подольской губернии» за 1915 г. публичную благодарность Д. К. Заболотному «за всегдашнюю готовность прийти на помощь как словом, так и делом».

Протокол совещания при архангельском губернаторе от 23 декабря 1916 г. говорит о том, что по сигналу о подозрительных на чуму заболеваниях среди присланных в город для строительных работ бурят сюда прибыл Д. К. Заболотный. Сделав шесть вскрытий умерших, он установил, что чумных среди них нет. Причиной же многочисленных смертей оказалось воспаление легких на фоне туберкулеза. На совещании профессор с возмущением говорил о том, что мобилизовали людей по месту их жительства без медицинского осмотра, живут они в совершенно нетерпимых условиях скученности, антисанитарии, лишены врачебной помощи — на 15 тысяч рабочих один врач! И опять требования: оборудовать сортировочный пропускник, дезкамеры, открыть лаборатории, обеспечить рабочих теплой одеждой, укомплектовать штат врачей. «Иначе, — заключил он, — инородцы будут обречены на вымирание и оправдания этому не найти»⁹.

О том, что империалистическая война оставила в душе великого гуманиста неизгладимый след и неугасимую ненависть, говорят две его записи в днев-

⁸ *Либерман-Стадниченко Л. А.* Д. К. Заболотный та його життя // Вісник АН УРСР. 1950. № 10. С. 70.

⁹ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 167.

нике. Первая — от 11 августа 1916 г. — гласит: «Сколько мучений, бессмысленных и ненужных, вынесли русские люди! Будут ли наказаны виновники этих страданий, какие происходят сейчас?..»

А через 12 лет, 5 октября 1928 г., очевидно встревоженный событиями на Восточно-Китайской железной дороге, задумался над вопросом: «...будет ли возможность мирного труда, или снова начнется человеческая бойня, потечет людская кровь и человечество снова будет отброшено далеко назад?»¹⁰ С какой силой эти строки большого ученого, смыслом жизни которого было одно — спасение человечества от преждевременных смертей, вызывают к людям: навсегда прекратите кошмар братоубийства!

За все это его знали и любили. Только высшее командование царской армии встречало внутренне штатского, но беспокойного генерала Заболотного с явным холодком — он не боялся публично обнажать жуткие факты их безразличия к русскому солдату, изъеденному впамя, погибавшему в окопах и болотах, сходявшему с ума. Профессору козыряли, говорили комплименты, но он всегда чувствовал себя в царской ставке персоной нон грата.

Царские власти умели превращать честных людей в своих воинствующих врагов. Что касается Заболотного, то с этим они успешно справились: ко времени Февральской революции действительность русской жизни привела его к заключению о неспособности царской администрации дальше править страной. Все увиденное на фронте убедило этого мудрого человека в том, что величайшие государственные потрясения в России неизбежны.

И они действительно произошли.

Великий энтузиаст

Нарождается новое, будет ясное утро.

Д. К. Заболотный

Февральская революция застала профессора в Харькове, по пути из Кисловодска в Петербург. В дневнике его есть единственная, относящаяся к тем дням лако-

¹⁰ Дневник Д. К. Заболотного.

ничная запись: «Девять лет назад, возвращаясь с Кавказа, в этот самый день я был в Харькове и мы с Милочкой (женой. — Н. П.) через открытое окно видели первые проявления революции: студенты шли рядами возле рабочих с песнями». В ЖМИ он уже не застал барских дочек и педелей (нем. Pedell; в Западной Европе в средние века — служитель при суде. В начале XX в. в России так презрительно именовались «наставники» в высших учебных заведениях, выполнявшие обязанности полицейских надзирателей, шпионов, соглядатаев, осведомителей. — Н. П.).

На питерских улицах больше не маячили городовые, околоточные и приставы, из витрин исчезли портреты царя.

Революция для Заболотного, выходца из самых низов, была огромным потрясением, но потрясением желанным — она свалила царский трон, унесла в небытие многое из того ненавистного, что «произрастало» под его сенью. Всю жизнь близко соприкасавшийся с народом, ученый воочию видел и ненавидел непримиримо алчное самодержавие и ужасающую эксплуатацию трудящихся масс, нечеловеческое угнетение малых народов, продажность и разложение государственного аппарата, поэтому проявил открытую заинтересованность в революционных событиях, готовность служить обновленной России.

Правда, некоторое время после февральских событий он был далек от понимания того, что замена монархической власти на буржуазное Временное правительство только полумера на пути к подлинному раскрепощению России. Об этом говорит его письмо, в то время адресованное Керенскому. Полный розовых надежд на новое — внимательное отношение Временного правительства к нуждам науки, ученый, не скупясь на аргументы, призывал министра-председателя наконец продемонстрировать заботу о гонимых в царской России науке и ученых. Для начала — содействовать созданию в Петрограде экспериментального института микробиологии. В нем он мечтал реализовать свою новую идею о создании противочумного препарата из грибковой плесени. Но прислужнику империалистической буржуазии было не до науки — письмо профессора так и осталось без ответа.

В Петрограде бушевали страсти. Обретшие свободу питерцы с утра до ночи митинговали, а профессура

в массе своей отталчивалась — присматривалась к нововведениям, выжидала. Заболотный же, считая, что пришла пора действовать, сначала весь ушел в хлопоты по созданию Свободной ассоциации по распространению положительных знаний. Она просуществует около четырех лет. В представлении организаторов Ассоциации мыслилась как русский центр научно-исследовательской работы и широкой популяризации знаний в народе. То и другое было давней мечтой ученого. Сам он замыслы учредителей Ассоциации сформулировал как: углубление положительного знания путем объединения научных сил, устройства исследовательских институтов и продвижения знания в народные массы.

К этим же месяцам относится сближение Д. К. Заболотного с А. М. Горьким. Судя по нескольким документам, Даниил Кириллович — человек энергичный, деятельный, хорошо знавший «разношерстность» настроений русских ученых, — был отличным помощником писателю по Ассоциации. Обращает на себя внимание письмо А. М. Горького к К. А. Тимирязеву от 24 марта 1917 г. по поводу организационных принципов построения Ассоциации¹. В числе пяти перечисленных в нем фамилий ученых первой названа фамилия Д. К. Заболотного. Многозначителен и тот факт, что первое общее собрание Ассоциации состоялось не где-нибудь, а в актовом зале ЖМИ, где преподавал профессор. По словам писателя, в руководящий состав Ассоциации входили «самые заслуженные и талантливейшие представители русской науки». Как же высоко ценил великий Горький талант и заслуги Заболотного, если дал согласие наравне с профессором стать вице-председателем Совета Ассоциации! Не значит ли все это, что ученый играл в ней, как и Горький, ведущую роль?

Деятельность Ассоциации началась с устройства публичных собраний: на первом же — 9 апреля 1917 г. в Петрограде, в переполненном зале Михайловского театра, после профессора-шлессельбуржца Н. А. Морозова выступил Д. К. Заболотный. 11 мая 1917 г. в Москве, в зале Большого театра, состоялось выездное заседание Ассоциации, собравшее весь цвет передовой русской интеллигенции, студентов и рабочих столицы.

¹ Арх. АН СССР. Ф. 518. Оп. 4. Д. 71. Л. 19.

После выступления Горького пламенную речь о единстве науки и строительства жизни произнес Д. К. Заболотный².

Октябрь с его первыми декретами о мире и земле профессор приветствовал всем сердцем сына самых обездоленных в России людей. Они реализовали классовую мечту человека, еще в юношеских стихах прочившего: «Нет, не останутся люди рабами!..»

Революционные события резко разделили русскую интеллигенцию на две неравные части, каждая из которых представляла поднявшиеся для решительной схватки два противостоящих класса. Значительная часть ее, не поняв величия свершившегося, была покирована революционным радикализмом народа, бежала за рубеж. Часть же, недавно твердившая о своем «народолюбии», оказалась среди врагов восставшего народа.

Среди наиболее антисоветски настроенных были выходцы из мелкобуржуазной среды — врачи, фельдшеры, фармацевты, сестры милосердия. Лицемерно обвиняя большевиков в разрушении врачебно-санитарной службы и возражая против превращения ее в государственное дело, они использовали против победившего пролетариата и то, что в медицинском мире считалось недопустимым в борьбе с царизмом, — по команде консервативного руководства Пироговского общества врачей начался саботаж всех мероприятий Советской власти в области здравоохранения. Так называемые «народолюбцы» покинули больницы и больных.

В глазах Д. К. Заболотного — подлинного интеллигента по духу, а по убеждениям прогрессивного ученого, — это выглядело кощунством, и на вопрос, поставленный историей, «кто с кем?» Заболотный без колебаний ответил: «Я — с большевиками!» Тщетно враги предавали его анафеме, травили, бойкотировали, забрасывали угрожающими анонимками³ — Д. К. За-

² Природа. 1917. № 5/6. С. 85.

³ Одно из анонимных писем было датировало 21 августом 1918 г. «Милостивый государь Даниил Кириллович! — говорилось в нем. — Под впечатлением Вашего выступления в Совдепе я послал в редакцию газеты „Наш век“ письмо. К сожалению, редакция не решилась, по-видимому, его напечатать, а затем все буржуазные газеты были закрыты. Ввиду этого позволю себе лично обратиться к Вам с просьбой: не признаете ли Вы возможным дать необходимые

болотный был непоколебим. Известный историк советского здравоохранения В. М. Барсуков назвал его в числе первых из выдающихся русских ученых, которые «стали помогать Советской власти в строительстве советского здравоохранения и организации советской медицинской науки»⁴. Первый нарком здравоохранения Н. А. Семашко уже после смерти Д. К. Заболотного вспоминал, как в Наркомздрав явился сторбленный бывший генерал, ученый «в чинах и орденах». Это, по его словам, было «не мимолетное посещение для того, чтобы представиться новой власти, а серьезный, обдуманый поступок»⁵ — он предложил народу свои знания и опыт для борьбы с надвигавшейся на молодую Советскую страну новой бедой — эпидемиями.

Передвижение неисчислимых масс военнопленных, демобилизованных и беженцев было каналом, по которому с угрожающей быстротой растекались по стране инфекции — сыпной и возвратный тифы, дизентерия, венерические заболевания, чахотка, тяжелая форма малярии и даже чума с черной оспой, т. е., по выражению самого Заболотного, «вступал в свои права слепой, жестокий эпидемический фактор, уносящий без разбору массу ценных жертв»⁶. А ученый, как никто другой, знает, что «в мирное время легче вести планомерную, выработанную наукой и практикой борьбу с эпидемиями, и то не всегда удается остановить их ход»⁷, а тут в союзе с эпидемиями единым фронтом выступают еще и блокада страны с разрухой, голод с холодом, врачебный бойкот и почти полное отсутствие медикаментов. . .

Оставаться бездейственным в таких условиях в предствлении профессора было преступлением, и в ответ

разъяснения не только мне лично, но и другим уважающим Вас лицам через посредство того или другого общественного собрания, перед которым Вы могли бы объяснить свое неожиданное выступление в Совдепе? Полагаю, что это необходимо в интересах поддержания авторитета той, действительно настоящей пауки, одним из известных представителей которой Вы всегда были. С почтением адъюнкт-профессор, инженер. . .» (подпись неразборчива. — *Н. П.*). — Из кн.: Г. К. Васильев. Д. К. Заболотный. М., 1987. С. 60—61.

⁴ Барсуков М. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения. М., 1951. С. 188.

⁵ Вісті. 1929. 18 дек.

⁶ Перед грядущей эпидемией. Рукопись незаконченной статьи // Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 170.

⁷ Там же.

на упреки злобствующих антисоветчиков за «союз с Совдепом» Заболотный со свойственным ему остроумием отпарировал: «А вы чего хотите — чтобы я, русский ученый, вошел в союз с тифами и холерой? Нет уж — предоставляю такую честь вам!» Это было сказано в частной переписке, а вот как сформулировал он свою позицию в публичном выступлении в Большом театре в Москве в мае 1917 г., когда почти дословно повторил горьковские слова: «В эти дни, когда над нашей страной зажглась заря повой жизни, ученые не должны стоять в стороне от великих событий... Наше место — в рядах создателей ее...»⁸ В дневнике же в ту пору появляется запись: «Кое-кто из знакомых спрашивает меня, почему я, известный ученый, не еду за границу, как это сделали другие. Нет, это не мой путь. Лучше есть одну картошку, но быть со своим народом в такой тяжкий для него час».

Открытое осуждение Д. К. Заболотным, ученым уже с мировым именем, врачебной корпорации за саботаж мероприятий Советской власти в деле охраны здоровья восставшего народа приобрело окраску крупного политического акта в пользу нового строя и стало поворотным моментом в поведении большей части вчерашних саботажников. Для самого же Заболотного это начало нового этапа в его жизни и научной деятельности. Большую часть 1918 г. — по октябрь — он всецело отдает борьбе с эпидемиями, в первую очередь в революционном Петрограде. Трудно назвать какое-то санитарно-эпидемиологическое мероприятие в первый год после Октября, к которому Заболотный не имел бы отношения. Работа петроградских противоэпидемических учреждений — комиссий, комитетов, советов, лабораторий, кафедр микробиологии — так или иначе направлялась и координировалась профессором.

В Первом Ленинградском медицинском институте хранится блок телеграмм, отосланных Д. К. Заболотным в марте, апреле и мае 1918 г. в разные концы страны — Царицын и Тамбов, Бологое и Рыбинск, Москву и Самару. В них распоряжения возобновить исследования чумы, усилить бактериологическое обследование подозрительных на чуму и холеру случаев

---

⁸ Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся 9 и 16 апр. в Петрограде и 11 мая 1917 г. в Москве. Пг., 1918. С. 193.

заболеваний, особенно в Астрахани, в Саратове, Царицыне, начать прививочную кампанию. Ученый хлопочет о переводе кронштадтской противочумной лаборатории в Тамбов, о формировании противотифозных отрядов для Бологого, об изготовлении противохолерной вакцины и т. д. Он разыскивает себе в помощники специалистов, заботится об их бытовом устройстве, ставит перед А. В. Луначарским, в то время председателем Комитета просвещения, вопрос об устройстве в научных центрах страны институтов эпидемиологии для подготовки и научного совершенствования эпидемиологов. Все это преисполнено чувством гражданской ответственности, энтузиазма, вдохновения.

Наравне с большевиками-ленинцами Н. А. Семашко, З. П. Соловьевым, Е. П. Первухиным, М. И. Барсуковым, беспартийным врачом А. Н. Сысиным он не знает покоя, пока пылает невиданный пожар эпидемий.

Особый размах принимает научно-практическая деятельность ученого, когда с весенним потеплением 1918 г. над красным Питером нависает тень новой холерной эпидемии — кривая заболеваемости холерой в городе постепенно поднимается до невиданного уровня: в отдельные дни составляет шестьсот и более случаев! Личным примером профессор показывает, что во время массовых инфекционных заболеваний населения врач то же, что и солдат на войне: он в самой гуще борьбы за пресечение смертельной опасности, грозящей новой России. 9 июня 1918 г. на заседании коллегии медсанотдела Петросовета он докладывает о неотложных противохолерных мерах. Коллегия безоговорочно принимает предложенный план действия и наделяет ученого почти диктаторскими полномочиями.

По его схеме и под его руководством разворачивается противохолерная прививочная кампания: в городе открывается 14 противохолерных прививочных пунктов, а в Северной губернии действуют еще и 24 прививочных отряда во главе с бюро, руководимым Заболотным. Вакцину изготавливают возглавляемые Заболотным же лаборатории эпидотдела ИЭМ и кафедры микробиологии ЖМИ. Вряд ли нужно перечислять, сколько сил, времени, какой самоотдачи потребовала от «холерного диктатора» только одна основательная очистка домов, каналов, дворов от мусора и грязи.

В Мемориальном музее Д. К. Заболотного хранится крохотная записка жильцов дома № 136 по Невскому

XIX
Адресату, Д. К.
Заболотному.
У нас в доме был холерный
случай, санитарные условия
двора ужасные, Адресату
~~Ка~~ никаких мер не предпринимали —
света.
Просим обратить внимание на
дело, прошу
Уважаемый доктор
Невский пр. № 136

Обращение питерцев к Заболотному в тревожные дни
страны Советов во время эпидемии холеры

проспекту, адресованная «холерному доктору» Д. К. Заболотному: «У нас в доме был холерный случай. Санитарные условия двора ужасные... Никакие меры не принимаются. Просим обратить внимание на нашу просьбу». И он принимает меры.

Предметом особой заботы Заболотного становится очистка невской воды — в ней обнаружены холерные вибрионы⁹, а технология очистки между тем нарушена из-за недостатка дезсредств. По его совету в качестве полумеры на главной водопроводной станции прибегли к регулярным исследованиям проб питьевой воды¹⁰.

⁹ Сев. коммуна. 1918. 2 авг. Прилож. № 69.

¹⁰ ЦГА ОРСС ЛО. Ф. 2845. Оп. 1. Ед. хр. 330.

В поисках холерного вибриона Заболотный сам произвел около пятидесяти таких исследований. Очищается от затопленных барж и сплавного леса и русло Невы¹¹. Берутся на учет все бапы и даже частные вапны. Ужесточается и санитарный контроль за торговлей пищевыми продуктами.

Ученый координирует и направляет на борьбу с эпидемиями все питерские специализированные учреждения, их девять: эпидотдел и курсы эпидемиологов при ИЭМ, кафедра бактериологии ЖМИ и созданная при ней лаборатория имени И. И. Мечникова, «Чумной форт», две частные и военно-окружная лаборатории и, наконец, Оспопрививальный институт. Почти всеми ими профессор заведует или консультирует их. Это позволяет ему всю противоэпидемическую работу осуществлять не только энергично, но и на высоком научном уровне с учетом прогнозов специалистов разных направлений.

Приняв на свои плечи тяжелейшую ношу сложной миссии организатора борьбы с холерой, Д. К. Заболотный обращается за помощью к питерцам — в течение июня—июля он прочитал 36 публичных лекций об инфекционных заболеваниях для врачей, студентов, рабочих, краснофлотцев, а в зале театра «Аквариум» — целый цикл из шести лекций.

И в этот раз вокруг себя ученый сумел сгруппировать и увлечь почетным, но и опасным делом большую группу в основном молодых врачей и студентов, которым, по его выражению, «политические предрасудки не мешали бороться с народным несчастьем». «А мы все, — вспоминал один из них, — зараженные энтузиазмом руководителя, работали не покладая рук. Как на фронте». Воспитанница ЖМИ О. М. Боголюбова вспоминала, как шла эта «вербовка»: «В Петроград я приехала после двух лет жизни на Кавказе и совсем слабо еще ориентировалась в изменениях, происшедших в общественной жизни России. Первым знакомым, кого я увидела в день приезда, был профессор Заболотный. Поздоровался он со мной так, будто мы только вчера виделись, и сразу — к делу:

- Вот кого мне необходимо, это вас!
- А что за дело?
- Едем в Петросовет — там узнаете!

---

¹¹ Там же. Ф. 2815. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 16.

И уже на следующий день я писала листовки и статьи о борьбе с холерой, бегала в редакции газет и журналов — в общем, закрутилась в той огромнейшей работе, которую развернул Д. К. Заболотный»¹².

«Поразительна, просто неисчерпаема энергия этого человека, — вспоминал профессор В. Космодамианский. — Наш учитель появлялся и решительно действовал всюду, где нужна была его компетентность. Благодаря самоотверженности только его одного мы, его помощники, успевали сделать для благополучия северной столицы столько, что порой сами не верили»¹³.

Заболотный же сумел стать душой созданного весной 1918 г. Противоэпидемического центра (позже отдела) при ИЭМ, в обязанности которого входили эпидемиологические наблюдения, организация противоэпидемической работы и подготовка эпидемиологов. Он руководил исследованиями по эпидемиологии гриппа и серодиагностике сыпного тифа. При отделе им же была создана вакцино-сывороточная комиссия, предназначенная для координирования всей работы по производству и контролю качества вакцин и сывороток. Комиссия поддерживала постоянную связь с Московской сывороточно-вакцинной комиссией, возглавляемой Л. А. Тарасевичем.

Из воспоминаний Д. К. Заболотного мы теперь знаем, в каких тяжелейших условиях реализовывался план борьбы с холерой. «У нас не хватало белья и одежды (больничных. — *Н. П.*), не было дров для стирки, бань и отопления больниц... на одной койке нередко лежали по два и по три больных, — писал он в одной из своих журнальных статей. — Особенно трудно было с массовыми прививками против холеры. Главной помехой был недостаток лабораторной посуды и питательных сред для приготовления вакцин. Приходилось разыскивать и реквизировать агар в кондитерских, пользоваться одеколонными флаконами, придумывать приспособления для обогрева термостатов, вместо ампул и пробирок применять бутылки, но все-таки готовить необходимое количество вакцин и пускать их в ход»¹⁴.

---

¹² *Базанов В. А.* Заболотный Д. К. в Красном Питере в 1918 г. Неопубл. рукопись // Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 213.

¹³ Там же.

¹⁴ Гигиена и эпидемиология. 1927. № 10. С. 2—3.

Все действия Д. К. Заболотного, выверенные на предыдущих инфекционных пожарах, постоянно и безоговорочно поддерживались партией и правительством. В результате в сравнительно короткий срок — всего в течение трех месяцев — эпидемия холеры была ликвидирована. По выражению врача П. Б. Хавкина, это было своего рода «пробным камнем врачебно-санитарной работы в обстановке обновленного социального строя»¹⁵. Даже английская буржуазная газета «Дейли Ньюс» высоко оценила «целесообразность и успешность» в России всех принятых по рекомендации ученых мер против холеры. По словам корреспондента, «они помогли новому русскому правительству, несмотря на печальное положение с продовольствием, справиться с холерной эпидемией»¹⁶.

В это же время необъятна и организаторская работа профессора. Девятого марта он предлагает Совету врачебных коллегий Советской России создать на базе ИЭМ Ученый медицинский совет. Он был причастен и к выработке структуры этого совета, а со временем стал его членом. На первом же заседании совет по инициативе Д. К. Заболотного обсуждает план издания журналов и книг по медицине, а через два месяца — вопрос о подготовке специалистов-эпидемиологов и поддерживает его же предложение о создании кафедр эпидемиологии при трех медицинских факультетах (Харьковском, Екатеринославском и Одесском) в целях подготовки специалистов, опытных в области социальной гигиены, без которых планомерная и рациональная борьба с инфекциями невозможна.

Время идет, а забот у ученого не убавляется. Наряду с налаживанием производства высокоэффективных сывороток и вакцин он работает над обеспечением прочного санитарного благополучия в новой, Красной Армии¹⁷.

Мировая война и революционные события дезорганизовали противочумную работу в стране, и чумные заболевания множились, расширялась и территория, на которой регистрировались весенние и зимние вспышки чумы. По докладной Д. К. Заболотного Совет врачеб-

---

¹⁵ Васильев К. Г. Д. К. Заболотный. М., 1986. С. 63.

¹⁶ Дейли Ньюс. 1918. 20 авг.

¹⁷ Возглавляет санэпидкомиссию только что созданного Главного военно-санитарного управления РККА.

ных коллегий, несмотря на тяжелые условия гражданской войны и разрухи, выкроил крупную по тому времени сумму на организацию трех лабораторий и содержание нескольких противочумных отрядов для работы в Астраханской, Саратовской и Уральской областях, а в октябре 1918 г. и на создание в Саратове Института микробиологии и эпидемиологии (известного под названием ВНИИ «Микроб») ¹⁸.

Далеко заглядывая вперед, профессор сам стремился и звал своих учеников, коллег и помощников не замечать усталости в работе во имя строительства «если не царства вечной молодости, то страны крепкого здоровья, чистого привольного воздуха, бодрого, жизнерадостного настроения», где не будет ни «измученных страданиями лиц, не слышно душу раздирающих стонов». Он был глубоко убежден, что это «сбыточная», а не фантастическая мечта, но для реализации ее надо «работать и головой и руками и отдать этой мечте свое сердце» ¹⁹.

Только после роспуска прививочных отрядов и закрытия ставших ненужными противохолерных пунктов профессор счел возможным покинуть Петроград, чтобы увезти на родину уже давно тяжело болеющую жену. Перенесенные голод и холод 1918 г. резко ухудшили ее состояние. Позже он поймет — время для ее спасения по его вине было непоправимо упущено... В. И. Билай опубликовала письмо А. А. Бриксмана, главного врача военно-санитарного поезда, которым супруги Заболотные добирались из Петрограда до Киева ²⁰. Более семи недель они были в пути. За это время профессор успел стать любимцем всей команды поезда. Во время многодневной стоянки в Витебске он прочел для местных врачей лекцию об очень распространенной в ту пору «испанке». Из Киева больная тут же была отправлена дальше, а Даниил Кириллович по делам задержался в городе ²¹. Через день, как

---

¹⁸ Ему была передана часть оборудования закрытого в 1917 г. «Чумного форта».

¹⁹ Гигиена и здоровье рабочей семьи. 1924. № 14. С. 11.

²⁰ *Билай В. И.* Данило Кириллович Заболотный. Київ, 1979. С. 17.

²¹ Накануне отъезда из Петрограда в Чеботарку Д. К. Заболотный получил письмо от В. И. Вернадского и Н. П. Василенко, в котором шла речь об их усилиях в связи с созданием Украинской академии наук собрать в Киеве наиболее значительных ученых — выходцев с Украины. Сообщалось

пишет А. А. Брикман, ему сообщили, что Л. В. Радецкая-Заболотная, не доехав до ближайшей к его родной Чеботарке станции Крижополь, скончалась.

Похороны задержались — ждали приезда Даниила Кирилловича, да и местный поп, с которым Людмила Владиславовна давно и непримиримо враждовала, решил свести счеты с мертвой: запретил хоронить ее на сельском кладбище, как «безбожницу». Так на усадьбе Заболотных появилась первая могила. . .

При жизни жены по-крестьянски стеснительный Д. К. Заболотный никогда не говорил о своей всепоглощающей любви к жене, и только после ее потери в дневнике появились признания в том, как тяжело для него одиночество. Чувство верности покойной он пронес незапятнанным через целое десятилетие вдовства и в дневнике все просил у умершей прощения за то, что оставил ее, беспомощную, один на один с болезнью. Ведь сколько за свою жизнь спас людей, а вот самого близкого, самого верного и дорогого человека недоглядел.

Влияние Л. В. Радецкой на мужа оказалось настолько сильным, что и после ее смерти оно не ослабло. Об этом говорят записи в дневнике за 1921, 1922, 1925 гг. о «необходимости собрать силы для продолжения научных изысканий, как того хотела Милочка».

Могила Людмилы Владиславовны в Чеботарке была предметом самой трогательной заботы очень занятого, очень больного и от того рано состарившегося Даниила Кирилловича. Он ездил на родину специально, чтобы собственноручно посеять на могиле любимую покойной травку, сменить отцветшие левкои на чернобрицев, а петунию — на астры, собирал в лесу осенние листья, чтобы украсить надгробие, горевал, когда не мог передать к празднику для могилы букет цветов, а про себя, как заклинание, повторял и повторял слова жены: «Надо жить красиво и правдиво». Памяти своей подруги, «беззаветно работавшей для внедрения науки в жизнь трудящегося народа», он посвятил «Письма к крестьянам».

Такова еще одна страница в жизни нашего крупнейшего ученого. Простая и трогательная, еще раз

что есть предложение избрать Заболотного президентом академии. Не сделать остановки в Киеве при этом он не мог,

подтверждающая, что он, по словам академика Омелянского, «интересы дела и служения ему всегда ставил на первом месте, забывая о себе»²².

Уездный комиссар

Трагические семейные обстоятельства сказались на и без того подорванном длительным полуголодным существованием и напряженной работой в красном Питере здоровье Заболотного — он слег. Между тем это время полно и трагикомическими событиями: то профессора принимают за разыскиваемого ЧК белобандита, тоже Заболотного, и он попадает под арест «до выяснения»; то вдруг в конце января 1919 г. расползается слух о его трагической гибели во время переезда в Чеботарку. Газеты даже успевают напечатать сообщение РОСТА об этом, и здравствующему профессору приходится убеждать опечаленных друзей в том, что «слухи о его смерти преждевременны». Но в журнале «Общественный врач» все-таки появился некролог с исключительно высокой оценкой вклада Заболотного в науку и практическое здравоохранение. О нем говорилось как о «деятельном, энергичном, полном инициативы работнике, неутомимом, опытном проводнике научных идей в практическую сферу борьбы с главным сейчас злом нашей страны — эпидемическими болезнями». Подчеркивалось, что «потеря его особенно тяжела в переживаемое время, когда истощенная и истомленная, страдающая от недостатка продовольствия страна становится ареной всевозможных эпидемий и нуждается в больших, крупных силах»²³.

А в это время «покойный», справившись с приступом отчаянного горя, уже снова действовал — чувство обостренного гражданского долга не позволило ему остаться в стороне от происходящего на юге страны. Вначале он лечил крестьян. В те месяцы он имел право словами Веры Фигнер сказать, что бедный сельский люд стекался к нему «как к чудотворной иконе»: за день принимал по 40, 60 и больше больных!

Как только в Ольгопольском уезде, на территории которого была расположена Чеботарка, устанавливается Советская власть, местные крестьяне избирают

²² Арх. биол. наук. 1930. № 1. С. 6.

²³ Обществ. врач. 1919. № 2022. С. 161.

своего прославленного земляка в уездный Совет. На его документах появляется уникальная подпись: «Комиссар народного здравоохранения и просвещения профессор Заболотный». Наверняка единственный в мире уездный народный комиссар — ученый с мировой известностью! Он занимается сельскими школами и больницами — подбирает помещения, заботится о топливе, книгах, продуктах питания, медикаментах. Тифозный изолятор создает на пожертвования населения, сам продает пальто покойной жены и все вырученные деньги отдает на его нужды. Он же организует сбор и отправку продуктов голодающим детям Петрограда и призывает всеми силами поддержать крестьянско-пролетарское правительство и помочь голодающему красному Петрограду, вынесшему на своих плечах всю тяжесть борьбы за пролетарскую власть.

Несмотря на смутное, тяжелое время, ученый убежден в жизненной силе пробудившегося народа, в том, что на месте истерзанной России поднимется молодая, новая. Но он знает и другое — благополучие, богатство и сама жизнь трудящихся зависят от них самих. «Без образования и здоровья, — утверждал он в одном из своих просветительных писем к крестьянам, — трудящиеся сделают значительно меньше того, чего требует от них теперешний величественный момент»²⁴.

Зная, что подольская деревня, отрезанная от политических и культурных центров фронтами, давно уже живет одними слухами, профессор берет на себя еще и обязанности большевистского агитатора, просветителя. Он выпускает до предела лаконичные листовки с советами, как сельскому жителю уберечься от инфекций, которые в России уносят в два-три раза больше людей, нежели у других народов, а вечерами выступает перед большими крестьянскими аудиториями с живым словом. Речи его злободневны, полны революционного пафоса, правдивы. «Мы переживаем большой исторический перелом, — говорил он рабочим Соколовского сахарного завода. — В прошлом — тяжелая подневольная жизнь, сейчас — трудности нового строительства, зато в будущем — светлая заря справедливости и благоденствия трудящихся. Мы сделали

---

²⁴ Текст повторен в «Письмах к крестьянам» (Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. Приложение. Вып. 20. С. 13).

самое трудное — добыли волю, добыли землю, а просвещение засияет над людьми. Наука обязательно придет на помощь хлеборобу как в труде, так и в охране его жизни. Нас ждет богатое будущее, если мы все дружно, с помощью знаний пойдем навстречу назревшей мечте — научимся сохранять здоровье, беречь свой труд, делать его плодотворным»²⁵.

Об исключительном успехе выступлений профессора-комиссара рассказал в своих воспоминаниях сначала сельский учитель, а позже профессор Львовского сельскохозяйственного института Г. П. Западнюк: «В уездном Совете Заболотный бывал редко. С палочкой в руке он днем обходил сельские школы и больницы, а вечерами на его лекции собирались большие аудитории. Он не сулил своим землякам-подолянам „подарочное“ благополучие, а настоятельно убеждал в необходимости начинать строить его сегодня же, хотя бы с перестройки своего быта»²⁶.

И как же радовался этот человек при первых проблесках перемен к лучшему! Он писал в Москву В. И. Сухареву об изменениях, происходящих на селе: появился спрос на книжки, интерес к знаниям. Революция поставила перед крестьянами такие вопросы, каких никогда не выдвигала старая жизнь. В великих трудностях нарождалось новое. Он верил, что будет «ясное утро».

В последние годы ученый станет пристально следить за жизнью украинского села, болеть его горестями, радоваться победам. Его тревожили модернистские извращения в начале сельского жилищного строительства, все еще низкая урожайность полей, очереди в кооперации. Зато полно радостных подробностей письмо, адресованное А. М. Горькому, черновик которого обнаружен в Виннице. «Деревня не унывает, — говорилось в нем, — стройка идет не хуже, чем в крупных центрах: появились просторные дома с большими окнами, крытые черепицей, реконструируется школа, здание для пожарного обоза, исполкома, чистятся пруды и колодцы». Есть в письме и строки о молодых чеботарцах: «...ребята хорошие. Вчера приехал из Одесской консерватории бас Дорош, по-

---

²⁵ Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1925. № 16. С. 4.

²⁶ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 132.

ступивший туда „от сохи“, благодаря своему голосу, село гордится им и шумно принимает его на концертах»²⁷.

Небезынтересно и отношение ученого к религии и религиозности крестьян. 15 апреля 1922 г. он запишет в дневнике: «Сегодня пасха. В селе, как в старину, звонят в церкви на заутреню. Старые обычаи — детские воспоминания. Теперь не верю в обрядность... От прошлого осталось много темноты, ее надо преодолеть... Вон поповщину, пусть живет весенняя радость и свободный быт, который выходит на чистый воздух и правдивый путь!» В мае 1922 г. с удовлетворением отметит: «... только некоторые святят пасхи, а большинство перестало... Крестьянин начал думать о государственных интересах...»

Снова в Одессе

Это было в конце 1919 г. Французская блокада отрезала от мира город со стороны моря. Не было топлива, хлеба, мяса, не действовали водопровод и канализация, а эпидемии свирепствовали с ужасающей силой. Местные власти и врачи делали даже невозможное для спасения горожан, но западные империалистические правительства оставались глухими к их требованию пропустить в Одесский порт суда с продовольствием, топливом и медикаментами для больниц и детских приютов.

В ту особо жестокую для Одессы пору было решено пригласить в помощь местным врачам многоопытного Д. К. Заболотного. Он все еще болел, но тотчас же откликнулся. Поселился на правах полноправного члена в семье учителя и друга профессора Я. Ю. Бардаха. «Даниил Кириллович, — вспоминал врач Л. О. Севастьянов, — запомнился мне в зимней Одессе 1920 года среди снежных сугробов. Худой, со впалыми щеками, блестящими от голода глазами, Даниил Кириллович был в длинной старой шинели с вытертым воротником и держал туго набитый чем-то портфель. Когда переключивал из руки в руку, в нем что-то позванивало. Оказалось, что это он несет домой для опытов лабораторные стекла»²⁸.

²⁷ Вн. правда. 1978. 17 дек.

²⁸ Арх. К. М. Гродского.

Первой заботой ученого в начале 1920 г. была борьба с сыпным тифом — то было время, когда наше правительство требовало всю решительность, весь опыт гражданской войны обратить на борьбу с эпидемиями. По настоянию профессора Одесский ревком создает Чрезвычайную государственную комиссию по борьбе с сыпняком, и «уже через неделю, — вспоминал профессор С. М. Щастный, — в местном бакинституте кипела работа по изготовлению сыпнотифозной вакцины, действовали прививочные пункты»²⁹. При активном содействии Заболотного в Одесском эвакуопункте Красной Армии в короткий срок создается крупная бактериологическая лаборатория. Руководство ею поручается профессору, и вскоре лаборатория превращается в крупный центр научных исследований по тифам: наряду с текущими диагностическими исследованиями почти для всех лечебных учреждений города Заболотный и его помощники ищут возбудителя сыпного тифа, изучают переносчика этой инфекции, продолжают начатое исследователем еще в начале первой мировой войны изучение этиологии и иммунологии «сыпняка». На основе сыворотки инактивированной крови выздоравливающих ученых пытается создать препарат для лечения сыпнотифозных больных и предупреждения осложнений.

Да разве перечислить все, чем он озабочен в эти тяжелые годы, — заботы буквально захлестывают профессора! Очевидно, тогда же из-под его пера вышло «Обращение в Санитарное бюро в Париже и Международной Комитет Красного Креста», в котором он предупреждал мировую общественность: «Если не будут приняты решительные чрезвычайные меры, эпидемии, впервые проявившиеся в местах переправы военнопленных и распространившиеся на огромной территории Украины, Австро-Венгрии, Польши и Румынии, могут перерасти в пандемию и вырвать из жизни огромное число жертв»³⁰. «В интересах всего человечества и гуманности» он просил о немедленном созыве международной конференции по борьбе с тифами, холерой и чумой для «определения обязательных для всех стран мер, выработанных наукой и практикой». Что касается Советской России в целом, то

²⁹ Там же.

³⁰ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 310.

считал, что помочь ей в практической борьбе с эпидемиями, в первую очередь тифозной, можно присылкой врачебных экспедиций, санитарно-эпидемического оборудования и лекарств³¹.

В исключительно неблагоприятное для издания научных трудов время усилиями опять-таки Заболотного при участии Я. Ю. Бардаха, В. В. Воронина и А. А. Кронтовского выпускаются два сборника работ по сыпному тифу. Это даже за рубежом расценивается как «явление исключительное». К тому же из Одессы он умудряется следить за изысканиями своих петроградских «птенцов» (Глухова, Садова, Соколовой), которые по им же составленной программе изучали эпидемиологические особенности сыпного тифа, «испанки» и ряда других инфекций. Он еще и член Противочумной тройки, организовавшей борьбу против заноса чумы в наши черноморские порты.

Считая, что массовые заболевания нуждаются в противостоянии масс, Д. К. Заболотный в этот период придает исключительное значение санитарной пропаганде. Об этом можно судить по его статье «На санпросветской ниве»³².

Вообще культпросветработой, как сказали бы сейчас, Заболотный занимался с давних студенческих лет — еще студентом Одесского университета в рабочих кружках вместе с начальным политическим знанием тайно преподавал своим совершенно неграмотным слушателям основы биологии и гигиены. Прервала же его почти сорокалетнюю пропагандистскую деятельность только смерть. В Одессе же после сближения с редакцией известного литературного журнала «Русское богатство» он получил первые представления о силе печатного слова. Следующей ступенью совершенствования журналистского мастерства молодого ученого была кратковременная работа (1896—1897 гг.) секретарем журнала «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии». Первой печатной работой, адресованной широкой читательской аудитории, оказалась статья о холерной инфекции для «Сборника общедоступных статей о холере и мерах борьбы с ней»³³ — образец краткости, простоты изло-

³¹ Там же.

³² Шлях до здоров'я. 1928. № 2. 5 янв.

³³ СЦБ., 1907.

жения и убедительности рекомендаций. Впоследствии, находясь в эпицентрах тяжелейших эпидемий, ученый не жалел сил на разъяснительные беседы, подготовку брошюр во имя выработки у масс сознательного отношения к санитарно-гигиеническим мерам борьбы с инфекциями.

Но основная часть популяризаторских свершений профессора относится к послеоктябрьскому периоду, точнее, ко времени, которое следует исчислять начиная с первых месяцев после Февральской революции, с тех дней, когда рождалась Свободная ассоциация положительных наук, ставившая своей первейшей целью широчайшую популяризацию научных и технических знаний в массах. Совершенно дикую злобу у «интеллигентных» антисоветчиков, в ту пору бойкотировавших Советскую власть, вызвал призыв Д. К. Заболотного к русским ученым «отдать свои знания, творческий гений, силы систематическому распространению научных знаний в рабочих и крестьянских группах, как наиболее в этом нуждающихся»³⁴. Но это не поколебало убежденности ученого в том, что тот, кто «искренне любит народ, кто мучительно страдает за него», не может не желать, чтобы «волна знаний докатилась до любого крестьянина и рабочего, чтобы познание тайн природы и строения бесконечно великих и микроскопических миров стало доступно всякой деревне и фабрике»³⁵.

Сам же профессор с воистину неисчерпаемым энтузиазмом, неиссякаемой изобретательностью выискивает возможности говорить с народом о науке, держать ответ перед ним за научные исследования, поднимать людей на строительство новой жизни. Делал он это везде, куда ни забрасывала судьба и обстоятельства гражданской войны, — в Петрограде ли, Одессе или Чеботарке. Делал в устной и печатной формах и характеризовал как «хождение навстречу назревшей мечте вчера еще темных, заброшенных людей о плодотворности своего труда и сохранении здоровья, желанию онаучивать свою жизнь»³⁶.

---

³⁴ Юнович М. М. А. М. Горький — пропагандист науки. М., 1955. С. 16.

³⁵ Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. М.; Пг., 1918. С. 177.

³⁶ Висн. знань. 1924. № 4. С. 15.

В этот период Заболотный сотрудничает во многих массовых и научных изданиях³⁷ в качестве научного соредактора БМЭ, члена ряда редколлегий, автора и рецензента, но особенно активно в московском журнале «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи» — последняя, сорок восьмая статья его была в нем опубликована уже после смерти академика. Большинство этих статей адресовано крестьянам. Отсюда диапазон тем — от личной гигиены до вопросов общей микробиологии, борьбы с эпидемиями в международном масштабе.

Сам выходец из крестьян, ученый страстно хотел, чтобы у наших крестьян все было хорошим — мысли, труд, быт. Путь к этому он видит в «честном труде каждого на благо всего общества, ибо только самим трудящимся под силу создать новую, счастливую жизнь»³⁸.

При чтении журнальных статей Д. К. Заболотного, большинство которых впоследствии было подобрано по темам и переиздано в виде брошюр, бросается скрупулезное знание автором тончайших деталей сельского быта и обстановки в послереволюционном селе, крестьянской психологии. Отсюда и советы, как строить жизнь на новый лад, преодолевать вековую отсталость и забитость.

Восьмого февраля 1926 г. в своем дневнике Заболотный делает запись: «Сдал „Письма к крестьянам“», а через год (28 апреля 1927 г.) добавит: «Написал еще четыре маленьких статьи... От прошлого осталось много темноты. Нам надо ее преодолеть... Пусть живет веселый, радостный и свободный быт, который выходит на чистый, правдивый путь!»

Неспроста все биографы Д. К. Заболотного единодушны во мнении, что он был популяризатором, как говорили в старину, врожденным. Статьи и брошюры его достойны хрестоматийного издания как образец сплава мыслей ученого, редкой простоты и лаконичности языка мастера слова, высочайшего пафоса страстного пропагандиста с уважительным, даже лю-

---

³⁷ «Архив биологических наук», «Микробиологический журнал», «Журнал микробиологии и заразных болезней», «Врачебное дело», «Профилактическая медицина».

³⁸ Вісті до селян про науку й народне здоров'я на Україні. Одеса, 1922. С. 38.

бовным отношением к своим читателям, в его пору темным, невежественным.

Все научно-популярные работы Д. К. Заболотного ярки и вместе с тем четки, точны, обстоятельны, эмоционально заряжены. В них нет ничего лишнего, автор нигде не повторяется. Деловая часть, как правило, начинается с первых же слов и с первых же строк завораживает, вызывая у читателя предощущение праздника познания.

Хотя в каждой статье ученого целые россыпи научных сведений о самых сложных вещах, в них отсутствует сухая научная терминология. Язык Заболотного-популяризатора по-народному сочен и точен. От мастерской словесной инструментовки фразы целые абзацы его текстов так превосходны, как краски на хорошей картине.

Чтобы научно-популярные статьи были более доходчивы, он часто использовал близкий его сердцу юмор. Им, лукавым, но добрым, хотя и с подтекстом, чаще всего приправлял те мысли, которые хотел сделать особенно запоминающимися. Например, сетуя по поводу того, что не во всех сельских семьях пользуются полотенцами, он рассказал быль-небылицу, напоминающую искристый анекдот: «У одного мальчика учитель спросил, как называется тот предмет, которым люди вытираются, умывшись. Мальчик молчал в недоумении. Тогда учитель спросил: „Ну, чем твой отец вытирается?“ Мальчик ответил: „Рукавом“. — „А мать?“ — „Подолом...“ — „А ты чем вытираешься?“ — „Я сам сохну...“»³⁹ И — все, коротко и неотразимо поучительно. Убийственна в описании Заболотного фигура сельской знахарки — шептухи. Зная, что большая часть крестьян еще верит в «заговоры» и «шептания», он беспощадно срывает покрывало таинственности с действий доморощенных «лекарок». И как! «Каждая бабка-шептуха, — пишет академик, — считает себя вправе, чтобы „сняло“, „бабить“, „править“, „подбирать живот“, „тянуть нутро к пупку“».

А что при этом шепчет? Заболотный без обиняков говорит: «Белиберду!» — и цитирует один из «заговоров»: «Лежала собака на дороге, раскинула четыре

---

³⁹ Заболотный Д. К. Дружите с водой // Библиотека журн. «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи». 1925. С. 7.

ноги, пятый — хвост, шестой — голова. Пусть тебе бог помога». Методы лечения знахарки в его изложении выглядят так: «Шепнет, дунет, зевнет, плюнет — вот вам и лечение. А на случай, если шаманство не помогло больному, для обманутых есть поговорка-отговорка: „Час вышел тяжелый, вражье око добру помешало, соседи языками пользу разбили! Езжай домой, и пусть тебе бог помогает“»⁴⁰. Кто, прочитав такую расшифровку шарлатанства, обратится за помощью к знахарке?

В своей популяризаторской деятельности Заболотный не был монотонен. К примеру, взять его статьи, опубликованные в «Вестнике знаний». Адресуя их читателям с определенной подготовкой, он прибегал к другой подаче материала — более строгой, углубленной, но не менее выразительной. С этой точки зрения такие статьи, как «Новое о микробах» (1926), «Научное творчество и научная кооперация», адресованные интеллигенции, по языку и стилю близки к современным научно-популярным статьям. К ним же примыкает и напечатанная уже после смерти академика в газете «Известия» статья «Покоренные микробы»⁴¹.

Особую группу научно-популярных работ ученого составили статьи о крупных отечественных ученых-микробиологах⁴².

Детищем Заболотного был и первый в стране одесский Дом санитарного просвещения, открытый в 1921 г. Это было пионерское дело, и ученый вникал во все детали оборудования помещения, планирования лекций и отбора лекторов. Вот как выглядит эпопея рождения Дома в изложении самого организатора: «...сотрудники работали с окоченевшими руками и падали в обморок от голода. Полуголодный художник нарисовал портрет Пастера, стены мы разрисовали плакатами, лозунгами, украсили размашисто приготовленными таблицами... разобрали сваленную в сарае библиотеку. Таблицы и плакаты написали на шпалерах — то было время, когда в стране не было бумаги»⁴³.

⁴⁰ *Заболотный Д. К.* Не верьте знахарям! // Библиотека журн. «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи». 1925. С. 11.

⁴¹ *Известия.* 1929. 19 дек.

⁴² *Заболотный Д. К.* Избр. тр. Т. 2. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С. 281—304.

⁴³ *Заболотный Д. К.* На саносвітній ниві // Шлях до здоров'я, 1930. № 2. С. 4—5.

БОЛЬШАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АУДИТОРИЯ ОЛЬГЕВСКАЯ. № 4.

Въ Субботу. 20 Марта 1920 года

— **ЛЕКЦІЯ** —

Проф. Д. К. ЗАБОЛОТНАГО

НА ТЕМУ:

СЫПНОЙ ТИФ

Афиша одной из лекций Д. К. Заболотного, сбор за которую был отдан им в пользу студенческой библиотеки

«Было время голода и холода, — вспоминал врач Н. И. Кардасевич. — Зарплаты мы вообще не получали — выдавалась восьмуха хлеба, „персуп“ и „ячкаша“, и то не всегда. Но все мы, зараженные энтузиазмом Даниила Кирилловича, трудились не покладая рук как на фронте борьбы с эпидемиями, так и в области санитарного просвещения. „Потому что, — говаривал Заболотный, — мы бедны были оборудованием, но богаты мечтами, воплощающимися в действительность“.

Брожденный учитель, он терпеливо передавал свой богатый опыт популяризатора молодым врачам. Как-то мне предложили прочитать лекцию о вреде алкоголизма для так называемых „деморализованных“ моряков Одессы. Я очень тщательно готовился к ней... и казалось, что мои слова дошли до сердец и умов людей. Но когда я окончил, несколько моряков подошли ко мне с предложением „выпить с ними за мое здоровье“. Я был горько поражен, а умудренный опытом Даниил Кириллович успокоил меня: „Вы что же хо-

тели одной лекцией покончить с алкоголизмом? Это борьба длительная, на много лет!»⁴⁴

Давней мечтой Заболотного было и создание в селах «хаток (домов. — *Н. П.*) науки». В родной ему Чеботарке такой «оплот науки и здоровья» появился в 1924 г. Врач Е. Яковенко, вспоминая об одной совместной с Заболотным поездке из Киева в Житомир, писал, что профессор в тот раз вез «большое собрание санпросветлитературы, листовок, плакатов и таблиц для „хатки науки“ — наглядной агитации в борьбе за здоровье сельских жителей он придавал серьезное значение»⁴⁵.

Все это, сделанное Заболотным только в одной области, дало основание Луначарскому на похоронах Заболотного заявить, что покойный был «не только героем науки, но и народным героем на фронте борьбы трудящихся за овладение культурой»⁴⁶.

При этом не надо забывать, что все делалось им наряду со сложной административно-педагогической работой — уже 18 февраля 1921 г. приказом № 5 по Отделу реформы высшей школы Одесского губпрофобра⁴⁷ профессор назначается первым ректором Одесской медицинской академии⁴⁸, образованной после слияния медицинского факультета университета и женских медицинских курсов. Новый, со слабой подготовкой контингент учащихся, тяжелейшие бытовые условия студенчества, отчаянное положение в клиниках и скрытая оппозиция части преподавателей очень усложняют налаживание учебного процесса.

Как никто другой, Д. К. Заболотный отдаст себе отчет в эпидемической обстановке в стране и с чувством высокой гражданской ответственности снова и снова возвращается к мысли о необходимости научной разработки эпидемиологических проблем и углубленной подготовки будущих врачей по эпидемиологии, а 12 ноября 1921 г. в специальной записке вторично (после Ученого медицинского совета Наркомздрава), теперь перед Ученым советом Одесской медицинской академии, поднимает вопрос об учреждении самостоя-

⁴⁴ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. М., 1958. С. 177.

⁴⁵ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 225.

⁴⁶ Вісті. 1929. 19 дек.

⁴⁷ ООГА. Ф. 1395. Оп. 1. Ед. хр. 11.

⁴⁸ Со временем — медицинского института.

тельной исследовательской кафедры эпидемиологии и микробиологии с секциями: эпидемиологии, общей микробиологии, патогенных микробов, тропических болезней и протозоологии, иммунитета и злокачественных новообразований. Облпрофобр на создание новой кафедры свое согласие дал, несмотря на отчаянное сопротивление гигиенистов и инфекционистов.

Ссылаясь на трудности организации новой, первой в стране такой кафедры, на необходимость создания программы, первого учебного плана и учебника для студентов, Д. К. Заболотный слагает с себя тяготившие его административные обязанности ректора Медицинской академии и теперь читает два курса — эпидемиологию и бактериологию.

Оснащение новой кафедры идет со «скрипом» — помещение для нее выделяется полуразрушенное. Не успел он кое-что раздобыть из инвентаря и посуды, как все было украдено, включая сыворотку и вакцины. Пришлось Заболотному отправляться в Петроград за помощью. Противники, пользуясь отсутствием профессора, добиваются перевода кафедры в еще худшее помещение, в котором, казалось, о серьезных исследованиях и думать нельзя. И все-таки маленький коллектив кафедры, тщательно подобранный ее основателем, доказал свою редкую жизнеспособность — за пять лет выполнил около 40 научных работ о паразитарных тифах, кишечных инфекциях, малярии и др.

Создание в стране самостоятельных кафедр эпидемиологии было научным подвигом Заболотного и его школы, смело порвавших с устаревшими представлениями об эпидемиологии как всего-навсего разделе таких медицинских дисциплин, как гигиена и инфекционные болезни. Рождение новой учебной дисциплины означало и окончательное оформление первой в нашей стране советской эпидемиологической школы. Позже ученик Д. К. Заболотного академик Л. В. Громашевский написал, что затраты на основание новой кафедры были не беспредельными накладными расходами, а вполне рентабельным капиталовложением в дело подготовки врачей, знакомых с современными методами борьбы с заразными заболеваниями.

До возвращения в Петроград профессор Д. К. Заболотный как член комиссии по вопросам медицинского образования при Одесском отделе народного образования, возглавлявшемся будущим дипломатом

академиком В. П. Потёмкиным, успеваает сделать еще взнос и в перестройку методики обучения будущих врачей в связи с переводом медицинских институтов на шестилетний курс, в пересмотр программ переподготовки медицинских кадров в Институтах усовершенствования врачей и обучения в фельдшерских училищах. По словам академика АН УССР Н. Д. Стражеско, ученый и этим делом занимался «весьма горячо и охотно и внес много ценных предложений, базирующихся на личном опыте, во имя избавления старых учебных программ от царившей в них рутины»⁴⁹.

Заглядывая в будущее, он поднимает вопрос и о расширении сети медицинских институтов, так как выпуск четырех существующих в республике — в Одессе, Киеве, Харькове и Екатеринославе — капля в море потребности Украины в хорошо обученных врачебных кадрах. Так рождается предложение Заболотного об открытии еще одного института — в Виннице.

Если общеизвестно, что профессор был инициатором открытия мединститута в Виннице, то мало кто знает его обоснованный проект устройства бактериологического института в Харбине. Наряду с изложением убедительных мотивов нужды в таком учреждении — «необходимости изучения заразных болезней, распространенных на Дальнем Востоке России, при громадности расстояния, отделяющего нашу окраину от научных центров», — автор проекта приложил к нему продуманную структуру учреждения, четко сформулированную программу действий и расчеты возможности приготовления лечебных сывороток и вакцин, создания пастеровской станции и оспенного телятника, а также курсов для подготовки врачей и санитарно-медицинского персонала «со знанием языка коренного населения». До мельчайших деталей продуман и вопрос о клинической базе.

Но запас сил у этого, казалось бы, не знающего усталости человека исчерпывается, и наступает момент, когда тяжело больное сердце и болезнь Бехтерева приковывают его к постели. «То была тяжелая пора, — вспоминал сын профессора Я. Ю. Бардаха — О. Я. Бардах. — Одесситы жили без электричества, керосина, топлива. Вечера тянулись томительно долго, так как

⁴⁹ Знания та праця. 1957. № 12. С. 17.

жизнь на улицах замирала с заходом солнца. Отец и Даниил Кириллович тогда усаживались возле „буржуйки“ и обсуждали свои эпидемические дела, вспоминали университетскую юность, учителей.

Помню, с каким добрым юмором воспринимал Даниил Кириллович мизерную с позиций сегодняшней жизни, а тогда трогательную заботу Одесского совета об ученых — ордера на починку обуви, на дополнительные топливо и электролампочку в доме и т. п.»⁵⁰ А как был он торжествен, когда узнал об избрании его коллективом шестой городской больницы и членами профсоюза медсантруд депутатом Одесского городского совета!⁵¹

Возвращение в Петроград

Д. К. Заболотный в начале 1920 г. работал в исключительно тяжелых условиях — ему самому приходилось добывать животных для опытов и корм для них, не было реактивов, даже стеклянной посуды. «О положении профессора, — вспоминал Садов А. А., — я рассказал Дмитрию Ильичу Ульянову, с которым встретился на съезде врачей-курортологов в Москве. Дмитрий Ильич передал наш разговор В. И. Ленину. Вскоре последовали практические меры — ученому постарались создать условия для плодотворной научной работы»⁵². По вызову из Наркомздрава, когда силы позволили, Д. К. Заболотный выехал в Москву, а потом в Петроград, вернулся на время в Одессу, но в декабре 1922 г. снова был в Петрограде и оттуда телеграфировал, что надолго задерживается здесь в связи с правительственным заданием. Состояние здоровья ученого в тот период, наверное, было в таком распатанном состоянии, что по настоянию наркома здравоохранения Семашко он был помещен в недавно созданный при Наркомздраве подмосковный санаторий. Отдыхавший одновременно с ним профессор С. Б. Дубровинский был буквально очарован простотой, доступностью, добротой, мудрой человечностью ученого. Уже в ту пору спондилез и артроз — болезни, по его

⁵⁰ Комс. плем'я. 1970. 24 янв.

⁵¹ ООГА. Ф. Р—99. Оп. 3. Ед. хр. 506. С. 67.

⁵² Соловйов М. Н. Спогади про Данила Кириловича Заболотного // Укр. мед. архив. 1930. Т. 5. № 3. С. 157.

словам приобретенные в одесской тюрьме и усугубленные в Аравии, где молодому ученому довелось от зноя подолгу прятаться в сырых подвальных помещениях, — серьезно сказывались на его подвижности, но Заболотный был полон задумок, больших планов.

В мае 1923 г. он выезжает в Страсбург и Париж на торжества, посвященные столетию со дня рождения Л. Пастера. По возвращении в Одессу в первых числах сентября начал было чтение лекций (впервые в истории института на украинском языке!), а уже 15 сентября передает свое детище — кафедру эпидемиологии — ассистенту Л. В. Громашевскому. Но и кафедрой бактериологии руководит только до сообщения, что ему поручено основание еще одной — третьей в его педагогической практике — кафедры микробиологии с эпидемиологией и учением о дезинфекции в Военно-медицинской академии.

Петроградские и московские друзья встретили Заболотного с необычайной радостью. С необычайной потому, что незадолго до его приезда распространился слух, что Даниил Кириллович умер. Заболотный оказался в числе тех немногих, кто при жизни имел возможность познакомиться с несколькими некрологами по себе. Первый был подписан наркомом здравоохранения Советской России Н. А. Семашко, с самой высокой оценкой всего сделанного Д. К. Заболотным за годы Советской власти; второй — за подписью самого близкого друга академика В. Л. Омелянского и, наконец, еще один, под которым стояла подпись профессора П. М. Диатроптова. Опубликован он был на первой странице ноябрьского номера журнала «Общественный врач» (1918 г.). В нем говорилось: «Недели две тому назад в Москве было получено частное известие о том, что на Украине убит Даниил Кириллович Заболотный. Затем появилась краткая телеграмма РОСТА об убийстве Заболотного... Этим неопределенным слухам не хотелось верить, была смутная надежда, что мы еще увидим в своей среде всегда бодрого, жизнерадостного товарища. Теперь сомнениям настал конец: по имеющимся сведениям из Петрограда, Д. К. Заболотный действительно погиб по дороге в Полтавскую губернию, куда он ехал на похороны жены.

Кошмарный факт налицо — Д. К. Заболотного не стало, наука потеряла деятельного, энергичного, пол-

ного инициативы работника, а русская общественная медицина — неутомимого, опытного проводника научных идей в практическую сферу борьбы с главным санитарным злом нашей страны — с эпидемическими болезнями».

Большой интерес представляет приказ в связи с новым назначением профессора за подписью начальника Главного санитарного управления РККА З. П. Соловьева от 9 апреля 1924 г. Ознакомившись с кандидатурами, выставленными на замещение должности заведующего кафедрой медицинской микробиологии и эпидемиологии с дезинфекционным делом, он увидел в лице профессора Д. К. Заболотного личность, «вполне отвечающую требованиям, предъявляемым к руководителю кафедры ВМА», и имеющую «значительные преимущества перед другими кандидатурами как по опыту своей педагогической работы... так и по своей научной деятельности...», что имеет особое значение для подготовки военных врачей»⁵³.

Хотя это было время закладки основ санитарного благополучия нашей молодой страны и Красной Армии, нуждавшихся в специально обученных кадрах, самостоятельному преподаванию курсов ярко выраженного профилактического направления — медицинской микробиологии и эпидемиологии, как и в Одессе, оказали яростное сопротивление клиницисты и гигиенисты. Понадобился научный авторитет Д. К. Заболотного и специальный приказ начальника Главного санитарного управления РККА, чтобы страсти улеглись. 12 мая 1924 г. профессор вступает в заведование кафедрой, которую оставит только через 4,5 года, после переезда в Киев в связи с избранием президентом ВУАН⁵⁴.

С огромной энергией занимается Заболотный организационными делами. По словам его ближайшего помощника по этой кафедре профессора В. Н. Космодамианского, «работал Даниил Кириллович не замечая препятствий. Своими своеобразными решениями он обходил всяческие сложности. Только человек с его темпераментом мог добиться многого»⁵⁵.

---

⁵³ Васильев К. Г. Д. К. Заболотный. М., 1986. С. 80.

⁵⁴ ВУАН — Всеукраинская академия наук.

⁵⁵ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. С. 189.

А добился он действительно многого: сам военком академии ежедневно докладывал начальнику Санитарного управления Красной Армии Наркомздрава, как идет пополнение кафедры имуществом, поскольку в специальном приказе было оговорено, что она в учебном плане Академии занимает одно из первых мест и преподавание микробиологии и эпидемиологии должно быть обеспечено «наилучшим образом». После объединения родственных профилактических кафедр в Профилактический институт им. Э. П. Соловьева лаборатории кафедры разместились в просторных помещениях.

Убежденный в том, что микробиология — отрасль естествознания, близкая к медицине, и один из стержневых предметов в ряду общебиологических дисциплин, он отводит ей роль общеобразовательного предмета, по его собственному выражению — «естественно-исторической базы» при изучении профилактических предметов. Программа курса носила в основном практический характер: изложение учения об инфекции, теоретическое обоснование иммунитета, объемное преподнесение некоторых разделов микробиологии и эпидемиологии с частыми ссылками на собственный опыт сочетались с практическими занятиями — кафедра располагала для этого ста лабораторными местами. С желающими Д. К. Заболотный занимался микроскопированием, раздавал темы для самостоятельных поисков, охотно делился собственным опытом противозаразительной работы на местах.

Что касается эпидемиологии, то этот курс он вел сам и с особым подъемом, поскольку ставил перед собой задачу подготовить военных врачей к пониманию причин эпидемий, условий, благоприятствующих их распространению, и умению применять современные методы борьбы с ними. Для этого кафедра практиковала изучение эпидемических очагов на местах, ознакомление с приемами массовых бактериологических исследований и выяснение бациллоносителей, массовой иммунизации, и все это для реализации принципа: врач не должен быть пассивным наблюдателем развивающейся эпидемии.

Большую группу слушателей Д. К. Заболотного — за четыре года около 600 курсантов! — составили командированные для усовершенствования военные врачи: и для них эпидемиология была обязательным

Д. К. Заболотный — заведующий одновременно двумя кафедрами (микробиологии и эпидемиологии в Первом Ленинградском медицинском институте и микробиологии, эпидемиологии и дезинфекционного дела в Военно-медицинской академии) с коллективом сотрудников

предметом независимо от специальности. «Я вспоминаю, — писал профессор В. Н. Космодамианский, — Д. К. Заболотного среди прикомандированных из воинских частей врачей на практических занятиях по эпидемиологии. Проходили занятия особенно содержательно. Слушатели на этих „вечах“ задавали профессору всевозможные вопросы из противозидемической практики, а он делился ходом разработки эпидсхем, результатами анализа разных сторон инфекционных вспышек и анкетных материалов, собранных при обследовании очагов, рассказывал о казуистических случаях. . . При этом лектору нужно было иметь собственный, хорошо проанализированный опыт, чтобы так поучительно преподносить материал людям многоопытным, как это делал Даниил Кириллович»⁵⁶.

В эти же годы Заболотный развернул изучение эпидемиологических особенностей быта Красной Ар-

⁵⁶ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный; 1866—1929. С. 188.

мии, течения заразных заболеваний в воинских коллективах и отработку специфических для войск на эти случаи мер. При пищевых отравлениях изучалась микрофлора, велась борьба с бациллоносителями; это одновременно с изысканиями по зимним чумным эпидемиям в Киргизии, брюшному тифу, сифилису, малярии, с подготовкой двух десятков печатных работ⁵⁷.

За время заведования Заболотным кафедрой в ВМА она превратилась в крупнейший научный и консультативный центр.

Один из министров здравоохранения СССР Г. А. Митерев так охарактеризовал достижения нашей противоэпидемической службы в годы Великой Отечественной войны: «В такой невиданной в истории человечества войне, которую вел советский народ, войска Советской Армии были свободны от эпидемий. Это поистине чудо». Можно смело сказать, что в фундаменте этого чуда один из первых камней заложил Д. К. Заболотный, очень много сделавший для обеспечения надежного санитарно-эпидемиологического благополучия наших вооруженных сил. А пока на открытии Профилактического института ВМА профессор получил право сказать, что доктрины, имеющие касательство к профилактике, в том числе и эпидемиология, наконец признаны имеющими большое социальное значение.

Заболотный на протяжении без малого трех десятилетий вел еще на одной кафедре — кафедре бактериологии ЖМИ — исключительную по своему накалу педагогическую, научную и организаторскую работу. Масштабы и значение этих свершений ученого во имя ликвидации на нашей земле смертельных эпидемий только на этой кафедре еще в полной мере не оценены. Может быть потому, что с трудом поддаются даже простому перечислению.

Отсюда Д. К. Заболотный отправлял экспедиции для обследования эпидемических очагов, сюда же стекались скопленные ими данные, здесь они анализировались профессором и приобретали черты этапных открытий, тут он расшифровал десятки микробиоло-

---

⁵⁷ В том числе монографии «Чума на юго-востоке СССР и причины ее эпидемичности», статей об угасании эпидемий, эпидемической микрофлоре, многих научно-популярных статей и брошюр.

гических тайн. Здесь под руководством ученого изучались свойства носителей самых тяжелых инфекций, отработывались приемы их диагностики. В тяжелые годы первой империалистической войны, а позже и гражданской при кафедре усилиями профессора были открыты производственные лаборатории по изготовлению брюшнотифозных и холерных вакцин. Неисчислимо много сделано им с помощью коллег и студентов для тушения холерной эпидемии в Петрограде в 1918 г.

Тут с большой ответственностью коллектив кафедры во главе со своим бессменным руководителем оттачивал «стратегию» преподавания сначала бактериологии, а позже и эпидемиологии. Столь же впечатляющ и вклад кафедры, душой которой был Заболотный, в становление советского здравоохранения, ведущий принцип которого — профилактический — ученый вынашивал не одно десятилетие.

Людям, наблюдавшим за Д. К. Заболотным, казалось, что он не знает ни возраста, ни предела силам. Каждый раз по возвращении в Петроград после мотания по городам, селам и степям он не переводя дыхания включался в лабораторные поиски и трудился с праздничным подъемом — так вдохновляла его идея спасения людей от злых эпидемий.

1924 г. начался трагическим событием: скончался В. И. Ленин. История не сохранила достоверных доказательств, виделся ли с ним ученый, слушал ли его или только был наслышан о Ленине. Но еще живущие в Чеботарке колхозницы и учительницы, встречавшиеся с Д. К. Заболотным, единодушно утверждают, что на вопрос, встречался ли он с вождем, этот человек редкой правдивости и порядочности всегда однозначно отвечал: «Да!»

Имя В. И. Ленина не часто упоминается в текстах Заболотного, но мысли, суждения его составляют подтексты всех его публичных выступлений, когда речь идет о науке и ее роли в строительстве новой жизни. Особенно часто к оценкам вождя он станет прибегать после избрания президентом ВУАН. По ним можно судить, с каким исключительным уважением к В. И. Ленину относился беспартийный ученый, как глубоко понимал его великую роль в судьбах человечества.

Недавно в неразобранной части архива Мемориального музея Д. К. Заболотного в селе Заболотном обнаружена, к сожалению, только часть бесценного воспоминания ленинградского педиатра ветерана партии Ц. С. Выгодер-Поляковой. По ее словам, профессор «был ошеломлен», когда услышал о смерти В. И. Ленина. «В день похорон, — пишет она, — мы, студенты, со всеми ленинградцами отправились на траурный митинг к Марсовому полю. День стоял холодный. Даниил Кириллович был болен, но встал и пошел с нами, туда и обратно (километров 6—7!) пешком, держа меня всю дорогу за руку, так как ходить ему было уже трудно — он задыхался... Профессор был удручен и всю дорогу повторял:

— Какая это большая потеря для нас! Но мы должны продолжить начатое Лениным дело!

И, обращаясь к нам, студентам, говорил:

— Вы, молодые коммунисты, во имя этого должны учиться еще лучше, чтобы все уже достигнутое удержать и приумножить!»

С годами симпатии профессора к большевикам становятся все определеннее — он хорошо знает, какую титаническую работу ведут они по преобразованию России. Знает и ценит. Взять хотя бы противочумную службу. Считанные и жалкие до революции земские лаборатории заменила стройная и действенная система профилактических учреждений во главе с НИИ, большой сетью наблюдательных учреждений. В ИЭМ эпидотдел, как он того хотел, превращен в крупнейший организационный центр противоэпидемических изысканий и одновременно «школу эпидемиологов». В делах налаживания строго продуманной санэпидслужбы в Красной Армии при ВМА вырос первый в мире специализированный Профилактический институт. Учены и реализуются его убедительные предложения по организации подготовки кадров эпидемиологов. «Можно думать, — записывает он, — придет день, когда болезни перестанут терзать людей. Завоевания медицины, социальная гигиена, новая народная власть обещают сделать человеческое существование безвредным. Это вопрос только времени и кропотливого труда»⁵⁸.

К слову сказать, многие из писавших о Заболотном обходят полумолчанием его политическое лицо, а если

⁵⁸ Дневник, запись от 19 июня 1925 г.

и говорят, то как об этом прекраснодушном либерале. Так ли это?

Корни свободомыслия будущего ученого были давние и глубокие. У сына вчерашнего крепостного, бедняка из бедняков, общественные взгляды стали складываться еще в ранние гимназические годы под влиянием отца-бунтаря, матери — горячей поклонницы таланта поэта-революционера Т. Г. Шевченко, дяди — друга казненного А. Желябова, «скопищ колебательных радикалов» в университете. Арест, тюремная одиночка, отказ признать себя виновным и, подобно другим «однокашникам», взять покаянное обязательство на будущее «уважать законы русского государства». Ведь все, что делал до сих пор юноша — «неблагонадежный колебатель трона», — было следствием непроходящей, клочочущей ненависти к царизму.

Даже достигнув мировой известности и соответствующего общественного положения, он то и дело оказывается, по выражению Мечникова, «внутри» политики, так как ему не безразличны судьбы его многострадального народа и горячо любимой науки. Во всяком случае, ученый всегда на стороне бедствующих масс и слывет «левым» профессором.

Профессия эпидемиолога в царской России, пожалуй как никакая другая, носила политическую окраску — она требовала от врачей не только знаний и опыта, но и чувства высокого гражданского долга. Естественно, и Заболотный, не понаслышке знавший весь ужас русской действительности, ежедневно сталкивавшийся с саботажем властями самых скромных мер, нацеленных на облегчение положения народа, то и дело публично возвышал свой обличительный голос.

Встречавшиеся с Заболотным единодушно отмечают мягкость его натуры, но как далек бывал он от прекраснорудия при столкновении с самовластием! Многолетние трения с попечителем ИЭМ, сановным «шефом» принцем Ольденбургским, публичные разоблачения гонителей живой научной мысли, завидная твердость при осуждении действий одесского градоначальника генерала Толмачева, действенная помощь пострадавшим питерским рабочим во время «кровавого воскресения» 1905 г., выход из партии народных социалистов, отказ от чтения лекций во время забастовки студенток ЖМИ, решительное осуждение первой мировой войны... Этот список «оппозиции дейст-

обтагов чумной инфекции как проявлении общепатологического закона, ответил на множество других теоретических и практических вопросов борьбы с самыми тяжелыми инфекциями, а теперь вооружил инфекционистов, эпидемиологов, санитарных врачей фундаментальным учебником.

«Руководство», вобравшее в себя итоги тридцатилетних эпидемических изысканий нашего крупного ученого, синтез почти ста его печатных работ, получилось настолько всеобъемлющим и глубоким, что и по сей день представляет большой теоретический интерес и практическую ценность. Судя по монографии, ученый видел в эпидемиологии «могущественное средство борьбы человека со смертельными вредностями», а поэтому считал ее «дорогой для себя областью» и очень гордился тем, что советским эпидемиологам в борьбе с тяжкими инфекциями «есть что написать на знамени».

Со страниц «Основ эпидемиологии» прозвучало определение ее как «науки, изучающей законы развития эпидемий, в зависимости от общественных и микробных факторов».

Ученый-новатор, решительно отказавшийся от бытовавшей до него трактовки эпидемий всего-навсего как суммы отдельных заболеваний, зависящих от микроба, в этой классической работе рассматривал их как социально-биологическое явление и подчеркивал исключительную роль социальных условий жизни населения и состояния защитных сил человека в распространении инфекций.

В монографии автор впервые развил тезис о необходимости активного влияния на ход эпидемий человека, вооруженного научными познаниями. Мечтой его было простое и ясное: врач должен не только подсчитывать количество жертв, вырванных эпидемией, но и охранять население от ненужных жертв, а победить эпидемию, предупредить новые ее появления. Во имя этого специалисты-эпидемиологи, по мнению ученого, должны действовать по принципу: «пришел, увидел, победил».

Выход «Основ эпидемиологии» означал окончательное выделение современной эпидемиологии в отдельную ветвь медицинских знаний со своим учебным курсом, своими экспериментальными методами и организационными приемами борьбы с региональными эпи-

демиологическими вспышками для пресечения их в глобальных масштабах. Изложенная в учебнике, выверенная автором на практике, эта стройная система мер и ныне безотказно служит человечеству, что дало право академику О. В. Барояну по случаю столетия со дня рождения Даниила Кирилловича Заболотного заявить: наш соотечественник и сегодня «не потухший вулкан, о былой славе которого можно судить лишь по давним делам»⁶².

Вызывает удивление, как при огромной, на редкость разносторонней деятельности профессор возобновляет свои многолетние исследования по чуме, отправляется в Саратов на противочумное совещание, обсудившее пути оздоровления очагов чумы на юго-востоке страны, в частности план истребления грызунов на больших площадях.

Несмотря на нараставшее недомогание, он испытывает огромный творческий подъем. Об этом говорят цифры: из двухсот известных научных работ академика не менее тридцати относятся к последним годам его жизни. Он остается верен своему принципу широчайшего ознакомления коллег-ученых, широких врачебных кругов и самих трудящихся с достижениями близких ему наук.

По тематике все прижизненные публикации ученого составили несколько серий. Из них самая большая и обстоятельная — около 60 названий — посвящена эпидемиологии чумы, 25 — холере, 40 — другим инфекциям, 12 публикаций — это взнос в общую микробиологию, 7 — в дело организации всемирной противэпидемической службы. Внушителен и список биографических очерков, посвященных памяти выдающихся отечественных естествоиспытателей. По форме и широте затронутых вопросов поразительно разнообразна серия журнальных статей и популярных брошюр. Часть трудов, помимо России, напечатана на немецком, английском, французском языках в Берлине, Париже, Харбине, Маниле, а часть — на нескольких.

Вышло так, что ни одно крупное исследование, ни одна тяжелая эпидемия чумы и холеры, в ликвидации которых принимали участие Заболотный и его научная школа, не остались без солидных печатных об-

---

⁶² Бароян О. В. Д. К. Заболотный — выдающийся ученый и великий гражданин. М., 1966. С. 20.

вием» можно продолжить. Но и перечисленного вполне достаточно, чтобы опровергнуть миф об «аполитичности», «уходе в науку» профессора Заболотного.

Последние годы жизни ученого совпали с бурными событиями двух революций 1917 г. и становления Советской власти. В это время его нет ни среди «лояльных наблюдателей», ни среди бойкотирующих новую власть — с первого дня победы народа и до последнего своего часа академик с истинной преданностью будет служить ему на ленинской стороне баррикады.

И все это некоторыми биографами Д. К. Заболотного именуется едва ли не аполитичностью, аттестуется как отсутствие определенной политической программы.

Возвратившись к месту постоянной службы в Петроград, Д. К. Заболотный снова оказывается в водовороте дел. До мая 1928 г. он ведет в двух институтах и ВМА педагогическую работу да еще ездит читать лекции по эпидемиологии в Москву и Харьков. Он — член Ученого совета Наркомздрава СССР. Руководит им же организованным Ленинградским филиалом Вакцино-сывороточной комиссии. Одновременно является членом редколлегий «Микробиологического журнала» и «Врачебного дела», постоянно председательствует в Ленинградском отделении научного общества микробиологов. С 1922 г. — действительный член ВУАН. Начиная с 1921 г. избирается в члены высших органов Советской власти — ЦИК СССР и ВУЦИК. Как свидетельствует Госархив Октябрьской революции и социалистического строительства, в 1925 г. коллектив Первого Ленинградского медицинского института избирает профессора депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся X созыва⁵⁹.

Живет академик в большом доме Ф. И. Шаляпина. Чтобы не было так одиноко, он приглашает поселиться под одной крышей с ним своих учеников — супругов Космодамианского и Белоусову, а вскоре из Чеботарки переезжает в Ленинград и приемный сын Ян. Поступив на завод, он вечерами учится.

До крайности перегруженный кипучей исследовательской и организаторской, общественной и педагогической работой, Д. К. Заболотный в эту пору находит все-таки силы и время, чтобы начать углубленную раз-

⁵⁹ ЦГА ОРСС. ЛО. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 58. Л. 57.

работку материалов, скопленных в период многих и совершенно разных эпидемий. Для него ясно: в рождении, развитии, путях распространения, мерах борьбы и условиях угасания эпидемий имеются определенные закономерности. О них, считает ученый, он обязан рассказать широким научным и врачебным кругам. Так рождается идея создания первого в мире систематического руководства по эпидемиологии. В предисловии к нему ученый сам четко сформулировал побуждения, заставившие его взяться за перо: «Необходимость строительства новой, профилактической медицины... нужда в планомерной борьбе с эпидемиями как социальным злом... потребность помочь молодым эпидемиологам искоренить заразные плелелы, уберечь и вырастить здоровое население»⁶⁰.

Начиная с середины 1924 г. он ежедневно просыпается ни свет ни заря, чтобы к приходу стенографистки в девять часов утра быть готовым диктовать очередную главу задуманных «Основ эпидемиологии». Вышедшие из печати в 1927 г. первые два тома монографии автор посвятил своим «дорогим ученицам и ученикам».

Древность одной из старейших медицинских наук — эпидемиологии историки исчисляют столетиями. Но назвать ее наукой, по меткому выражению академика АН УССР Л. В. Громашевского, «до прихода в нее Д. К. Заболотного можно было лишь условно, ибо оставалась сплошным белым пятном»⁶¹. Опутанная догмами, она обходилась всего несколькими понятиями. Даже открытие возбудителей заразных заболеваний человека и животных не вывело старую эпидемиологию из многовекового летаргического сна.

Рождение же новой, современной эпидемиологии началось с момента многостороннего, строго спланированного изучения Заболотным и его школой эпидемий чумы в Индии, странах Малой Азии, Восточной Монголии, Китае и на юго-востоке России и углубленной разработки комплекса особенностей эпидемиологии таких тяжелых инфекций, как холера, тифы и др. Заглянув в заповедные глубины взаимоотношений микромира с человеческой средой, Д. К. Заболотный подарил человечеству учение об эпидемичности естественных

⁶⁰ Заболотный Д. К. Основы эпидемиологии. М.; Л., 1928. С. 18.

⁶¹ Тридцять років Радянської України. Київ, 1948. С. 244.

общений; все девять монографий, подготовленных и самим ученым, при его участии и под его руководством, признаны классическими.

Будучи непоколебимо убежденным в том, что ликвидация тяжелых эпидемий — дело, требующее «не единоличных успехов и завоеваний, хотя бы и крупных, а дружественных, согласованных усилий всех научных сил», Д. К. Заболотный охотно шел на создание монографий-сборников, каждый из которых посвящался разным сторонам или в целом вспышкам какого-то заболевания. Среди его соавторов значатся такие близкие ученики и соратники по «сражениям» с эпидемиями, как С. И. Златогоров, Г. О. Кулеша, П. П. Маслаковец, В. А. Таранухин, И. Г. Савченко, А. А. Садов, В. И. Яковлев и др. Работы руководимых ученым солидных авторских коллективов оказали положительное влияние на изучение и ликвидацию вспышек инфекций, обогатили естествознание.

А. А. Садов, говоря о своем учителе, особо выделяет его роль в подготовке сборников к печати. «Даниил Кириллович, коллективист по натуре и убеждениям, невзирая на собственную „величину“, — пишет доктор, — никогда не подавлял соавторов своим авторитетом. План изданий, как правило, вырабатывался коллективно, а когда наступал час редактирования разделов, трудно было определить, что осталось от текстов их авторов, что принадлежит их руководителю. Сам Д. К. Заболотный при этом не скупился на похвалы первым — он подробно и старательно отмечал достоинства и заслуги каждого, обязательно поминал погибших за общее дело. . .»⁶³

Вышло так, что профессор создал первые отечественные учебники по новым в его время для университетских и институтских программ дисциплинам — общей и частной бактериологии, медицинской микробиологии и эпидемиологии (1903, 1908, 1909, 1927 гг.).

А. П. Чехов когда-то заметил: для того чтобы понять научную статью, ее надо сначала перевести на русский язык. А вот печатные труды Д. К. Заболотного в таком «переводе» не нуждались. Для его работ характерны способность логически группировать, складывать, выстраивать множество наблюдений и результатов научных изысканий в стройные системы, про-

---

⁶³ Арх. Н. А. Кошевой-Садовой.

стое, краткое, доказательное изложение сложнейших понятий и представлений. При этом афористическая сжатость никогда не сказывалась на точности формулировок, а яркость, порой даже поэтичность изложения — на научной глубине и содержательности работ. «Наши опасные, воинственные, но невидимые существа, — писал профессор И. Добрейцер Д. К. Заболотному, — под вашим пером становятся как бы видимыми и даже яркими, красочными»⁶⁴.

Различны темы, названия, жанры, размеры его печатных работ, датированные 1925, 1926, 1928 гг. («Задачи чумных обследований», «Причины эндемичности чумы на юго-востоке СССР», «Новые проблемы в изучении чумы», серия воспоминаний об И. И. Мечникове, А. О. Ковалевском, В. Л. Омелянском), но все они стали настольными книгами многих специалистов.

Заболотный рад: если в дореволюционной России санитарных врачей насчитывалось всего несколько десятков, то за последнее десятилетие армия их выросла до 500 специалистов. Санитарная служба страны располагает уже шестью бакинститутами, сотней санбаклабораторий, сорока противомаларийными станциями, дезпунктами. Строятся водопроводы, прокладывается канализация, осушаются болота. Все это отрадно, но страна еще не полностью избавилась от нашествия опасных инфекций. И ученый принимает самое горячее участие в подготовке и проведении всероссийских совещаний и съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, которые по его замыслу должны стать трибуной обмена опытом, массовой школой, способствующей повышению квалификации практических работников и выработке единообразия действий в борьбе с инфекциями, оживлению работы научных лабораторий.

Подготовку и проведение совещаний и съездов бактериологов ученый характеризовал как «дорогое для себя дело», которому он «отдал душу, мысли и энергию». Это по его предложению еще в октябре 1918 г. было создано первое совещание бактериологов и санитарных врачей Советской России. В программе его был доклад Д. К. Заболотного, по из-за смерти жены он не смог приехать на съезд. После возвращения в Пе-

---

⁶⁴ Добрейцер И. А. Памяти Д. К. Заболотного // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 5.

троград, начиная с VI съезда (1922 г.), профессор — неперменный член оргкомитетов, председатель и сопредседатель пленарных и секционных заседаний, желанный докладчик. Он за обсуждение на этих научно-практических форумах и теоретических, и практических вопросов, с тем чтобы у «участников формировалось убеждение в правильности планов».

Сам Заболотный с докладами выступил на VI, VIII (1924), IX (1925), X (1926) и XI (1928) съездах. Особый интерес представляют его выступления на VIII, IX и X съездах. На пленарном заседании VIII съезда он изложил обстоятельную программу дальнейшей работы противочумных учреждений страны. На IX прозвучал его известный доклад «Угасание эпидемий», в котором впервые в отечественной эпидемиологии была сформулирована задача изыскания путей искусственного прекращения грозных эпидемий. Программный характер носил и доклад на заключительном заседании X съезда 11 сентября 1926 г. в Одессе «Эпидемическая микрофлора».

Общеизвестно: профессор не был оратором, но вместе с тем в своих речах он не бывал одностонен, скучен, потому что искренне радовался успехам или огорчался неудачам, не менторствовал, а говорил о своей пламенной вере в «сотоварищей» по вверенному Родине их заботам великому делу.

По отзывам участников съездов, конференций и совещаний, само присутствие на них Д. К. Заболотного насыщало атмосферу особым «током» деловитости: широкой врачебной общественности страны была известна и мера личной самоотверженности, и высота научных идеалов ученого, а энциклопедические знания и богатый практический опыт академика заставляли аудиторию чутко прислушиваться к его мыслям, мнению, выводам.

«Председательствуя на заседаниях, он иногда казался усталым, больным, рассеянным и даже дремлющим с опущенной головой и закрытыми глазами. Но кончались доклады, замолкали оппоненты, и Заболотный „пробуждался“ — начинал говорить, речь его ускорялась, оживлялась, он находил яркие сравнения, — вспоминал профессор И. Б. Бронштейн. — И все для того, чтобы отбросить все несущественное из сообщения ораторами и четко вычленив основные мысли. Загипнотизированная аудитория при этом оживлялась,

забывала о времени и усталости. Уходя, люди уносили четкое представление о предмете разговора, каковое не могли дать ни докладчик, ни выступавшие в прениях»⁶⁵.

И еще одно: Заболотный не боялся публичных полемик — он не исповедовал непререкаемости, не считал, что если чье-то мнение отличается от его, то это значит, что автор заблуждается. В интересах дела, в поисках бесспорных истин он без раздражения шел на эволюцию собственных взглядов. Но зато когда оппоненты пытались сбить ученого с правильных позиций, тут во всем объеме проявлялись и строгая логичность его мышления, и редкая эрудиция, и способность четко излагать мысли, и редкое остроумие.

При анализе трудов ученого видно, как влекла его светлая идея полной ликвидации инфекционных заболеваний на планете, этих, по словам И. И. Мечникова, «наиглавнейших болезней, которые поражают человечество».

В своих высоких мечтах он видел нашу Землю «планетой крепких, здоровых, жизнерадостных людей, среди которых не будет измученных страданиями лиц, не будет слышно душу раздирающих стонов». Беречь и сохранять народное здоровье, по его убеждению, обязана наука. «При всей трудности задачи, — писал он, — наука не должна отказаться от защиты человечества, в первую очередь от инфекций... Она обязана служить всем народам»⁶⁶.

Да, всем народам, всему человечеству, поскольку опасные инфекции не признают ни расстояний, ни государственных границ. К впервые высказанной им после посещения Индии мысли о насущной необходимости глобальной защиты человечества он будет возвращаться многократно и сделает во имя ее реализации неисчислимо много.

Знание четырех языков помогло Заболотному стать активным участником многих международных научных форумов. На Мукденской конференции чумологов (1911 г.) он впервые призвал зарубежных коллег делать все возможное для пресечения региональных вспышек во имя предупреждения пандемий

---

⁶⁵ Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 211.

⁶⁶ *Заболотный Д. К.* Барьеры эпидемиям // Вестн. знания. 1930, № 5. С. 7.

в глобальных масштабах. Сам же он в последующие годы отдал много сил выработке действенной международной системы коллективной защиты от инфекций. Сегодня стали обычными взаимная информация стран об эпидемических процессах в различных геозонах, карантинная регламентация и санитарно-кордонные меры, предупреждающие проникновение инфекций в страны, где они не наблюдаются, участие государств в оздоровлении очагов инфекций и т. д. Это все в значительной степени заслуга нашего ученого. Много успел сделать он и для того, чтобы международные встречи ученых приобрели форму постоянного непредвзятого делового общения во имя быстреего прогресса человечества.

К суждениям его внимательно прислушивались самые крупные европейские научные авторитеты, особенно после Октябрьской революции. Может быть, потому, что он был представителем новой России, что никогда не раболепствовал перед западной наукой и культурой, был из числа тех, кто своими открытиями не раз демонстрировал силу русского ума и превосходство научных открытий советских ученых.

Выступая в 1928 г. на Международном серологическом конгрессе в Копенгагене, последнем из всемирных научных форумов, в которых Заболотному довелось участвовать, он с гордостью говорил, что после долгого периода лишений и бед обстоятельства для науки на его родине неузнаваемо изменились к лучшему. Теперь невиданным расцветом научной мысли в СССР движет желание ученых видеть свой народ, занятый напряженной, богатой результатами работой, здоровым.

Одним из серьезных препятствий успешного развития международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями в начале столетия был расовый подход ряда западных ученых к определению причин распространения так называемых «экзотических» заболеваний, нацеленный на оправдание вымирания населения колониальных стран. Наш ученый-интернационалист резко выступил против этого лженаучного, расистского утверждения о связи эндемичности чумы и ряда других болезней в странах Востока с расовыми «особенностями» проживающих там народов. «Предполагавшийся ранее расовый иммунитет против некоторых заболеваний, — с гневом заявил Д. К. Заболотный на

Парижском конгрессе по чуме и холере в 1912 г., — не подтверждается позднейшими исследованиями. Меньшая заболеваемость европейцев по сравнению с индусами и китайцами зависит не от невосприимчивости, а от большей культуры жизненной обстановки, дающей меньше шансов на заражение... Большая заражаемость некоторыми заболеваниями объясняется не расовой восприимчивостью, а более продолжительной экспозицией по отношению к вирусу, что связано с образом жизни, питанием, особенностями жилищ и привычками». И, исходя из этого, сделал преисполненный величайшего гуманизма вывод: «Наука должна защитить от заразных болезней всякого человека независимо от цвета кожи»⁶⁷.

Конец выступления Заболотного перед иностранными участниками съезда санитарных врачей Украины прозвучали как *завещание мировому сообществу* впредь «не мириться с эпидемиями, этим слепым, беспощадным фактором», как призыв «напрячь все интеллектуальные силы на борьбу со злом для его полного искоренения»⁶⁸.

Кстати будет заметить, что выезды за границу всегда у Заболотного сопровождалась неизлечимой тоской по родине, по своей Чеботарке. Это чувство было постоянно сильным и не звучало в письмах только тогда, когда речь шла о помощи страждущим или возможности почерпнуть в лабораториях западных коллег что-то полезное для собственных научных изысканий. «За границей острее чувствуешь важность того, что мы делаем, чаще осознается наша национальная гордость, но не могу я быть долго вдалеке от Чеботарки!» — сообщал он в письмах (ныне хранящихся в Ленинградском музее). «Прибыл в Париж, видел много интересного, несколько освежился. Поразили подробности быта. Но с радостью отправляюсь домой», — говорится в другом письме. О том, что на родине все лучше, чем на чужбине, говорится в каждом письме ученого. «Вспоминаю свое пребывание в Берлине, — делился он с другом В. Л. Омелянским, — и сравниваю с нашей жизнью. У нас она спокойнее и определеннее». «У меня вызывают брезг-

⁶⁷ Ann. Institutu Pasteura. 1913. N 6. P. 621.

⁶⁸ Заболотный Д. К. О чем думают микробиологи. Киев, 1927. С. 11.

ливость, даже возмущение всякие разговоры немцев и французов о наших трудностях», — говорил В. И. Сухареву, а актрисе Н. Дузь заметил: «А у самих что? Разве что сомнение». Поэтому, возвратившись из последней дальней поездки в Копенгаген, на радостном вздохе докладывал ей: «Вернулся к своим занятиям... Охотно вхожу в „круги своя“, в свою обычную работу, и больше не хочу покидать так надолго Россию. Нет на земле уголка лучше ее. Даже под пальмами и на „океанских берегах“».

А в Москве и Ленинграде тем временем пошли слухи о близком переезде Даниила Кирилловича в Киев. Там на его организаторский талант возлагались большие надежды; ведь он в науке всегда видел «мощное средство устройства лучшей жизни», «удовлетворения все возрастающих потребностей общества»⁶⁹. Разворачивающееся социалистическое строительство в СССР, перевод народного здравоохранения на профилактические рельсы оказались в полном согласии с его мечтой об «онаучивании» жизни.

Такой человек не мог обратить на себя внимание, и, когда накануне первой пятилетки понадобилось укрепить (руководство) региональных академий, более подходящего кандидата в президенты ВУАН, чем Д. К. Заболотный, не нашли. Все были уверены, что и на новом посту он оправдает свою репутацию блестящего организатора.

Так 1928 г. резко меняет характер деятельности академика.

И на родной Украине

В Украинскую академию наук Д. К. Заболотный был избран в 1921 г., но продолжительное время не принимал активного участия в ее жизни — при буржуазно-националистическом руководстве дела, достойного ученого с репутацией, можно сказать, живого классика, в ней не оказалось.

Созданная в 1919 г. во время гетманщины из реакционных сторонников отделения Украины от России, ВУАН под флагом «нейтральности» науки полностью отмежевалась от советской действительности и по сути превратилась в подпольную контрреволюционную ор-

⁶⁹ Вестн. знания. 1930. № 1. С. 18.

Ш К В А Л

Советская Украина должна знать своих ученых.
ДАНИИЛ КИРИЛЛОВИЧ ЗАБОЛОТНЫЙ ИЗБРАН ПРЕЗИДЕНТОМ
ВСЕУКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

Академик Д. К. Заболотный в 1928 г.

ганизацию, способствовавшую реставрации на Украине старых порядков. Естественно, жизнь требовала немедленной перестройки крупнейшего в стране научного центра.

Документы о первом приглашении Д. К. Заболотного на работу в Киев датированы 1921 г. Предложения были повторены в 1922, 1924 и 1927 гг. Но каждый раз следовал отказ. Мотивы? То желание закончить работы, начатые в ленинградских лабораториях, то нездоровье, то отсутствие административного опыта. В 1924 г., после двух его блестящих докладов, общее

собрание IV Всеукраинского съезда бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей в резолюции просило академика Д. К. Заболотного остаться в Киеве и взять на себя создание микробиологического института АН УССР. Заболотный обещал дать ответ в течение двух месяцев, да организация кафедры в ВМА еще раз отодвинула переезд на Украину на три года. Только в феврале 1928 г. усилия ЦК КП(б)У увенчались успехом: после новых колебаний у Заболотного взяло верх чувство долга — ведь он всю жизнь отправлялся туда, куда звал его долг, где надеялся своей компетентностью помочь людям. Одно смущало: достанет ли сил, здоровья на новое, непростое дело? В дневнике есть такая запись: «Не знаю, хватит ли меня на новую задачу... которая близка моему сердцу, но попробую собрать все силы... чтобы поработать еще для родного края и народа»⁷⁰.

Мы можем только догадываться, как шло преодоление усталости и недомогания, но наконец, окружающие снова увидели Заболотного деятельным, энергичным. Став 12 мая 1928 г. президентом ВУАН, он начинает решение боевой задачи — превращения Всеукраинской академии наук в один из авторитетных научных центров страны.

Яркая творческая и человеческая индивидуальность нового президента, его одержимость наукой, возвращение к интриганству и «академическому» чванству помогли оздоровить внутреннюю обстановку в высшем научном органе республики, создать в нем хороший деловой настрой.

А сам Заболотный весь во власти обширных планов коренного переустройства ВУАН. Он меняет структуру академии, работает над ее новым уставом, решительно выкорчевывает старые порядки анархизма, бесплановости, обособленности от жизни, что означает поворот академии лицом к социалистическому преобразованию страны.

Жизненное кредо Д. К. Заболотного — «наука — для народа!», его мечта о вращении науки в практику удивительно совпали с требованием времени к украинским ученым об оказании помощи республике в составлении, а потом и реализации первого пятилетнего

---

⁷⁰ Незадолго до этого Даниил Кириллович перенес тяжелое обострение хронического суставного ревматизма.

плана превращения ее из отсталой аграрной в передовую индустриальную.

Были усилены институты технического, сельскохозяйственного и биологического отделений, расширена проблематика их исследований, разворачивалось изучение естественных богатств республики — водных и минеральных, климата. Ученые совершенствовали промышленную технологию, решали первоочередные задачи повышения урожайности полей, разрабатывали перспективные планы благоустройства городов, изыскивали новые материалы для жилищного и дорожного строительства. По их рекомендациям происходило оздоровление условий труда. Первыми работами заявила о себе лаборатория электросварки, руководимая академиком Е. О. Патоном. В сентябре 1928 г. разворачивается и химико-технологическая лаборатория.

Президента всегда волновали вопросы обеспечения трудящихся жильем, поэтому он глубоко вникает в ход жилищного строительства в районах Донбасса, вокруг южных металлургических заводов и Днепроостроя. В одном из выступлений на заседании президиума Академии предостерегает украинских градостроителей от бездумного пользования западными образцами и нацеливает на необходимость учета народного опыта, в котором видит много рационального. Побывав в Донбассе, убеждается, что без улучшения водоснабжения «союзной кочегарки» и думать не приходится о снижении заболеваемости и смертности шахтеров и их детей. Поэтому он форсирует разработку проекта улучшения санитарно-гигиенической обстановки в донецких городах и поселках, добивается установления охранных зон вокруг источников водоснабжения населения, обязательного хлорирования всей питьевой воды и даже заботится об организации производства отечественных хлораторов, за которые страна до этого платила золотом. Вообще шахтерскому Донбассу президент уделяет исключительное внимание. Там будет открыт филиал ВУАН, который многое успеет сделать для развития горнорудной, металлургической, химической промышленности и охраны природы.

Диапазон интересов президента воистину безграничен. Он изучает труды Комиссии по истории Ближнего Востока, и по его инициативе начинается исследование исторических связей Украины с Египтом, Сирией и рядом других стран. Он едет в Одессу, чтобы

ускорить открытие там прекрасно оснащенной биостанции ВУАН.

Видели президента ВУАН и в саду академика Н. Ф. Кащенко на традиционном «персиковом празднике». Увлечение ученого акклиматизацией «господского лакомства» Д. К. Заболотный очень ценил — он мечтал, чтобы детишки рабочих и на севере получили возможность лакомиться плодами южной гостии. Узнав, что аптеки страны часто испытывают дефицит лекарственных растений, он ставил вопрос о создании специализированных хозяйств по их разведению.

Но ошибется тот, кто подумает, что президент ВУАН в годы небывалого спроса в СССР на разработки прикладных наук недооценивал научную теорию. В выступлении перед харьковскими учеными в июле 1928 г. он подчеркнул: это вовсе не значит, что настало время свертывания теоретических исследований — когда развитие теоретической мысли задерживается, от этого страдают в первую очередь прикладные науки.

Анализируя процесс творчества в статье «Научное творчество и научная кооперация» (1929), он настаивает на организации научной работы в СССР с помощью научных ассоциаций, деятельность которых должна строго планироваться: «Нередко приходится слышать мнение о невозможности планировать творческую работу и продумывать пути новых открытий. Это абсолютно неправильно. Научные открытия обычно приходят вслед за поисками. . . Планировать этот подготовительный этап, разведывательные поиски, особенно если они ведутся целым коллективом, крайне необходимо». Настаивать на этом президент имел полное право — вся его высокорезультативная научная деятельность была убедительной иллюстрацией к этому принципу.

Культурная революция на Украине тоже протекала очень сложно, подчас болезненно. Академия не могла оставаться в стороне от событий в литературной и театральной жизни, не занять твердую позицию в вопросах истории и языкознания. Прожившему несколько десятилетий вдали от Украины, новому президенту пришлось наверстывать упущенное, чтобы иметь свое собственное суждение по всем сложным идеологическим вопросам.

Националистически настроенная украинская интеллигенция обвиняла Д. К. Заболотного в русофильстве. Но этот человек был непоколебим. Сколько мудрости и высокой политичности в его отповеди: «Да, это так — я не отказываюсь от этого, — заявил академик в одном из выступлений. — Но я не только русофил, но и белорусофил, грузинофил, и армянофил, и калмыкофил. Одним словом — я преклоняюсь перед великим союзом еще недавно поработанных народов и сознательно отношусь к такому пролетарскому единению, как СССР, но я не ограниченный украинофил и им никогда не буду, в чем бы меня при этом ни обвиняли»⁷¹.

Впервые в истории отечественной науки Заболотный вводит в практику публичные отчеты ВУАН в целом и отдельных ее отраслевых НИИ перед рабочими коллективами. И сам, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, ездит по республике и выступает перед учеными, шахтерами, железнодорожниками, портовиками. К выступлениям президент относится очень ответственно. К киевским арсенальцам он отправляется совершенно больной вопреки запрету врачей. Народ — дело серьезное! — убежден он, — и данное людям слово нужно держать!

Когда личные встречи исключались, Заболотный прибегал к переписке. «Хочу написать письмо в Донбасс, — появляется запись в дневнике. — Встреча с рабочими вызвала много мыслей, надо, чтобы наши связи не прерывались и год от года становились крепче и полезнее для научной работы и хозяйственных достижений».

С особым вниманием относится президент к молодежи. На торжественном заседании по случаю десятилетия ВЛКСМ, обращаясь к киевским комсомольцам, он призывал: «Вы, наша дорогая смена, руководствуйтесь всегда наукой — она поможет вам достичь невиданных высот, открыть много нового, удивительного и оставить нас, стариков, позади. Только не бойтесь спорить с авторитетами, не стесняйтесь собственной молодости»⁷².

Письма же его той поры полны то жалобами — «не достаёт их, молодых, рвущихся к делу натуралистов»,

---

⁷¹ Рад. Україна. 1966. 16 дек.

⁷² Комс. плем'я. 1928. 16 дек.

то радостью — «удалось привлечь к науке много молодых сил, стремление которых к знаниям радует сердце». Для себя он же замечает, что всякий разумный человек должен помогать молодым и всячески поддерживать тех, у кого жизнь впереди.

Что касается самого президента, то он всю жизнь поддерживал пытливых молодых людей, если внимательное, подлинно отцовское отношение к формированию научной смены можно назвать «поддержкой». Современников академика всегда поражала его редкая способность превращать руководимые им научные подразделения в кузницы высокообразованных кадров, увлеченных гуманными устремлениями своего учителя. В науке такие коллективы, объединенные общим научным руководством и единым научным направлением, именуются научными школами. Д. К. Заболотный по праву считается основателем советской школы эпидемиологов. Громкую славу ей принесла не только яркая, инициативная, умеющая вдохновлять людей личность руководителя, но и впечатляющий коллективный взнос ее в дело спасения родины от захлестывавших тяжелых инфекций. За это он достоин самой высокой оценки.

Вряд ли успехи школы были бы столь впечатляющими, если бы Д. К. Заболотный не старался наряду с профессиональным обучением, углублением интереса к запросам жизни прививать молодым сотоварищам чувства высокой гражданственности и врачебного долга. Серьезным «оселком» для определения пригодности к эпидемической работе он считал меру преданности специалиста делу спасения людей от тяжелых инфекций и личной самоотверженности.

Всегда творчески увлеченный, руководитель никогда не пытался изображать из себя «генерала от науки», не относился ревниво к успехам учеников, предоставлял им возможность свободного поиска и широкой критики.

На новой работе президенту недостает живого общения с соратниками, с пытливой молодежью. Скорее бы решился вопрос о создании микробиологической лаборатории (это он оговорил, давая согласие на работу в ВУАН. — *Н. П.*).

Да, Заболотный мечтает о возобновлении лабораторных исследований, которым он всю жизнь посвящал значительную часть рабочего времени. Это была

его стихия, академик считал счастьем — именно счастьем! — иметь возможность экспериментально разрабатывать научные проблемы. А тут сложные обязанности президента отвлекли его от любимых чисто научных занятий, лишили возможности экспериментировать, и в дневнике появляется запись: «Новое дело сказалось на моей лабораторной работе, в которой я себя чувствую наилучше. . .»⁷³

В июне 1928 г. обещание украинского правительства о создании лаборатории трансформировалось в ассигнование крупной суммы на создание целого Института микробиологии и вирусологии ВУАН с тремя отделами: микробиологическим, биохимическим и эпидемиологическим — сначала в приспособленном, а позже в специально построенном здании.

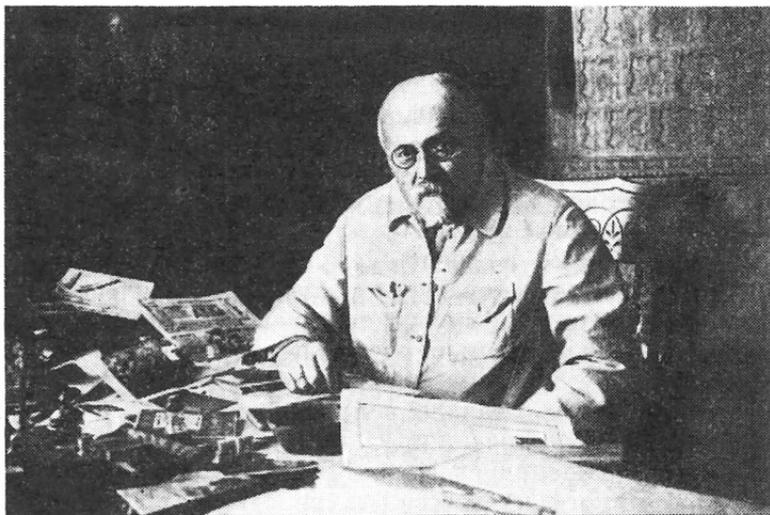
По возвращении из Копенгагена с Международного серологического конгресса он вплотную принимается за тщательный подбор штата сотрудников, в основном молодых, форсирует приобретение специальной аппаратуры, комплектацию научной библиотеки, закупку лабораторных животных и с нетерпением ждет часа, когда можно будет уже приняться за эксперименты. В дневнике появляются записи: «Начинаем обживать Институт. . .», «Надо развернуть работу в Институте. . .», «Пора составлять план работы и приниматься за опыты».

Но тут же с горечью сознается сам себе: «Вот уже неделя, как я на новом местожительстве, в Институте. Здесь спокойнее, чем в Академии. . . А вот сил остается все меньше»⁷⁴. К счастью, академик не из числа сгибающихся: «Надо стоять на научном посту, работать сколько возможно», — записывает он как приказ себе. И постепенно детище ученого под его руководством превращается в научно-теоретический и практический центр микробиологии на Украине со своей станцией в селе Карловке на Полтавщине — первой из шести запланированных, с лабораториями медицинской и почвенной микробиологии — в этот период Заболотного интересуется проблема использования микробиологических процессов в народном хозяйстве, в частности для повышения плодородия почв. Перед коллективом руководителя ставит такую важную задачу, как изучение

---

⁷³ *Заболотный Д. К. Дневник. 1929.*

⁷⁴ Там же. Запись от 5 авг. 1929 г.

Д. К. Заболотный за рабочим столом

Президент ВУАН Д. К. Заболотный в лаборатории

закономерностей развития и жизнедеятельности микробов и их взаимоотношений.

Руководство отделом медицинской микробиологии Заболотный берет на себя. Внимание его нацелено на

Д. К. Заболотный за микроскопом

углубление представлений о кишечных инфекциях, дифтерии, гриппе и его осложнениях, в частности менингите (он не ведает, что именно от гриппа, осложненного менингитом, сам погибнет. — *Н. П.*).

Конечно, академик успел бы сделать на Украине несравненно больше, если бы не сильнейшая слабость, он жаловался: «Думаю о работе, много есть намерений, но силы иссякают — работать мне становится тяжело...»⁷⁵.

Растут известность и авторитет президента. С мая 1929 г. он уже действительный член АН СССР, хотя избрание прошло «со скрипом» — из-за нескрываемой им своей политической платформы кое-кто из старых академиков «вкатил» ему при голосовании черные

---

⁷⁵ Дневник, запись от 11 авг. 1929 г.

шары. Его снова избирают членом ЦИК СССР и ВУЦИК, депутатом Киевского городского и чеботарского сельского Советов. В конце мая 1929 г. его голос звучит на Всесоюзном съезде Советов, принявшем первый пятилетний план. Он говорит о насущном деле, которое, по его словам, «уже, можно сказать, стихийно развивается у нас и требует особого внимания, — о вращении науки в нашу жизнь»⁷⁶.

Первого июня «Известия» сообщили, что СНК СССР в связи с предстоящим десятилетием ВУАН заслушал министра просвещения УССР т. Скрипника и президента ВУАН академика Заболотного и, отметив крупное значение Украинской академии в деле развития украинской советской культуры, в частности научной мысли Украины, а также вклад научных сил республики в дело хозяйственного, политического и культурного строительства, ассигновал из союзного бюджета крупную сумму на нужды ВУАН.

Президент еще мечтает о дальнейшем вращении науки в социалистическое переустройство страны, еще буквально захлебывается в заботах о приобретении оборудования, собирании кадров и других повседневных, но важных делах, но на это уходят уже последние месяцы жизни Даниила Кирилловича.

Оценивая сделанное Д. К. Заболотным всего за полтора года работы на посту президента ВУАН, украинские историки говорят об этом периоде как о переломном, как о целой эпохе в истории развития науки на Украине.

Как я живу?¹

Нельзя было знать его и не любить.

Н. Д. Стражеско

О нем нельзя сказать коротко: его знали таким-то.

Но если сжато передать человеческие достоинства академика, о которых говорится в воспоминаниях знавших его людей, то по нашей сегодняшней шкале коммунистической нравственности это была личность самого высокого класса. Высшей пробы.

⁷⁶ Известия. 1929. 31 мая.

¹ Из письма к Н. Дузь от 14 марта 1927 г.

В числе основных его черт биографы называют патриотизм, идейность, принципиальность, безграничную любовь к людям, редкий демократизм, порядочность, тактичность и деликатность, совершенное безразличие к личной славе, материальному изобилию и комфорту — для себя лично он никогда ничего не искал, кроме возможности работать.

Его научная деятельность прошла под знаком освобождения человечества от самых страшных болезней, поэтому, наверное, он и не мог быть иным. Его душа всегда была открыта добру, а благодеяние — как бы изнутри идущей потребностью. Заболотный деятельно любил людей. Эта сторона его натуры была ведущей, все же остальные — производными. Академик АН УССР профессор Л. В. Громашевский хорошо сказал о своем учителе: «В его лице счастливо сочетались талантливость ученого и человеколюбие гуманиста»². Самый близкий из его друзей академик В. Л. Омелянский при случае признался: «Я любил его за широкое и благородное сердце, за на редкость чуткую самоотверженную душу. Где только можно было и где он был в силах это сделать, он не задумывался перед самой широкой и самоотверженной помощью. Он весь жил „вне себя“, для других»³.

Академик А. А. Богомолец уже после смерти Заболотного верно подметил, что Даниилу Кирилловичу, как и многим русским интеллигентам, было свойственно чеховское «истинно русское чувство неопределенной виновности перед людьми». Об этом же, но по-своему, писал сам Заболотный крупному киевскому терапевту Т. Г. Яновскому: «Вы правы... и я когда-то искал примирения между добыванием куска хлеба, наукой и помощью нуждающимся. Первое — жизненно необходимо, второе оставить во имя первого для меня означало бы смерть. Ну, а помощь нуждающимся — наш святой долг, потому что иначе поступать несправедливо, постыдно, а для меня лично и еще противоестественно»⁴.

Выходец из самых низов, этот человек быстро находил общий язык с горемыками независимо от их национальности и цвета кожи, а редкая благожелатель-

---

² Арх. биол. наук. 1930. № 1. С. 6.

³ Там же. С. 5.

⁴ Арх. О. А. Богомольца.

ность рождала взаимное доверие. «Даниил Кириллович был настолько прост, — по словам А. А. Садова, — что собеседники легко забывали, что перед ними в полном смысле слова большой ученый, а видели только чуткого собрата, угадывающего их трудности и спешащего на помощь... Какая-то неуловимая черта его психики помогала ему проникать в души людей, незаметно принуждала их открывать ему свои горе, сомнения, надежды, мечты. А у него тут же, без всякого напряжения, находились слова утешения, обязательно сопровождавшиеся реальной помощью»⁵.

Профессор И. А. Добрейцер, размышляя над тем, как удавалось академику «всюду, всегда и неизменно возбуждать у окружающих не просто приязнь к себе, а благоговение», задался вопросом, что при этом действовало: «Ясность ума гения? Простота, любезность и обходительность, делавшие общение с ним праздничным? А может, весь его облик человека с простым лицом крестьянина или мастерового, над которым господствовали сократовский лоб и небесной голубизны необыкновенно красивые, ясные, лучистые глаза? Они то и дело менялись, выражая все оттенки переживаний, — бывали то печальны, то задумчивы, то озорны, но неизменно говорили о безграничной доброте и незлобности хозяина.

В наружности, осанке, движениях его никогда не было даже легкого налета „великости“ и позы, ничего „академического“. Они совсем не соответствовали тому величю и славе, которые окружали его имя. Негромкий, чуть надтреснутый, глуховатый голос, обезоруживающая, по-детски застенчивая улыбка подчеркивали редчайшую скромность академика. Его видели и в гневе, и в горе, но никогда — важным. Даже в полемике это был не обличитель, а предостерегающий от заблуждений друг»⁶.

Писатель А. Дорошкевич в «Пролетарской правде» об этом же писал так: «Я не знаю другого человека, кроме Д. К. Заболотного, по поводу которого с одинаковым восторгом отзывались бы крупные ученые и артисты, шахтеры и солдаты, швейцары и гардеробщицы. Кто хотя бы раз имел счастье видеть полные ласки черты его лица, насладиться беседой с ним, а то

---

⁵ Арх. Д. К. Заболотного.

⁶ Арх. И. А. Добрейцера.

и ощутить его деятельную доброту и утонченную интеллигентность, тот на всю жизнь запоминал образ этого редкого человека»⁷.

Особой душевностью отмечены его отношения со студентами и ближайшими учениками. «В обыденной жизни безграничная доброта нашего профессора выглядела так, — свидетельствуют ученики Н. И. Иванов и Н. Н. Протасов, — встретив плохо одетого студента, он снимал с себя пальто, хотя другого сам не имел, ссужал деньги без просьб, а когда у самого их не бывало, подыскивал работу у знакомых профессоров... Мы часто бывали у него дома, иногда по делу, а то и без дела и никогда не уходили голодными»⁸.

Поездки Заболотного по России никогда не носили характера инспекционных — по собственному опыту он знал, как тяжело живется врачам-подвижникам в российской глубинке. С ними он неизменно бывал сердечен, мягок и обходителен. Приехав в конце октября 1913 г. в сельскую больницу Новопетровской слободы области Войска Донского, профессор за несколько дней установил прекрасные отношения с персоналом, своим наметанным взглядом заметил и образцовый порядок в «больничке», и преданность врачей и сестер делу. Сколько тепла, уважительности в крохотной записке петербургской знаменитости младшему коллеге — скромному сельскому собрату: «Глубокоуважаемый Василий Афанасьевич, письмо ваше получил, когда вскрытия были окончены. Оба они дали очень важные результаты... В целом я остался чрезвычайно удовлетворен своею поездкой, особенно вашей больничкой и общим порядком в ней, благодаря чему удалось в короткий срок многое успеть. Искренне предан Вам. Д. Заболотный. P. S. Привет... коллегам»⁹.

Характеру этого письма отвечает и запись уже тяжело больного президента в дневнике от 19 ноября 1928 г.: «Обязательно надо написать Н. Н. У нее такая тяжкая работа. Надо поддержать, приободрить». Другой своей выпускнице, А. В. Дроздовой, с той же целью из Кисловодска он шлет самшитовую ручку — «прибор для написания научных работ» и кокетливую косынку — «напоминание о девичьей красе».

---

⁷ Пролет. правда. 1929. 8 дек.

⁸ Арх. К. М. Гродского.

⁹ ГАРО. Ф. 301. Оп. 16. Ед. хр. 1147.

Совершенно необычна и история, запомнившаяся доктору А. И. Белоусовой. Во время первой мировой войны в одном из рижских госпиталей Заболотный встретился с генералом. Пришлось вдвоем идти по палатам. В самой чистой Даниил Кириллович по давней привычке в знак признательности пожал руку совсем юной латышке в сестринской косынке. За ним это сделал и его спутник. Но, узнав, что девушка только санитарка, разбушевался и объявил ей выговор за ношение «не положенной формы». Заболотный долго не мог успокоиться: «Каков дуб с лампасами! Лучше бы собственную форму мелочностью не позорил!» И наконец вторично поехал в госпиталь, чтобы извиниться за солдафона в генеральской форме.

Не будет ошибкой сказать, что Заболотный всю жизнь о ком-то заботился, за кого-то волновался, о ком-то ходатайствовал, кому-то покровительствовал, что-то слал и вез из каждой экспедиции и в своей сердечности и щедрой приветливости не знал никаких границ. Уже став президентом АН УССР и членом ЦИК Союза ССР, каждому просителю — а их было много — он уделял большое внимание. И, войдя в мельчайшие подробности интересов, тут же принимался устраивать: больных — в клиники, нуждающихся — на работу, детей — в школы и техникумы, так что каждый уходил обласканный и очарованный им.

Общеизвестно: истинное величие застенчиво, оно отвергает шум, крикливость, парадность. И Заболотный был далек от честолюбия, совершенно равнодушен к славе и почестям, никогда не кичился своей известностью — до конца остался простым и доступным.

Во время первой мировой войны по дороге в одну из воинских частей Заболотный и его попутчик направились перекусить в станционном буфете. В дверях к профессору, носившему генеральскую форму, обратился вольноопределяющийся с просьбой разрешить купить бутерброд (тогда нижним чинам без разрешения старшего по званию подобное не дозволялось. — *Н. П.*). Через несколько минут у стойки раздался шум — кто-то визгливо орал на парня, а тот в оправдание указывал на Заболотного. Что тут поднялось!

— Кто вы такой, что раздаете разрешения, когда в зале есть высокие чины? — набросился генерал на генерала, сидевшего без шинели. А тот очень скромно отрекомендовался:

— Я — Заболотный!

Надо было видеть лицо грубияна, вдруг заискивающе залепетавшего:

— Батюшки, простите, извините, профессор, я ведь прислан вас встречать!

А Заболотный, будто не слыша хама, дружески улыбнулся опешившему военному служащему:

— Идите, голубчик, покупайте все, что вам нужно!»¹⁰

Таким же — скромным, без налета честолюбия увидела академика и его ученица — врач З. А. Игнатович через 13 лет, когда он уже президентом АН УССР приехал в Ленинград. «Стояла ужасная погода, — говорится в ее воспоминаниях, — сыпал мокрый снег, непрерывно дул пронизывающий ветер, а трамвай на площади Революции все не появлялся. Даниил Кириллович был простужен, легко одет, но не роптал. Меня тогда поразило: сколько скромности в этом большом человеке! Ведь мог попросить машину, а он наравне со мной уже час мерзнет на улице!»¹¹.

Это — факт: Заболотного действительно отличала постоянная полная безучастность к собственному бытовому благополучию. А это не так уже часто удается людям. Где бы он ни жил, в его квартирах не было ничего показного — вещи приобретались только нужные. Если и были редкие, ценные, то это — официальные подарки правительств за спасение людей от чумы. Вполне в духе этой спартанской непритязательности и реакция Заболотного-президента после получения квартиры в Киеве. В Москву, В. И. Сухареву, он сообщал: «Живу с таким шиком, как никогда». О каком же «шике» шла речь? Всего-навсего о... двухкомнатной квартире с кухней и ванной. Радовало же академика другое: «Рядом — лаборатория, где я уже начинаю располагаться, — поставил походную койку». Что же касается наставленной всякой «мещанской» мебели — «гарнитура» (это сам Заболотный взял слова в кавычки! — *Н. П.*), то завхоз выслушал внушение: как так — лабораторных животных еще не добыли, а мебель ему привезли?!

Согласно посмертному акту описи судебного исполнителя Первой ленинградской нотариальной конторы за

¹⁰ *Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. М., 1958. С. 157.*

¹¹ Там же. С. 163.

№ 18729, выданной наследникам академика, после президента остались «лишь предметы квартирной обстановки и обихода и четыре ящика с книгами и рукописями»¹². И никаких денег. Как же так — ведь покойный зарабатывал немалые деньги и жил предельно скромно, всю жизнь ограничивал свои потребности минимальными расходами? Это не выдуманная правда: он из месяца в месяц, из года в год все заработанное раздавал нуждающимся! До последнего гроша, так что порой на трамвайный билет не имел. Даже когда сам был нищим студентом, длительное время ссужал, — пусть гроши — на пропитание однокурснику, еще большему, чем сам, бедняку, не имевшему ни родственников, ни здоровья для подработок. Позже он содержал (кормил, одевал, учил) добрых два десятка воспитанников, много делал для земляков — чеботарцев. Даже регулярно слал деньги матери жены, которая прокляла и свою дочь, и его.

«Крайне беспечный и до последней степени непрактичный, почти беспомощный в денежных делах, Даниил Кириллович постоянно нуждался в средствах, — свидетельствуют воспоминания академика Омелянского. — Едва сводя концы с концами и живя „от двадцатого до двадцатого“, умудрялся широко благотворительствовать, не задумываясь отдавать нуждающимся последнюю бумажку, завалившуюся в кармане»¹³.

Ту же картину наблюдала и ученица Заболотного А. И. Белоусова: «Часто можно было видеть, как после получения зарплаты этот добряк усаживался за письменный стол с карандашом в руках и старательно расписывал имена своих многочисленных воспитанников и иждивенцев и суммы денег, которые следует каждому отправить. Как правило, в первом варианте сумма денежных переводов превышала сумму полученной зарплаты. На замечание: „А на что вы сами будете жить?“ — отмахивался: „Да я как-нибудь, а хлопьятам без поддержки будет трудно!“ Если же после отправки переводов что-то и оставалось, то Даниил Кириллович умудрялся и скудный остаток зарплаты израсходовать, если не на книги для чеботарской библиотеки, то на лекарства для больных одно-

¹² Арх. Мемор. музея. Ед. хр. 44.

¹³ Арх. биол. наук. 1930. № 1. С. 7.

Київ 1/Х 29¹⁸⁹⁹
Якове! Посилаю
тибі книжки
квітки, кві-
стиць і давай
товаришам.
Тися на одежку
вашену завтра,
як поможу сай.
Сюдай книжка
зара не було
(ірнатова) Ружик
вайде з друку
преса, щоб здоров
Д. Заболотний

Письмо Д. К. Заболотного одному из воспитанников

сельчан или подарки учительницам и сельским девочкам. Так что близким приходилось отбирать часть денег, чтобы приобрести ему самое необходимое. Надо было видеть лицо Заболотного, если обращались к нему за помощью в час, когда и его карманы пустовали. Grimасы боли, неловкости буквально искажали его, и он тут же бросался к окружающим с просьбой „выручить“¹⁴.

В одном из писем к своему воспитаннику он писал: «Шлю тебе книги, Яков, — говорится в нем. — Поль-

¹⁴ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный; 1866—1929. С. 187.

зуйся сам и давай товарищам... Деньги на одежду вышлю завтра, как только сам получу... Учись и будь здоров... Д. Заболотный»

Самому же ему не нужны были ни государственная дача, ни зарплата директора института, как и «излишними» казались всякие депутатские и президентские льготы. Он просто дивился тому, что есть другая, отличная от его форма бытия — «мне», «для меня»!

За увлеченность наукой, безукоризненную честность, идеальное бескорыстие, патриотизм Даниила Кирилловича Заболотного глубоко уважали современники — крупные партийные и государственные деятели из славной плеяды соратников В. И. Ленина — А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, Г. И. Петровский. О нравственном облике ученого они говорили только в высшей степени.

Были ли у Д. К. Заболотного противники? «Были, — писал его ученик академик Л. В. Громашевский, — какой же крупный человек не возбуждает против себя враждебных чувств людей мелких, фальшивых? Встречались они и среди ученых с более или менее громкими именами, но их было всего несколько крикунов, которым знали цену все, в том числе и Даниил Кириллович. Зато те, кто сам был предан делу, кто служил Родине не за страх, а по совести, те преклонялись перед этим человеком, не даром прожившим жизнь»¹⁵.

Нельзя сказать, что Заболотный расточал свои симпатии без разбора. Он презирал тех, кто посвящал свое существование гнусному, с его точки зрения, карьеризму. Такое же осуждение встречали в его лице стяжательство и чванство — «генеральство», как он любил выражаться. Его коробили «бесцеремонность и эгоизм молодых и затхлость и заскорузлость пожилых»¹⁶.

А вообще в жизни это был неизменно настроенный на рабочий лад оптимист, светло глядящий в будущее весельчак, которого редко когда покидал дух бодрости, и неспроста близко знавшие ученого называли его «неисправимым жизнелюбом» и утверждали, что «ничто человеческое ему не чуждо».

В Заболотном жило то качество русского человека, которое Пушкин называл «веселым лукавством». Свою

---

¹⁵ Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 142.

¹⁶ Дневник, запись от 11 мая 1929 г.

заражавшую всех жизнерадостность академик подкреплял украинским юмором — милым, незлобивым, улыбочивым. Его лекции, выступления, переписка — все изобилует остроумными цитатами, наблюдениями, прибаутками. «На каждое слово, на каждый случай, — вспоминал профессор И. А. Добрейцер, — у Даниила Кирилловича был целый ворох притч, историй, версий, легенд, поговорок, присказок... Опытнейший педагог, он наверняка знал, что все это облегчает восприятие сложных научных понятий, сближает с аудиторией и отдельными людьми»¹⁷.

Общеизвестны его меткие характеристики слабостей случайных «светил». Г. П. Калина запомнил, как однажды Даниилу Кирилловичу, вернувшемуся с какого-то шумного ученого заседания, попалась на глаза детская книжка со сказкой о негритенке Самбо, остроумно спасшемся от семи тигров, — хвосты он им намазал медом. Слизав мед и не насытившись, звери стали пожирать друг друга. Заболотный взгляделся в рисунок и залиvisto рассмеялся:

— Точнейшая иллюстрация к сегодняшнему заседанию!¹⁸

Развеселить при случае не менее остроумного, чем он сам, собеседника Заболотному не составляло труда. Как-то поэту-декаденту Бальмонту, заинтересовавшемуся, знакома ли микробам любовь, ответил, что не уверен в этом, а вот, что поэтов среди них нет, в этом не сомневается. Даже самым обыденным вещам этому остряку удавалось придавать шутливую окраску — диван под его пером превращался в «диван-самосон», санаторная палата — в «келью» или «скворешню». Но чаще всего ученый подтрунивал над собой, называя себя то «чумогоном», то «чертополохом». Любил он острить и по поводу своего неоднократного «преждевременного отпевания», когда прошел ложный слух о его гибели на Украине. Огорченный затяжкой с приобретением обезьян для экспериментов, писал в одном из писем: «Обезьян еще нет. Они до сих пор в джунглях бегают и гримасничают по моему адресу...» Даже тяжело больной, бывало, переходил на шутку вроде этой: «Я слышал, что по обычаю каких-то народов стариков салят на высокое дерево и начинают трясти

¹⁷ Знання та праця. 1950. № 3. С. 17.

¹⁸ Арх. Н. А. Кошевой-Садовой.

ствол. Если удержался — живи, сорвался — пора помирать. А я, кажется, сорвался. . .»¹⁹

И так всю жизнь из неведомых тайников мозга этого человека, как из рога изобилия, изливался каскад шуток — точных, метких, емких, и самое обыденное, пропущенное через особый фильтр его восприятия, превращалось в нечто поучительно-праздничное.

Профессия ученого, да еще в таких беспокойных областях, как микробиология и эпидемиология, требовавших отдачи всех сил, казалось, должна была бы до крайности сузить его общий кругозор, сделать слепым и глухим ко всему, что не касалось науки. С Заболотным — человеком большого и яркого дарования, с глубоко самобытным характером — этого не произошло: он всю жизнь неустанно копил знания, но не стал «ученым сухарем». Диапазон его интересов был колоссален, а он все «алкал», как сам любил выражаться.

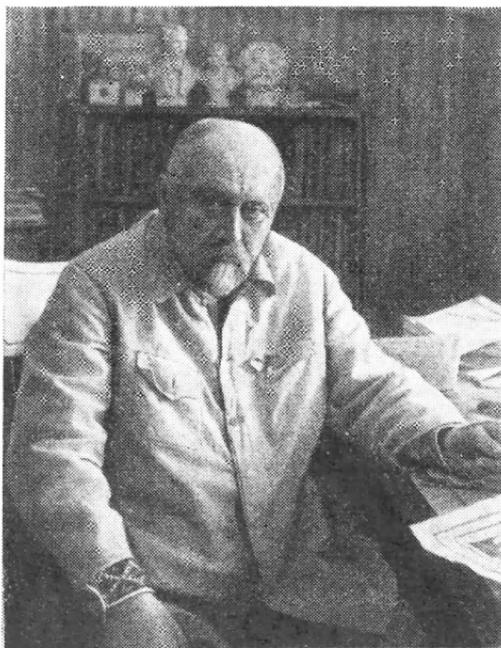
Интересен набор книг «малой» библиотеки ученого, частично сохранившейся в Мемориальном музее-усадьбе в селе Заболотном. Здесь соседствуют тома по химии и офтальмологии, астрономии и археологии, зоологии и цветоводству, русской словесности и рационализации американского хозяйства, истории и политэкономии. Судя по книгам, его интересовали Белинский и Писарев, Добролюбов и Чернышевский, Прудон и Кропоткин, Догель, и Бертенсон, Гауптман и Толстой, Скворода и Достоевский, Ибсен и Верхарн, Короленко и Чехов, Куприн и Немирович-Данченко.

Обширен и набор словарей — украинских, польских, французских, английских, немецких и параллельных, а также языковых самоучителей. Способность ученого к языкам общеизвестна — их он изучал буквально «на ходу»; с гимназических лет в совершенстве зная греческий, латинский и немецкий, самоучкой овладел французским и английским, да так, что, по свидетельству знатоков, «изъяснялся со скоростью курьерского поезда».

Талант полиглота ярко проявился во время одного из «холерных» заседаний Микробиологического общества в здании Института экспериментальной медицины, когда выступающие говорили на трех языках, а переводчиком стал один неутомимый и остроумный пред-

---

¹⁹ Арх. К. М. Гродского.

Д. К. Заболотный в 1929 г.

седатель — профессор Заболотный. Свидетелями подобного же были сотни людей и в Каневе, у могилы Т. Г. Шевченко, когда среди переводчиков не оказалось владеющих двумя языками: Заболотный легко, без запинок, переводил речи гостей с английского на французский и немецкий и наоборот, а также соответственно на русский язык. А когда в 1924 г. коллектив ИЭМ чествовал академика В. Л. Омелянского, он пригласил своего друга на чистейшей латыни.

Жизнь без знакомства со всем многообразием искусств ученый считал неполноценной, поэтому он хорошо знал художественную прозу, обожал поэзию и музыку, любил театр и живопись. В своих воспоминаниях академик Н. Д. Стражеско писал: «С удовольствием вспоминаю беседы Заболотного о литературе и искусстве у меня дома за чашкой чая. Даниил Кириллович увлекался художественной литературой, а также музыкой и изобразительным искусством, знал их в совершенстве и охотно вступал в спор с Л. А. Тарасевичем... Слушая их, я удивлялся увлеченности обоих

изящной литературой, как будто бы далеко отстоящей от бактериологии и эпидемиологии, их тонкому пониманию литературных произведений»²⁰.

Особой любовью у Заболотного пользовалась поэзия Гейне, Надсона, Лермонтова, Шевченко, Тютчева, позже — Тычины и Сосюры. Память его хранила массу стихотворений, которые ученый мастерски использовал в лекциях и печатных трудах. Особенно высоко он ценил талант Гейне — его поэтические строки ученый переводил, подражал им в собственных поэтических упражнениях, любил декламировать. К 1921—1922 гг. относится увлечение Заболотного стихотворениями Надсона. Очевидно, в эти годы безмерной тоски по умершей жене он нашел в надсоновской поэзии созвучие собственному настроению. В дошедших до нас работах, письмах и дневнике чаще других встречаются и отрывки из лермонтовских, пушкинских и есенинских шедевров.

Всегда жила в душе Заболотного и поэзия Т. Г. Шевченко. «Кобзарь» он знал наизусть едва ли не постранично, даже построчно, и пользовался цитатами из него чаще всего в минуты щемящей тоски, особого откровения.

Настал черед рассказать и о том, что Даниил Кириллович почти всю жизнь сам упражнялся в поэзии. Большинство из известных его стихотворений юношеской поры пропитаны революционной героикой. В них ярко прорастает авторское осуждение общества, основанного на социальном и национальном неравенстве и угнетении, слышатся призывы к борьбе. И в поэтическом творчестве он человеколюбец с особо зорким зрением и готовностью прийти на помощь страждущим. Даже в шероховатых, нешлифованных набросках ощущается сочность его народного языка и свойственная украинской поэзии поэтичность образов. Благодаря этому все стихотворения Заболотного — революционные, лирические, бытовые, комические — пронзительно точны и легко запоминаются.

Известен Заболотный и как знаток и ценитель музыки. Он охотно посещал спектакли труппы Мариинского театра, видели его на концертах хоровых капелл. Музыкальную классику и народные мелодии, особенно украинские песни, мог слушать без конца. «Помню,

---

²⁰ Врачеб. дело. 1950. № 1. С. 10.

Как раз, взглянув на часы, профессор придвинул к себе громкоговоритель и замер, — вспомнил случай профессор Г. П. Калина. — „Сейчас будут передавать гавайские мелодии. Давайте на несколько минут перенесемся на Гавайи и послушаем банджо!“ — предложил мне Даниил Кириллович²¹. Восьмого апреля 1928 г. в его дневнике появилась запись: «Слушал по радио сибирскую песню „Славное море — священный Байкал...“ Хороша». За две недели до смерти, уже безнадежно больной, настоятельно советовал своей ученице Ю. М. Лебедевой обязательно послушать в Киевской опере спектакль «Князь Игорь»: «Он не такой пышный, как в ленинградской опере, зато весьма оригинален». На кафедре микробиологии Первого Ленинградского медицинского института долго помнили, как однажды, получив гонорар, профессор закупил две ложи Мариинского театра для коллективного похода своих сотрудников.

Трепетное восхищение — иначе не назовешь его тонкое восприятие красоты и непреходящего величия природы. Но постоянная тоска по близкой с детства неброской природе родной Чеботарки не мешала этому вечному страннику восторгаться и красотой Уральских гор, и красками монгольских пустынь, и раздольем степного Поволжья, и пейзажами Индии, Китая, Ирана, где довелось ему побывать. Возвратившись из Аравии, он пересыпал свой отчет поэтическими отступлениями вроде следующего: «Нет более красивого зрелища, чем зажигающиеся искристым блеском гребни волн Красного моря в темную ночь. След движущегося по морю парохода кажется светлой серебристой полоской...» «На речной склон, на листву деревьев золотая осень положила свой грустный, но живописный отпечаток. Целая гамма оттенков видна из окна моей „скворешни“», — живописал он осень в Кисловодске²².

В Заболотном жил большой художник, поэтому, когда речь заходила о родной природе, описания ее и в дневнике, и в письмах были выпуклы, зримы. Каждая запись — буквально поэтический этюд! В днев-

---

²¹ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. М. 1958. С. 167.

²² Заболотный Д. К. Санитарное значение Красного моря в эпидемиологии. СПб., 1899. С. 4.

Президент среди земляков-чеботарцев

нике он, например, запечатлел такие картины: «21 февраля 1929 года. Вчерашняя лунная ночь с морозом. От деревьев падают тени узорами на искрящийся снег... С утра — туман, деревья покрылись инеем, сад убран, как невеста в очаровательной сказке». И еще одна, последняя запись в дневнике, сделанная 11 августа 1929 г.: «Воскресенье, Чеботарка. Чудный тихий день. На траве свежая роса. Ветерок повевает. Цветы пышно распускаются, выросли в рост человека, качают головками...»

Любил Заболотный и лес. Бывая в Чеботарке, часто бродил среди вековых сосен, дубов и лип. Они его буквально завораживали протяжным шумом верхушек, тихим свистом, скрипом, вздохами, лопотанием листьев, сливаясь в сознании в осмысленную гармонию.

Упиваясь природой, великий гуманист мечтал о приведении в гармонию с ней жизни человечества. «Если... мы оглянемся вокруг себя, — писал он в одном из „Писем крестьянам“, — то увидим, как прекрасен окружающий нас мир с румяными зорями, очищающими грозами, пышным покровом зеленых лесов, блеском ясных звезд и игрой кристаллов. Сколько раз-

лито красоты во всем многообразии грандиозных явлений природы, в обилии органических форм и в проявлениях жизни!

Пытлив и всеобъемлющ должен быть человек, чтобы найти свое настоящее место, не затеряться и не заглохнуть среди других существ и утвердиться в своем праве на совершенство».

И в молодости, и на склоне лет ученый очень любил цветы — он их сажал, выращивал, покупал и дарил. Они сопутствовали ему всюду — дома, в лабораториях, экспедициях. В любую пору года цветы стояли у него на столах, на окнах, их можно было увидеть у него в руках и в петлице пиджака, обнаружить между книжными страницами экспедиционных блокнотов, книг, рукописей. Мастерски засушенные, он рассылал их отовсюду, куда ни забрасывала его судьба. А возвращаясь домой, привозил из всех стран семена, рассаду, саженцы, гербарии. Одна из учениц писала о том, что где бы Даниил Кириллович ни бывал, всюду он прежде всего находил почту, а потом цветочный магазин и очень огорчался, когда в нем не оказывалось цветов.

Искренне преданный вам. . .

Вехи биографии Заболотного, кроме дат и географических точек, отмечены еще и встречами с крупными учеными, государственными деятелями, мастерами культуры. За год до кончины академик записал: «Жизнь пролетела как миг. . . отдельные встречи мигают как путеводные огоньки»²³.

Все знавшие ученого в своих воспоминаниях говорят о его «особом таланте пленять сердца людей», «привязывать их к себе на долгие годы». Если Заболотного всегда привлекали подвижники науки, готовые во имя нее принести любые жертвы, то и он сам, с его счастливым сочетанием таланта с прекрасными человеческими достоинствами, где бы ни появлялся, становился центром притяжения людей самого разного возраста, служебного положения и социального происхождения.

Но жизнь ученого украсили не симпатии сановников, а многолетние знакомства с блестящими микро-

²³ Дневник. Запись от 23 июля 1928 г.

биологами — Кохом, Стронгом, Мадсенем, Китагато и др. Особенно теплыми у него были отношения с двумя французскими коллегами-профессорами — Э. Ру и А. Йерсенем. Такие выдающиеся русские естествоиспытатели, как академики А. О. Ковалевский, С. Н. Виноградский, В. В. Подвысоцкий, были вначале учителями, а позже друзьями Даниила Кирилловича. Об отношении его к этим крупным ученым можно судить по его публикациям мемуарного характера. Некоторая субъективность воспоминаний позволяет уточнить, какие человеческие черты ему особенно импонировали. Высшей точкой отсчета личных добродетелей героев этих очерков Заболотному служит одно — мера преданности «делу поисков научной правды», «непоколебимая вера в творческую силу знаний».

Если судить по воспоминаниям Д. К. Заболотного, то в его жизни особое место занимал И. И. Мечников. О нем он впервые услышал в гимназические годы, позже горевал: «К сожалению моему, И. И. Мечникова в университете я уже не застал. На бакстанции встречи были редкими, эпизодическими...»²⁴ Однако в судьбе молодого Заболотного гениальный ученый сыграл серьезную роль. В освобождении его из одесского тюремного «замка» и трудоустройстве на Одесской бактериологической станции — «учреждении, необычном по своей конструкции и привлекательном по своему духу... ставшим для меня „вторым домом“»²⁵, как говорил сам академик, — видна добрая рука И. И. Мечникова. По мнению ближайшего друга Даниила Кирилловича В. Л. Омелянского, именно под руководством Мечникова Заболотный «получил основательную бактериологическую выучку... Так что его можно считать воспреемником дела Мечникова в области бактериологии»²⁶.

Более близкое знакомство Заболотного с Ильей Ильичом — уже в то время ученым с мировой известностью — произошло в год окончания Киевского уни-

---

²⁴ *Заболотный Д. К.* Памяти И. И. Мечникова // Киев. мысль. 1916. № 182. С. 3.

²⁵ Речь на торжеств. заседании науч. конф. Одес. санбакинститута 12 сент. 1926 // Отчет Ин-та за 1926 г. С. 39.

²⁶ *Омелянский В. Л.* Речь на гражданской панихиде в связи с оказавшимся впоследствии ложным слухом о гибели Д. К. Заболотного на Украине // Арх. биол. наук. 1930. № 1. С. 4.

верситета (1894 г. — *Н. П.*), когда на юге России разразилась очередная пандемия холеры. В его «Автобиографии» (с. 1) есть фраза: «За время моего студенчества в Киеве туда приезжал из Парижа И. И. Мечников и приходил к нам в лабораторию, интересуясь работой по холере». А опыты по холере в лаборатории В. В. Подвысоцкого в ту пору ставил в основном Заболотный. Поэтому профессор Виноградский, сообщая Мечникову в январе 1897 г. о составе русской экспедиции в Индию, не был точен, когда рядом с фамилией тогда еще начинающего врача Заболотного написал: «... известный, наверное, вам по имени». Не только по имени, а уже и по нескольким серьезным работам, в том числе и по самовакцинации через рот против холеры!

Сближается Заболотный с Мечниковым по возвращении из Бомбея, когда его приглашают поработать в парижском Пастеровском институте. Общение с гениальным естествоиспытателем оставляет отпечаток: прослушанный в институте курс по микробиологической технике, совместный с Ильей Ильичом анализ привезенных из Индии материалов дают молодому ученому мощный творческий заряд. С этой поры и на всю жизнь Мечников войдет в сознание Д. К. Заболотного как идеальный тип русского ученого. Обласканный им, он будет питать к своему наставнику чувства, полные симпатии, и искать малейший повод побывать в его парижской лаборатории или «заманить» профессора в Россию.

Из переписки между Мечниковым и Заболотным время сохранило всего несколько писем, в том числе одно за подписью Ру и Мечникова по поводу Заболотного. Если судить по ним, то уже весной 1898 г. Мечников ценил своего молодого соотечественника как крупного специалиста по чуме. В конце декабря 1901 г. Заболотный получает от Мечникова книгу с дарственной надписью. В тоне ответного письма — абсолютная доверительность. При чтении его кажется, что автор продолжает давно начатый разговор о бестолковости русских властей, определяющих судьбу отечественной медицины. Тесный деловой контакт поддерживает Заболотный с И. И. Мечниковым и в годы изучения сифилиса, особенно после основания в ИЭМ специализированной лаборатории экспериментальной сифилидологии, руководить которой доверено ему.

Заболотный многократно приглашал Илью Ильича к себе в гости и каждое приглашение подкреплял заверением, что его появление в России будет встречено с восторгом, как праздник. Так и произошло в 1909 г., когда после получения в Стокгольме Нобелевской премии Мечников приехал в Петербург по приглашению старейшего на его родине Петербургского общества микробиологов, которое уже тогда возглавлял Д. К. Заболотный. Дни пребывания ученого в Петрограде превратились в праздник русской науки и осуждения официальных правителей России, именовавших его не иначе как «крамольником».

На второй же день после торжественного заседания в Медицинском обществе²⁷ профессор посетил кафедру Заболотного в ЖМИ. Это было демонстративным выражением почтения высокого гостя к своему талантливейшему ученику. После осмотра лаборатории он принял предложение подробно обсудить целесообразность массовых прививок против холеры. Собравшиеся перешли в актовзый зал института, и начался горячий диспут, растянувшийся на три часа.

Как известно, Мечников до конца жизни считал вакцинацию против холеры убитыми вибрионами «необоснованным и безусловно бесполезным средством». Заболотный же и группа его учеников (кстати сказать, оказавшиеся правыми! — Н. П.) с помощью статистических данных доказывали, что он в этом случае заблуждается. Диспут закончился, каждая из сторон осталась при своем мнении, но от этого личные отношения между учителем и учеником нисколько не пострадали: наоборот, Заболотный высоко расценил даже сомнения своего наставника, они убедили его в необходимости в «целях окончательного разрешения вопроса» продолжить опыты с точной регистрацией наблюдений за энтеральной иммунизацией.

По сообщениям петербургских газет, старейшее научное общество русских врачей совместно с обществами микробиологическим и охранения народного здоровья просили И. И. Мечникова прочесть доклад на тему: «Исследование холерного вибриона в Пастеровском институте». История этого собрания небезынтересна.

---

²⁷ Сборник, посвященный И. И. Мечникову в память пребывания его в Петербурге 14—26 мая 1909 г. СПб., 1909.

Восемь часов вечера. На эстраде в доме Дворянского собрания представители научных обществ, члены депутатий высших медицинских заведений Петербурга, различных ведомств, городской управы, вольнопрактикующих врачей. И. И. Мечников в сопровождении И. П. Павлова появляется за столом президиума, а председательствующий Д. К. Заболотный, по выражению «Биржевых ведомостей», — «с небольшим опозданием».

Почему с опозданием? Заболотный все поджидал кого-то — надеялся, что пришедшее к его учителю мировое признание, восторженный прием петербургской публики заставят официальные власти, в свое время выжившие гения из России, признать свою ошибку хотя бы одним присутствием на лекции лауреата почетной международной премии. Нет, ни время, ни гневные голоса честных людей ничему не научили царских приспешников, покрывших себя несмываемым позором душителей свободной научной мысли: министерство народного просвещения не прислало на лекцию своего представителя! Об этом, наверное, думал Заболотный, переживая долго не смолкавшие аплодисменты, адресованные И. И. Мечникову, потому что, переполненный негодованием, он произнес свою, может быть, самую короткую и самую гневную в жизни речь:

«Открываю сегодняшнее публичное заседание микробиологического общества с особым чувством гордости — среди нас находится почетный член общества, завоевавший всемирную известность русский ученый, но только — гость России...»²⁸

За этими словами — личное преклонение перед отвергнутым косным царизмом гением, осуждение власть имущих. Какой позор — русский гений только — только гость России!

Эта поездка в Россию запомнилась и Мечникову. Во всяком случае, уже из Парижа в адрес Заболотного он отправил свое фото (хранящееся ныне в 1 Ленинградском медицинском институте) с такой дарственной надписью: «Слушательницам ЖМИ, работающим в бакинституте (на кафедре, к тому времени переименованной в кафедру микробиологии. — *Н. П.*), с пожеланием всякого преуспеяния в борьбе против наших

---

²⁸ Сборник, посвященный И. И. Мечникову в память пребывания его в Петербурге 14—26 мая 1909 г. С. 112.

микроскопических врагов на добрую память». Это и еще одно фото, датированное 8 декабря 1911 г. (фото утеряно. — Н. П.) с надписью: «Дорогому Даниилу Кирилловичу. Искренне преданный Илья Мечников. Париж» ученый бережно хранил до конца своей жизни.

В 1913 г., после смерти директора ИЭМ академика В. В. Подвысоцкого, Заболотный в первую очередь в полном согласии с собственной мечтой и «по соглашению с многочисленными друзьями и учениками» обратился к своему учителю и другу с конфиденциальной просьбой «в случае предложения не отказываться от директорства и принять на себя руководство работами русских микробиологов»²⁹. Но предложение занять вакантный пост так и не последовало — всего живого, мыслящего царизм боялся пуще огня, а тут попытка вернуть в Петербург такую непокорную особу, как Мечников! Так и не сбылась мечта Заболотного возратить России И. И. Мечникова. Вся эта история оставила в душе Заболотного глубокую рану. Вот почему он неоднократно в своих публицистических статьях возвращался к теме вынужденного «по условиям русской жизни» пребывания гордости русской науки — Мечникова за границей.

Исключительное почтение, можно сказать, преклонение перед гениальным естествоиспытателем видно из эпитетов, которыми пользовался Заболотный при каждом упоминании его имени. В устах ученого Мечников то «титан знаний», то «насадитель микробиологического направления в России», то «пронзительный ум и страстное сердце», то ученый, «именем которого человечество может справедливо гордиться».

Заболотный не упускал случая еще раз отдать дань уважения своему наставнику и другу и вскоре после его смерти присвоил имя И. И. Мечникова созданной при ЖМИ лаборатории для приготовления брюшнотифозной и холерной вакцин, а в 1926 г. по случаю десятилетия со дня смерти прославленного ученого посвятил ему новый капитальный сборник «Чума на юго-востоке СССР и причины ее эндемичности», ему — «могучему вдохновителю научных исканий».

Среди хранящихся в Мемориальном музее Д. К. Заболотного оригиналов не публиковавшихся еще статей есть написанные его рукой две страницы с оценкой

²⁹ Борьба за науку в царской России. М., 1931. С. 174.

вклада Мечникова в сокровищницу мировой науки и его учения об иммунитете. Ученый, видимо, пристально следил за работами, выходящими из-под пера учителя, и, когда появилась книга И. И. Мечникова «О человеческой природе», откликнулся на нее восторженной рецензией.

Отношение к учителю восхищенного ученика нашло особенно яркое выражение в серии широко известных статей Заболотного: «Илья Ильич Мечников», «К семидесятилетию И. И. Мечникова», «Памяти И. И. Мечникова», «Илья Ильич Мечников — насадитель микробиологии в России», «Мечников и современная медицина», «Творчество И. И. Мечникова».

Этими статьями Заболотный создал достойный памятник своему большому другу. В его изображении Мечников — человек живой, ошибавшийся и мучившийся в поисках правды и истины, удивительно умевший откликаться на нужды времени. Лично для Заболотного он — кумир, как бы мера порядочности, человеческой верности высоким идеалам.

Не менее теплыми чувствами отвечал Заболотному и Мечников — следил за его работами, часто ссылаясь в своих трудах³⁰ на его эксперименты с заражением сусликов холерой, по самовакцинации против нее и экспериментальному сифилису³¹ и квалифицировал их как «ценные», «интересные», «проливающие свет». В письмах величал не иначе как «дорогой Даниил Кириллович» и неизменно подчеркивал: «Искренне преданный Вам».

О. Н. Мечникова в своих воспоминаниях о дружбе между А. О. Ковалевским и И. И. Мечниковым писала: «Дружба эта была соткана из драгоценных нитей. Поклонение общему идеалу правды и знания, пламенное искание их, страстное научное призвание, отзывчивость к людям и ко всему возвышенному, доброта, сила привязанности — вот то общее, что связывало их». Если все это было исходным во взаимоотношениях между двумя великими учеными одного поколения, то и взаимоотношения таких крупных научных величин и красивых людей, какими были Мечников и его ученик и последователь Д. К. Заболотный, не могли строиться на других принципах.

³⁰ Мечников И. И. Собр. соч. Т. 6, 10. М., 1950. 1959.

³¹ Там же.

У четы Заболотных была масса знакомых среди петербургской и украинской интеллигенции. Л. В. Радецкая-Заболотная, мечтавшая о сцене, дружила с прославленной украинской актрисой Марией Заньковецкой, а позже, в Петербурге, с оперной «звездой» императорского театра, в прошлом казачкой Верой Симеоновной Малевской. Знал ученый писателя Михаила Коцюбинского, в редакции журнала «Русское богатство» встречался с В. Короленко, а в Париже — с поэтом К. Бальмонтом.

Но особой продолжительностью, теплотой отличалось его знакомство с А. М. Горьким.

Где и когда познакомился Заболотный с Горьким, точно установить пока не удалось. Одни авторы считают, что свел их В. М. Бехтерев, знавший писателя еще по Казани и друживший с Д. К. Заболотным в Петербурге. Другие полагают, что сближение ученого с Горьким произошло в стенах Института экспериментальной медицины — особый интерес писателя к естествознанию общеизвестен. Микробиология с ее огромными возможностями непосредственного служения великому делу борьбы за жизнь и здоровье людей вызвала у А. М. Горького неизменное чувство восхищения. Возможно, рассчитывая на получение научной информации из первоисточника, он и познакомился с Д. К. Заболотным. Во всяком случае, в пятом томе Собрания сочинений писатель приводит эпизод, подробности которого он узнал, по его словам, от «профессора З. — бактериолога» совершенно определенно в до-революционное время, поскольку действующие лица в нем — царские генералы-антисемиты³².

Так что ко времени Февральской революции Горький знал Заболотного достаточно хорошо.

Роднило их многое, но в первую очередь одинаковое представление о высоком назначении науки в служении трудовому народу. И когда родилась идея об основании Всероссийской свободной ассоциации по распространению положительных знаний, своего рода центра по организации научных изысканий и популяризации в массах научных знаний, Горький из всего окружения выбрал себе в ближайшие помощники не кого-то, а Д. К. Заболотного.

---

³² Горький М. Собр. соч. Т. 5. М., 1951. С. 289.

Помимо близости воззрений на происходившие в ту пору в России политические события и безоговорочного принятия программы Ассоциации, эти две крупные личности испытывали взаимную симпатию и интерес друг к другу. Ведь в их судьбах было много общего — оба поднялись из самых трудовых низов, оба подвергались гонениям самодержавия, оба были преисполнены мятежным духом протеста против социальной несправедливости и того «загона» науки, в котором она находилась в старой России, — ведь не было в мире страны, где к ее свободным устремлениям, по словам Горького, относились бы с такой враждебностью и где с людьми науки обращались бы более отвратительно, чем в России старого режима.

Со всей ответственностью можно утверждать, что их сближение не было случайным. В глазах Заболотного Горький выглядел «человеком хорошего дела»³³, поскольку он свято чтит науку и ученых и одним из первых пришел им на помощь в первые тяжелые годы Советского государства. Как такого человека не почитать, не тянуться к нему? А гениальный «человековед» Горький в Заболотном разглядел и родство в происхождении, и редкую талантливость, и ясный ум, и энциклопедическую образованность, и душевную бодрость, и великое мужество при мягкой натуре, и боевой темперамент.

Как утверждают земляки Заболотного, профессор в 1919—1920 гг. ждал приезда А. М. Горького к себе на родину «на поправку», но так и не дождался из-за обстоятельств гражданской войны.

По возвращении в 1923 г. из Одессы в Петроград овдовевший Заболотный пригласил в свою семейную «коммуну» многочисленное семейство ученицы А. И. Белоусовой. Она-то и сохранила полную живых деталей картину посещения Горьким Заболотного.

«После революции Даниил Кириллович часто виделся с А. М. Горьким. Они оба принимали деятельное участие в организации Ассоциации интеллигенции по распространению научных знаний. Я сама видела, с каким интересом Алексей Максимович слушал рассказы Даниила Кирилловича о событиях его богатой встречами и впечатлениями жизни. Покашливая, Горький

---

³³ Заболотный Д. К. Дневник. Запись без даты, но явно сделанная во второй половине 1928 г.

говорил своим глуховатым голосом, нажимая на „о“, что без „авторской“ мимики, жестов, интонации его рассказы многое теряют»³⁴.

Если исходить из того, что Горький, по его собственным словам, был «охотником» за своеобразно оригинальными людьми и мог по-юношески увлекаться ими, но обладал сложным характером и дружба с ним не была легким делом, то Заболотный оказался в числе тех, в ком писатель явно разглядел какую-то интересную для себя «изюминку».

В Виннице обнаружены два черновика писем Заболотного без адресов и дат, но явно адресовавшихся А. М. Горькому. Первое начинается так: «Ваше коротенькое письмо из „прекрасного каприйского далека“ произвело ободряющее действие. Я, было, прихворнул и под влиянием болезни приуныл... Сейчас снова на ногах... Порой кажется, что горы бы сдвинул, да сердце мешает!..» Во втором речь идет об отправке Горькому книги «Чума на юго-востоке СССР» и «Основ эпидемиологии». Одновременно академик сообщает: «Усиленно по Вашему совету занимаемся популяризацией в... периодических изданиях. Очень было бы хорошо, если бы Вы Вашим живым и доходчивым словом помогли нам в этом, как было при „Ассоциации положительных наук“»³⁵.

Последний раз два великих современника виделись в июле 1928 г. в Харькове, когда писатель сделал кратковременную остановку по дороге на Днепрострой, а Д. К. Заболотный, недавно избранный президентом ВУАН, специально приехал из Киева, чтобы повидаться с давним другом. Из всех их встреч эта была самая трогательная. Два взаимно дружелюбно настроенных, уже немолодых и очень нездоровых человека делились самым сокровенным. Об этом известно по записи самого ученого в дневнике. «Харьков, 11 июля 1928 г., — говорится в одной. — Сегодня виделся с Горьким, у которого провел больше часа... Говорил с ним о разворачивании научной работы на Украине и — вообще, а также о „хатках науки“».

В Мемориальном музее Д. К. Заболотного, как память о дружбе А. М. Горького и Д. К. Заболотного,

³⁴ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный: 1866—1929. С. 157.

³⁵ Вин. правда. 1976. 18 дек.

Книга пьесы «На дне»,
подаренная через
Д. К. Заболотного чебо-
тарской молодежи ее ав-
тором — А. М. Горьким

Чеботарской молодежи
от всего сердца
А. Горький
18. 10. 20

бережно хранится книга с пьесой «На дне» с дарственной надписью Горького, адресованной молодежи села Чеботарки.

Размеры работы не позволяют подробнее рассказать о всех, с кем дружил, кого почитал наш великий сооте-

чественник, — так широк был круг людей, которые интересовали его, и тех, кого привлекал он сам. Достаточно отметить, что в условиях ленинградской блокады и фашистской оккупации Украины погибло более трех тысяч наиболее дорогих для Д. К. Заболотного писем.

На посту — до конца

Жизнь пролетела как один миг...

Д. К. Заболотный

Светя другим, сгораю... Этими словами известного голландского ученого Ван Тьюльпа можно без оговорок начать рассказ о последних годах жизни Д. К. Заболотного.

Он сам как-то подвел итог прожитому. «Как я в самом деле жил? С внешней стороны, безусловно, хорошо, — писал он в сентябре 1928 г. — Судьба дала мне многое из того, к чему многие настойчиво пробираются и что не составляет (для меня) смысла жизни. А вообще жизнь пролетела как один миг. В ней (было) много красивого и сурового... Порой жилось очень тяжело...» И не удивительно, что уже после шестидесятилетия жизнь этого редкого человека, вся стремительная, захватывающая, круто пошла под откос. Истощала его силы непередаваемая тоска по жене — со смертью ее что-то надорвалось в душе Даниила Кирилловича, в ней навсегда поселились непрерывное глубокое страдание, удрученность. К тому же вышло так, что этот всегда общительный человек вдруг оказался в одиночестве. Повзрослев и обрета профессии, разлетелись по стране его воспитанники. Почти в одночасье один за другим ушли из жизни и самые близкие друзья — Я. Ю. Бардах, Л. А. Тарасевич, В. Л. Омелянский. А с переездом в Киев остались в Ленинграде и давние верные сотоварищи по научным поискам.

И этот обессилевший в трудах и заботах пожилой человек, так нуждавшийся в простом человеческом тепле и участии, все чаще стал прибегать к горькому слову «беспризорный». Он очень болен. В письмах той поры то и дело встречаются печальные «лежу», «бастует сердце», «плохи ноги», «трудно повернуться», «силы и здоровье на исходе». Но он и сейчас не думает о себе: горько ему оттого, что «многие замыслы еще не осуществил», что «много есть намерений, но

сил на них нет», что «порывы есть, а крепости недостает, здоровье на исходе». Зато каким торжеством, какой радостью наполнены фразы: «Желание работать есть...», «Вышел на работу...», «Наконец начал работать!», «Собрал силы на дело, близкое моему сердцу. Оно бодрит и оживляет будничные дни моего здешнего пребывания».

А где-то внутри, в глубине, все-таки точила мысль: «Нужно быть готовым кончать свою жизнь». Как? Насчет этого он знает четко: «...стоять на своем посту, работать, сколько смогу».

Действительно, всенародное почтение, уважительное отношение самых высоких партийных и государственных деятелей, научные интересы, депутатские обязанности, наконец, избрание его, врача, в действительные члены АН СССР помогают на время забывать о болях и потерях. После приступов стенокардии и новых ревматок президент ВУАН появляется у себя в кабинете, выступает перед многотысячными аудиториями. «В нем еще много буйной энергии», — сообщает В. И. Вернадскому после октябрьской встречи с Даниилом Кирилловичем профессор Н. Г. Холодный. А в письмах самого президента в этот период встречаются фразы: «Адски занят», «...не вижу конца заботам». «Поднявшись на ноги после изматывающей болезни, которая не столько искупила старые грехи, сколько содействовала накоплению новых, — сообщает он И. А. Добрейцеру, — решил снова завязать связь с живым миром, добродетель в котором имеет большую цену, чем отшельничество»¹.

В ноябре 1929 г. Заболотный отправляется из Киева в Ленинград для окончательной передачи дел в Медицинском институте, Военно-медицинской академии и Институте экспериментальной медицины — возраст, нездоровье и объем академических забот не позволяют ему продолжать работу в двух городах. Профессор В. Любименко, встретившийся с президентом в Ленинграде, позже писал: «Много разговаривали о научной работе ВУАН. Я видел не старого еще человека, очень подвижного и энергичного, полного перспектив и планов»².

¹ Добрейцер И. А. Памяти Д. К. Заболотного // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 9.

² Вісник прикл. ботаніки. 1930. № 1. С. 11.

Но Заболотный где-то простыл. Ученики, провожавшие его в Киев с Детскосельского вокзала, не подозревали, что видят своего учителя и друга в последний раз. 27 ноября «Ленинградская правда» опубликовала тревожное сообщение из Киева: «Президент ВУАН заболел... Положение больного врачи признают чрезвычайно серьезным».

События между тем разворачивались почти с неправдоподобной стремительностью. Несмотря на усилия коллег-светил, отличный уход, трогательное внимание украинского правительства, грипп осложнился сначала гриппозной пневмонией, потом сепсисом, менингитом, инфарктом, инсультом. Напрасно после каждого очередного коллапса больной надеялся на возвращение к жизни, сам себя утешал: «в микроскоп и одним глазом смотреть можно!» — силы были неравны... 13 декабря он еще смог пожаловаться собравшимся у его постели: «Я еще многое не успел сделать...» — и гаснущим голосом прошептал: «А вы любите науку и правду...» На этом сознание мудреца навсегда померкло. Смерть, которую он так ненавидел и с которой так неистово боролся, взяла верх...

* * *

16 декабря газеты и радио разнесли печальную весть: оборвалась жизнь, равная эталону нравственной чистоты, высокой гражданственности, патриотизма, верности идеалам гуманизма.

«Когда умирает ученый, умирает целый мир», — гласит индийская пословица. Что касается Заболотного, то с ним действительно ушел необъятный мир замыслов, свершений, мыслей, безграничной доброты. В тот мрачный декабрьский день в лице Заболотного человечество лишилось редкого гуманиста, страна — крупного ученого и организатора науки, а его родная Украина — удивительного сына.

Полны горького сожаления телеграммы Советского правительства, президиума АН СССР. Смерть Д. К. Заболотного болью отозвалась во всех концах мира — глубокую скорбь по поводу его кончины выразили правительства Индии, Китая, Индонезии, Германии, ученые институтов Пастера в Париже и Коха в Берлине, ряд научных обществ США.

• В Одеському
університеті
в 1885—1891 рр.
вчився і працював
видатний діяч
вітчизняної науки
мікробіолог
та епідеміолог
Президент
Академії Наук УРСР
академік
Данило Кирилович
ЗАБОЛОТНИЙ

Памятная доска на здании Одесского университета,
где учился в 1885—1891 гг. будущий академик

Скорбит печать. Газеты пишут о покойном как о «народном герое», мужественно служившем своей родине больше сорока лет: «ушел из жизни крупнейший ученый современности...», «медицинский мир потерял одного из виднейших своих представителей, именем которого он может гордиться». Редакция «Микробиологического журнала», выражая меру скорби советских ученых, назвала смерть этого «исключительного по своему дарованию крупного ученого и общественного деятеля и редкого по душевным качествам человека» «истинным горем для всей русской науки»³.

Еще одним, нарастающим аккордом бессмертия ученого стали его похороны, вылившиеся в совершенно исключительное преклонение перед памятью академика. Двое суток, пока гроб с телом покойного оставался в Киеве перед отправкой, согласно завещанию, для погребения на его родине — в селе Чеботарке, несчетное число людей пришли отдать последний долг своему любимцу. К специальному траурному поезду

³ 1930. Вып. 2/3. С. 3.

гроб ученого был доставлен с воинскими почестями ⁴. И снова огромные людские толпы, скорбные лица, полные слез глаза. Вся Украина, вся страна, весь мир с горечью прощались со своим благодетелем.

Всю ночь, пока поезд шел до станции Вапнярки, а потом до Крыжополя, тысячи опечаленных людей встречали его с венками и факелами, жалобно салютовали заводские гудки и встречные паровозы. У гроба в почетном карауле, сменяя друг друга, стояли государственные и партийные деятели; ученые и шахтеры, железнодорожники и военные. Когда на станции Крыжополь гроб вынесли из вагона, многотысячная толпа в едином порыве опустилась на колени — народ прощался с «чеботарским академиком», «большим фершалом», «батькой Данилой», учителем, другом, целителем.

Траурный кортеж, двигавшийся в сторону Чеботарки, растянулся на несколько километров — то были последние километры бесконечных поездок ученого. Теперь — по земле отцов, к месту погребения. Впереди шли девушки с охапками хризантем, которые так любил покойный, потом — опоясанный воинским почетным караулом, запряженный шестеркой коней, двигался лафет с гробом. Перед въездом в Чеботарку в знак скорби перед гробом склонились три десятка знамен окрестных сел. По местной неписаной традиции все заборы Чеботарки были укрыты коврами — так принято на Подолии встречать самых дорогих людей. Наконец, под ружейный салют земля, неизменно родная для покойного, приняла своего славного сына...

Уже вечером состоялось внеочередное заседание Чеботарского сельского Совета. Депутаты просили украинское правительство переименовать Чеботарку в село Заболотное. А через месяц имя ученого было присвоено еще и двум институтам, техникуму, ремесленному училищу, ботаническому саду в Одессе, улицам, учреждены стипендии и научные премии его имени.

Светлой памяти ученого посвящены учебники, сборники и целые номера научных и научно-популярных журналов, два кинофильма. К нашим дням список публикаций о Д. К. Заболотном составил около 250 на-

---

⁴ В общей сложности он отдал армии десять лет и успел много сделать для обеспечения ее санитарного благополучия.

Памятная медаль, выпущенная к 100-летию со дня рождения академика

званий монографий, статей, художественных и публицистических произведений. Дважды издавались его труды — в виде двухтомника (в 1956—1957 гг.) и однотомника (в 1969 г.). На шести зданиях в Одессе, Киеве и Ленинграде установлены памятные доски и барельефы. В 1966 г. по решению ЮНЕСКО прогрессивная общественность мира широко отметила столетие со дня рождения советского ученого.

Украина, Чеботарка, Мемориальный музей...

Разве можно не побывать в краю, в селе, которые пользовались такой беззаветной любовью Д. К. Заболотного, его безмерной сыновней верностью, с которым он никогда не порывал связей, куда бы ни забрасывала его судьба, каких бы высот славы и почета он ни достигал. Побывать на усадьбе, которую академик называл то «родовым гнездом», то «моей колыбелью», то «чеботарскими пенатами», а друзья полусушутя-полусерьезно — «раем Заболотного». Полусерьезно потому, что в письмах и устных рассказах о своем «имении» он так живописал прелести этого подольского уголка Украины, что и впрямь можно было думать: нет на земле места краше, чем Чеботарка!

Он всегда помнил, что это она наделила его святым чувством долга перед народом, привила понятия о добре и зле, помогла измерить глубину страданий

народных масс от социальной несправедливости. Вот почему село всю жизнь было для Заболотного как бы точкой опоры, своего рода родником, из которого он черпал силы и вдохновение для творческих поисков.

Побывав в родных краях, этот крестьянин-академик обычно уезжал освеженный, словно «живой» воды напился. В его письмах и дневнике встречаются такие откровения: «Сегодня отправляюсь в дорогу с хорошим воспоминанием о милом, дорогом уголке, где нашел покой и красоту». Его завораживала, успокаивала, лечила сельская тишина. Он сообщал: «После двух месяцев сельской жизни возвращаюсь в Киев обновленным...»⁵

Уют родного дома наполнял этого вечного скитальца теплом и умиротворением. В нем, пусть приземистом, подслеповатом и постепенно оседавшем, скобочившемся, всегда стоял неистребимый запах сушеных трав и яблок, так напоминавший о матери. В книжных шкафах его ждали книги, а у самого порога дома — разлив цветов и частокол тогда еще молодых деревьев, привезенных им же из далёка-далека.

Здесь, в Чеботарке, он был близок к земле, его окружали знакомые, понятные люди, очень нуждавшиеся — это он всегда помнил! — в его советах, врачебных знаниях. Ведь недаром на десятки километров в округе вряд ли сыскался бы дом, в котором не побывал Заболотный-врач. Он никогда не ждал, чтобы его попросили о помощи, а узнав, что кто-то занемог, особенно если дети, сам спешил к больному — днем ли, ночью ли, в стужу или дождь.

Академик ВУАН А. В. Корчак-Чепурковский вспоминал об одной совместной поездке в Чеботарку с Д. К. Заболотным: «С вокзала ехали по тряской дороге на конном возке. Когда заискрилась гладь пруда, опоясанного раkitами, Заболотный заулыбался — здравствуй, земля отцов! Дальше пошли пешком. И как бы на радость Данииле Кирилловичу вдруг прямо над головой, в черемушнике, среди бела дня, заглушая шум раkit, разбойно зацелкал соловей. Заболотный отрешенно замер, а потом прошептал:

— Какое диво!

И я всем существом вдруг почувствовал, какая благодать влечет сюда уставшего, больного президента.

⁵ Из письма к Н. Дузь.

Не успели смыть дорожную пыль, как явились первые пациенты Даниила Кирилловича.

— Вы — завтракайте, а я мигом! — засуетился Заболотный и начал врачебный прием. „Миг“ растянулся на целых четыре часа...»⁶

Сельские врачи, упоминаемые в произведениях В. В. Вересаева, умирали с мыслью, что интеллигенты чужды народу. С Заболотным этого не произошло. Постоянная тесная, неразрывная связь с родным подольским селом, знание его нужд во всем их многообразии, подлинное сострадание к односельчанам — до Октября забытым, изголодавшимся, стремление любой ценой улучшить их положение, щедрая раздача всего того, чем Заболотный сам был не очень богат, — все это вместе родило у чеботарцев подлинное всеобщее поклонение перед прославленным односельчанином.

А как иначе, если этот ученый с мировым именем знал своих чеботарцев поименно, если судьбы многих из них прошли через его сердце, если больных лечил неизменно бесплатно, да еще и лекарства для них из Питера чемоданами возил. Малолетних сирот за свой счет учил и содержал; тем, кто в студенты «вышел», из собственного заработка «стипендии» слал, учителям дорогие подарки привозил; нуждающимся деньги без отдачи ссужал, пополнял книгами сельскую библиотеку, даже ходатаем по земельным делам от чеботарского «общества» заделался. И всегда-то он прост, доступен. Как такого «своим человеком», «названным батькой» не величать!

«В мрачные, голодные годы интервенции, когда горожане ездили за продуктами в деревни, — вспоминал профессор В. В. Воронин, — Даниил Кириллович дал моей жене записочку, адресованную дальним родственникам в Чеботарке. Записочка оказала буквально магическое действие — все крестьяне наперебой приглашали к себе мою супругу, угощали и делились даже тем, чем сами не очень богаты были. Так здесь любили Д. К. Заболотного. Любили, очевидно, за его душу, ибо бактериологическую эрудицию его они, при всем желании, не могли оценить»⁷.

И академик очень дорожил этими чувствами. Под конец жизни он принял решение: «Поработаю еще год

⁶ Центр. науч. библиотека УССР. Отд. рукописей. Ед. хр. а/217—6.

⁷ Арх. С. Л. Ворониной-Зимяниной.

и поеду вековать в родной хате, среди чеботарцев... Буду работать, писать...», «Есть намерение оставить город, осесть в селе, начать новую небольшую работу...»⁸

Не суждено было тому сбыться...

Останавливаемся перед ступенями, ведущими во двор. Мраморная доска гласит: «Государственный историко-культурный заповедник им. академика Д. К. Заболотного».

Вот она, приземистая мазанка, так напоминающая шевченковскую. С крохотными оконцами, низкими дверями. Двумя окнами домишко всегда неотрывно глядит на памятник у изголовья двух могил супругов Заболотных, скромно, будто не желая мешать живым, приютившихся за домом. Двумя окнами любитесь садом и морем цветов в нем, а еще двумя — вглядывается в будто застывший в оцепенении пруд.

Над домом в лучах солнца желтеет необычная островерхая соломенная стреха. Известна трогательная история ее реставрации, когда несколько лет назад засеялся рожью специально выбранный участок колхозной земли. Сжали серпами, молотили цепями на специально оборудованной площадке, чтобы получить нужного «разряда» солому. Снопы связали перевеслами и начали искать, можно сказать, начисто исчезнувших мастеров, чтобы перекрыть крышу в доме, где увидел свет «крестьянин-академик» Заболотный. С трудом нашли четырех древних стариков. За десять дней ими был воссоздан в первозданном виде фамильный домик Заболотных.

Край, по его словам, «некогда богатый беднотой», расцвел и снова отстроился после войны и теперь красуется витиеватой кирпичной кладкой, цинковыми кровлями домов колхозников, а подновленный, ухоженный домик ученого, не стесняясь своей старины, стоит себе таким, каким был сто лет тому назад. И стоять ему нескончаемо долго. Ведь он теперь — национальная святыня, а значит, время над ним не властно.

Привезенные хозяином из дальних странствий тоненькие прутики вымахали в вековые деревья-гиганты

Из писем к Яну Гую-Заболотному.

Сад, посаженный академиком (ныне Мемориальный музей-усадеб в с. Заболотном)

и бессменным караулом замерли у могил супругов Заболотных, бережно прикрыв их своими ветвями, и задумчиво шепчутся о чем-то с ветром. Постарели, но живы еще в саду посаженные легкой рукой Даниила Кирилловича несколько грушек и яблонек. Живы и бескорыстно, как это делал всю жизнь хозяин, дарят людям красоту своего цветения, тень и плоды. Так же как и при нем, буйствуют перед домом любимые им розы, георгины, пионы, астры, чернобрицы. Говорят, в начале лета, как и встарь, в этих местах рассыпают по округе трели украинские соловьи, а позже начинает куковать кукушка...

Однажды, когда затяжное нездоровье напомнило Заболотному о неизбежности смерти, вперемежку с заметками о предстоящих академических делах он оставил в дневнике запись о том, что его, видимо, тревожило: «...а может, погибну и тропку, протоптанную в жизни, заметет и в мире забудут меня».

Нет, не забыли, хотя более полувека отделяет нас от дня смерти великого сына нашего народа, совершившего восхождение из самых низов до самых высочай-

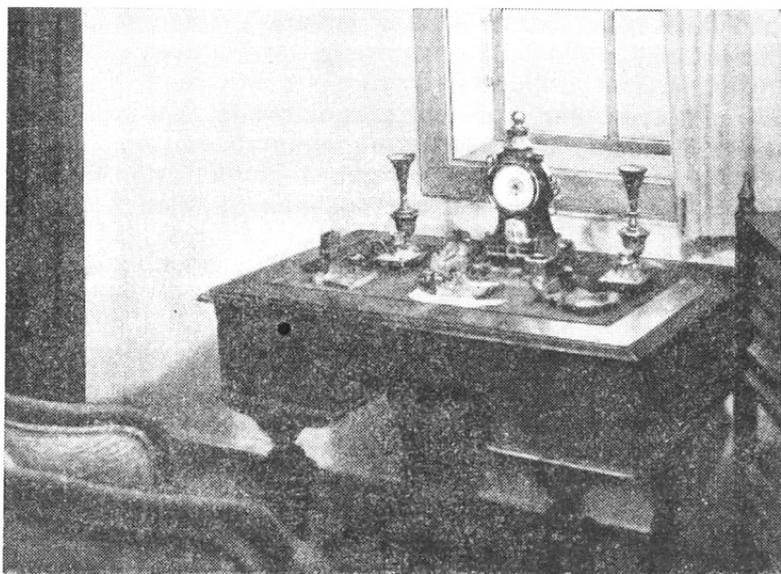
ших вершин науки: Мемориальному музею-усадьбе Д. К. Заболотного уготована судьба места постоянного паломничества. Сюда, в село Заболотное, идут, едут, заезжают по пути множество людей.

К столетию со дня рождения академика местный колхоз им. XVIII партсъезда рядом с его домом построил здание музея, и теперь еще рельефнее вырисовывается фигура гениального чеботарца.

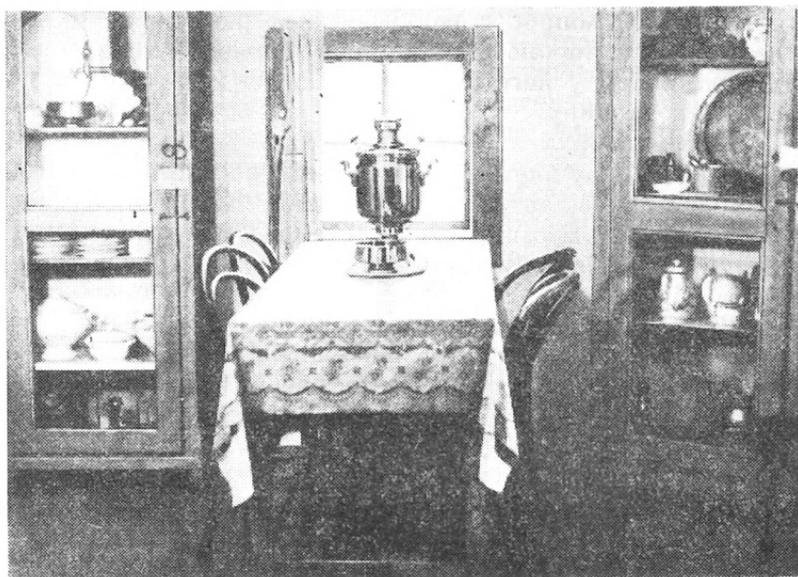
При входе в домик Заболотных вам не предложат надеть на ноги обычные для музеев тапочки, поэтому у экскурсантов не происходит некое «отторжение» от «сегодня» — посетители как бы приходят в гости к хозяину, отбывшему в дальнюю экспедицию. Он вас не приглашал? Не смущайтесь — будь Данила Кириллович дома, его очень обрадовал бы ваш визит — он очень любил принимать гостей. Ходите, взглядывайтесь, вдумывайтесь.

Пределной крестьянской простотой веет от этого уголка. «Анфилада» комнат, как выразился какой-то бездумный репортер, представляет собой четыре крохотные комнатушки-клетушки, в каждой из которых едва

Уголок Дома-музея «крестьянина-академика»: рабочий стол в домашнем кабинете, уголок гостиной, столовая

помещаются платяной шкаф и сундук или диван и два книжных шкафа. В столовой — плита, лавки, на стене — самодельная посудная полочка, стол со скобленной ножом столешницей и самоваром. В кабинете — письменный столик у окна, а в углу приткнулся шкаф с люби-

мыми носильными вещами Даниила Кирилловича: выдавшей виды крестьянской соломенной шляпой — брилем, такими же изношенными из домотканого полотна штанами и сорочкой и вконец стоптанными башмаками.

Мир Заболотного — живой и достоверный, собранный по крупицам работниками музея — составляет и его библиотека. Книгам в этом доме хозяин отвел почетное место. В шкафах друг к другу жмутся и «книжки-копейки», напечатанные на плохонькой бумаге, и роскошные издания вроде гоголевских «Мертвых душ». Многие — с дарственными надписями, сделанными и самим М. Горьким, и учениками, и коллегами ученого. Пожилые чеботарцы, помнящие Заболотного, рассказывали, как он, сам поразительно много читавший, в каждый приезд домой вез и вез для чеботарской сельской библиотеки книги — поэзию, прозу, работы по истории, естествознанию, медицине. Он страстно желал, чтобы книги стали доступны крестьянам. Уже в последние годы жизни начал комплектовать библиотеку в местном сельскохозяйственном училище.

В спальнях супругов — железные кровати, миниатюрный туалетный столик жены. В гостиной — послуживший гостям диван, кресло-качалка, а на столе — фото Ленина, Пастера и Мечникова. Икона — только в комнатухе Людмилы Владиславовны. Для самого Заболотного вопрос с религией был решен раз и навсегда: он слишком хорошо знал поповские повадки — давние счеты у него были с церковью и за отца, и за брата, и за жену.

Музей вобрал в себя свидетельства поистине удивительного научного и просто человеческого подвига. Гимназические тетради, сочинения, матрикулы, похвальные листы, микроскопы, схемы маршрутов экспедиций, снимки, высказывания людей, близко знавших академика.

Фотокопии архивных материалов дополняют рассказ о славной странице в жизни Д. Н. Заболотного — деятельности как члена Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, комиссара образования и охраны здоровья Ольгопольской волости. В одних реч идет о регистрации и лечении больных, в других — о борьбе с инфекционными заболеваниями, в третьих — о ремонте и отоплении сельских школ, снабжении их учебниками, учебными пособиями и мебелью.

В соседнем зале сосредоточены документы о Заболотном — борце с чумой. На снимках запечатлены, в частности, эпизоды его работы в Индии в составе русской экспедиции — во время осмотра чумных больных, работы над картой заболевания и смертности от чумы в Бомбее; в витрине под стеклом лежат пальмовые листья и фотоальбом, привезенные из Индии. Тут же в оригинале представлена вычерченная Данпилом Кирилловичем карта распространения чумы в Маньчжурии в 1910—1911 гг., фотографии соратников ученого, разделивших с ним все тяготы драматической борьбы с «черной смертью». Маршруты всех остальных экспедиций, предпринятых для изучения эндемических чумных очагов, отмечены на красочном макете, который экспонируется тут же.

Особенно подолгу стоят посетители музея возле двух фото. Одно из французской газеты, поразившее в свое время парижан: Заболотный (академик!) пожимает руку швейцару института им. Пастера.

На втором президент ВУАН принимает группу зарубежных гостей в шахтерской робе, подаренной ему в Донбассе после одного из выступлений. Удивленным приезжим Заболотный объяснил: в Европе принято в торжественных случаях облачаться в средневековые мантии, а он одет в почетный в Стране Советов рабочий костюм.

Есть в музее трогательный листочек бумаги. На нем нарисован план «хатки-здоровья» — прообраза сегодняшнего местного фельдшерско-акушерского пункта с пометками рукой академика «аштечка», «кабинет», «скамейка» и дата «1920 год». Этот документ дополняет тут же экспонирующаяся рукопись воспоминаний родственника ученого — Максима Марковича Заболотного: «Как-то профессор показал мне план какого-то дома и спросил, во сколько может обойтись строительство такого здания. Я покрутил бумажку и ответил уклончиво:

— Наверное, порядочно!

Даниил Кириллович сокрушенно вздохнул:

— Мне одному такое дело не поднять, а государству и людям еще нелегко живется. А надо бы...»

И колхоз к столетию со дня рождения академика построил специальное просторное, светлое здание здравпункта. Почти аналогична история и с «хаткой науки», о которой страстно мечтал ученый, — одним

из условий переезда для работы в Киев, поставленных ученым, было возведение в его родном селе клуба. Обогатилось же оно внушительным Дворцом культуры.

Дети и Заболотный — это отдельная экспозиция в музее. Здесь выставлены фото супругов Заболотных в окружении членов их «небольшой семейки». Различные авторы называют разное число сирот и детей бедняков — двадцать, тридцать и более, которым ученый помог утвердиться в жизни: годами одевал, обувал, кормил, учил, даже репетиторов нанимал. Наиболее способные из них с его помощью стали врачами, инженерами, архитекторами, актерами. Сколько раз, приезжая в родное село, большой ученый находил время, чтобы собрать у себя в доме местную детвору — воспитанников детского дома в соседнем селе Соколовке и молодежь. За «сладким чаем», в непринужденной беседе он вводил их в полный таинственности мир науки.

А как радовался, когда село стало строиться! «Деревня не унывает, — докладывал А. М. Горькому в 1925 г., — стройка идет не хуже, чем в крупных центрах!» Это была глубокая, искренняя радость человека, хорошо знавшего и «темные уголки деревни», и замученное крепостным правом, гнетом и суеверием, болезнями и голодовками, а потому недоверчивое и пришибленное крестьянство. Но радость та была не пассивная — он всеми силами старался помочь крестьянам быстрее выбраться «на путь новой жизни»: на одном из стендов музея собраны брошюры Заболотного, написанные со знанием деталей сельского быта, адресованные крестьянам. Их около пятидесяти.

Колхозники села Заболотного свято чтят память своего великого земляка — ученого-человеколюбца. В селе ему поставлены три памятника: один на могиле, второй — на сельской площади, третий — у входа в дом покойного. В задумчивости склонил он свою голову с сократовским лбом, будто и после смерти не оставили его заботы о благополучии человечества.

Есть на Украине еще один памятник нашему великому соотечественнику. Будучи уже президентом ВУАН академик говорил о том, что новые задачи строительства свободной жизни невозможно решить без науки, и в соответствии с этим убеждением успел заложить основы и спланировать деятельность на многие десятилетия вперед Института микробиологии и

эпидемиологии, ныне крупнейшего научно-исследовательского учреждения страны — ордена Трудового Красного Знамени Института микробиологии и вирусологии АН УССР. Нужны ли особые доказательства, что коллектив его с честью носит имя своего основателя. Идут года, меняется тематика работы отделов, секторов, лабораторий, но какую бы проблему ни решали ученые — в области ли физиологии и биохимии микроорганизмов, микробиологического синтеза белка и других продуктов из углеводов или из области молекулярной биологии — каждая по-своему является продолжением реализации планов Д. К. Заболотного.

Как он и замышлял, в Институте развернулись исследования по общей, почвенной и медицинской микробиологии. Большое внимание уделялось изучению кишечных инфекций на Украине, микрофлоры почвы и ее взаимодействию с растениями. Со временем по запросам народного хозяйства ученые занялись поисками и расшифровкой свойств различных форм микроорганизмов, используемых в промышленности и сельском хозяйстве, уточняли методы диагностики патогенных микробов.

В послевоенные годы заметное место в тематике Института им. Д. К. Заболотного занимают поиски в области антибиотиков. Наряду с получением антибиотиков растительного и бактериального происхождения, здесь разрабатываются вопросы антибиотикостойчивости микроорганизмов, систематики бактерий — продуцентов антибиотиков и их химического строения.

Несколько исследований, в том числе связанных с получением лечебного препарата микроцида, были отмечены премиями. В «активе» институтских исследований также выяснение причин серьезного заболевания, известного под названием летальной ангины и причинившего большой ущерб народному хозяйству Украины (гибель лошадей). Оказалось, что в обоих случаях убийственно действовали токсины грибов, развивающиеся в зимующих в поле под снегом зерне и соломе.

Среди работ, в разные годы отмеченных премией Д. К. Заболотного, значатся изготовление новых эффективных бактериальных удобрений, ценные рекомендации по повышению плодородия почв, внедрение новых технологий производства ряда ферментов. По-

следователи ученого—микологи сегодня заняты изучением микромицетов, грибной флоры грубых кормов, микрофлоры ризосферы растений.

Сотрудники сектора промышленной микробиологии много лет и с успехом трудятся над микробиологическим синтезом белка и других биологически активных веществ из углеводов нефти, природного газа и других видов непищевого сырья.

Как и замышлял академик, разноплановый спектр исследований, ведущихся в институте, включает в себя и поиски средств борьбы с бактериальными болезнями сельскохозяйственных культур — злаковых, зернобобовых, овощных, кормовых, технических культур, плодовых деревьев и лесных пород. Отдел вирусологии — один из самых крупных в институте — уже передал шелководам рекомендации по борьбе с вирусными болезнями тутового шелкопряда.

А разве тот факт, что институт контактирует почти с семидестью научными учреждениями страны и зарубежными, прочно связан с множеством предприятий микробиологической и бродильной промышленности, сельскохозяйственным производством и учреждениями практической медицины, не является реализацией «золотой» мечты ученого о служении своему народу наукой!

Все рассказанное в этой книге дало право первому наркому охраны здоровья РСФСР Н. А. Семашко на похоронах подвести итог свершений Д. К. Заболотного в таких словах: «Наиболее заслуженный во всем мире — я не преувеличиваю — эпидемиолог, ученый европейского (если не больше) масштаба, энтузиаст охраны здоровья в Советской стране, полностью советский, от самых первых дней Октября, ученый. Сколько людей благодаря ему не будут знать ужасающих эпидемий! Сколько благородных, крайне необходимых для спасения людей от смерти мероприятий, сколько новых учреждений связано с его именем!»⁹

К сказанному соратником В. И. Ленина трудно еще что-то добавить, разве что фразу из отзыва И. И. Мечникова о своем ученике и последователе: «Его работа — подвиг. Даже короткое перечисление его заслуг всегда будет поражать человеческое воображение»¹⁰.

⁹ Васильев К. Г., Гольяченко О. М., Марциновский Л. Т. Музей Д. К. Заболотного. Одесса. 1983. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 27.

* * *

Итак, закончено путешествие по большой жизни крупнейшего естествоиспытателя, служившего человечеству с высоким гражданским накалом, силой своего таланта поднявшегося, подобно Михайле Ломоносову, с самых низов социальной лестницы царской России на научный Олимп и, по выражению Л. Пастера, более многих других способствовавшего благополучию всех живущих на земле.

Восхищение его, безусловно, выдающейся личностью не покидало автора все время, пока он вглядывался в поступки, пытался расшифровать мысли и представления ученого, чтобы по разрозненным «осколкам»-фактам восстановить его жизнь в целом.

Конечно, биографии творческих личностей неисчерпаемы, тем более таких многогранных, как личность Д. К. Заболотного; писать о них очень трудно. Утешает одно: эта работа будет еще одним штрихом в коллективном портрете крупнейшего советского ученого.

* * *

Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность всем, кто прямо или косвенно помогал мне в работе над книгой. Персонально выражаю благодарность за помощь академику Н. П. Бахтеревой, члену-корреспонденту АМН СССР Б. Д. Петрову, академику АН УССР В. В. Смирнову, членам-корреспондентам АН УССР Е. И. Андрейчук и В. И. Билай, а также Л. Б. Борисову, А. В. Целух, В. А. Базанову, К. А. Ланге, В. В. Бабкову, С. М. Матвеевой, А. Д. Дыбе, Е. С. Черной, Н. А. Артемовой.

Мне хотелось бы с признательностью назвать еще десятки имен работников архивов, библиотек, музеев, ученых, жителей села Заболотного, помогавших в розыске еще не публиковавшихся данных о Д. К. Заболотном. Но трудно даже просто перечислить этих неизменно любезных и внимательных людей, охотно приходивших на помощь из уважения к памяти нашего великого соотечественника. Пусть выражением признательности всем этим товарищам будет моя скромная работа.

Даты жизни и деятельности Д. К. Заболотного

- 1866 — 16 декабря по старому стилю (а по формулярному списку о военной службе, заполненному самим академиком, — 2 января 1867 г.) в селе Чеботарке родился Даниил Заболотный.
- 1877 — поступление в Нахичеванскую прогимназию.
- 1880 — зачислен в Ришельевскую классическую гимназию в г. Одессе.
- 1885 — зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета.
- 1889 — исключен из университета за участие в студенческих беспорядках и арестован.
- 1891 — экстерном сдает государственные экзамены за университетский курс, получает диплом I степени, и за научную работу «Микробы снега» ему присуждается степень магистра естественных наук. Поступает на третий курс медицинского факультета Киевского университета.
- 1892 — начинает работу на кафедре общей патологии; публикует сообщения о работах о фосфоресценции одесских лиманов. Осуществляет рискованный, но исключительно по результативности для практической медицины опыт самозаражения холерой после энтеровакцинации.
- 1894 — по окончании второго университетского курса удостоен диплома лекаря.
- 1895 — по конкурсу избран ассистентом кафедры общей патологии медицинского факультета университета св. Владимира в Киеве. Исполняет обязанности секретаря редакции журнала «Архив патологии, бактериологии и клинической медицины».
- 1896 — публикует работы о сероводородных и серных бактериях и их роли в природе.
- 1897 — поездка на эпидемию чумы в Бомбей в составе русской комиссии под руководством профессора В. К. Высоковича. В конце года по приглашению И. И. Мечникова для обработки собранного в экспедиции научного материала едет в Париж, в Пастеровский институт.
- 1898 — назначен «в качестве специалиста» при попечителе императорского Института экспериментальной медицины и председателе Противочумной комиссии принце А. П. Ольденбургском. Отправляется в Монголию и Китай для изучения эндемического очага чумы. Приглашен на преподавательскую работу на кафедре бактериологии Петербургского женского медицинского института.
- 1899 — создает первую в России самостоятельную кафедру медицинской микробиологии в ЖМИ в Петербурге.

- 1900 — служебная поездка в Шотландию (близ Глазго), попутно — в Португалию, Марокко и на Гавайские острова, а по дороге в Россию — вторично в Париж.
- 1902 — назначается членом комиссии по изучению малярии и болотной лихорадки при Пироговском обществе врачей. Получает чин надворного советника.
- 1903 — издает двухтомный курс лекций, прочитанных в ЖМИ в 1902—1903 гг., под названием «Основания общей микробиологии». Командировки на чумные и холерные вспышки на Кавказ, в Подолию и Бессарабию.
- 1904 — назначен исправляющим должность экстраординарного профессора ЖМИ. Утвержден в должности помощника заведующего отделом общей микробиологии ИЭМ.
- 1906 — на сифилидологическом съезде в Берне делает доклад на тему «К вопросу о патогенезе сифилиса».
- 1907 — на XIV Международном гигиеническом конгрессе в Берлине делает доклад «Нахождение спирохет при сифилисе». Командируется в Астраханскую губернию для борьбы с чумой.
- 1908 — защищает в ВМА диссертацию «К вопросу о патогенезе сифилиса» на степень доктора медицины. Участвует в десятимесячной противохолерной экспедиции в Поволжье.
- 1909 — становится экстраординарным профессором.
- 1910 — командируется в Ростов-на-Дону, Екатеринослав, Херсон, Киев для тушения холерных вспышек. В конце года направлен в Харбин в связи с небывалой по силе эпидемией легочной чумы в Маньчжурии.
- 1911 — вторично выезжает в Харбин во главе русской научной экспедиции. Поимка чумного тарбагана, от него выделена чистая культура чумной бактерии. Награждение китайским орденом Двойного дракона и французским орденом Почетного легиона.
- 1912 — участвует в Международной конференции по чуме, холере и желтой лихорадке в Париже. Получает чин коллежского советника.
- 1913 — произведен в статские советники.
- 1914 — становится ординарным профессором, поездка в Баку в связи с чумной вспышкой.
- 1915 — выход из печати коллективной монографии «Легочная чума в Маньчжурии в 1910—1911 гг.» с введением, написанным Д. К. Заболотным.
- 1916 — организует сеть баклабораторий на Северном фронте и при ЖМИ по изготовлению для действующей армии противотифозной и смешанных вакцин и сывороток.
- 1917 — вместе с А. М. Горьким занят организацией Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук.
- 1918 — руководит борьбой с эпидемией холеры в Петрограде, создает Вакцино-сывороточную комиссию при Петроградском здравоохранении и сеть прививочных отрядов во главе с городским Бюро.
- 1919 — назначение первым ректором Одесской медицинской академии, позже переименованной в медицинский ин-

- ститут, где создает первую в России самостоятельную кафедру эпидемиологии.
- 1920 — организует в Одессе комиссию по изучению сыпного тифа. Консультирует местные органы здравоохранения и эвакуопункт Красной Армии.
- 1921 — избран членом ВУЦИК.
- 1922 — избран действительным членом АН УССР.
- 1923 — избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Во Франции участвует в торжествах, посвященных столетию со дня рождения Л. Пастера. Участвует в VIII Всероссийском съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей.
- 1924 — назначен начальником вновь созданной кафедры микробиологии и эпидемиологии с учением о дезинфекции ВМА. Участвует в IV Всеукраинском съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей.
- 1925 — на VIII Всероссийском съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей формулирует задачи обследований по чуме, а на IX, в Москве, произносит свою знаменитую речь «Угасание эпидемий».
- 1926 — выход из печати книги «Чума на юго-востоке СССР и причины ее эндемичности». Публикует ряд материалов, посвященных истории отечественной медицины.
- 1927 — издает первые два тома руководства «Основы эпидемиологии» и в ряде массовых изданий публикует серию научно-популярных работ, активно работает как соавтор БМЭ.
- 1928 — избран президентом АН УССР, переезжает в Киев, занят организацией при ВУАН НИИ микробиологии и эпидемиологии, становится его первым директором.
- 1929 — избран действительным членом Академии наук Советского Союза. 15 декабря скончался. Похоронен в селе Чеботарке (ныне село Заболотное) на Винничине.

Основные научные труды Д. К. Заболотного (по разделам) ¹

Собрания сочинений

Избранные труды: В 2 т. Киев: Изд-во АН УССР. Т. 1. Чума. 1956; Т. 2: Холера. Сифилис. Эпидемиологические и другие работы. 1957.

Вибрані праці. Київ: Наук. думка, 1969.

Учебники и пособия

Основания общей микробиологии: (По лекциям, читанным в 1902—1903 гг. в ЖМИ): В 2 ч. СПб. Ч. 1. Общая бактериология. 1902. Ч. 2. 163 с. Частная бактериология. 1903. 321 с.

Частная бактериология: Курс лекций, читанных в 1907—1908 гг. в ЖМИ. СПб., 1908.

Общая бактериология: Курс бактериологии. Курс лекций, читанных в 1907—1908 гг. в ЖМИ. СПб., 1909.

Медицинская микробиология: Для врачей и студентов: В 2 т. / При участии проф. Д. К. Заболотного; С предисл. проф. И. И. Мечникова; Под ред. д-ра медицины Л. А. Тарасевича. Пб.; Киев. Т. 1. 1912; Т. 2. 1913.

Основы эпидемиологии: В 2 т. Л.; М., 1927. Т. 1: Основы эпидемиологии; Т. 2: Основы бактериологии.

Курс мікробіології. Харків, 1932.

О чуме

Материалы о чуме в Индии: (Письма из Бомбея) // Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1897. Вып. 4. С. 374—379.

Опыты заражения и иммунизации обезьян против чумы // Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1897. № 6. С. 640—641.

Отчет о командировке в Джидду СПб., 1897.

Счет экспедиции, командированной в Индию для изучения чумы ² [за 1898 г.] // Избр. тр. Киев. 1956. Т. 1. С. 20—33.

Исследования по чуме // Арх. биол. наук. 1899. Вып. 1. С. 57—91.

Эпидемические очаги чумы на земном шаре и причины ее распространения // Арх. биол. наук. 1899. № 3. С. 242—250.

О путях занесения чумы в Россию: (Сообщ. на заседании первого отд. Рус. о-ва охранения нар. здоровья 7 февр. 1900 г.) // Журн. Рус. о-ва охранения нар. здоровья. 1900. № 4. С. 431—432.

Выздоровление и иммунитет при чуме // Дневник XI съезда рус. естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20—30 дек. 1901 г.). СПб., 1901. № 6. С. 288.

¹ Полный список опубликован в кн.: *Білай В. И. Данило Кирилович Заболотний*. Київ, 1979.

² Написано в 1898 г. Первая публикация не обнаружена.

Очерк современного состояния вопроса о чуме // Сборник, посвященный С. М. Лукьянову. СПб., 1905. С. 384—394.

Чума (Pestis bubonica). Эпидемиология, патогенез, профилактика. Наблюдения и исследования Д. К. Заболотного // Сборник работ по чуме // Под ред. В. К. Анрепа. СПб., 1907. Вып. 1. С. 1—94. То же // Избр. тр. Т. 1. С. 115—206.

О чуме на Дальнем Востоке: (Докл. на совещ. по бактериологии, эпидемиологии и проказе) // Рус. врач. 1911. № 4. С. 671.

Выступление на заседании Общества астраханских врачей 27 декабря 1911 года по вопросу об эпидемиологии чумы // Изв. О-ва астрах. врачей. 1912. Янв.—февр. С. 74—77.

О чуме в Киргизских степях // Тр. 2-го совещ. по вопр. бактериологии и эпидемиологии. М., 1912. № 5. С. 46—47.

Об эндемичности чумы и путей ее распространения: (Докл. на заседании Микробиол. о-ва в С.-Петербурге. 7 дек. 1911 г.) // Рус. врач. 1912. № 22. С. 977—978.

Результаты научных исследований чумной экспедиции в Маньчжурии: Докл. на заседании Микробиол. о-ва в С.-Петербурге. 7 дек. 1911 г. // Врачеб. газ. 1912. № 4. С. 158.

Характерные особенности эпидемии 1910 года // Чума в Одессе. СПб., 1912. С. 18—22. — То же // Избр. тр., 1912. Т. 1. С. 207—209.

Эндемичность чумы и пути ее распространения: Автореф. докл. // Тр. 2-го совещ. по вопр. бактериологии и эпидемиологии 28 марта—1 апр. 1912 г. в Москве. М., 1912. С. 5—6.

Исследования эндемичности чумы на юго-востоке России: (Сообщ. на заседании Микробиол. о-ва в С.-Петербурге) // Врачеб. газ. 1913. № 43. С. 1544—1545.

Очаговые вспышки чумы: (Из наблюдений в Закаспийской и Донской областях): Сообщ. на заседании Микробиол. о-ва в С.-Петербурге // Врачеб. газ. 1913. № 12. С. 451.

Речи на заседаниях съезда по борьбе с чумой и сусликами в Самаре // Журн. общ. и секц. заседаний съезда по борьбе с чумой и сусликами в г. Самаре от 2—6 марта 1914 г.

Введение // Легочная чума в Маньчжурии в 1910—1911 гг. Пг., 1915. С. 1—9.

Организация и результаты обследования эпидемических очагов чумы // Арх. биол. наук. 1922. Вып. 2. С. 1—44.

Новейшие данные об эндемической чуме // Врачеб. дело. 1923. № 21/23. Стб. 553—555.

Нові досліді по епідеміології чуми // Тр. 4-го Всеукр. съезда бактериологов, эпидемиологов и сан. врачей в Киеве 17—20 апр. Киев, 1924. Т. 2. С. 15.

Задача чумных обследований // Тр. 8-го Всерос. съезда бактериологов, эпидемиологов и сан. врачей в Ленинграде 20—26 мая 1924 г. Л., 1925. С. 520.

Предисловие. Причины эндемичности чумы на юго-востоке СССР // Чума на юго-востоке СССР и причины ее эндемичности. Избр. тр. Киев, 1956. Т. 1. С. 255—258.

Явления инфекций и иммунитета у спящих животных // Микробиол. журн. 1926. Вып. 1/2. С. 62—63. То же // Избр. тр. 1926. Т. 1. С. 253—254.

Новые проблемы в изучении чумы // Тр. 1-го Всесоюз. противочум. совещ. в Саратове 31 мая—3 июня 1927 г. Саратов, 1928. С. 402—404. — То же // Избр. тр. 1956. Т. 1. С. 259—260.

О холере

Опыт иммунизации человека против холеры / Соавт. И. Г. Савченко // Врач. 1893. № 20/21. С. 599—601. — То же // Избр. тр. 1957. Т. 2. С. 5—12.

Опыты заражения и иммунизации против холерного вибриона // Южнорус. мед. газ. 1893. № 34. С. 427. — То же // Избр. тр. Т. 2. С. 13—19.

Материалы к санитарной оценке городских полей орошения в Одессе (бактериол. часть). Одесса, 1894.

К вопросу о бактериологии холеры: (Из наблюдений над холерной эпидемией 1894 г. в Подольской губернии) // Тр. I губернского съезда врачей в февр. 1895 г. Каменец-Подольский, 1896. С. 159—170.

Вопрос о предохранительных прививках против холеры: (Сообщ. на заседании Рус. о-ва охранения нар. здоровья 21 дек. 1907 г. // Журн. рус. о-ва охранения нар. здоровья. 1907. № 10/12. С. 248—249.

[Выступление] Диспут 15 мая 1909 г. в актовом зале ЖМИ с проф. И. И. Мечниковым о прививках против холеры // Сборник, посвященный И. И. Мечникову в память пребывания его в Петербурге 14—26 мая 1909 г. СПб., 1909. С. 86—95.

Очерк развития холерной эпидемии 1907—1908 гг. в России и противохолерные мероприятия // Арх. биол. наук. 1909. Вып. 5. С. 471—494.

Задача эпидемиологии холеры: (Докл. на торжеств. соединенном в память С. А. Боткина заседании О-ва рус. врачей и Рус. хирург. о-ва им. Н. И. Пирогова 10 дек. 1909 г.) // Врач. газ. 1910. № 7. С. 24.

Выступления в прениях на 11 Пироговском съезде // 11-й съезд рус. врачей в память Н. И. Пирогова: Отчет. СПб., 1910. С. 35—37, 40, 140, 149.

Холерная эпидемия 1908—1909 гг. в Петербурге: (По данным гор. лаб.) / Соавт. С. И. Златогоров, Г. С. Кулеш, В. И. Яковлев. СПб., 1910. 118 с.

О предохранительных прививках // Внеочеред. Пирогов. съезд врачей и представителей врач.-сан. орг. земств и городов по врач.-сан. вопросам в связи с условиями настоящего времени. Пг., 1916. С. 40—41.

О сифилисе

Об экспериментальном сифилисе бабуинов // Арх. биол. наук. 1904. Вып. 1/2. — То же // Избр. тр. 1904. Т. 2.

К вопросу об экспериментальном сифилисе: Докл. на засед. Микробиол. о-ва в Петербурге 29 окт. 1904 г. // Рус. врач. 1905. № 12. С. 404.

Микроорганизмы (спирохеты) при сифилитических поражениях // Тр. О-ва рус. врачей в СПб. за 1904—1905 гг. СПб., 1905. С. 406.

Из Берна: Сифилидол. съезд // Рус. врач. 1906. № 42. С. 1316.

О спирохетах при сифилисе: (Докл. на заседании Рус. сифилидол. и дерматол. о-ва в Петербурге 24 сент. 1905 г.) // Рус. врач. 1906. № 7. С. 212.

О спирохетах при сифилисе: (Сообщ. на заседании Микробиол. о-ва в Петербурге 23 сент. 1905 г.) // Рус. врач. 1906. № 15. С. 459.

Демонстрация по микробиологии и патогенезу сифилиса: (Реф. докл., выступл. в прениях, приветствие) // X съезд рус. врачей в память Н. И. Пирогова, апрель—май 1907 г. СПб., 1907. С. 6, 112—114, 116—117.

Наблюдения над движением и склеиванием бледной спирохеты (*Spirochaeta pallida*) // Рус. врач. 1907. № 11. С. 361. В соавт. с П. П. Маслаковцем.

О нахождении спирохет при сифилисе: (Докл. XIV Междунар. гигиен. конгр. в Берлине) // Харьк. мед. журн. 1907. № 9. С. 312—316.

Сообщение на заседании Рус. сифилидолог. и дерматол. о-ва 9 декабря 1906 г. о бледной спирохете // Врачеб. газ. 1907. № 40. С. 1123.

Очерк вопроса об экспериментальном сифилисе и *Spirochaeta pallida* (*spirochaeta pallida*) // Новое в медицине. 1908. № 1. С. 1—7.

К вопросу о патогенезе сифилиса: Дис. ... д-ра мед. наук. СПб. 1909. — То же // Избр. тр., 1909. Т. 2. С. 137—185.

Сифилис, его патогенез и этиология. СПб., 1909. 74 с.

Другие инфекции и общие вопросы

Краткий отчет о применении антидифтерийной сыворотки в Подольской губернии // Сан. хроника Подольской губернии. 1895. № 8/9.

Ответ профессору А. Д. Павловскому // Врач. 1895. № 35. С. 989—990.

О применении антидифтерийной сыворотки // Подольские губ. ведомости. 1896. № 38.

Новый метод бактериологической диагностики: (Автореф.) // Тр. О-ва киев. врачей. 1897. № 1. С. 15—19.

Серодиагностика при брюшном тифе // Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1897. № 1. С. 49—58, 66.

К вопросу о распространении болотной лихорадки на Черноморском побережье // Рус. врач. 1902. № 7. С. 259—260.

О малярии в Подольской губернии // Тр. Комиссии при Пироговском о-ве по изучению малярии в России (1904—1905 гг.). 1905. С. 212.

Растительные паразиты человека и борьба с ними // Итоги науки в теории и практике. М., 1912. Вып. 7. С. 311—362.

К вопросу о рыбных отравлениях: (Предвар. сообщ.) // Журн. микробиологии. 1914. Вып. 1/2. С. 34—35.

К патогенезу сыпного тифа: (Докл. на заседании Петрогр. микробиол. о-ва 23 янв. 1915 г.) // Журн. микробиологии. 1915. Вып. 1/2. С. 220.

О борьбе с заразными болезнями на местах, пострадавших от военных действий на Юго-Западном фронте: (Докл. на совещ. бактериологов и представителей лечеб.-сан. орг. о борьбе с зараз. заболеваниями в связи с воен. временем 30 декабря 1914 г.) // Врачеб. газ. 1915. № 3. С. 52.

Единство науки и строительства жизни; Речь, произнес. на публ. собр. в 1917 г. в Петрограде // Речи и приветствия Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук. ПГ., 1917. С. 48—59.

Подготовка врачей-специалистов по эпидемиологии // Изв. Наркомздрава. 1918. № 12. С. 21.

Сообщение на совещании по борьбе с сыпным тифом в Наркомздраве 1 окт. 1918 г. об эпидемии сыпного тифа в Петрограде // Изв. Наркомздрава. 1918. № 11. С. 12.

Гематология сыпного тифа: Автореф. докл. 6-му Всерос. съезду бактериологов и эпидемиологов. М., 1922. Т. 1. С. 17—18.

По вопросу об экспериментальном энцефалите: (Докл. на заседании, посвящ. эпидемиологии энцефалита) 28 марта 1923 г. // Гигиена и санитария путей сообщ. 1923. № 2. С. 140.

Эпидемиологические наблюдения: (Возвратный тиф, испанка, серотерапия при сыпном тифе, холера) // Арх. биол. наук. 1923. Вып. 1/3. С. 97—101.

Механизм кишечного иммунитета // Тр. 8-го Всерос. съезда бактериологов, эпидемиологов и сан. врачей в Ленинграде в мае 1924 г. Л., 1925. С. 315—317.

Успехи науки в изучении туберкулеза и борьба с ним // Гигиена и здоровье рабочей семьи. 1925. № 10. С. 2.

Наука о здоровье за 10 лет // Там же. 1927. № 21. С. 2.

Наука и здравоохранение после Октября // Гигиена и эпидемиология. 1927. № 10. С. 8—11.

Брюшной тиф / Соавт. Ф. Бернгоф, И. Давыдовский, Г. Иващенко // Большая мед. энциклопедия. 1928. Т. 4. Стб. 159—214.

Задачи профилактики в ближайшем будущем // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1928. № 1. С. 8—9.

Современные подходы к изучению эпидемии // Вестн. знания. 1928. № 6. С. 321—322.

Научное творчество и научная кооперация // Там же. 1929. № 6. С. 242—243.

Общая микробиология

О свечении живых организмов: (По поводу флюоресценции одес. лиманов) // Зап. Новорос. о-ва естествоиспытателей 1892—93 г. № 2. С. 73—87.

О флюоресценции одесских лиманов // Южнорус. мед. газ. 1893. № 7. С. 78—80. — То же // Избр. тр. 1957. Т. 2. С. 255—257.

Сероводородные и серные бактерии и их роль в природе // Рус. арх. патологии, клин. медицины и бактериологии. 1896. № 2. С. 320—328. — То же // Избр. тр. 1957. Т. 2. С. 258—267.

Спорные вопросы вакцинации: (Докл. на заседании Петрогр. микробиол. о-ва 22 янв. 1916 г.) // Врачеб. газ. 1916. № 13—14. С. 204, 227.

Что дали русские микробиологи мировой науке // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1925. № 18. С. 2—4.

Географическое распространение микробов // Вестн. знания. 1926. № 23. С. 1481—1486.

Угасание эпидемий: Речь на заключ. заседании 9-го Всерос. съезда бактериологов, эпидемиологов и сан. врачей 1 июня 1925 г. // Тр. 9-го Всерос. съезда. М., 1926. Т. 2. С. 435—441.

Эпидемическая микрофлора: Речь на 10 Всесоюз. съезде бактериологов, эпидемиологов и сан. врачей им. И. И. Мечникова 11 сент. 1926 г. в Одессе: (Пер. с укр.) // Гигиена и эпидемиология. 1926. № 11. С. 1—5.

Бактериология // Большая мед. энцикл. 1928. Т. 2. Стб. 695—714. / В соавт. с В. Соловьевым.

География медицинская // Там же. 1929. Т. 6. Стб. 621—629. / В соавт. с И. Добрейцером.

Памяти ученых

Памяти В. И. Турчиновича-Выжникевича // Рус. врач. 1906. № 10. С. 300.

Илья Ильич Мечников // Сборник, посвященный И. И. Мечникову в память его пребывания в Петербурге 14—26 мая 1909 г. СПб., 1909. С. 4—15.

Памяти Владимира Константиновича Высоковича // Киев. мысль. 1912. № 134.

В. В. Подвысоцкий как профессор Киевского университета св. Владимира // Рус. врач. 1913. № 18. С. 590—591.

Деятельность В. В. Подвысоцкого как профессора Киев. университета: Сообщ. на заседании Микробиол. о-ва в СПб. 8 февр. 1913 г. // Врачеб. газ. 1913. № 11. С. 411.

К 70-летию И. И. Мечникова // Журн. микробиологии. 1915. Вып. 3. С. 336—337.

Памяти И. И. Мечникова // Киев. мысль. 1916. № 189.

Луи Пастер (1822—1922) // Профилакт. медицина. 1922. № 4/5. С. 3—7.

Илья Ильич Мечников — насадитель микробиологии в России // Врачеб. дело. 1925. № 15/17. — То же // Избр. тр. 1957. Т. 2. С. 292—293.

Академик А. О. Ковалевский: (К 25-летию со дня кончины) // Природа. 1926. № 7/8. С. 19—26.

И. И. Мечников и современная медицина: К 10-му Всесоюз. съезду бактериологов, эпидемиологов и сан. врачей им. И. И. Мечникова // Ленингр. мед. журн. 1926. № 7. С. 3—4.

Памяти Н. Я. Чистовича // Микробиол. журн. 1926. Вып. 2. С. 2.

Почему И. И. Мечников остался за границей // Природа. 1926. № 7/8. С. 49—56.

Творчество И. И. Мечникова // Микробиол. журн. 1926. Вып. 1/2. С. 1—5.

Л. А. Тарасевич: (Некролог) // Арх. биол. наук. 1927. Вып. 1/3. С. 5—7. — То же // Гигиена и эпидемиология. 1927. № 7. С. 9—10.

Памяти Виктора Ильича Яковлева // Микробиол. журн. 1927. Вып. 2. С. 95—96.

Памяти В. Л. Омелянского // Арх. биол. наук. 1928. Вып. 3. С. 207—209.

Профессор Я. Ю. Бардах // Микробиол. журн. 1928, вып. 3. С. 167—168.

Научно-популярные работы

Вісті до селян про науку й народне здоров'я на Україні. Одеса, 1921—1922. 40 с.

Заразливі хвороби і як від них оборонитись: (Попул. излож.). Одеса, 1921—1922. 52 с.

Борьба с невидимыми врагами — микробами // Гигиена и здоровье рабочей семьи. 1921—1925.

Невидимые враги или микробы. Берлин, 1923. 34 с.

Хата (изба) здоровья // Гигиена и здоровье рабочей семьи. 1924. № 14. С. 1—2.

Невидимая жизнь // Там же. 1925. № 2. С. 2—4; № 12. С. 2—3; № 15. С. 1—2.

О чем думают микробиологи и эпидемиологи // Там же. 1925. № 16. С. 1.

Борьба за жизнь. Жизнь и смерть организма // Там же. 1926. № 8. С. 2—5.

Микробы — источник энергии // Вестн. знания. 1926. № 5. С. 307—310.

Микробы, их жизнь и значение. М., 1926. 32 с. (Б-ка журн. «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи»; Вып. 20).
Письма к крестьянам о здоровье. М. 64 с.

Микробы — источник богатства и разорения // Искры науки. 1927. № 10. С. 367—368.

Новое о микробах // Вестн. знания. 1927. № 16. С. 961—964.
Солнце и микробы // Там же. № 13. С. 2—5.

Сыпной тиф. Л., 1927. 24 с. (Б-ка журн. «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи»; Вып. 52).

Тепло и микробы // Искры науки. 1927. № 7. С. 241—242.

Живая теплица микробов // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1928. № 9. С. 6—7.

Оздоровление деревни // Там же. № 2. С. 5; № 6. С. 4.

Революция и наука об охране народного здоровья // Вестн. знания. 1928. № 1. С. 12—13.

Микробы и повышение урожайности // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1929. № 11. С. 4; № 24. С. 7.

Покоренные микробы // Известия. 1929. 19 дек.

Барьеры эпидемии // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1930. № 1. С. 3.

Единство науки и строительства жизни // Вестн. знания. 1930. № 1. С. 18—20.

Кино и микробы // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1930. № 2. С. 4.

На саносвітній ниві // Шлях до здоров'я. 1930. № 2. С. 4—5.

Листи до селян про здоров'я³ // Вибрані праці. Т. 2. 1969. С. 383—404.

Труды под редакцией Д. К. Заболотного

Збірник пам'яті академіка Теофіла Гавриловича Яновського // За ред. акад. Д. К. Заболотного, О. Корчак-Чепурківського, І. Шмальгавзена. Київ, 1930. 786 с.

Космодаміанський В. Н., Вілоусова А. І. Медична мікробіологія: Практ. підручник для студентів та лікарів / Редакція і передмова Д. К. Заболотного. Харків; Київ. 1930. 430 с.

Легочная чума в Маньчжурии в 1910—1911 гг.: Отчет рус. науч. экспедиции / Под ред. проф. Д. К. Заболотного. Пг., 1915. Т. 1. 253 с.; Т. 2. 151 с.

Одесский сборник по сыпному тифу / Под ред. проф. Д. К. Заболотного, В. В. Воронина. Одесса. Вып. 1. 1920. 74 с. Вып. 2. 1921. 175 с.

Чума в Одессе в 1910 году: Эпидемиология, патология, клиника, бактериология и мероприятия для предупреждения и борьбы с чум. заразою. / Под ред. Л. Н. Малиновского, Д. К. Заболотного, П. Н. Булатова. СПб., 1912. 304 с.

Чума на юго-востоке СССР и причины ее эндемичности / Под ред. акад. Д. К. Заболотного, В. Л. Омелянского. Л., 1926. 195 с.

С 1925 по 1929 год Д. К. Заболотный редактировал «Микробиологический журнал».

³ Работа не датирована.

Литература о Д. К. Заболотном

- Аристовский В. М.* Академик, профессор Д. К. Заболотный // Казан. мед. журн. 1930. № 2. С. 224—225.
- Аристовский В. М.* Роль Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в развитии микробиологии и эпидемиологии // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1949. № 6. С. 12—16.
- Архипианц Х. А.* Отчет о командировке на эпидемию холеры в Подольскую губернию в 1914 году // Врачеб.-сан. хроника. Под. губ. 1915. Янв.—февр. С. 3—7.
- Базанов В. А.* Д. К. Заболотный в Красном Петрограде в 1918 г. // Сов. здравоохранение. 1969. № 1. С. 80—85.
- Барсуков В. М.* Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения. М., 1951. С. 188—190.
- Бароян О. В.* Экспедиции Д. К. Заболотного их значение в развитии эпидемиологии // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1955. № 12. С. 80—84.
- Бароян О. В.* Заболотный — выдающийся ученый и великий гражданин. М., 1966. С. 1—20.
- Білай В. І.* Переможці невидимих. Київ, 1957. С. 109—112.
- Білай В. І.* Життя, віддане людям. Київ, 1966. 95 с.
- Білай В. І.* Данило Кирилович Заболотный. Київ, 1979. 48 с.
- Борьба за науку в царской России: (Неизданные письма И. М. Сеченова, И. И. Мечникова, Л. С. Ценковского и других ученых). М., 1931. 224 с.
- Вайндраг Г. М.* Подвиги русских врачей. М., 1959. С. 41—47.
- Веселов М. П.* Академик Д. К. Заболотный // Воен.-мед. журн. 1955. С. 85—91.
- Васильев К. Г., Гольд Э. Ю.* Д. К. Заболотный — один из первых организаторов советского здравоохранения // Сов. здравоохранение. 1967. № 4. С. 64—67.
- Васильев К. Г., Гольд Э. Ю.* Новые данные об участии Д. К. Заболотного в революционном движении // Сов. медицина. 1967. № 2. С. 148—149.
- Васильев К. Г., Занчевская Т. А.* Д. К. Заболотный — организатор первой самостоятельной кафедры эпидемиологии в Советском Союзе // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1966. № 12. С. 7—10.
- Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России. М., 1960. С. 247—273.
- Верхратський С. А.* Історія медицини. Київ, 1964. 333 с.
- Герман С. Г.* Памяти Д. К. Заболотного // Вестн. здравоохранения Нижне-Волж. края. 1930. № 4. С. 55—56.
- Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М.* Д. К. Заболотный: 1866—1929. М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1958. 223 с.
- Голубев Г. Н.* Житие Даниила Заболотного. М.; Мол. гвардия. 1962. 255 с.

- Гольд Э. Ю. Заболотный о выдающихся деятелях отечественной науки // Сов. здравоохранение. 1971. № 11. С. 66—69.
- Грациенко Н. И., Лисицын Ю. Здоровоохранение в СССР и достижения советской медицины. М., 1958. 124 с.
- Греков А. Д. Даниил Кириллович Заболотный // Мед. мысль Узбекистана и Туркменистана. 1930. № 4. С. 5.
- Громашевский Л. В. Памяти Д. К. Заболотного // Врачеб. дело. 1930. № 1. Стб. 3—6.
- Громашевский Л. В. Успехи эпидемиологии // Достижения советской медицинской науки за 30 лет. М., 1947. С. 255—271.
- Громашевський Л. В. Сорок років радянської епідеміології в УРСР // Достягнення охорони здоров'я в УРСР. Київ, 1958. С. 467—472.
- Джавадов Р. Б. Жизнь и деятельность академика Даниила Кирилловича Заболотного // Азерб. мед. журн. 1966. № 12. С. 52—55.
- Джавадов Р. Б. Подвиг ученого // Бакин. рабочий. 1966. 25 дек.
- Диатроптов П. Н. Памяти Д. К. Заболотного // Обществ. врач. 1948. Дек. С. 160—161.
- Диатроптов П. Н. Д. К. Заболотный // Вопр. здравоохранения. 1930. № 1. С. 60—61.
- Диатроптов П. Н. Д. К. Заболотный // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 2—4.
- Диатроптов П. М. Слово о памяти Д. К. Заболотного // Тр. 2-го Всес. съезда микробиологов // Журн. микробиологии и иммунологии. 1932. № 9. С. 2—3.
- Добрейцер И. А. Памяти Д. К. Заболотного // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 7—10.
- Добрейцер И. А. Памяти Д. К. Заболотного // Сов. врач. 1930. № 2.
- Дроботько В. Г. Данило Кириллович Заболотный. Київ, 1958. 32 с.
- Дроботько В. Г. Работа інституту мікробіології ім. акад. Д. К. Заболотного за час його існування // Мікробіол. журн. 1948. № 2. С. 5—11.
- Дроботько В. Г. Даниил Кириллович Заболотный // Врачеб. дело. 1955. № 1. 71—74 стб.
- Дроботько В. Г. Академик Даниил Кириллович Заболотный (1866—1929) // Заболотный Д. К. Избр. тр. Т. 1. Киев, 1956. С. 3—10.
- Дупленко К. Ф. Из истории научных медицинских школ Украины // Сов. здравоохранение. 1965. № 4. С. 35—39.
- Дяченко С. С. Академик Д. К. Заболотный // Врачеб. дело. 1950. № 1. С. 3—8.
- Дяченко С. С. К истории микробиологии на Украине // Очерки истории мед. науки и здравоохранения на Украине. Киев, 1954. С. 217—225.
- Дяченко С. С. Д. К. Заболотный // Врачеб. дело. 1966. № 12. С. 1—4.
- Дяченко С. С. Учений світової слави // Культура і життя. 1967. 5 янв.
- Елкин И. И. Д. К. Заболотный // Здоровье. 1958. № 2. С. 7—8.
- Елкин И. И. Патриот, ученый, подвижник // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1966. № 12. С. 3—7.
- Заболотный Д. К. (1866—1929) // Історія АН УРСР. Київ, 1967. Кн. 2. С. 266—267.

- Заболотный Даниил Кириллович // Биографический словарь профессоров I Ленинградского медицинского института им. академика И. П. Павлова за 50 лет (1897—1947). Л., 1947. С. 35.
- Заболотный Д. К. // Малая сов. энциклопедия. 3-е изд. 1959. Т. 3. Стб. 958.
- Заболотный Д. К. (1866—1929) // Большая мед. энциклопедия. 1959. Т. 10. С. 526—528.
- Заболотный Д. К. Автобиография академика Даниила Кирилловича Заболотного // Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 1—4.
- Закеев П. Д. История одной экспедиции // Клин. медицина. 1967. № 10. С. 141—144.
- Затуловський Б. Г. В ім'я життя // Веч. Київ. 1956. 27 дек.
- Затуловський Б. Г. Народу вірний син. Київ. Правда. 1966. 27 дек.
- Идельчик Х. И. Медицинская микробиология, эпидемиология, паразитология // История медицины СССР. М., 1964. С. 433—501.
- Кавецький Р. Е., Балицький К. П. Науково-дослідна работа АН УРСР в галузі медичної мікробіології // Вклад учених АН УРСР в розвиток медицини. Київ, 1957. С. 13—21.
- Каневский Л. О., Логова Е. И., Идельчик Х. И. Основные черты развития медицины в России в период капитализма. М. 1956. 194 с.
- Каракулов И. К., Гольд Э. Ю. Роль академика Д. К. Заболотного в создании теории общей эпидемиологии // Изв. АН КазССР. Сер. биол. 1968. № 2. С. 88—89.
- Пяткин Д. К. Микробиология. 3-е изд. Л., 1962.
- Кереев Н. И. Природноочаговые бактериальные болезни. Алмата, 1965. Т. 1. 310 с.
- Клейн Б. И. Успіхи мікробіології в зв'язку з епідеміологією в УРСР за 30 років // 30-річчя охорони здоров'я трудящих УРСР. Київ, 1948. С. 116—127.
- Клейн Б. И. Воспоминания о Д. К. Заболотном // Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 13—16.
- Комаров В. Л. Записка об ученых трудах профессора Д. К. Заболотного // Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по отделению физико-математических наук, избранных 12 января 1929 г. Л., 1930. С. 67—71.
- Корнман І. А. Пам'яті академіка Д. К. Заболотного // Зап. одес. Секція мед. наук при ВУАН. 1930. № 2. С. 3—6.
- Корчак-Чепурківський О. В. Про Д. К. Заболотного // Зап. фіз.-мат. відділу АН УРСР. 1931. Т. 5. С. 3.
- Космодамианский В. Н. Д. К. Заболотный // Эпидемиол. бюл. НКЗ. 1929. № 11/12. С. 3.
- Космодамианский В. Н. Кафедра микробиологии // 50 лет I Ленингр. мед. ин-та им. акад. И. П. Павлова. Л., 1947. С. 193—204.
- Космодамианский В. Н. Д. К. Заболотный на фронте борьбы с холерой в России // Кишечные инфекции. Л., 1956. С. 12—20.
- Космодамианский В. Н. Д. К. Заболотный (1866—1929) // Там же. С. 7—11.
- Космодамианский В. Н. Деятельность Д. К. Заболотного в микробиологии // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1967. № 5. С. 34—37.

- Космодаміанський В. Н., Білоусова А.* Медична мікробіологія: Практичний підручник для студентів та лікарів / Ред. і передмова Д. К. Заболотного. Харків, 1930. 430 с.
- Красавицький П. М. Д. К. Заболотный* // Материали к истории Всесоюзного института экспериментальной медицины. Л., 1941. Т. 1. С. 167—175.
- Куренков И. З.* Черная смерть. М., 1965. 71 с.
- Крыжановский Е. М.* Президент академии // Донбасс. 1966. № 6. С. 101—107.
- Крыжановский Е. М.* Вечный поиск // Радуга. 1968. № 12. С. 94—100.
- Крижанівський Е. М.* Тривожна доля: Розповідь про життя Д. К. Заболотного. Київ, 1971. 175 с.
- Либерман Л. О. Д. К. Заболотный* // Мікробіол. журн. 1950. № 11. С. 5—14.
- Либерман Л. А.* Академик Даниил Кириллович Заболотный // Здравоохранение. 1929. № 11/12. С. 3—6.
- Либерман Я. Н.* Памяти Заболотного // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 3.
- Либерман Л. О., Стадніченко М. В.* Життєвий шлях Данила Кирилловича Заболотного // Мікробіол. журн. 1940. № 1/2. С. 5—38.
- Либерман-Стадніченко Л. О. Д. К. Заболотный* — основоположник вітчизняної епідеміології // Вісн. АН УРСР. 1950. № 10. С. 59—70.
- Лішин О. В.* Працювати для науки, писати для народу // Наука і суспільство. 1966. № 12. С. 17—19.
- Липкань А. В.* Життя в горіні, в боротьбі // Літ. Укр. 1968. 16 авг.
- Лебедева Ю. М.* Последние дни Д. К. Заболотного // Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М., Д. К. Заболотный. М., 1950. С. 173—184.
- Ломакин И. Р.* Памяти академика Д. К. Заболотного // Сиб. клин.-профил. журн. 1930. № 2. С. 87.
- Лотова Е. И.* Земский Союз и Союз городов в борьбе с эпидемиями в годы первой мировой войны (1914—1918). М., 1965. С. 111—148.
- Лучинський С.* Видатний епідеміолог // Київ. правда. 1956. 17 дек.
- Любименко В. С.* Пам'яті Д. К. Заболотного // Вісн. прикл. ботаніки. 1930. № 1. С. 139—140.
- Мартьяневский И. Л., Молляре Г. Г.* Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910—1911 гг. М., 1970. 215 с.
- Марчук П. Д.* Лікар, вчений, президент // Сільські вісті. 1966. 28 дек.
- Марчук Т. Д.* Видатний вчений // Київ. правда. 1954. 15 дек.
- Матвиенко С. А.* Еще одна страница жизни Даниила Кирилловича Заболотного // Мікробіол. журн. 1978. № 1. С. 107—108.
- Метелькин А. И.* Противочумная организация дореволюционной России // Сегал А. История эпидемий в России. М., 1960. С. 377—397.
- Мечников И. И.* Страницы воспоминаний. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 279 с.
- Мечников И. И.* Вопросы иммунитета // Избр. тр. М., 1951. 734 с.
- Мечников И. И.* Акад. собр. соч. М., 1959. Т. 7, 10. 482 с.

- Миленушкин Ю. Я.* Академік Д. К. Заболотний // Мікробіол. журн. 1950. № 11.
- Миленушкин Ю. И.* Основоположник советской эпидемиологии // Сов. здравоохранение. 1950. № 2. С. 50—53.
- Миленушкин Ю. И.* История изучения инфекций и борьбы с ними в России и СССР // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1953. № 5. С. 66—75.
- Миленушкин Ю. И.* Выдающийся деятель отечественной медицины Д. К. Заболотный. М., 1954. 24 с.
- Миленушкин Ю. И.* Научная конференция, посвященная Д. К. Заболотному // Сов. здравоохранение. 1967. № 10. С. 92—94.
- Милкевич И. Е.* Роль Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в развитии медицинской микробиологии // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1949. № 6. С. 22—28.
- Михайлик С. К.* Незабутні зустрічі // Шляхом Леніна. 1949. 15 дек.
- Михалевич А.* Герой науки // Дон. 1957. № 7. С. 104—114.
- Московец С. Н.* Труд — подвиг // Рад. освіта. 1966. 24 дек.
- Московец С. Н.* Академик Даниил Кириллович Заболотный // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1967. № 1. С. 153—156.
- Московец С. Н.* Творчий шлях академіка Д. К. Заболотного // Вісн. АН УРСР. 1969. № 4. С. 87—93.
- Нагалюк Н. В.* Ні попів, ні дяків // Вінн. правда. 1966. 6 авт.
- Наукова діяльність Д. К. Заболотного // Мікробіол. журн. 1930. № 10. С. 119—124.*
- Овчинников Н. М.* Приоритет Д. К. Заболотного и П. П. Маслаковца в описании реакции иммобилизации бедных спирохет // Вестн. венерологии. 1954. № 4. С. 53.
- Овчинников Н. М.* Экспериментальный сифилис. М., 1955. С. 11—33.
- Омелянский В. Л.* Записки об ученых трудах Д. К. Заболотного // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд-ние физ.-мат. наук. 1928. № 7/10. С. 684—688.
- Омелянский В. Л.* Памяти Д. К. Заболотного // Арх. биол. наук. 1930. № 1. С. 3—7.
- Пам'яті академіка Д. К. Заболотного // Пролет. правда. 1939. 5 авт.*
- Памяти акад. Д. К. Заболотного // Профилактикт. медицина. 1929. № 12. С. 3—4.*
- Пам'яті великого вченого // Червоний край. 1929. 20 дек.*
- Памяти академика Д. К. Заболотного // Вестн. знания. 1930. № 1. С. 16.*
- Памяти выдающегося микробиолога-чумолога академика, профессора Д. К. Заболотного // Сов. медицина. 1930. № 4. С. 58—59.*
- Павлов Н. В.* По следам невидимого врага // Вокруг света. 1957. № 6. С. 36—41.
- Перельман Н. Р.* Выдающийся микробиолог и эпидемиолог Д. К. Заболотный // Воен.-мед. журн. 1967. № 1. С. 87—88.
- Петров П. Т.* Очерк по истории чумы на Украине и юге России // Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 85—88.
- Про вшадугання пам'яті президента ВУАН, члена ВУЦВК і ЦВК Союзу РСР академіка Д. К. Заболотного // 3б. законів*

- та розпоряджень робітн.-селян. уряду України. 1930. № 29. С. 835—836.
- Про увічнення пам'яті президента ВУАН академіка Д. К. Заболотного // Бюл. НКОЗ УРСР. 1931. № 4/5. С. 118.
- Прокопчук А. Я. Д. К. Заболотный в изучении экспериментального сифилиса // Науч. работы Белорус. н.-и. кожно-венерол. ин-та. 1954. Т. 4. С. 324—328.
- Прокопчук А. Я., Комов О. П. К истории открытия реакции иммобилизации спирохет Нельсона // Там же. С. 329—331.
- Пяткин К. Д. Медицинская микробиология. Киев, 1962. 384 с.
- Ралль Ю. М. Природная очаговость и эпизоотология чумы. М., 1965. 363 с.
- Ралль Ю. М. Лекции по эпизоотологии чумы. Ставрополь, 1958. 244 с.
- Рогозин И. И., Савицкий А. А., Сироко А. Л. Развитие эпидемиологии и микробиологии // Развитие науки в Академии за 40 лет советской власти. Л., 1957. С. 179—196.
- Рождественский В. Д. и др. Выдающийся ученый и общественный деятель академик Д. К. Заболотный // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1954. № 12. С. 17—23.
- Руммель Д. И. Академик Заболотный. Київ, 1950. 56 с.
- Руммель Д. И. Вопросы патогенеза и этиологии сифилиса в работах академика Д. К. Заболотного // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1954. № 1. С. 23—28.
- Садов А. А. Д. К. Заболотный // Вестн. знания. 1930. № 1. С. 119—125.
- Садов А. А. Эпидемиологический отдел // Материалы к истории Всесоюз. ин-та эксперим. медицины. М., 1941. Т. 1. С. 105—111.
- Семашко Н. А. Памяти академика-общественника // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 1—2.
- Сироко А. Л. Роль Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в развитии медицинской микробиологии // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1949. № 6. С. 16—22.
- Скороходов Л. Я. Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М., 1948. 354 с.
- Скороходов Л. Я. Как развивалась микробиология. М., 1965. С. 40—41.
- Соловьев М. Н. Четверть века борьбы с чумой на юго-востоке СССР и итоги 5-го противочум. совещания // Профилактикт. медицина. 1925. № 12. С. 162—175.
- Соловьев М. Н. Очерки истории медицинской науки и здравоохранения на Украине. Киев, 1954. С. 207—216.
- Соловьев М. Н. Академик Д. К. Заболотный // Профилактикт. медицина. 1928. № 11. С. 141—143.
- Соловьев М. Н. Спогади про Давида Кириловича Заболотного // Укр. мед. архив. 1930. Т. 5. № 3. С. 151—158.
- Соловьев М. Н. Советская эпидемиология — передовая научная дисциплина // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1951. № 1. С. 7—15.
- Смалій В. Т. Конференція, присвячена 100-річчю з дня народження акад. Д. К. Заболотного // Мікробіол. журн. 1967. № 1. С. 85—86.
- Стадницьенко М. В. Д. К. Заболотный // Вісті АН УРСР. 1940. № 1. С. 77—81.

- Страшун И. Д.* Основные этапы развития института за полвека // 50 лет I Ленинградского медицинского института им. академика И. П. Павлова. Л., 1947 С. 74—82.
- Стражеско Н. Д.* Болезнь и смерть Д. К. Заболотного // Врачеб. дело. 1930. № 1. Стб. 1—4.
- Стражеско Н. Д.* Д. К. Заболотный // Врачеб. дело. 1950. № 1. Стб. 7—12.
- Сугин И. А., Финн Г. Р., Зеленская Л. Н.* Микробиология. 5-е изд. М., 1966. 360 с.
- Сухарев В. И.* Академик Д. К. Заболотный // Сов. медицина. 1954. № 9. С. 35—37.
- Сухарев В. И.* Экспериментальные работы Д. К. Заболотного // Мед. работник. 1953. 7 июля.
- Сухарев В. И.* К 50-летию работ академика Д. К. Заболотного по экспериментальному сифилису // Вестн. венерологии и дерматологии. 1953. № 6. С. 41—43.
- Татаренко Ю. Я.* До Заболотного — ніхто в світі // Наука і суспільство. 1976. № 12. С. 402—403.
- Третяк А. І., Іванов Г. А.* В Ім'я життя народу // Вінн. правда. 1954. 15 дек.
- Третяк К. В.* Музей Д. К. Заболотного. Одесса, 1968. 44 с.
- Усенко Е. Г.* Історія одного листа Д. К. Заболотного // Мікробіол. журн. 1975. № 3. С. 402—403.
- Усенко Э. Г.* К истории наследия Д. К. Заболотного // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1973. № 2. С. 145—148.
- Федоров В. Н., Rogozin Н. И.* Профилактика чумы. М., 1953. 174 с.
- Федорченко У. Л.* Основоположник вітчизняної епідеміології // Рад. Україна. 1954. 15 дек.
- Фомин О. В.* Слово, посвященное памяти академика Д. К. Заболотного // Вісті АН УРСР. 1930. № 1. С. 81—82.
- Фоненко М. Н.* Академік з Чоботарки // Знання та праця. 1966. № 12. С. 138—144.
- Чудновська І. І.* Медалі академіка Заболотного // Веч. Київ. 1961. 8 авг.
- Чурилина А. А.* Памяти академика Д. К. Заболотного // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 10—12.
- Шаров А. А.* Жизнь побеждает. М.; Л., 1953. 191 с.
- Щастный С. М.* Памяти профессора Д. К. Заболотного // Вестн. микробиологии, эпидемиологии и паразитологии. 1930. Вып. 1. С. I—IV.
- Юбилей выдающегося ученого: Общее собрание АН УССР // Рад. Україна. 1966. 21 дек.
- Юсім С. П.* Невідомі листи Д. К. Заболотного // Вінн. правда. 1965. 26 окт.
- Яковенко Е. И.* О Д. К. Заболотном // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 3. С. 12—14.

Алфавитный указатель имен

- Англе П. 64, 65
 Апреп В. К. 169
 Артемьев А. К. 33
 Афанасьев М. И. 54
 Архицианц Х. А. 181
- Базанов В. А. 191
 Бальмонт К. Д. 247, 260
 Бардах В. Я. 35, 41, 208, 264
 Бардах О. Я. 23, 208
 Бардах Я. Ю. 35, 41, 44, 68, 198, 200, 208, 264
 Бароян О. В. 16, 17, 221
 Барсуков М. И. 186, 188
 Безредка А. М. 53, 59, 157, 158
 Белинский В. Г. 30, 248
 Белиловский В. А. 123
 Белоголовый Н. А. 46
 Белоусова А. И. 218, 242, 244, 261
 Беляков В. 160
 Бердников А. И. 132
 Беринг Э. 7, 67
 Бернар К. 164
 Бехтерев В. М. 260
 Билай В. И. 67, 138, 193
 Бимбаев Б. 94
 Боголюбова О. М. 190
 Богомолец А. А. 130, 239
 Богомолец О. А. 130, 239
 Боткин С. П. 46
 Богудский В. М. 120, 176
 Бриксман А. А. 193, 194
 Бржзовский З. 21, 22, 26
 Бронштейн И. Б. 224
 Брук Р. 151
 Брусиловский Е. М. 46
- Василенко М. П. 18, 193
 Васильев К. Г. 123, 129, 139, 192, 211, 277
 Вассерман А. 47, 148, 151
 Вересаев В. В. 271
 Вериго А. А. 46
 Вернадский В. И. 193, 265
 Видаль В. 71
 Виноградский С. Н. 77, 93, 101, 104, 139, 148, 254
- Владимиров 130
 Воронин В. В. 200, 271
 Воронина-Землянина С. Л. 271
 Ву Лиенде 102, 123, 138
 Выгодер-Полякова Ц. С. 216
 Высокович В. К. 49, 74, 77—79, 81, 82, 85, 86, 90, 91, 95, 97, 111, 112
- Гамалея Н. Ф. 47, 129
 Гауптман Г. 248
 Гаффке Г. 54, 81, 160
 Герцен А. И. 30
 Гейне Г. 250
 Гиммельфарб Я. К. 7, 125, 166, 206, 211, 213, 243, 245, 251, 262
 Гиппократ 75
 Глухов Ю. Т. 200
 Голубев Г. Н. 73, 87, 121, 171
 Гольяченко А. М. 280
 Гомонон 143
 Городова А. А. 164
 Горький М. 6, 7, 154, 184, 197, 260—263, 269, 276, 277
 Гоффман Э. Т. 146
 Гращенков Н. И. 27
 Гродский К. М. 7, 125, 147, 157, 166, 176, 180, 198, 199, 206, 211, 213, 241, 243, 245, 248, 251, 262
 Громашевский Л. В. 18, 22, 67, 163, 169, 207, 210, 219, 239, 246
 Гуи-Заболотный Ян 122, 128, 170, 172, 272
 Гуйян Чжу 122
 Гуцол И. 3, 23, 38
 Гуцол П. 23
- Давенпорт Ф. 16
 Данилевский С. Т. 96
 Де-Бари 105
 Де-Крюи П. 7
 Дефо Д. 77
 Дембовская В. 106, 166
 Джавадов Р. Б. 175
 Деминский И. А. 132, 133

- Диатроптов П. М. 56, 210
 Добрейцер И. А. 223, 240, 247, 265
 Добролюбов Н. А. 30, 37, 248
 Догель В. А. 248
 Дорош Н. 197
 Дорошкевич А. 240, 246
 Достоевский Ф. М. 248, 250
 Дроботько В. Г. 67
 Дроздова А. В. 164, 241
 Дубровицкий С. Б. 209
 Дузь Н. 228, 238, 278
Ж
 Жванецкий Ф. 216
 Желябов А. И. 29, 217
 Жерар М. 119, 121
 Жилин Н. 94
 Жуков-Вережников Н. Н. 84
 Заболотная Е. М. (Сауляк) 22—25, 39—42
 Заболотный И. К. 22, 23, 42, 140, 141, 168, 169
 Заболотный К. П. 21, 22
 Заболотный М. М. 276
 Заленский В. В. 30
 Заньковецкая М. 260
 Западнюк Г. П. 197
 Зелинский Н. Д. 46
 Златогоров С. Н. 119, 159, 222
 Зозулинский Б. 36, 38, 39
И
 Ибсен Г. 248
 Иванов П. И. 241
 Игнатович З. А. 163, 243
 Иерсен Ж. Э. 76, 81, 84, 93, 99, 254
 Исаев Л. М. 71, 124, 125
К
 Калина Г. П. 167, 169, 247, 251
 Каменский Ф. М. 32, 45
 Кардасевич Н. И. 205
 Карпинский А. П. 9
 Кассо Л. 170, 172
 Каченко Н. Ф. 232
 Кизяк С. 131
 Китагато Шабасабуру 76, 81, 123, 254
 Керенский А. Ф. 183
 Клейн Б. И. 55, 165, 180
 Клодницкий Н. Н. 110, 127
 Ковалевский А. О. 30—35, 43—45, 104, 105, 140, 142, 223, 254
 Ковалевская (Чистович) В. А. 104, 107, 108
 Комаров Б. М. 35
 Комаров М. Ф. 85
 Комарова М. М. 35, 36
 Кошчанака Л. 26
 Короленко В. Г. 260
 Корчак-Чепурковский А. В. 270
 Косач (Украинка) Леся 35—37
 Космодамианский В. Н. 180, 191, 211, 213, 218
 Костансов С. 128, 129
 Коцюбинский М. 260
 Кошечая-Садовая Н. А. 222
 Кох Р. 7, 44, 51, 54, 81, 99, 104, 152, 254
 Крапфельд М. 55
 Крестовский П. В. 124
 Кронтовский А. А. 200
 Кропоткина П. А. 248
 Кулеш Г. С. 117, 159, 222
 Куприн А. И. 248
Л
 Лазарев С. М. 134
 Лазурский А. В. 130
 Лебедева М. 119, 121
 Лебедева Ю. М. 251
 Ленин В. И. 8, 209, 215, 216, 246, 276
 Лермонтов М. Ю. 250
 Леша Ф. А. 49, 52
 Либерман-Стадниченко Л. А. 181
 Лосятинский А. Н. 36, 38, 39
 Луначарский А. В. 8, 16, 188, 206, 246
М
 Малевская В. С. 140, 260
 Малиновский Л. Н. 111, 129
 Мамонтов И. В. 119, 121
 Маслаковец П. П. 148, 170, 222
 Меликов М. 35
 Мечников И. И. 5—8, 12, 14, 15, 30, 34, 35, 43, 44, 47, 49, 51, 52, 54, 55, 75, 77, 89, 90—93, 104, 105, 129, 141—143, 145, 146, 157, 179, 217, 223, 225, 254, 259, 276
 Мечникова О. Н. 259
 Минх Г. Н. 49, 74, 83
 Митерев Г. А. 214
 Морозов Н. А. 184
 Михель В. М. 119, 121
 Мочутковский О. О. 76
Н
 Навашин С. Г. 49
 Надсон С. Я. 250
 Нейссер А. Л. 144
 Немирович-Данченко В. И. 248
 Николая Ш. 19

- Овчинников Н. М. 148
 Ольденбургский А. П. 78, 90—
 92, 103, 140, 217
 Омелянский В. Л. 18, 80, 90,
 139, 140, 155, 176, 210, 223,
 238, 244, 249, 254, 264
 Павлов И. П. 149, 165, 169,
 257
 Павловский А. Д. 49, 68, 69,
 70
 Павловский Е. Н. 138
 Патон Е. О. 231
 Пастер Л. 5, 7, 44, 47, 49,
 123, 146, 153, 204, 210, 276
 Первухин Е. П. 188
 Петровский Г. И. 246
 Писарев Д. И. 30, 37, 248
 Подвысоцкая О. Н. 147
 Подвысоцкий В. В. 46, 49, 50,
 52, 55, 57, 58, 62, 72, 77, 79,
 82, 105, 130, 156, 254, 255,
 258
 Поллон-Бутовская Б. М. 116,
 122, 123
 Попов Л. З. 54
 Потемкин В. П. 208
 Протасов Н. Н. 133
 Пфеффер Р. Ф. Й. 47, 81
 Радецкая-Заболотная Л. В. 59,
 60, 62, 73, 108, 172, 183, 193,
 194, 260, 276
 Ранчевский И. Ф. 54
 Редров Е. А. 78
 Ришави Л. А. 32
 Росс Р. 8, 77
 Ру Э. 7, 67, 82, 90—93, 145,
 152, 153, 254, 255
 Савченко И. Г. 51, 52, 54, 157,
 222
 Садов А. А. 139, 158, 200, 209,
 222, 240
 Садова Н. А. 247
 Самойлович (Сущинский) Д. С.
 74—76, 116
 Сауляк М. М. 23—27
 Сауляк Ю. М. 22
 Севастьянов Л. О. 198
 Селье Г. 100
 Семашко Н. А. 8, 186, 188, 209,
 210, 246
 Сеченов И. М. 30, 43
 Скворода Г. 58, 87, 248
 Скороходов Л. Я. 78
 Сквишван Ф. Ф. 110
 Снежкова А. 121
 Соловьев З. П. 188, 211, 212
 Соловьев М. Н. 180
 Сосюра В. Н. 250
 Сошенко И. М. 22
 Спиро П. А. 32
 Стадниченко (Либерман) М. В.
 181
 Степанова Л. Л. 119
 Стражеско Н. Д. 19, 54, 57, 72,
 79, 146, 208, 238, 249
 Страхович И. В. 110, 129
 Стрешнева-Садова Е. А. 139
 Суражевская М. А. 119
 Сухарев В. И. 178, 197, 243
 Сысин А. Н. 188
 Талько-Гринцевич Ю. Д. 110
 Тараухин В. А. 50, 51, 94,
 97, 222
 Тарасевич Л. А. 49, 176, 249,
 264
 Тарковский В. М. 144, 145
 Тартаковский М. Г. 110, 129
 Тезяков Н. И. 34, 127
 Тимирязев К. А. 184
 Токаревич К. Н. 105
 Толстой Д. 38
 Толстой Л. Н. 248
 Турчановская А. М. 59
 Турчинович-Вижникиевич В. И.
 166
 Тюльп В. 264
 Тютчев Ф. 248, 250
 Тычина П. Г. 250
 Украинка (Косач) Леся 35—
 37, 39
 Ульянов Д. И. 209
 Федин К. А. 8
 Фигнер В. 63, 195
 Фотин А. В. 14
 Франс А. 99
 Хавкин В. М. 77, 84, 93, 103
 Хавкин П. Б. 192
 Холодный Н. Г. 24, 58, 265
 Холодная О. Г. 24, 58
 Ценковский Л. С. 30, 35

Чалый М. 22
Чернышевский Н. Г. 30, 248
Чехов А. П. 222, 248
Чурилина А. А. 119, 124, 125

Шабельникова И. П. 26
Шаляпин Ф. И. 218
Шаронский А. 111
Шаудин Ф. 146, 147
Шевченко Т. Г. 22, 24, 217,
249, 250
Шор Л. 34
Шпакович Б. 41, 71
Шперн Э. Ф. 143

Щастный С. М. 176, 199

Эрменгем В. 54
Эрисман Ф. Ф. 152

Юнович Н. М. 201

Яковенко Е. И. 206
Яковлев В. И. 159, 222
Яльцева-Попова А. С. 119
Яновский Т. Г. 78, 79, 239
Ярошенко С. П. 42

Содержание

Предисловие	5
От автора	7
Вступление	9
Детство, гимназические годы	20
Два университета	30
Еще один бунтарь в губернии	62
Военврач и ассистент	70
Погоня за неуловимым	74
В Бомбее	81
Джидда	87
Девять месяцев в Париже	90
В Восточную Монголию	93
В Персии	107
Чума в Одессе	110
Теперь — в Маньчжурию!	114
Есть чумной тарбаган!	124
На помощь русским «иноверцам»	127
Опережая европейских ученых	139
Заболевание — сифилис	142
Холера — жестокое зло	151
Плодотворное десятилетие	163
Сын-«инородец» и министр Кассо	170
Снова на чумном «фронте»	172
Спасая русских солдат	175
Великий энтузиаст	182
Уездный комиссар	195
Снова в Одессе	198
Возвращение в Петроград	209
И на родной Украине	228
Как я живу?	238
Искренне преданный вам	253
На посту — до конца	264
Украина, Чеботарка, Мемориальный музей	269
Даты жизни и деятельности Д. К. Заболотного	282
Основные научные труды Д. К. Заболотного	285
Литература о Д. К. Заболотном	292
Алфавитный указатель имен	299

Научно-популярное издание

Пицык Нина Емельяновна

Даниил Кириллович Заболотный
1866—1929

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»
Академии наук СССР

Редактор издательства Э. И. Николаева
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры А. Б. Васильев, Л. А. Лебедева

ИБ № 35568

Сдано в набор 13.01.88
Подписано к печати 01.06.88
Т-12914. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага книжно-журнальная. Импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая

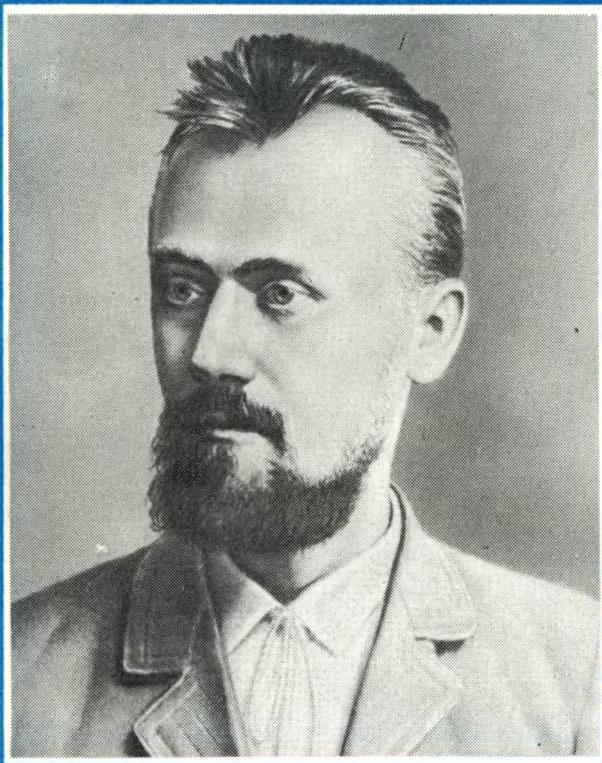
Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр. отт. 16,17. Уч.-изд. л. 17,2
Тираж 13 000 экз. Тип. зак. 38
Цена 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Данил Кириллович ЗАБОЛОТНЫЙ

Н. Е. Пицук

Н. Е. Пицук

**Данил Кириллович
ЗАБОЛОТНЫЙ**

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

Бердышев А. П.

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ БОЛОТОВ —

выдающийся деятель науки и культуры.

1738—1833

16 л.

Книга является первой научной биографией выдающегося русского ученого и просветителя, одного из основоположников отечественной агрономической науки, автора интересных открытий в области сельскохозяйственной биологии. Его труд «О разделении полей» (1771 г.) явился первым руководством по введению севооборотов; он определил значение перекрестного опыления у растений, объяснил природу разнообразия семенного потомства, разработал принципы лесоразведения и лесопользования.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся историей отечественной науки.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4; 277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7; 220012 **Минск**. Ленинский проспект, 72; 117192 **Москва**, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6; 450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.